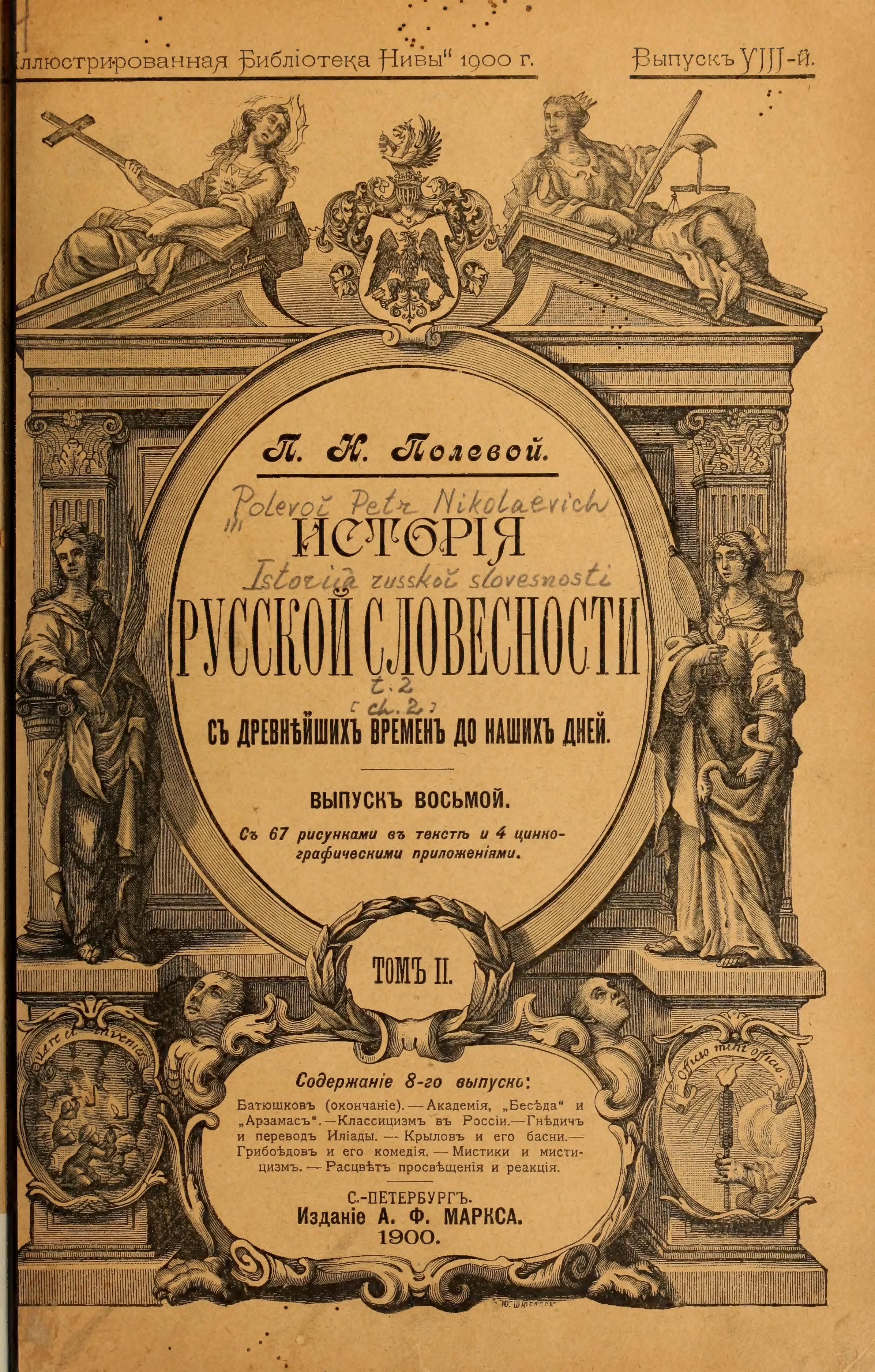
П. Н. ПОЛЕВОЙ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Иллюстрированная Библіотека Нивы" 1900 г.
Выпускъ VIII-й.
П. Н. Полевой.
Polevoĭ Petr Nikolaevich
ИСТОРІЯ
Istoriia russkoĭ slovesnosti
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
t. 2
[ch. 2]
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.
ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ.
Съ 67 рисунками въ текстѣ и 4 цинкографическими приложеніями.
ТОМЪ II.
Содержаніе 8-го выпуска:
Батюшковъ (окончаніе). — Академія, „Бесѣда" и „Арзамасъ". — Классицизмъ въ Россіи. — Гнѣдичъ и переводъ Иліады. — Крыловъ и его басни. — Грибоѣдовъ и его комедія. — Мистики и мистицизмъ. — Расцвѣтъ просвѣщенія и реакція.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1900.

Періодъ третій.

Отъ Карамзина до Пушкина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общая характеристика наступающаго новаго періода.—Положеніе литературы и журналистики въ царствованіе Павла I.—Общій взрывъ восторга, привѣтствующій вступленіе Александра на престолъ.—Его первые шаги на пользу литературы и просвѣщенія.—Новое время и новые дѣятели.

Яркій и благотворный свѣтъ солнца бываетъ намъ особенно милъ и дорогъ послѣ непрогляднаго мрака тревожной и бурной ночи, въ теченіе которой намъ казалось уже, что мы навсегда простились съ дневнымъ свѣтомъ, что мы уже никогда болѣе не увидимъ его лучей, никогда не насладимся ихъ тепломъ... Подъ гнетомъ такихъ именно сомнѣній и тревожныхъ думъ прожиты были русскимъ обществомъ немногіе годы кратковременнаго царствованія Павла I, и впечатлѣніе, вызванное во всѣхъ слояхъ русскаго общества вступленіемъ на престолъ любимаго внука Екатерины, могло сравниться только съ тѣми первыми днями царствованія Елисаветы, когда всѣ, при встрѣчѣ, обнимались и цѣловались, поздравляя другъ друга съ началомъ новой эры, и съ невольнымъ трепетомъ оглядывались на недавнее прошлое, полное мрака, тревогъ и опасеній, всѣхъ лишавшее покоя и возможности мирно заниматься своимъ дѣломъ, мирно устраивать свою жизнь въ своемъ уголкѣ.

Дѣйствительно, положеніе литературы и журналистики въ царствованіе Павла было весьма тягостнымъ. Одинъ изъ самыхъ разумныхъ и умѣренныхъ писателей конца XVIII вѣка—Карамзинъ, въ письмѣ къ пріятелю своему, пишетъ въ совершенномъ отчаяніи: „если бы экономическія обстоятельства не заставили меня имѣть дѣло съ типографіею, то я, положивъ руку на алтарь Музъ и заплакавъ горько, поклялся бы не служить имъ болѣе ни сочиненіями, ни переводами"...

Писать и переводить было мудрено, когда запрещалось все сплошь: рѣчь Демосѳена и Цицерона—за то, что авторы ихъ были республиканцы, а „Посланіе къ женщинамъ" (Карамзина) за то, что цензору „въ безгрѣшномъ почудилось грѣшное". И въ то время, когда одинъ изъ панегиристовъ Павла съ паѳосомъ восклицалъ въ своей торжественной рѣчи: „сколь счастливою почитать себя должна Россія потому, что ученость въ ней благоразумными ограниченіями охраняется отъ всегубительной язвы возникающаго всюду лжеученія"—„благоразумныя ограниченія" выражались въ закрытіи всѣхъ типографій, кромѣ казенныхъ, и въ запрещеніи какого бы то ни было ввоза изъ-за границы, не только книгъ, но даже и музыкальныхъ нотъ.

Новое царствованіе.

И вотъ, когда послѣ всего этого, юный Александръ I вступилъ на престолъ, и въ манифестѣ 12 марта 1801 года всѣ прочли много-знаменательныя и такъ много обѣщавшія слова: „воспріемля престолъ, воспріемлемъ и обязанность — управлять Богомъ намъ врученный народъ *по законамъ и по сердцу* августѣйшей бабки нашей, императрицы Екатерины Великой" — взрывъ восторга охватилъ всѣ сердца... Поэты, по выраженію маститаго старца Державина, „отрясая прахъ со своихъ лиръ", выразили этотъ восторгъ въ гармоническихъ и вполнѣ искреннихъ стихахъ, которыми привѣтствовали вступленіе на престолъ новаго Монарха. Державинъ и Херасковъ, Карамзинъ и Мерзляковъ, каждый посвоему, воспѣвали это важное историческое событіе... И Карамзинъ, въ своей одѣ, почти дословно повторилъ завѣтныя обѣщанія манифеста:

... Какъ Ангелъ Божій ты сіяешь
И благостью, и красотой,
И съ первымъ словомъ обѣщаешь
Екатерининъ вѣкъ златой
Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
  Наукой счастливъ человѣкъ!
  И блескомъ твоего правленья
  Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.

И какъ бы въ подтвержденіе и оправданіе надеждъ, выраженныхъ поэтами, черезъ нѣсколько дней по вступленіи Але-

ксандра на престолъ, былъ обнародованъ указъ, въ которомъ именно говорилось: „желая доставить всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ:

Императоръ Александръ I.

запрещеніе на впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя частныя типографіи — распечатать, дозволяя, какъ привозъ иностранныхъ книгъ, жур-

наловъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатанье оныхъ внутри государства".

По свидѣтельству одного современника, послѣ этого указа всѣ вздохнули свободно: многіе литераторы, уже не первый годъ проживавшіе въ далекой деревенской глуши, стали съѣзжаться въ столицы. Салоны сразу ожили и наполнились шума и движенія. Всѣ спѣшили участвовать въ общей радости; всѣ спѣшили другъ съ другомъ подѣлиться впечатлѣніями пережитаго страха и застоя—и насладиться наступившимъ просвѣтомъ, послѣ долго тяготѣвшихъ надъ всею русскою жизнью бурь и невзгодъ, приводившихъ къ бездѣйствію и апатіи. Все общество словно встрепенулось и снова стало проявлять признаки жизни; снова ощутило всю прелесть той драгоцѣнной свободы печати, которая давала возможность всѣмъ открыто и прямо высказывать свои мысли и мнѣнія о насущнѣйшихъ потребностяхъ русской жизни...

Графъ Завадовскій—первый министръ народнаго просвѣщенія.

А такихъ насущныхъ потребностей накопилось чрезвычайно много. Послѣ предшествующаго царствованія, все подчинявшаго преобладанію внѣшней формы надъ внутреннимъ содержаніемъ, всюду царила неурядица, запустѣніе, злоупотребленія и недочеты всякаго рода; всюду, на виду у всѣхъ, пробивались наружу вопіющія нужды народныя и общественныя, которыя трудно было прикрыть вынужденнымъ молчаніемъ... И вдругъ явилась возможность говорить и печатать...

Карамзинъ совершенно искренно могъ написать въ письмѣ къ брату (отъ 20 авг. 1801 г.):

„...Государь расположенъ ко всякому добру и мы при немъ отдохнули. Главное то, что можемъ жить спокойно..."

Общество, съ восторгомъ слѣдившее за первыми шагами юнаго императора, было восхищено тѣмъ, что эти первые шаги были направлены на пользу русскаго просвѣщенія. Онъ, видимо,

помнилъ, что державная бабка его придавала важное нравственное значеніе народному образованію, что въ самомъ „Наказѣ" своемъ она почитаетъ „развитіе просвѣщенія и усовершенствованіе воспитанія надежнымъ средствомъ сдѣлать всѣхъ людей лучшими и предупредить преступленія". Помнилъ и дополнилъ эту истину совершенно вѣрною мыслью о томъ, что просвѣщеніе слѣдуетъ считать и весьма „естественнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія".

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ.

Министерство Просвещенія.

И вотъ, по волѣ Александра, на мѣсто скромной комиссіи училищъ, образованной при Екатеринѣ и существовавшей уже съ 1782 года, является цѣлое *министерство народнаго просвѣщенія*, учрежденное въ 1802 г., вмѣстѣ съ другими семью министерствами [1]), и врученное въ управленіе графу Завадовскому.

При этомъ учрежденіи новаго вѣдомства, на мѣсто прежде существовавшаго, въ основу его дѣятельности были положены болѣе

[1]) Военныхъ сухопутныхъ силъ, морскихъ силъ, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и коммерціи.

широкія задачи: между тѣмъ, какъ „Комиссія“ заботилась только о заведеніи училищъ, объ изданіи руководствъ, о приготовленіи учителей и о „содержаніи единообразія въ книгахъ и учебномъ способѣ“, вѣдѣнію новаго министерства народнаго просвѣщенія были поручены: главное управленіе училищъ, Академія Наукъ, Россійская Академія, университеты и всѣ другія училища, типографіи, цензура, изданіе періодическихъ сочиненій, народныя библіотеки, музеи и всякія учрежденія для распространенія наукъ. Самое лицо, поставленное во главѣ новаго министерства, получило названіе „министра народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ“ [1]).

Главное правленіе училищъ.

Теперь на комиссію училищъ, которая вошла, въ обновленномъ составѣ, въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія и была переименована въ *Главное правленіе училищъ*, возложено было высшее управленіе всѣми учебными заведеніями въ Имперіи, которую предстояло раздѣлить на *учебные округа*. Но главною заботою комиссіи должно было быть учрежденіе *университетовъ*, какъ центральныхъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ округахъ и какъ главныхъ разсадниковъ просвѣщенія.

Не слѣдуетъ забывать, что собственно русскій университетъ, въ то время, въ Россіи былъ одинъ — *московскій*. Сверхъ этого, во владѣніяхъ Россійскаго Императора, было еще два университета: *виленскій*—унаслѣдованный послѣ раздѣла Польши отъ польской эдукаціонной комиссіи, чуждый намъ и по языку, и по обычаямъ, и по исключительно-католическому характеру преподаванія; и *дерптскій*—основанный съ разрѣшенія императора Павла, съ чисто-нѣмецкой закваской, съ исключительно-аристократической остзейской основой и также съ преподаваніемъ на чуждомъ для насъ нѣмецкомъ языкѣ. Вопросъ о томъ, гдѣ именно учредить новые университеты, обсуждался съ разныхъ сторонъ и весьма подробно въ преобразованной комиссіи училищъ, въ составъ которой вошли такіе просвѣщенные дѣятели, какъ *графъ Завадовскій* (министръ народнаго просвѣщенія), *М. Н. Муравьевъ* (товарищъ министра), Чарторижскій и Потоцкій, Клингеръ, Янковичъ-де-Маріево и академики: Озерецковскій и Фусъ.

Учебные округа.

Озерецковскій предложилъ раздѣлить Россію, въ учебномъ смыслѣ, на шесть полосъ или округовъ и, сверхъ существующихъ въ Москвѣ и Дерптѣ, открыть еще четыре: въ Харьковѣ, Воронежѣ, Казани и Устюгѣ Великомъ. Фусъ помѣчалъ для университетовъ города: С.-Петербургъ, Москву, Харьковъ, Казань, Вильно и Дерптъ. Янковичъ-де-Маріево нѣсколько уклонился отъ этого плана, пред-

[1]) Новое вѣдомство названо *министерствомъ народнаго просвѣщенія*, по предложенію И. И. Мартынова (извѣстнаго переводчика классиковъ), который доказывалъ, что назначеніе вѣдомства—*заботиться о просвѣщеніи въ цѣломъ государствѣ*.

лагая, къ существующимъ уже тремъ университетамъ, прибавить еще три: въ С.-Петербургѣ, Казани и Кіевѣ. На сторону Фуса сталъ Чарторижскій, выступившій съ блестящимъ планомъ училищъ для Россійской Имперіи, составленнымъ на французскомъ языкѣ. Въ этомъ планѣ онъ предлагалъ учредить школы *приходскія, уѣздныя, губернскія* и подчинить ихъ зависимости отъ университетовъ, для которыхъ избралъ города: Москву, Петербургъ, Казань, Дерптъ, Вильну и Харьковъ. Эти города и были окончательно избраны, и члены комиссіи принялись за пересмотръ старыхъ университетскихъ уставовъ и выработку новыхъ; работали весьма усердно и дѣло повели быстро: 24-го января 1803 г. были утверждены предварительныя правила народнаго просвѣщенія; 18-го мая того же года—уставъ виленскаго университета; 12-го сентября—уставъ дерптскаго университета, и 5-го ноября 1804 года уставы университетовъ московскаго, харьковскаго и казанскаго.

Проэкты новыхъ учрежденій.

Въ общемъ, въ „предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія“ планъ народнаго образованія сложился такъ: „для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія, опредѣляется четыре рода училищъ, а именно: 1) приходскія—при каждомъ приходѣ, 2) уѣздныя—въ каждомъ уѣздномъ городѣ, 3) губернскія (или гимназіи)—въ каждомъ губернскомъ городѣ. Въ каждомъ округѣ учреждается по университету, т. е. кромѣ существующихъ трехъ, еще по одному въ С.-Петербургѣ, въ Казани и въ Харьковѣ, „въ уваженіе патріотическаго приношенія отъ дворянствъ и гражданствъ сей губерніи“... въ дальнѣйшемъ будущемъ, „по мѣрѣ изысканія къ тому средствъ“, предполагалось открыть университеты въ Кіевѣ, Тобольскѣ, Устюгѣ Великомъ и т. д. Въ сущности же, изъ ново-намѣченныхъ университетовъ, оказалось возможно открыть немедленно только харьковскій; казанскій открылся окончательно не ранѣе 1814 года; въ С.-Петербургѣ же, вмѣсто университета, открыто только одно отдѣленіе его (подъ названіемъ „педагогическаго института“) для приготовленія юношей къ учительской должности; а самый университетъ открылся не ранѣе 1819 года, и уже при иныхъ, гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Университетамъ дана широкая автономія, весьма существенныя права, свой судъ, на приговоръ котораго апелляція могла быть подаваема только въ Сенатъ. Мало того, университетъ могъ имѣть свою типографію и свою книжную лавку, и все печатаемое по опредѣленію университетскаго Совѣта не подлежитъ никакой цензурѣ [1]).

[1]) Той же льготой пользовались и книги, выписываемыя въ округа изъ-за границы.

Факультеты и каѳедры.

Ученое университетское сословіе распадалось (по уставу 1804 года) на четыре факультета: факультетъ *нравственныхъ и политическихъ* наукъ, факультетъ *физическихъ и математическихъ* наукъ, факультетъ *медицинскихъ наукъ* и факультетъ *наукъ словесныхъ*. Раздѣленіе предметовъ преподаванія или каѳедръ для всѣхъ факультетовъ сохранено такое же, какъ и въ московскомъ университетѣ, и только въ двухъ университетахъ—харьковскомъ и казанскомъ—

Казанскій университетъ.

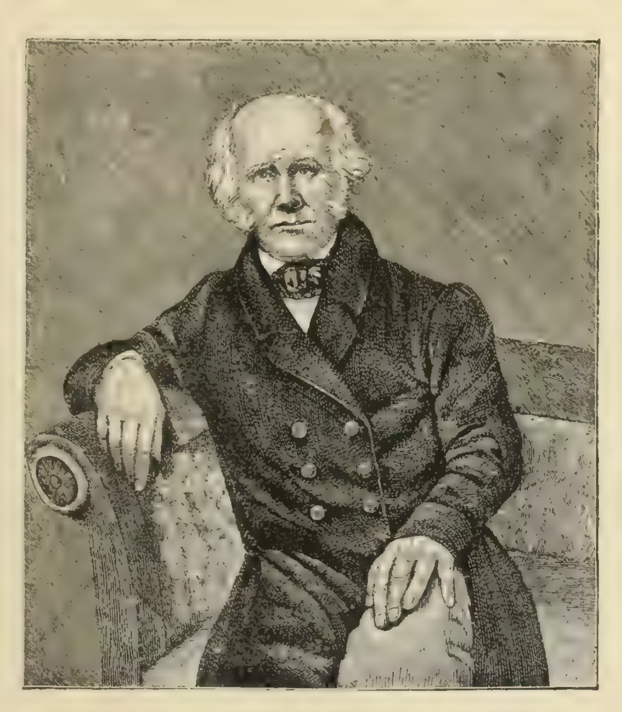
добавлено по лишней каѳедрѣ: въ казанскомъ—каѳедра *астрономіи,* а въ харьковскомъ—каѳедра *военныхъ наукъ* [1]).

Пожертвованія на университеты.

Университеты затѣвались на широкой основѣ, съ большими правами и значеніемъ, и при чрезвычайно гуманныхъ воззрѣніяхъ на учащееся юношество, при громадномъ сочувствіи со стороны общества. Какъ только проникъ въ общество слухъ объ учрежденіи новыхъ университетовъ, такъ тотчасъ же явились щедрыя

[1]) Внесеніе въ университетъ этой странной каѳедры было вызвано чрезвычайно воинственнымъ настроеніемъ мѣстнаго общества. Многіе изъ дворянъ харьковской губерніи, внося значительныя суммы на учрежденіе университета, были увѣрены, что эти деньги пойдутъ на учрежденіе военнаго училища, изъ котораго ихъ дѣти будутъ выходить офицерами. Въ этихъ же видахъ одинъ изъ профессоровъ харьковскаго университета, при открытіи его, говорилъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что «изученіе наукъ не должно отвлекать отъ военной службы», что оно даже «придаетъ ей новую цѣну, возвышая и облагораживая, какъ цѣль веденія войны, такъ и слѣдствія одержанныхъ побѣдъ».

пожертвованія на пользу просвѣщенія: Демидовъ, о пожертвованіяхъ котораго намъ уже приходилось упоминать при изложеніи исторіи московскаго университета, пожертвовалъ въ 1803 году на новые университеты до милліона рублей и имѣніе въ полмилліона; сверхъ того, библіотеку и нѣсколько кабинетовъ для лицея его имени въ Ярославлѣ и для новыхъ университетовъ. Другой богачъ, Шереметевъ, въ томъ же году, пожертвовалъ до $2^1/_2$ милліоновъ деньгами и недвижимымъ имуществомъ на различныя нужды просвѣщенія. Дворянство харьковской губерніи, по почину В. Н. Каразина, также пожертвовало 400,000 рублей на учрежденіе мѣстнаго харьковскаго университета.

В. Н. Каразинъ.

Обширная и сложная дѣятельность лица, избраннаго въ министры народнаго просвѣщенія, конечно, потребовала цѣлаго кружка лицъ, которыя бы вмѣстѣ съ нимъ дѣлили его труды и облегчали ему несеніе его обязанностей. На первыхъ порахъ выборъ юнаго государя палъ, съ одной стороны, на лица, прославившіяся своею просвѣтительною дѣятельностью въ царствованіе Екатерины; а съ другой—на ближайшихъ друзей его юности, составлявшихъ около него тѣсный кружокъ въ первые годы царствованія.

Графъ Завадовскій.

Во главѣ министерства поставленъ былъ графъ *Петръ Васильевичъ Завадовскій* (род. 1738 г., ум. 1812 г.), одинъ изъ замѣчательныхъ государственныхъ людей XVIII вѣка въ Россіи, любимецъ Екатерины—одинъ изъ немногихъ вельможъ ея Двора, превосходно знавшій Россію. Этотъ *первый министръ народнаго просвѣщенія*, человѣкъ блестящихъ способностей и отличнаго образованія, былъ сыномъ казака и уроженцемъ черниговской губерніи. Воспитаніе получалъ сначала въ домѣ дѣда своего, малороссійскаго подкоморія, который отдалъ его, для продолженія образованія, въ іезуитское училище въ Оршѣ; оттуда Завадовскій перешелъ въ кіевскую духовную академію, гдѣ и закончилъ свое образованіе,

получивъ прекрасную классическую подготовку и вынеся изъ этой школы любовь къ римскимъ классикамъ, которые до конца жизни составляли его любимое чтеніе въ часы досуга. Поступивъ на службу въ малороссійскую коллегію, онъ быстро овладѣлъ дѣловымъ умѣньемъ, и когда фельдмаршалъ Румянцевъ-Задунайскій вступилъ въ управленіе Малороссіей, онъ приблизилъ къ себѣ Завадовскаго, какъ одного изъ лучшихъ дѣльцовъ. Черезъ Румянцева Завадовскій сталъ извѣстенъ Екатеринѣ, которая призвала его ко Двору и, убѣдившись въ его блестящихъ способностяхъ къ государственной дѣятельности, возвела его на высшія ступени общественнаго положенія: Завадовскій пожалованъ былъ сенаторомъ, главнымъ директоромъ банковъ и, наконецъ, графомъ Римской имперіи. Ему, какъ надежнѣйшему изъ дѣльцовъ, окружавшихъ императрицу, поручаемо было составленіе важнѣйшихъ государственныхъ актовъ: имъ составлено знаменитое учрежденіе о губерніяхъ, уставы банковъ и многіе другіе. И все, что выходило изъ-подъ пера Завадовскаго, цѣнилось всѣми его современниками особенно потому, что было не простымъ (весьма обычнымъ у насъ) заимствованіемъ изъ иностранныхъ источниковъ, а результатомъ дѣйствительнаго знанія Россіи и вѣрнаго пониманія ея потребностей, силъ и средствъ. Академикъ М. П. Сухомлиновъ характеризуетъ этого именитаго сановника, какъ министра народнаго просвѣщенія Россіи. Памятникомъ заслугъ его въ дѣлѣ народнаго образованія служитъ послѣдовательный рядъ зрѣло обдуманныхъ и благотворныхъ для народной жизни дѣйствій училищной комиссіи—„главнаго правленія училищъ".

М. Н. Муравьевъ.

Рядомъ съ умнымъ, образованнымъ и дѣловитымъ графомъ Завадовскимъ, уже и при Екатеринѣ стоявшимъ во главѣ училищной комиссіи (съ самаго ея основанія—1782 г.), видимъ избраннаго Александромъ товарища министра *Михаила Никитича Муравьева*, перваго попечителя Московскаго университета, бывшаго наставника государева „въ русскомъ языкѣ, словесности и нравственности" „... Воспитывая, вмѣстѣ съ Лагарпомъ, великаго князя Александра, будущаго Императора,—говоритъ академикъ Сухомлиновъ,—Муравьевъ постоянно твердилъ своему питомцу о свободѣ и просвѣщеніи, какъ главныхъ основаніяхъ, на которыхъ зиждется благосостояніе народовъ". И позднѣе, въ теченіе всей своей жизни и дѣятельности, „Муравьевъ высказывалъ достойное писателя и ученаго убѣжденіе, что свобода изслѣдованія составляетъ необходимое условіе не только для развитія просвѣщенія, но и для поднятія народной нравственности" [1]).

[1]) «Этою свободою—говоритъ М. И. Сухомлиновъ,—объясняетъ онъ умственное превосходство протестантской Германіи въ сравненіи съ католической, несмотря на единство народности».

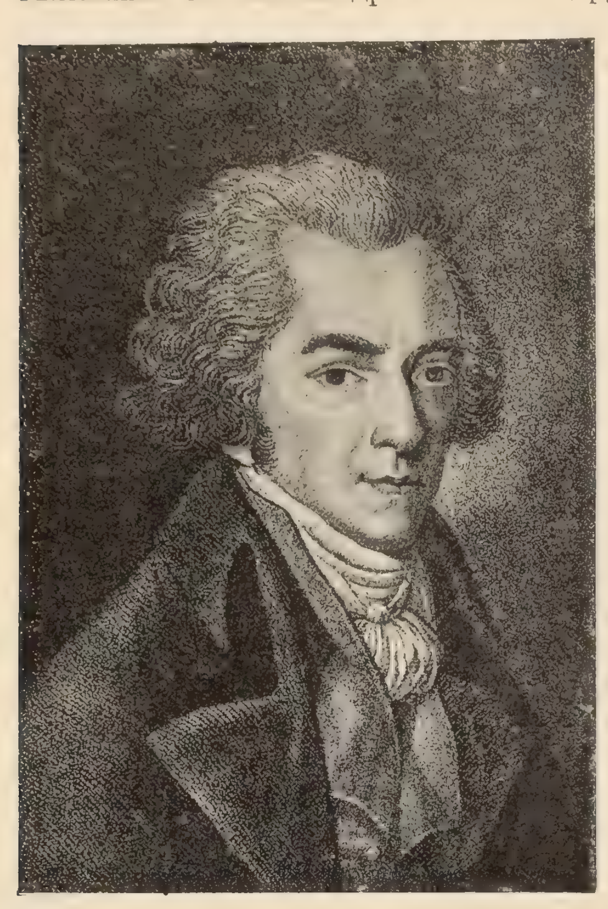
Отличительною чертою характера и дѣятельности М. Н. Муравьева, при чрезвычайномъ благодушіи, было полное отсутствіе всякой исключительности, „вредной преимущественно въ тѣхъ лицахъ, отъ которыхъ зависитъ направленіе учебной дѣятельности“. Самъ будучи страстнымъ классикомъ, всею душою преданнымъ древнему міру, онъ, въ то же время, нимало не стремился кому бы то ни было навязывать классицизмъ, какъ основу всѣхъ человѣческихъ знаній, и охотно признавалъ важное значеніе математики, естественныхъ наукъ и наукъ историческихъ, какъ одинаково важныхъ элементовъ общаго образованія.

Короткое время попечительства Муравьева въ Москвѣ (1803—1807 гг.) ознаменовалось преобразованіемъ университета и образцовымъ устройствомъ округа, приглашеніемъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ профессоровъ изъ-за границы и открытіемъ при университетѣ ученыхъ обществъ, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояло „*Общество исторіи и древностей россійскихъ*“, оказавшее весьма полезное вліяніе на разработку отечественной исторіи. Проникнутый уваженіемъ къ наукѣ, Муравьевъ, и при вызовѣ иностранцевъ на каѳедры русскаго университета, имѣлъ въ виду, при помощи ихъ, образовать новое поколѣніе русскихъ ученыхъ. Въ тѣхъ же видахъ, онъ съ удивительнымъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами русскихъ профессоровъ или готовившихся къ профессурѣ молодыхъ людей, бесѣдовалъ и переписывался съ ними, стараясь всѣми силами содѣйствовать ихъ ученымъ работамъ, предпріятіямъ и путешествіямъ съ ученою цѣлью. Далѣе увидимъ мы, въ какой степени важны были услуги, оказанныя М. Н. Муравьевымъ великому труду Карамзина, и всѣ знакомые съ его дѣятельностью совершенно справедливо говорили, что имя этого почтеннаго и полезнаго дѣятеля должно сохраниться незабвеннымъ въ лѣтописяхъ русскихъ университетовъ.

Около этихъ двухъ столповъ, избранныхъ Александромъ изъ среды дѣятелей прошлаго вѣка, группировалась молодежь [1]): люди новаго поколѣнія, друзья юнаго государя—Строгановъ, Новосильцевъ и Чарторижскій. Назначеніе этихъ лицъ въ члены главнаго правленія училищъ показываетъ, какъ близки были Александру интересы народнаго просвѣщенія.

[1]) Строгановъ, Новосильцевъ, Кочубей и Чарторижскій—составляли избранный кружокъ Александра, когда еще онъ былъ великимъ княземъ. Члены кружка могли высказывать свои мысли съ полной откровенностью. Въ засѣданіяхъ этого кружка, образовавшаго «тайный» комитетъ, говорили обо всемъ, начиная отъ политическихъ и административныхъ тайнъ и до вопросовъ литературныхъ. Въ этомъ комитетѣ, между прочимъ, принято было рѣшеніе издать на русскомъ языкѣ нѣсколько иностранныхъ сочиненій по политической экономіи, которая тогда всѣмъ кружила головы: Стюарта—«Изысканіе по политической экономіи», Кондорсэ—«Библіотека общественнаго дѣятеля» и Верри—«Политическая экономія».

Изъ этихъ трехъ лицъ наибольшимъ значеніемъ пользовался князь *Адамъ Чарторижскій* (род. 1770, ум. 1861 г.), знатный польскій магнатъ, попавшій въ Россію заложникомъ и назначенный состоять въ свитѣ при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ. Связанный съ Александромъ тѣсною дружбою, князь А. Чарторижскій, по воцареніи его, былъ имъ возведенъ одновременно въ товарищи министра иностранныхъ дѣлъ и въ попечители виленскаго округа, къ которому, кромѣ Западнаго края, принадлежала значительная доля Малороссіи. Не касаясь исторической роли князя А. Чарторижскаго въ общей исторіи царствованія Александра, замѣтимъ только, что въ главномъ правленіи училищъ онъ, какъ человѣкъ умный и европейски - образованный, былъ полезенъ при обсужденіи многихъ общихъ вопросовъ; но зато, какъ попечитель виленскаго округа, оказалъ весьма плохую услугу Россіи ополячиваньемъ русскихъ людей, которое вводилъ очень тонко и послѣдовательно.

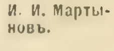

Графъ А. К. Разумовскій, второй министръ народнаго просвѣщенія.

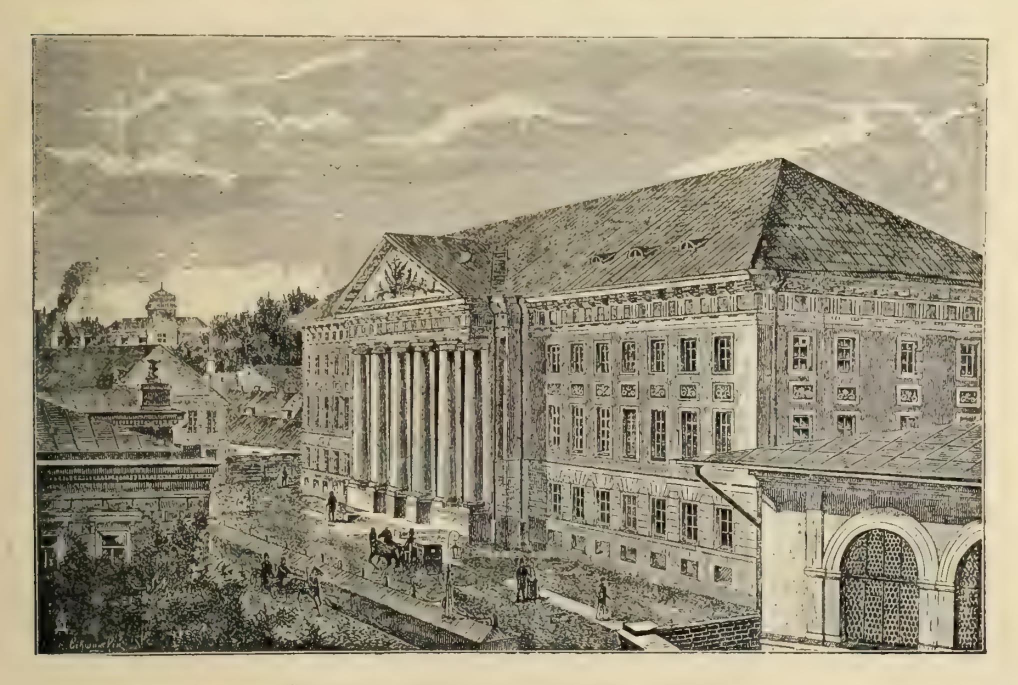
Графъ С. Потоцкій.

Совсѣмъ не таковъ былъ другой польскій магнатъ, графъ *Северинъ-Потоцкій,* также членъ главнаго правленія училищъ и попечитель харьковскаго учебнаго округа. Это былъ человѣкъ, для котораго служеніе наукамъ и просвѣщенію было прямымъ призваніемъ, и этому призванію онъ отдавался всецѣло, забывая о различіи религій и національностей, о сословныхъ преимуществахъ и всякихъ иныхъ разсчетахъ. Полякъ по рожденію и воспитанію, онъ, въ то же время, постоянно заботился о замѣщеніи каѳедры природными русскими людьми. Искренняя заботливость Потоцкаго объ университетѣ и всѣхъ его нуждахъ была

такъ настойчива и непрерывна, что его можно было бы назвать идеаломъ попечителя, какъ понималось это званіе „первымъ уставомъ русскихъ университетовъ“.

И. И. Мартыновъ.

Изъ остальныхъ пяти [1]) членовъ главнаго правленія училищъ, кромѣ извѣстныхъ уже намъ академиковъ (Румовскаго и Озерецковскаго) обращалъ на себя вниманіе, по своему усердію къ дѣлу и обширнымъ свѣдѣніямъ, *Иванъ Ивановичъ Мартыновъ*, извѣстный переводчикъ греческихъ классиковъ. Онъ былъ ревностнымъ

Дерптскій университетъ (по старой гравюрѣ).

сотрудникомъ министра и, по выраженію самого Завадовскаго, „отличался пространнымъ и неусыпнымъ трудомъ“. Ему принадлежитъ главная доля труда при составленіи уставовъ всѣхъ новыхъ учебныхъ заведеній.

Таковъ былъ составъ министерства народнаго просвѣщенія въ самомъ началѣ его, на зарѣ новаго царствованія; таковы были дѣятели, которымъ было поручено быть во главѣ вѣдомства, принявшаго на себя заботы о просвѣщеніи русскаго народа, въ самомъ обширномъ и полномъ смыслѣ. Составъ этихъ дѣятелей, конечно, видоизмѣнялся, сообразно съ перемѣною главы министерства, что̀ стояло уже въ непосредственной связи съ перемѣною воззрѣній на просвѣщеніе въ высшихъ сферахъ, а также и съ возникавшими въ обществѣ новыми вѣяніями. Такъ какъ Александръ, въ теченіе своего долгаго и славнаго царствованія, не оставался постоянно сторонникомъ однихъ и тѣхъ же взгля-

[1]) Янковичъ де-Маріево, Мартыновъ, Румовскій, Озерецковскій и Фусъ.

довъ, а подъ конецъ царствованія даже и очень круто перешелъ къ такимъ воззрѣніямъ, которыя ничего не имѣли общаго со взглядами и убѣжденіями его юности, то исторія его личнаго развитія выразилась вполнѣ ясно въ его отношеніяхъ къ просвѣщенію Россіи и въ самомъ выборѣ министровъ народнаго просвѣщенія. Поэтому необходимо, хотя въ самомъ краткомъ и бѣгломъ очеркѣ, ознакомиться съ личностью всѣхъ министровъ народнаго просвѣщенія Александрова царствованія, послѣдовавшихъ за графомъ Завадовскимъ.

Графъ Разумовскій.

Ближайшимъ преемникомъ его былъ графъ *А. К. Разумовскій*. Это былъ человѣкъ совсѣмъ иного закала, нежели Завадовскій. Воспитанный за границею, окруженный съ дѣтства чрезвычайною роскошью, онъ плохо зналъ Россію, любилъ спокойную жизнь и кабинетныя занятія своею любимою спеціальностью—ботаникой. Не имѣя ни малѣйшаго призванія къ служебной дѣятельности, онъ принялъ на себя сначала обязанности попечителя московскаго округа, а потомъ и министра народнаго просвѣщенія, во исполненіе воли государя; несъ на себѣ эти высокія обязанности добросовѣстно, выполняя ихъ по мѣрѣ силъ и умѣнья, и очень былъ радъ, когда явилась возможность ихъ покинуть и удалиться въ роскошное уединеніе — подмосковную *Горенки*. Его дѣятельность, какъ министра, была не болѣе, какъ продолженіемъ дѣятельности Завадовскаго. При немъ также возникали новыя ученыя общества; явилось и много новыхъ училищъ въ разныхъ концахъ Россіи,—явилось и то высшее учебное заведеніе, на долю котораго выпала великая честь—воспитать геніальнаго Пушкина.

Открытіе этого высшаго учебнаго заведенія—Царскосельскаго лицея — многими справедливо ставится въ заслугу Разумовскому. Ему пришлось при этомъ случаѣ выказать значительную настойчивость и самостоятельность, такъ какъ условія общественной жизни и самые взгляды императора Александра на просвѣщеніе успѣли нѣсколько измѣниться въ теченіе перваго десятилѣтія его царствованія. Онъ разстался съ молодымъ кружкомъ своихъ друзей и не по-прежнему горячо вѣрилъ въ значеніе просвѣщенія для народа. Въ высшемъ кругу петербургскаго общества начинали преобладать мистическія воззрѣнія и находились люди, которые рѣшались утверждать, что заботы о распространеніи наукъ и просвѣщенія—не болѣе, какъ суета, и притомъ опасная въ будущемъ для развитія нравственныхъ качествъ народа. А между тѣмъ, пользуясь подобными воззрѣніями, господствовавшими въ высшемъ кругу, іезуиты, допущенные Екатериною въ Россію, дѣлали свое дѣло и забирали въ свои руки воспитаніе юношества, въ особенности принадлежавшаго къ высшей знати, и

при этомъ весьма искусно распространяли католическую пропаганду, въ особенности среди дамъ высшаго круга. Что же касается проекта открытія лицея, то и къ этому проекту, и къ самому плану преподаванія въ немъ наукъ, въ высшемъ кругу столицы относились тѣмъ съ большею строгостью и критикой, что цѣлью учрежденія его предполагалось подготовленіе избраннаго юношества, „преимущественно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной". Любопытнѣйшимъ памятникомъ этой эпохи (лицей открытъ былъ 19 окт. 1811 г.) является отзывъ о планѣ преподаванія въ лицеѣ, данный лицомъ, которое пользовалось въ то время большимъ вліяніемъ и значеніемъ при русскомъ Дворѣ [1]). Лицо это, прежде всего, вооружилось противъ преподаванія естественныхъ наукъ и политическихъ наукъ даже въ томъ объемѣ, въ какомъ оно было указано въ программѣ лицея, доказывая, что „Библіи совершенно достаточно, чтобы знать, какимъ образомъ произошла вселенная". Въ томъ же отзывѣ, то же лицо, отвергая пользу изученія правъ, утверждало, что „въ первой" юности надо знать только три вещи, касательно общественнаго устройства: первое—что Богъ сотворилъ человѣка для общества, второе—что для общества необходимо правительство, третье—что каждый обязанъ повиноваться властямъ и быть готовымъ запечатлѣть смертью вѣрность и преданность своему государю". Несмотря, однакоже, на подобныя возраженія, высказываемыя со всѣхъ сторонъ, Разумовскій поставилъ на своемъ и не измѣнилъ программы лицея [2]).

Послѣ министерства Разумовскаго наступило министерство князя *Александра Николаевича Голицына*—въ эпоху полнаго преобладанія мистическихъ мечтаній, когда Александръ окончательно предался устроенію судебъ Европы и совершенно охладѣлъ къ просвѣщенію Россіи. По мысли новаго министра, самая основная идея министерства подверглась коренному измѣненію: дѣла его были соединены въ одно управленіе съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій и самое наименованіе министерства замѣнено было другимъ. Оно стало называться: „министерствомъ духовныхъ дѣлъ

Князь А. Н. Голицынъ.

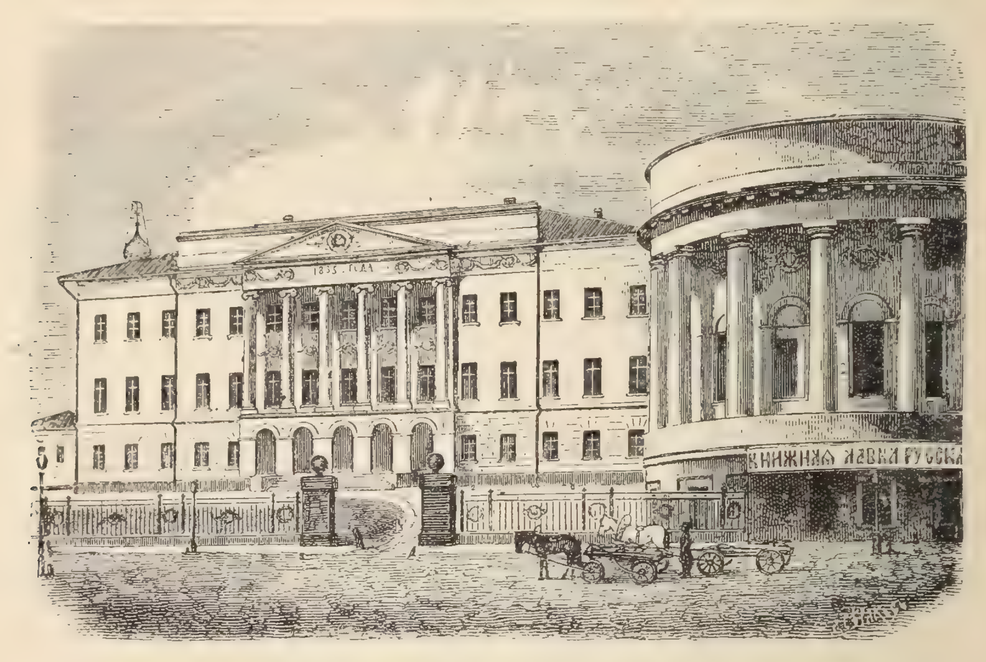
[1]) Лицо это—графъ Ксавье де-Метръ, сардинскій посланникъ при русскомъ Дворѣ, горячій приверженецъ папы и католичества. Какъ писатель, онъ пользовался большою извѣстностью въ литературномъ мірѣ, а какъ эмигрантъ — большимъ сочувствіемъ общества въ эпоху наступавшей рѣшительной борьбы съ Наполеономъ. Графъ А. К. Разумовскій, въ виду всего этого, препроводилъ къ нему на обсужденіе планъ учреждаемаго Лицея.

[2]) Въ уставѣ Лицея, въ числѣ предметовъ окончательнаго курса остались: «систематическое изложеніе и связь всѣхъ наукъ физическихъ, разныя теоріи о происхожденіи земли, знатнѣйшихъ физическихъ эпохахъ ея и пр.»; а также: «философское понятіе о правахъ и обязанностяхъ и о раздѣленіи ихъ, по разнымъ отношеніямъ, на право естественное, публичное, гражданское и проч.».

и народнаго просвѣщенія" — что уже ясно указывало на то, что просвѣщенію придавалось лишь второстепенное значеніе.

Не слѣдуетъ забывать, что то была эпоха знаменитаго „Священнаго союза" и всевозможныхъ попытокъ примѣненія основныхъ его началъ къ народному воспитанію во всѣхъ европейскихъ странахъ.

Въ послѣдніе годы управленія министерствомъ графа Разумовскаго, дѣятельность главнаго правленія училищъ значительно ослабѣла; засѣданія, изъ еженедѣльныхъ, стали уже ежемѣсячными и отчасти утратили свой коллегіальный характеръ, такъ какъ посѣщались уже не всѣми членами, а только тѣми, для которыхъ веденіе дѣлъ правленія было офиціальною обязанностью. „Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Голицына по министерству — говоритъ академикъ Сухомлиновъ, — было возобновленіе засѣданій главнаго правленія училищъ въ его полномъ составѣ. Дѣятельность, прерванная на время, обнаружилась снова; но, къ сожалѣнію, она направлена была, въ сущности, не столько къ созиданію, сколько къ разрушенію"...

Московскій университетъ (старое зданіе).

Наступленіе реакціи.

Въ составѣ главнаго правленія училищъ, вмѣсто прежнихъ свѣтлыхъ личностей, проникнутыхъ высокимъ значеніемъ своего призванія, явились люди, далекіе отъ всего, что могло способствовать распространенію просвѣщенія, и чуждые Россіи—въ родѣ графа Лаваля, капитана французской службы, или графа Стурдзы и барона Фитингофа, родного брата и страстнаго приверженца идей знаменитой баронессы Криднеръ; или, наконецъ, такихъ дѣя-

телей, какъ Магницкій и Руничъ, которые пріобрѣли въ исторіи русскаго просвѣщенія громкую, но позорную извѣстность.

Мистическія увлеченія главы министерства и его ближайшихъ пособниковъ довели дѣло до такихъ печальныхъ крайно-

Князь А. Н. Голицынъ, министръ народнаго просвѣщенія.

стей, что управленіе министерства народнаго просвѣщенія пришлось ввѣрить новому лицу. Выборъ государя остановился на человѣкѣ честномъ и высоконравственномъ, но одностороннемъ и отсталомъ по своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ—на адміралѣ

Шишковъ. Крайне недовольный дѣйствіями своего предшественника, Шишковъ приступилъ къ полному преобразованію учебной части, къ составленію новыхъ уставовъ и т. п. Пошла ломка во всѣхъ частяхъ зданія, еще такъ недавно воздвигнутаго... Глава министерства задавался, главнымъ образомъ, тѣмъ, „что всѣ науки должны быть очищены отъ постороннихъ и вредныхъ умствованій, излишнее множество и разнообразіе предметовъ должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, и занятія науками должны быть соединены съ нравственнымъ воспитаніемъ". При этомъ Шишковъ настойчиво требовалъ, чтобы всюду въ учебныхъ заведеніяхъ вводился „языкъ славянскій" и преподавалась „классическая россійская словесность"... Главное же и преимущественное вниманіе Шишкова обращено было на цензуру... Подъ его управленіемъ министерство народнаго просвѣщенія дожило до новаго царствованія...

Настоящій очеркъ исторіи русскаго просвѣщенія въ Александровское царствованіе былъ необходимъ въ началѣ описываемаго нами періода, такъ какъ исторія просвѣщенія постоянно и тѣсно связана съ исторіею словесности. При дальнѣйшемъ изложеніи этой исторіи намъ неоднократно придется упоминать имена вышеуказанныхъ нами дѣятелей и, можетъ-быть, даже болѣе подробно касаться отдѣльныхъ фактовъ, лишь вскользь упомянутыхъ въ этой главѣ. Не слѣдуетъ забывать, что министры народнаго просвѣщенія, въ рукахъ которыхъ находилась цензура, благодаря только одному этому факту, на долгое время получили важное значеніе въ исторіи развитія нашей литературы и журналистики.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Карамзинъ во второмъ періодѣ своей журнальной и литературной дѣятельности.— Перемѣна во взглядахъ и настроеніи. — Исторія, какъ задача жизни. — Труды и невзгоды. — Первое знакомство съ Александромъ. — «Записка о старой и новой Россіи».— Хлопоты объ изданіи Исторіи.—Всесильный вельможа.— Значеніе «Исторіи государства Россійскаго».—Значеніе личности Карамзина.

Эпохи въ Исторіи каждой литературы опредѣляются обыкновенно или историческими событіями, оказавшими сильное вліяніе на преуспѣяніе литературы, или отдѣльными, выдающимися личностями литературныхъ дѣятелей. Эти личности сами служатъ яркимъ выраженіемъ завѣтныхъ идей, взглядовъ и убѣжденій своего времени, а потому и кладутъ свою печать на извѣстный періодъ.

Царствованіе императора Александра I, полное всякими громкими и славными именами, гремящее военными подвигами и пресыщенное побѣдными лаврами, не знаетъ на мирномъ поприщѣ литературнаго труда ни одного имени славнѣе имени Карамзина, которое наполняетъ собою всю первую четверть XIX вѣка и затѣмъ всѣми послѣдующими поколѣніями русскихъ ученыхъ и литераторовъ, вплоть до нашего времени, произносится съ почтительною признательностью. Дѣйствительно, это имя замѣчательное. Имя талантливаго, живого и настойчиваго труженика, который, испытавъ всѣ виды и формы литературнаго труда, литературнаго воплощенія мысли въ словѣ, отъ торжественно-настроенной оды до нѣжнаго романса, и отъ сентиментальной повѣсти до серьезной критической статьи, достигнувъ громкой славы перваго изъ современныхъ писателей и журналистовъ — вдругъ рѣшился все это бросить, ото всего отречься и посвятить себя въ цвѣтѣ лѣтъ тяжкому подвигу, который и при его усидчивости могъ быть совершенъ не менѣе, какъ въ четверть вѣка. Нельзя не признать этого подвига чрезвычайнымъ, безпримѣрнымъ — потому что ему не легко подыскать подобный же и въ самой исторіи западныхъ литературъ. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что Карамзинъ взялся за свой историческій трудъ не по увлеченію, а вполнѣ обдуманно и съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что настало время — дать Россіи Исторію „непостыдную", т. е. такую, которая была бы достойна величія и значенія народа и государства Россійскаго. Не слѣдуетъ забывать и того, что онъ для этого труда промѣнялъ вполнѣ обезпеченное (въ матерьяльномъ отношеніи) положеніе журналиста и писателя на болѣе чѣмъ скромное положеніе ученаго труженика, отказался отъ свѣта и отдался полному уединенію, чтобы всецѣло посвятить себя выполненію задачи, которую онъ на себя сознательно и добровольно возложилъ. Въ то самое

время, когда одинъ изъ университетовъ предлагалъ ему каѳедру и почетное, покойное положеніе профессора, онъ всему предпочелъ келью ученаго отшельника, въ которую удалился отъ суеты міра, весь предавшись одному высокому чувству долга, который онъ исполнялъ передъ Россіей, передъ потомствомъ и передъ судомъ Исторіи... Чрезвычайно любопытенъ и поучителенъ тотъ нравственный процессъ, путемъ котораго Карамзинъ дошелъ до рѣшимости посвятить себя созданію „Исторіи Государства Россійскаго"; еще болѣе поучителенъ и важенъ тотъ тяжкій путь пытливаго, внимательнаго и кропотливаго труда, которымъ славный исторіографъ нашъ слѣдовалъ, создавая свое высокохудожественное повѣствованіе о далекомъ прошломъ нашего отечества. Но всего изумительнѣе именно то, что писатель, всецѣло предавшійся на столь долгое время разработкѣ сырого историческаго матерьяла, не обратился въ сухого педанта, въ односторонняго поклонника мелочныхъ фактовъ, а остался живымъ писателемъ, нечуждымъ „ничего человѣческаго", и художникомъ, способнымъ изумить насъ величіемъ создаваемыхъ имъ образовъ.

Зрѣлые годы Карамзина.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ нашего труда мы разстались съ Карамзинымъ, еще юношей—нѣжнымъ, чувствительнымъ до сентиментальности, увлекающимся и горячимъ... Онъ писалъ тогда съ равнымъ жаромъ стихи и прозу, весь отдаваясь своему молодому увлеченію литературною и журнальною дѣятельностью, которая давала ему полную возможность постоянно излагать свои мысли, свои завѣтныя убѣжденія передъ обширною аудиторіею, которую онъ увлекалъ обаяніемъ своей свѣжести и молодости и гармоническою прелестью своего языка, потому что онъ владѣлъ имъ искуснѣе и лучше, чѣмъ кто бы то ни было изъ современныхъ ему писателей...

Мы покинули Карамзина въ тотъ періодъ реакціи Екатерининскаго царствованія, который могъ возбуждать въ авторахъ только опасенія, могъ побуждать ихъ къ молчанію и осторожности, а никакъ не поощрять ихъ къ развитію дѣятельности, къ новымъ трудамъ и попыткамъ... Мимоходомъ упомянули мы и о тѣхъ невзгодахъ, какія постигли юнаго писателя и его произведенія въ кратковременное царствованіе Павла I. Теперь, переходя къ послѣдующему періоду въ развитіи литературной дѣятельности Карамзина, въ новомъ вѣкѣ и новомъ царствованіи, мы должны признаться, что встрѣчаемъ Карамзина въ этотъ періодъ уже не тѣмъ юношей, какимъ онъ намъ представлялся въ лицѣ издателя „Московскаго Журнала", въ первыхъ повѣстяхъ своихъ и въ особенности въ „Письмахъ русскаго путешественника". Прежде чѣмъ приступить къ изложенію этого второго періода дѣятельности Карамзина, оглянемся нѣсколько назадъ, чтобы уяснить себѣ пере-

мѣну въ его настроеніи, которая сначала привела его къ изданію „Вѣстника Европы", а впослѣдствіи побудила приняться за его громадный историческій трудъ.

Переписка Карамзина съ друзьями и братомъ и записная книжка его указываютъ намъ на то, что еще въ началѣ 90-хъ годовъ, заканчивая изданіе „Московскаго Журнала", Карамзинъ уже мечталъ о переходѣ отъ литературныхъ и журнальныхъ трудовъ къ чисто-научнымъ... „Буду учиться, буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ приняться за такой трудъ, который могъ бы остаться памятникомъ души и сердца моего, если не для потомства (о чемъ и думать не смѣю), то по крайней мѣрѣ для малочисленныхъ друзей моихъ и пріятелей". И въ записной книжкѣ за 1797 г. (іюнь) также есть замѣтка, прямо указывающая на намѣреніе посвятить себя исключительно занятіямъ историческимъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что онъ посвящаетъ большую часть времени на чтеніе древнихъ авторовъ, на знакомство съ классическими трудами Гиббона, Юма и Робертсона, и, наконецъ, сосредоточивается исключительно на занятіяхъ исторіею отечественною. Въ маѣ 1800 г. онъ пишетъ Дмитріеву: „я по уши влѣзъ въ Русскую Исторію; сплю и вижу Никона съ Несторомъ"... Мысли о будущемъ.

Но мечты оставались мечтами, а дѣйствительность—дѣйствительностью. Въ 1801 году (въ апрѣлѣ) Карамзинъ женился на Елисаветѣ Ивановнѣ Протасовой, дѣвушкѣ небогатой, но искренно и давно уже имъ любимой. Пришлось, слѣдовательно, хлопотать объ увеличеніи своихъ матерьяльныхъ средствъ, и Карамзинъ рѣшился вновь приняться за журнальную дѣятельность, отъ которой, по примѣру „Московскаго Вѣстника", могъ ожидать успѣха, тѣмъ болѣе, что и время, повидимому, было весьма благопріятное для подобныхъ предпріятій. И вотъ, съ января 1802 года, Карамзинъ начинаетъ издавать новый журналъ—„*Вѣстникъ Европы*", о которомъ объявляетъ, что онъ „будетъ, сообразно съ его титуломъ, содержать въ себѣ главныя европейскія новости въ литературѣ и въ политикѣ—все, что покажется намъ любопытнымъ, хорошо написаннымъ, и что выходитъ во Франціи, Англіи и Германіи". Вѣстникъ Европы.

Въ томъ „Письмѣ къ издателю", которое помѣщено на первыхъ страницахъ первой книжки журнала и должно служить ему какъ бы введеніемъ, Карамзинъ сначала бросаетъ взглядъ на общее политическое положеніе Европы, благопріятствующее развитію литературы, а затѣмъ указываетъ на положеніе литературы во всѣхъ странахъ. Онъ начинаетъ „издавать журналъ для Россіи въ такое время, когда сердца наши, подъ кроткимъ и благодѣтельнымъ правленіемъ юнаго монарха, покойны и веселы; когда вся Европа, наскучивъ безпорядками и кровопролитіемъ, заключаетъ миръ, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, будетъ твердъ и Программа журнала.

продолжителенъ: когда науки и художества въ быстрыхъ успѣхахъ своихъ обѣщаютъ себѣ еще болѣе успѣховъ; когда таланты, въ свободной тишинѣ и на досугѣ, могутъ заниматься всѣми полезными и милыми для души предметами; когда литература, по настоящему расположенію умовъ, болѣе нежели когда-нибудь, должна имѣть вліяніе на нравы и счастіе..."

За этимъ слѣдуетъ картина общаго процвѣтанія литературы во всѣхъ странахъ Европы; Карамзинъ заканчиваетъ ее словами: „если вкусъ къ литературѣ можетъ быть названъ модою, то она теперь общая и главная въ Европѣ. Чтобы увѣриться въ этой истинѣ надобно только счесть типографіи и книжныя лавки въ Европѣ. Отечество наше не будетъ исключеніемъ. Спроси у московскихъ книгопродавцевъ — и ты узнаешь, что съ нѣкотораго времени торговля ихъ безпрестанно возрастаетъ, и что хорошее сочиненіе кажется имъ теперь золотомъ... Доказательство, что и въ Россіи охота къ чтенію распространяется, и что люди узнали эту новую потребность души, прежде неизвѣстную... А въ Россіи литература можетъ быть еще полезнѣе, нежели въ другихъ земляхъ: чувство въ насъ новѣе и свѣжѣе; изящное тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на сердце и тѣмъ болѣе плодовъ приноситъ. Сколь благородно, сколь утѣшительно помогать нравственному образованію такого великаго и сильнаго народа, какъ россійскій; развивать идеи, указывать новыя красоты въ жизни, питать душу моральными удовольствіями, и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ съ благомъ другихъ людей"...

Успѣхъ журнала.

Надежды, возлагаемыя Карамзинымъ на успѣхъ журнала, сбылись вполнѣ. Журналъ, въ которомъ Карамзинъ былъ и редакторомъ, и сотрудникомъ, и переводчикомъ, и критикомъ, конечно, стòилъ ему большого труда, но зато и доставлялъ ему 6,000 руб. дохода [1]). Такой успѣхъ увлекаетъ даже Карамзина къ нѣкоторымъ мечтаніямъ объ устройствѣ своего будущаго, въ которомъ ему все яснѣе и яснѣе представляется его будущій историческій трудъ. Въ половинѣ 1803 года, т. е. въ половинѣ второго года изданія „Вѣстника Европы", Карамзинъ пишетъ брату своему: „Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ, пока будетъ у меня столько денегъ, чтобы жить безъ нужды; а тамъ хотѣлось бы мнѣ приняться за трудъ важнѣйшій — за Русскую исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству недурной монументъ"... Мечтаніямъ этимъ суждено было сбыться, и къ труду своему Карамзинъ перешелъ ранѣе, чѣмъ ожидалъ, и инымъ путемъ... Но прежде, нежели мы перейдемъ къ изложенію обстоятельствъ,

---

[1]) Слѣдовательно, имѣлъ громадную, по тому времени, цифру подписчиковъ — около 1,000 человѣкъ.

окончательно опредѣлившихъ направленіе дѣятельности Карамзина, намъ придется сказать нѣсколько словъ о его новомъ журналѣ.

Характеръ новаго журнала.

„Вѣстникъ Европы", по общему составу и характеру своихъ статей, нисколько не походилъ на „Московскій Журналъ"; насколько тотъ былъ преимущественно литературнымъ журналомъ, настолько же этотъ носилъ на себѣ отпечатокъ журнала политическаго и литературнаго и, въ общемъ, болѣе подходилъ къ нынѣшнему типу „толстыхъ" журналовъ. Изъ поэтовъ участвовали въ немъ только двое маститыхъ и прославленныхъ: Херасковъ и Державинъ; сотрудниковъ со сколько-нибудь извѣстными именами было также очень немного; но зато Карамзинъ являлся во всѣхъ видахъ и по нѣсколько разъ въ каждой книжкѣ журнала, то подписывая свои статьи, то печатая ихъ анонимными, то выставляя подъ ними вымышленные инициалы [1]). Сверхъ множества мелкихъ статей, замѣтокъ, сообщеній и отзывовъ, принадлежащихъ перу Карамзина, тамъ помѣщено было нѣсколько замѣчательныхъ разсужденій Карамзина, напримѣръ: „*О любви къ отечеству и народной гордости*", „*О счастливѣйшемъ времени жизни*", „*Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ*" и т. д. Сверхъ этихъ чисто-литературныхъ и философскихъ статей, мы видимъ въ „Вѣстникѣ Европы" и цѣлый рядъ статей историческаго содержанія, въ видѣ сжатыхъ, прекрасно-изложенныхъ и любопытныхъ очерковъ, напримѣръ: „*Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ*", „*О случаяхъ и характерахъ въ Россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ*", „*О тайной канцеляріи*", „*О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича*". Одинъ изъ біографовъ Карамзина очень мѣтко назвалъ эти статьи и очерки „пробами пера" передъ началомъ большого историческаго труда. Кромѣ этихъ историческихъ статей, въ „Вѣстникѣ Европы" была напечатана и еще одна историческая повѣсть Карамзина: „*Марѳа Посадница*", которая по слогу своему, въ значительной степени, подходитъ къ изложенію Карамзина въ „Исторіи".

Если мы ближе всмотримся во все то, что на страницахъ „Вѣстника Европы" принадлежитъ Карамзину, то увидимъ весьма значительную разницу и въ общемъ направленіи, и въ воззрѣніяхъ автора на русскую жизнь и дѣйствительность, сравнительно съ тѣмъ, что, десять лѣтъ тому назадъ, онъ высказывалъ въ первомъ своемъ журналѣ. По многимъ вопросамъ его новыя мнѣнія являются почти противорѣчіями прежде высказаннымъ взглядамъ, которыми онъ когда-то увлекался, которыми дорожилъ... Видно, что десять лѣтъ прожиты Карамзинымъ не даромъ, что онъ успѣлъ за это время многое передумать и перечувствовать и что въ особенности его занятія исторіею пошли ему въ-прокъ. Передъ нами уже не прежній юноша, способный заноситься за

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Pleaſures are ever in our hands or eyes.

Pope.

Часть I.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.
1791 года.

Титульный листъ къ «Московскому журналу», изд. Карамзинымъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

издаваемый

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА, 1802.

ВЪ Университетской Типографiи
у Люби, Гарiя и Попова.

Титульный листъ журнала «Вѣстникъ Европы», издаваемаго Карамзинымъ.

облака въ своихъ мечтахъ о благѣ человѣчества, о всемірномъ гражданствѣ и правахъ народа: передъ нами зрѣлый, вполнѣ сложившійся мыслитель и писатель со строго опредѣленными воззрѣніями на всѣ насущные вопросы жизни... Каковы эти воззрѣнія: правильны или неправильны, вѣрны или невѣрны, могутъ ли возбуждать къ себѣ наше сочувствіе—или нѣтъ?.. Этихъ вопросовъ мы не будемъ касаться, и можемъ съ полною увѣренностью сказать только то, что они были въ Карамзинѣ совершенно искренними, и что онъ прожилъ съ ними неразлучно всю остальную половину своей жизни.

Поворотъ въ убѣжденіяхъ. Поворотъ отъ прежнихъ, юношескихъ и довольно-таки расплывчатыхъ, убѣжденій совершился въ Карамзинѣ незадолго до вступленія или вскорѣ по вступленіи Александра I на престолъ, потому что еще въ записной книжкѣ Карамзина за 1798 годъ мы видимъ набросокъ будущаго похвальнаго слова Петру Великому, въ которомъ онъ еще смотритъ на его преобразованія точно такъ же, какъ смотрѣлъ прежде, когда издавалъ „Московскій журналъ". Припомнимъ, что тогда онъ относился сочувственно ко всему „чисто-человѣческому", смѣялся надъ „славяномудріемъ" и, восхищаясь реформой Петра говорилъ, что „все народное—ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло—стать людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы и выгоды человѣка, то—мое, ибо я человѣкъ..."

Поворотъ въ убѣжденіяхъ (вѣроятно, вслѣдствіе усиленныхъ занятій историческихъ) слышится уже только въ томъ „*Историческомъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ*", которое было написано въ 1802 году; въ немъ онъ, впервые, обращается къ прошлому за идеалами для будущаго, впервые возвышаетъ свой голосъ, касаясь вопросовъ обще-государственныхъ, какъ бы въ назиданіе и предостереженіе юному Монарху, такъ горячо принявшемуся за преобразованія. Затѣмъ, въ „Вѣстникѣ Европы" Карамзинъ уже всюду выдѣляетъ „Россію и россіянъ" изъ общей массы человѣчества, всюду старается придать особое значеніе и важность всему „русскому", и говоритъ вполнѣ опредѣленно о „народной гордости", тѣсно связанной съ любовью къ отечеству... Съ любовью же относится онъ къ старинѣ и съ опасеніемъ смотритъ на чрезчуръ быстрыя преобразованія (по образцу Петровскихъ) въ государственномъ строѣ, и говоритъ: „время подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетѣть его. Мудрый идетъ шагъ за шагомъ и смотритъ вокругъ себя..."

Крестьянскій вопросъ. На томъ же основаніи „осторожности и постепенности" въ государственной политикѣ, Карамзинъ является въ „Вѣстникѣ

Европы“ и прямымъ противникомъ какой бы то ни было перемѣны въ положеніи крестьянъ. Положеніе ихъ можетъ измѣниться со временемъ, когда они будутъ достаточно просвѣщены, чтобы умѣть пользоваться благами свободы. При такомъ взглядѣ на „блага свободы“, отодвигающемъ освобожденіе крестьянъ въ далекую глубь грядущихъ вѣковъ, Карамзинъ старается изобразить бытъ современнаго ему крестьянина въ довольно мягкихъ чертахъ, имѣя преимущественно въ виду помѣщиковъ добрыхъ и хорошихъ, тѣмъ болѣе, что „просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленія господской власти, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная...“ „Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдственныхъ случаяхъ натуры: вотъ его обязанности. За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ: вотъ его право“. При этомъ Карамзинъ заключаетъ, что „отъ старанія помѣщиковъ хлѣбопашество съ нѣкотораго времени во всѣхъ губерніяхъ приходитъ въ лучшее состояніе“, и дѣлаетъ такой выводъ: хлѣбопашество и общее благосостояніе крестьянъ значительно ухудшилось бы, если бы крестьяне были выпущены на волю съ землею и посажены на оброкъ, „по совѣту иностранныхъ филантроповъ“. Для „истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ“ Карамзинъ желаетъ имъ „единственно того, чтобы они имѣли добрыхъ господъ и средства просвѣщенія, которое одно, одно дѣлаетъ хорошее возможнымъ..“ И опять настойчиво возвращается къ такому положенію, которое ему представляется совершенно правильнымъ: „главное право русскаго дворянина — быть помѣщикомъ: главная должность его—быть добрымъ помѣщикомъ. Кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству, какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ монарху, какъ вѣрный подданный“. Изъ вышеприведенныхъ отрывковъ, мы легко можемъ убѣдиться въ томъ, что, хотя Карамзинъ и отсталъ отъ своихъ юношескихъ мечтаній по программѣ Руссо и энциклопедистовъ, однакоже, не отказался отъ утопій, въ которыя вѣритъ съ завиднымъ чистосердечіемъ. Одною изъ такихъ любимѣйшихъ утопій его является тѣсная связь между просвѣщеніемъ и нравственностью, и онъ съ особенною настойчивостью доказываетъ ея существованіе, ратуя противъ извѣстнаго положенія Руссо, утверждающаго, будто „науки портятъ нравы, и просвѣщенный XVIII вѣкъ служитъ тому доказательствомъ...“ Опровергая это положеніе доводами исторіи, Карамзинъ въ своей статьѣ — „*Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи*“—обращается и къ той предержащей власти, отъ которой зависитъ распространеніе просвѣщенія въ Россіи, и восклицаетъ:

Мнѣніе о просвѣщеніи.

„Просвѣщеніе есть палладіумъ благонравія, и когда вы, которымъ вышняя власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ область добродѣтели, то любите науки и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны, чтобы какое-нибудь состояніе въ гражданскомъ обществѣ долженствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ...“

Казалось бы, что Карамзинъ, судя по замѣчательнымъ словамъ этого отрывка, прямо стоитъ за равенство правъ всѣхъ сословій на просвѣщеніе; но тутъ же рядомъ встрѣчаемъ въ одной изъ статей [1]) „чувствительный анекдотъ“, который спутываетъ наше представленіе о его воззрѣніяхъ на просвѣщеніе, и мы невольно приводимъ себѣ на память извѣстный выводъ одного изъ толкователей Карамзина, который говоритъ: „просвѣщеніе, ведущее къ доброй нравственности, и добрая нравственность, невозможная безъ просвѣщенія—таковъ идеалъ государственнаго развитія и благоустройства“, по мнѣнію Карамзина.

Семейное горе — утрата любимой жены — постигнувшее его среди его блестящей журнальной карьеры, сильно поколебало его энергію и погрузило его въ тяжкую меланхолію; спѣшная и порывистая дѣятельность журналиста показалась ему непосильною: его болѣе, чѣмъ когда-либо, поманило къ уединенію и работѣ надъ большимъ трудомъ, который долженъ былъ составить цѣль всей его жизни. И хотя онъ былъ еще очень далекъ отъ возможности посвятить ему все свое время, махнувъ рукой на матеріальную сторону жизни—однакоже, онъ рѣшился, не затрудняясь этимъ, добыть себѣ средства для осуществленія своего завѣтнаго замысла. Съ этою цѣлью, 28 сентября 1803 года, послѣ бесѣды съ другомъ своимъ И. И. Дмитріевымъ, поддержавшимъ Карамзина въ его намѣреніи—Карамзинъ написалъ письмо къ извѣстному уже намъ воспитателю Александра, М. Н. Муравьеву, постоянно изъявлявшему расположеніе къ его литературной дѣятельности. Письмо написано твердо и съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства:

---

[1]) Въ статьѣ «О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи». Въ ней читаемъ, между прочимъ: «За нѣсколько дней до открытія училища я былъ свидѣтелемъ трогательной сцены, которая оставила во мнѣ пріятныя впечатлѣнія. Является женщина въ бѣдномъ крестьянскомъ платьѣ, съ двумя мальчиками, также бѣдно одѣтыми; бросается въ ноги къ Губернатору и, подавая ему бумагу, говоритъ: «Вотъ грамота на дворянство моего мужа, который умеръ въ горести и нищетѣ; вотъ дѣти мои — вотъ все, что имѣю. Государь милостивъ: у васъ доброе сердце; сжальтесь надъ моими сиротами. Я умру спокойно, когда они будутъ приняты въ училище». Мальчики въ ту же минуту стали на колѣни, и съ умиленіемъ смотрѣли на Губернатора, который между тѣмъ плакалъ отъ чувствительности—посадилъ мать на стулъ, обнималъ дѣтей ея... и велѣлъ принести для нихъ два ученическіе мундира... Благородныя дѣти (которыя до открытія училища жили у Губернатора), окружили своихъ новыхъ товарищей и смотрѣли на нихъ дико; но услышавъ, что они, *подобно имъ, дворяне* и несчастливы своею бѣдностью, бросились цѣловать ихъ и непремѣнно хотѣли раздѣлить съ ними все, что имѣли...» и т. д.

Приступъ къ «Исторіи».

„Будучи весьма небогатъ — такъ пишетъ Карамзинъ Муравьеву—я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы принужденною работою пяти или шести лѣтъ купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы,— однимъ словомъ, сочинять русскую исторію, которая, съ нѣкотораго времени, занимаетъ всю мою душу. Теперь слабые глаза мои не позволяютъ трудиться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ „Вѣстника". Могу и хочу писать исторію, которая не требуетъ поспѣшной и срочной работы,—но еще не имѣю способовъ жить безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь 6,000 рублей дохода. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе россійской публики и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ, то нельзя ли, при случаѣ, доложить Императору о моемъ намѣреніи и ревностномъ желаніи написать исторію не варварскую и не постыдную для его царствованія..." При этомъ, въ видѣ помощи отъ правительства, онъ проситъ только того, чтобы его назначили исторіографомъ и обезпечили бы хотя бы профессорскимъ жалованьемъ. „Смѣю думать, — продолжаетъ Карамзинъ: — что я трудомъ своимъ заслужилъ бы профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ дерптскіе кураторы, но вмѣстѣ съ должностію, неблагопріятною для таланта" [1]).

Мѣсяцъ спустя, 31 октября 1803 года, состоялся Высочайшій указъ Кабинету и въ немъ значилось между прочимъ: „Такъ какъ извѣстный писатель, Московскаго Университета почетный членъ, Николай Карамзинъ изъявилъ Намъ желаніе посвятить труды свои сочиненію полной Исторіи отечества нашего, Мы, желая ободрить его въ столь похвальномъ предпріятіи, Всемилостивѣйше повелѣваемъ производить ему, въ качествѣ Исторіографа, по двѣ тысячи ежегоднаго пенсіона изъ Кабинета Нашего".

Карамзинъ исторіографъ.

Такимъ образомъ, литературная и журнальная дѣятельность Карамзина закончилась съ послѣднею книжкою „Вѣстника Европы" за 1803 годъ [2]). Въ началѣ 1804 г. Карамзинъ женился на Екатеринѣ Андреевнѣ Вяземской, сводной сестрѣ извѣстнаго нашего поэта. Весь отдавшись выполненію своей громадной задачи, Ка-

---

[1]) Предложеніе занять каѳедру Русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ было сдѣлано Карамзину въ 1802 году. Позднѣе то же предлагалъ ему Харьковскій университетъ.

[2]) За все остальное время жизни, Карамзинъ только дважды принимался за перо, какъ поэтъ: въ 1806 г. онъ написалъ «Пѣснь воиновъ» (по поводу указа о милиціи) и въ 1814 г. оду: «Освобожденіе Европы и слава Александра I».

Милостивый Государь!

Принявъ съ благоговѣніемъ знакъ Монаршей милости, спѣшу изъявить вамъ, какъ ея исполнителю, сердечную мою признательность. Милостивый Государь! я чувствую цѣну того, что вамъ угодно было сдѣлать для меня. Естьли подлинно имѣю какой нибудь талантъ, то отнынѣ еще съ большею ревностію посвящу его нашему любезному Отечеству, котораго слава неразлучна со славою Монарха. Исторія Россіи будетъ предметомъ усердныхъ трудовъ моихъ. Сколь щастливымъ почту себя, естьли Судьба дозволитъ мнѣ описать послѣ вѣка Екатерины Великой, и то всеобщее радостное чувство, съ которымъ Россіяне увидѣли на тронѣ Александра, и всѣ ихъ надежды и щастливое исполненіе сихъ надеждъ!

Съ вѣчною благодарностію и съ истиннымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь!
Вашъ покорнѣйшій слуга
Николай Карамзинъ.

Москва,
8 Апрѣля, 1801.

Автографъ Н. М. Карамзина. Письмо къ М. Н. Муравьеву. Изъ собранія С. Н. Шубинскаго.

рамзинъ почти удалился отъ міра: зимы проводилъ онъ въ Москвѣ, почти никуда не выѣзжая, а лѣтомъ жилъ въ подмосковной тестя своего — знаменитомъ селѣ Остафьевѣ (близъ Подольска). Но зато переписка его съ немногими избранными и близкими друзьями и съ М. Н. Муравьевымъ (1803—1807), принимавшими живѣйшее участіе въ его работѣ, даетъ намъ весьма полное и вполнѣ опредѣленное понятіе о ходѣ ученой работы Карамзина. Въ особенности два лица, бывшія неизмѣнными и усердными помощниками исторіографа въ его великомъ трудѣ,

Домъ въ с. Остафьевѣ (нынѣ принадлежащемъ графу С. Д. Шереметеву), гдѣ Карамзинъ писалъ свою Исторію.

заслуживаютъ истинной признательности потомства; то были: товарищъ министра народнаго просвѣщенія М. Н. Муравьевъ, и сынъ извѣстнаго уже намъ И. П. Тургенева (члена Новиковскаго Кружка), *Александръ Ивановичъ Тургеневъ*. Первый изъ нихъ, прежде всего, испросилъ у государя дозволеніе Карамзину пользоваться рукописями монастырскихъ библіотекъ, Московскаго архива иностранной коллегіи и другихъ архивовъ, сверхъ того, добывалъ для Карамзина книги, которыхъ нельзя было найти въ Москвѣ, сближалъ его съ лицами, которыя могли ему содѣйствовать въ трудѣ, и вообще облегчалъ ему трудъ всѣми зависѣвшими отъ

него способами. А. И. Тургеневъ, съ другой стороны, облегчалъ Карамзину сношеніе съ лицами, занимавшимися русской исторіей въ Россіи и за границей; черезъ него сносился Карамзинъ съ академиками ***Кругомъ*** и ***Лербергомъ***, черезъ него получалъ свѣдѣнія о рукописныхъ документахъ и актахъ, важныхъ для Русской исто-

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ.

ріи, хранившихся въ европейскихъ библіотекахъ, черезъ него узнавалъ о новыхъ историческихъ сочиненіяхъ, выходившихъ за границей. Памятникомъ этихъ сношеній осталась весьма любопытная ученая переписка Карамзина съ А. И. Тургеневымъ (1806—1825 гг.).

Далѣе, въ теченіе этой же главы, мы познакомимъ читателей съ ходомъ трудной и сложной работы Карамзина надъ Исторіей Россіи и сущностью его труда, по возможности указавъ на его достоинства и недостатки и на его отношеніе къ предшествую-

М. М. Сперанскій.

щимъ трудамъ. Въ настоящее же время, мы, по необходимости, должны обратиться къ нѣкоторымъ біографическимъ подробностямъ, характеризующимъ личность Карамзина, какъ человѣка и писателя.

Недовольство настоящимъ.

Трудъ, съ которымъ, при первомъ приступѣ къ работѣ, Карамзинъ надѣялся справиться въ пять-шесть лѣтъ, оказался необъятно-громаднымъ, не легко поддающимся даже и его трудолюбію и таланту. Трудъ овладѣлъ имъ, занялъ все его время и вниманіе, сосредоточилъ на себѣ всѣ его умственныя и нравственныя силы, и, незамѣтно для него самого, оказалъ на него подавляющее вліяніе. По мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ изученіе прошлаго, вглядывался въ туманную даль вѣковъ, сближался съ дѣятелями давно-минувшихъ вѣковъ и съ тѣми условіями, при которыхъ имъ приходилось дѣйствовать—это прошлое невольно вынуждало его съ опасеніемъ оглядываться на совершавшуюся передъ его глазами дѣйствительность. А дѣйствительность эта способна была остановить на себѣ вниманіе серьезнаго мыслителя. Съ первыхъ лѣтъ воцаренія Александра, цѣлый рядъ быстрыхъ, почти непрерывно одна за другою слѣдовавшихъ реформъ; потомъ почти такой же непрерывный рядъ войнъ, вызванныхъ вмѣшательствомъ Россіи въ политику намъ чуждую, въ борьбу нѣмецкихъ государствъ съ грознымъ геніемъ, захватившимъ въ свои руки гегемонію надъ всей Европой. И вновь рядъ реформъ, вызванныхъ безпримѣрно-быстрымъ возвышеніемъ новаго любимца государева — Сперанскаго. А рядомъ съ этими реформами, внѣшняя политика, которою многіе изъ патріотовъ—послѣ Тильзитскаго мира—могли и должны были быть недовольны; а такъ какъ эта политика находила себѣ сильную поддержку въ Сперанскомъ, горячемъ поклонникѣ Наполеона (какъ законодателя и администратора), то недовольство патріотовъ обратилось и противъ Сперанскаго. Кружокъ наиболѣе образованныхъ москвичей, во главѣ котораго стоялъ столь извѣстный впослѣдствіи графъ Ѳ. В. Растопчинъ и Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, нашелъ себѣ сочувствіе въ Карамзинѣ, который, горячо привѣтствуя первые шаги Александра по отношенію къ просвѣщенію Россіи, не могъ такъ же относится къ дальнѣйшимъ событіямъ его царствованія. Карамзинъ уже вступилъ въ это время въ возрастъ полной мужской зрѣлости; притомъ онъ помнилъ конецъ царствованія Екатерины, помнилъ сумракъ, наступившій послѣ того, и и невольно пугался слишкомъ быстрыхъ преобразованій Александра. Ему хотѣлось высказать свое недовольство, подать свой голосъ гражданина... Но какъ? Гдѣ? И какъ добиться того, чтобы голосъ его былъ услышанъ Александромъ? Его доброму намѣренію и гражданской рѣшимости помогло знакомство съ великой княгиней *Екатериной Павловной* (въ замужествѣ принцессой Ольденбургской), которая также принадлежала къ кружку лицъ, критически относившихся къ дѣятельности Александра и не расположенныхъ къ Сперанскому. Великая княгиня, женщина умная и

любознательная, часто приглашала Карамзина въ Тверь, гдѣ занималъ служебное положеніе ея супругъ, вела съ Карамзинымъ переписку, и нерѣдко весьма откровенно бесѣдовала съ нимъ о новыхъ реформахъ и учрежденіяхъ, замышляемыхъ въ Петербургѣ. Отчасти по ея желанію, Карамзинымъ была написана и его извѣстная *„Записка о древней и новой Россіи“*, основная мысль которой была изложена Карамзинымъ въ одной изъ его бесѣдъ съ великой княгиней (въ декабрѣ 1811 г.). Карамзинъ и ранѣе этого времени былъ, именно въ Твери, представленъ великой княгинею Александру, который уже зналъ его, по сочиненіямъ; здѣсь же великая княгиня доставила ему случай прочесть государю нѣкоторыя главы изъ его историческаго труда; и здѣсь же, при одномъ изъ проѣздовъ Александра, великая княгиня, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, вручила державному брату Карамзинскую „Записку о древней и новой Россіи...“

Говорятъ, что вначалѣ государю не понравился рѣзкій и слишкомъ откровенный тонъ „Записки“; но суровая критика дѣятельности Сперанскаго (къ которому, въ глубинѣ души, Александръ начиналъ уже охладѣвать) пришлась кстати: „Записку“ Карамзина государь счелъ за выраженіе мнѣнія огромнаго большинства, и, послѣ прочтенія ея, сталъ сдержаннѣе относиться къ Сперанскому, а къ Карамзину сталъ благоволить и при каждомъ удобномъ случаѣ выказывать ему свое расположеніе [1]). «Записка» Карамзина.

Въ „Запискѣ“ Карамзинъ выказываетъ себя ярымъ, настойчивымъ консерваторомъ. Онъ положительно возстаетъ противъ всякихъ реформъ, несогласныхъ съ духомъ народа, и, не обинуясь, называетъ ихъ насиліемъ. „Духъ народный, — говоритъ онъ:—составляетъ нравственное могущество государства, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ. Онъ есть ничто иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Любовь къ отечеству питается народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Государство можетъ заимствовать отъ другого разныя полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе...“ Такимъ именно насиліемъ, съ этой точки зрѣнія, пришлось признать и реформы Петра Великаго, въ противоположность взгляду, нѣкогда выказанному на тотъ же вопросъ Карамзинымъ.

---

[1]) Благодаря «Запискѣ» скромное положеніе Карамзина, какъ ученаго и исторіографа, чуть не измѣнилось на весьма вліятельное и видное положеніе государственнаго дѣятеля. Говорятъ, что Александръ предполагалъ назначить Карамзина статсъ-секретаремъ при своей особѣ на время войны съ Наполеономъ, и только по особымъ обстоятельствамъ выборъ его палъ на Шишкова.

юношей въ „Письмахъ Русскаго Путешественника“... „Мы стали гражданами міра, — восклицаетъ Карамзинъ: — но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи...“ И затѣмъ (забывая многое и многое) Карамзинъ указываетъ Александру на время Екатерины, какъ „на счастливѣйшее для гражданина Россійскаго“... Переходя къ строгой и несовсѣмъ безпристрастной критикѣ реформъ, произведенныхъ Сперанскимъ, Карамзинъ доходитъ даже до такой крайности, что утверждаетъ, будто бы хорошее гражданское устройство зависитъ не отъ учрежденій, не отъ формы правленія, а исключительно отъ личности правителей, т. е. все сводитъ на свою излюбленную тэму чувства и прекрасныхъ качествъ души.

Погромъ 1812 г.

Вскорѣ послѣ того, событія историческія пошли быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Произошелъ никѣмъ не предвидѣнный разрывъ Александра со Сперанскимъ и наступила во многихъ отношеніяхъ памятная и знаменательная эпоха 1812 года, которая и въ жизни Карамзина отозвалась чувствительными потерями и лишеніями. Отъ нашествія французовъ ему пришлось пострадать матеріально, наравнѣ съ другими (подмосковная его жены была разорена и тѣмъ нанесенъ ущербъ его состоянію); его великолѣпная библіотека, которую онъ, по собственному выраженію, собиралъ „цѣлую четверть вѣка“—сгорѣла въ московскомъ пожарѣ. Уцѣлѣли только рукописи, да полный экземпляръ „Исторіи“ Карамзина въ двухъ спискахъ, которые, по счастію, хранились въ Остафьевѣ. Послѣдніе мѣсяцы 1812 и первую половину 1813 года Карамзинъ провелъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и Ярославлѣ, куда онъ съ семействомъ укрылся отъ московскаго разоренія. Только уже лѣтомъ 1813 г. онъ вернулся въ Москву, и здѣсь, и въ своей разоренной подмосковной оканчивалъ исторію древняго періода Россіи, до начала XVI вѣка. Къ началу 1816 г. были уже готовы восемь томовъ его „Исторіи“, и онъ рѣшился ихъ напечатать прежде окончанія своего огромнаго труда. Къ этому вынуждало его и весьма понятное въ авторѣ такого труда желаніе ознакомить публику съ „Исторіей“ и расчеты матеріальные: дѣти требовали воспитанія, а его самого тревожила и будущность семьи, и будущность труда, и накопившіеся долги, вызванные московскимъ погромомъ.

Поѣздка въ Петербургъ.

Въ Петербургъ необходимо было ѣхать, чтобы представить свой трудъ государю и печатать его подъ Высочайшимъ покровительствомъ. Въ Петербургъ призывала его милостивыми письмами и вдовствующая императрица Марія Өеодоровна, предлагая ему готовое помѣщеніе въ Павловскѣ, Царскомъ Селѣ или Гатчинѣ. Высокая покровительница наукъ и литературы, собиравшая около себя постоянный кружокъ лучшихъ русскихъ писателей, особенно желала приблизить къ себѣ Карамзина, чтобы побудить его по-

скорѣе перейти къ описанію „новѣйшаго времени, превосходящаго всѣ прошедшія чудесными происшествіями“. Но, несмотря на всѣ эти знаки благоволенія и вниманія со стороны вдовствующей императрицы и со стороны великой княгини Екатерины Павловны, Карамзинъ, собираясь (въ январѣ 1816 г.) въ Петербургъ, тревожился и опасался за участь своего труда. Недаромъ онъ писалъ въ это время своимъ пріятелямъ: „могу я въ Петербургъ съѣздить и воротиться ни съ чѣмъ... Говорятъ, что у насъ теперь только одинъ вельможа—графъ Аракчеевъ...“

Дворецъ въ Твери, гдѣ Карамзинъ читалъ свою Исторію императору Александру I.

2-го февраля 1816 года Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собою восемь томовъ своей „Исторіи“. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы онъ написалъ къ ней предисловіе и посвятительное письмо. Въ Петербургѣ онъ разсчитывалъ пробыть недолго, увѣренный въ томъ, что будетъ вскорѣ принятъ государемъ... Но, вмѣсто того, вынужденъ былъ остаться въ сѣверной столицѣ слишкомъ семь недѣль, и вынесъ изъ этого пребыванія такія тягостныя впечатлѣнія, что впослѣдствіи любилъ называть это пребываніе въ Петербургѣ „петербургской пятидесятницей“... Любопытнымъ и поучительнымъ памятникомъ остались намъ письма Карамзина къ супругѣ его, въ которыхъ онъ описываетъ свою „пятидесятницу“ почти подневно. Тягостною стороною этого пребыванія въ Петербургѣ было для Карамзина именно то рѣзкое противорѣчіе между ласковымъ, привѣтливымъ пріемомъ при Дворѣ императрицъ—Маріи Θеодоровны и Елисаветы Алексѣевны

Столичныя невзгоды.

и холоднымъ, сухимъ, почти суровымъ невниманіемъ, которое Карамзинъ встрѣтилъ при Дворѣ самого государя. Оказалось, что доступъ къ Александру могъ быть открытъ только всесильнымъ графомъ Аракчеевымъ, и къ нему-то направляли исторіографа всѣ его доброжелатели и вообще люди, близко знакомые съ современнымъ теченіемъ дѣлъ. Карамзинъ возмущался этимъ неизбѣжнымъ условіемъ и не хотѣлъ дѣлать визита къ могущественному любимцу, отзываясь тѣмъ, что онъ *„съ графомъ незнакомъ"* и *„къ незнакомымъ людямъ не ѣздитъ на поклонъ"*. И женѣ своей онъ пишетъ также, намекая на это обстоятельство: „не хочу презирать себя..." „не сдѣлаю ничего непристойнаго". А между тѣмъ молчаніе государя и какъ бы забвеніе, въ которомъ онъ оставлялъ Карамзина, начинало сильно тревожить исторіографа. „Что будетъ далѣе, не знаю,—пишетъ онъ женѣ:—но знаю, что 10 марта (если не прежде) возьму подорожную, чтобы ѣхать къ вамъ назадъ и болѣе не заглядывать въ Петербургъ..." Но послѣ этого прошло еще двѣ недѣли и государь не назначалъ Карамзину аудіенціи... А подъ рукою разные кліенты графа Аракчеева намекали Карамзину, что безъ воли графа онъ не будетъ принятъ государемъ, не будутъ ему выданы и столь необходимыя ему средства на печатаніе „Исторіи"... И Карамзинъ все еще старался сохранить свое достоинство, все еще бодрился; въ письмахъ къ женѣ находимъ такія мѣста: „могу ли я, имѣя извѣстный тебѣ характеръ, ѣхать къ незнакомому мнѣ фавориту? Это было бы нахально и глупо съ моей стороны". Или въ другомъ: „видишь, что мужъ твой Гуронъ—не поѣхалъ къ графу Аракчееву и не воспользовался его благорасположеніемъ". Еще 2-го марта онъ пишетъ въ Москву: „если не удостоютъ меня лицезрѣнія, то надобно забыть Петербургъ: докажемъ, что и въ Россіи есть благородная и Богу не противная гордость; продадимъ деревню и станемъ вѣкъ доживать въ Москвѣ".

Милости государя.

Но настало и 10-е марта—день, назначенный для отъѣзда,—а объ аудіенціи ни слуху, ни духу. Пришлось покориться неизбѣжной необходимости: Карамзинъ отвезъ карточку графу Аракчееву и на третій день былъ отъ него удостоенъ приглашеніемъ. Тяжело читать въ послѣдующихъ письмахъ Карамзина, какъ онъ старается извинить и оправдать свой шагъ и даже пишетъ женѣ, что онъ нашелъ въ Аракчеевѣ „человѣка съ умомъ и съ хорошими правилами..." Но, какъ бы то ни было, а декорація тотчасъ же перемѣнилась. На другой же день, послѣ пріема у графа Аракчеева, Карамзинъ получилъ приглашеніе отъ государя, былъ тотчасъ принятъ, обласканъ, осыпанъ милостями... Всѣ его желанія были исполнены; „все принято,—пишетъ онъ женѣ:—даже какъ нельзя лучше: на печатаніе 60.000 р. и чинъ

Вдовствующая императрица Марія Θеодоровна, супруга Павла I.

мнѣ принадлежащій по закону; печатать здѣсь, въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ Селѣ; право быть искреннимъ" и т. д. Сверхъ того, Карамзинъ сообщаетъ: „Государь пожаловалъ мнѣ еще Анненскую ленту черезъ плечо и самымъ пріятнѣйшимъ образомъ". Вполнѣ достовѣрный свидѣтель поясняетъ намъ смыслъ этихъ послѣднихъ словъ Карамзина: государь, награждая его, замѣтилъ съ особенною выразительностью, что жалуетъ ленту „не за Исторію, а за Записку".

«Исторія» напечатана. Въ томъ же году Карамзинъ переселился съ семьею изъ Москвы въ Петербургъ и принялся за печатаніе „Исторіи", которое длилось почти два года. Только уже въ 1818 году онъ могъ поднести государю полный экземляръ „Исторіи Государства Россійскаго". Успѣхъ книги былъ необычайный: менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ распроданы были 3000 экземпляровъ и потребовалось новое изданіе, которое книгопродавецъ Слёнинъ купилъ у Карамзина за 50.000 р. Печатаніе этого второго изданія опять удержало Карамзина въ Петербургѣ, противъ всякаго его желанія, такъ какъ всѣ помыслы и всѣ привязанности влекли его въ Москву. „Москва у меня въ сердцѣ,—пишетъ онъ Малиновскому:—кажется, что мнѣ лучше провести остатокъ жизни тамъ же, гдѣ я провелъ молодость, въ любви семейственной и дружеской... Чувствую, что я не созданъ для здѣшней жизни и что мнѣ оставалось бы доживать свой вѣкъ въ уединеніи, съ вами, моими друзьями московскими".

Между тѣмъ Карамзина необычайно ласкали при Дворѣ; всѣ наперерывъ старались выказать къ нему пріязнь и вниманіе. На лѣто ему былъ отведенъ особый домикъ въ такъ-называемой Китайской деревнѣ, въ Царскосельскомъ паркѣ, и почти ежедневно ему приходилось встрѣчаться съ государемъ въ большой аллеѣ Царскосельскаго сада и въ этомъ „зеленомъ кабинетѣ" (по выраженію государя) Александръ иногда проводилъ цѣлые часы въ откровенной бесѣдѣ съ исторіографомъ. Безкорыстіе [1]) Карамзина, который ничего для себя не искалъ и не просилъ, внушало къ нему довѣріе со стороны государя и давало ему право быть искреннимъ въ выраженіи своихъ мнѣній [2]); онъ пользовался

---

[1]) Карамзину, въ послѣдніе годы жизни, неоднократно былъ предлагаемъ постъ министра народнаго просвѣщенія, но онъ каждый разъ отъ него отказывался.

[2]) Мнѣнія высказывались откровенно и прямо, но, по собственному признанію Карамзина, нимало не вліяли на рѣшенія государя. «Я не безмолвствовалъ, — говоритъ онъ: — о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Гурьевской системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о министерствѣ просвѣщенія или затмѣнія (при министрѣ Шишковѣ), о необходимости уменьшить войско, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ, о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные». Въ 1819 г., когда Александръ склонился къ мысли о возстановленіи Польши «во всей ея цѣлости», Карамзинъ *со слезами* умолялъ его этого не дѣлать и подалъ ему записку, которую назвалъ «Мнѣніемъ Русскаго Гражданина».

Царское Село, 15 Сент.
1818.

Сердечно благодарю васъ, почтенный Василій Назарьевичъ, за обязательное доставленіе мнѣ двухъ рукописей о Царѣ Ив. Вас. и за милое, искреннее доказательство вашего всегдашняго добраго ко мнѣ расположенія. Рукописи немедленно возвращаю: въ нихъ я не нашелъ ничего особеннаго. — Хотя уже тому лѣтъ 15, но жалѣю, если напечатаніе вашей рѣчи сдѣлало вамъ какое нибудь неудовольствіе. Я думалъ, что вы сами прислали ее тогда къ издателю Вѣстника. Мнѣ досадно было читать въ Инвалидѣ объ изданіи <u>моей Записки</u>, въ которой осуждается торжественное дѣло Государя, т. е. заложеніе церкви на Воробьевыхъ горахъ. Я могъ говорить объ этомъ въ Августѣ 1817, читая описаніе Архитекторова плана; но когда уже планъ принятъ и дѣло сдѣлано, тогда критика дѣлается преступленіемъ.

Письмо Н. М. Карамзина къ В. Н. Каразину.

Оригиналъ находится въ собраніи автографовъ П. Я. Дашкова.

рукописное и печатное не одно. К тому же
список ваш был весьма неисправен.
Я не говорил о потревоженных мощах,
о действительном Петре I, и т. д.
по другим возрениям, почтенный Василий
Андреевич, что не сержусь ни на вас, ни
на издателей Т. В. Если вы читали мою фразу,
то видели, что я не хотел никакого вре-
дить присутствующим — и более, через при-
сутствие — требовали, чтобы я отказался
от всякого участия в издании Записки.
Что касается до Г. Каченовского, то
оставим его в покое: славного века.
Я и ему не сделаю зла: даже и не
буду с ним браниться. Пусть его дока-
зывает, что Басма есть хрюкотание, и
что Писательской не дворянин! —
Образцы литературные — и вообще уже мне
будет, что вы по своей призвании
удержитесь и скажите мне об
игре. Исполните своё любезное
обещание. Время проходит: история
уже в типографии для второго издания.

Тирисъ не есть опечатка: такъ писалъ
Геродотъ [а не Тирасъ, какъ другіе писали]. —
изъ которыхъ имени Славянъ. иначе те=
перь иначе изъяснено. — Вмѣстѣ съ
Вами свидѣтельствовали мы наше душевное
почтеніе Милостивому Государю Александру
Васильевичу. Vale et fave пре-
даннаго Вамъ Карамзина.

P.S. Что касается до цензуры, то я
дѣлалъ въ предисловіи мелкихъ, незначитель=
ныхъ; но пьеса не имѣетъ отъ этого вреда.
Вы говорите о Сіонскомъ Вѣстникѣ:
Знаете ли, что Издатель считаетъ
себя утѣсняемымъ, гонимымъ, и прекра=
щаетъ его? — Въ Благонамѣренномъ
я еще не видалъ ничего вашего. — Черезъ
двѣ недѣли располагаемся переѣхать
въ городъ, гдѣ будемъ жить у
Аничкова моста, на Фонтанкѣ,
въ домѣ Муравьевой.

Еще разъ простите. Будьте
здоровы и благополучны.

своею близостью къ Александру только для того, чтобы ходатайствовать о другихъ. Эти знаменательныя отношенія между государемъ и подданнымъ держали Карамзина какъ бы въ обязательномъ приближеніи ко Двору, хотя онъ и постоянно мечталъ объ удаленіи на остатокъ дней своихъ въ свое московское уединеніе. Государь былъ постоянно самъ цензоромъ его „Исторіи" при печатаніи послѣднихъ томовъ; онъ читалъ „Исторію" и въ дорогѣ, при переѣздахъ по Россіи, и за границей, куда вслѣдъ за нимъ были отправляемы листы ея; первыя главы XII тома были читаны государемъ въ Таганрогѣ, незадолго до смерти, которая тяжело потрясла Карамзина, также изнемогавшаго подъ бременемъ нравственнаго утомленія и разныхъ недуговъ. Заканчивая XII томъ, онъ какъ бы предчувствовалъ уже приближеніе и своего конца, потому что писалъ къ неизмѣнному другу своему, И. И. Дмитріеву: „Списываю вторую главу Шуйскаго: еще главы три съ обозрѣніемъ до нашего времени, и поклонъ всему міру, не холодный, но съ движеніемъ руки навстрѣчу потомству, ласковому или спѣсивому, какъ ему угодно. Признаюсь, желаю довершить съ нѣкоторою полнотою духа, правотою сердца и воображенія. Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль, если захлебнусь съ перомъ въ рукѣ до пункта, или перо выпадетъ изъ руки отъ какого-нибудь удара. Но, да будетъ воля Божія".

Карамзинъ угадалъ: онъ „не доплылъ до берега и захлебнулся съ перомъ въ рукѣ"... На половинѣ V главы XII тома, при описаніи внутренняго состоянія Россіи послѣ убіенія Годунова, рука исторіографа еще начертала слова: „Тихвинъ, Ладога сдалися генералу Делагарди на условіяхъ новогородскихъ; *Орѣшекъ не сдавался*..." И затѣмъ онъ почилъ отъ трудовъ:—эти слова были его послѣдними словами, написанными на страницахъ Исторіи...

Для полноты нашего разсказа о послѣднихъ годахъ жизни Карамзина, добавимъ, что онъ умиралъ, успокоенный относительно будущаго своей семьи. Милостивый рескриптъ императора Николая I [1]), чрезвычайно внимательнаго и признательнаго по отношенію къ Карамзину, сопровождался указомъ, по которому исторіографу и его семьѣ приказано было производить ежегодную пенсію въ 50.000 р. Вотъ что должно было служить угасающему

Послѣдніе годы жизни.

---

[1]) Этотъ рескриптъ, самъ по себѣ, представляетъ въ такой степени важный историческій документъ, что мы считаемъ своимъ долгомъ привести его здѣсь цѣликомъ:

«Николай Михайловичъ.

Разстроенное здоровье Ваше принуждаетъ Васъ покинуть на время отечество и искать благопріятнѣйшаго для Васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъявить Вамъ мое искреннее желаніе, чтобы Вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ то же время, и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ (продолженіе на стр. 362)

Карамзину утѣшеніемъ и одобреніемъ. Императоръ Николай простеръ свою заботливость о немъ до такой степени, что въ послѣдніе мѣсяцы жизни далъ ему помѣщеніе въ Таврическомъ дворцѣ и приказалъ приготовить военный корабль, который долженъ былъ везти больного исторіографа въ Италію, куда его посылали врачи, ради исцѣленія его недуга. Но всѣ эти заботы и вниманіе уже не могли возстановить угасавшія силы Карамзина: онъ не дожилъ до дня, назначеннаго для отъѣзда за границу, и скончался 22 мая 1826 года.

„Чтобы чувствовать всю сладость жизни — писалъ онъ И. И. Дмитріеву незадолто до кончины—надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ Отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятивъ здѣсь способности ума авторству“.

Могила Карамзина находится на кладбищѣ Александро-Невской лавры; вдохновенный поэтъ, преклоняясь передъ памятью Карамзина, какъ писателя и гражданина, воспѣлъ эту могилу съ нѣкоторымъ, впрочемъ весьма понятнымъ, поэтическимъ гиперболизмомъ:

«Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы,
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будетъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя—Кара́мзинъ».

Въ 1845 году, въ Симбирскѣ — на родинѣ Карамзина—ему былъ воздвигнутъ памятникъ, довольно неудачный по замыслу и довольно жалкій по исполненію.

Предшественники Карамзина.

Ознакомивъ читателей съ исторіей Карамзинскаго труда—и любопытной, и назидательной—мы должны, въ настоящее время, перейти къ общему обзору самаго труда и указать на отношеніе его „Исторіи“ къ предшествующимъ историческимъ трудамъ, съ которыми мы уже нѣсколько знакомы.

Мы уже видѣли выше, что̀ предшествовало Карамзину въ области серьезнаго изученія Русской Исторіи: труды Татищева, Байера, Мюллера, Щербатова и Болтина, отчасти Стриттера и Шлецера.

Вашу благородную, безкорыстную къ Нему привязанность, и за Себя Самого, и за Россію изъявляю Вамъ признательность, которую Вы заслуживаете и своею жизнію, какъ гражданинъ, и своими трудами, какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ Вамъ: « Русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, Вами написанная, достойна Русскаго народа». Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить братъ Мой. Въ приложенной бумагѣ найдете Вы изъявленіе воли моей, которая, будучи съ моей стороны одною только справедливостью, есть для меня и священное завѣщаніе Императора Александра. Желаю, чтобы путешествіе было Вамъ полезно и чтобы оно возстановило Ваши силы для довершенія главнаго дѣла Вашей жизни.

Николай.»

Каждый изъ нихъ нѣчто сдѣлалъ и внесъ свою посильную лепту въ изученіе историческаго матеріала—одинъ болѣе, другой менѣе—а Татищевъ и Щербатовъ пытались даже создать нѣчто въ родѣ плавнаго историческаго разсказа на основаніи имъ извѣстнаго и имъ доступнаго матеріала. Трудъ Татищева представляетъ собою не болѣе, какъ сводную лѣтопись, доведенную авторомъ до смерти царя Θеодора Іоанновича; примѣчанія къ ней не имѣютъ научнаго значенія: они скорѣе любопытны, нежели важны, по указаніямъ автора на нравы и обычаи XVII и XVIII вѣковъ, о которыхъ воспоминанія уцѣлѣли въ его памяти. Трудъ князя Щербатова является первымъ опытомъ связнаго, прагматическаго изложенія фактовъ Русской Исторіи, доведенной до временъ царя Михаила Θеодоровича. Изъ предыдущаго, мы уже знаемъ, какимъ отсутствіемъ критики и какимъ произволомъ въ объясненіи событій страдаетъ трудъ князя Щербатова.

Трудъ Карамзина.

Историческій трудъ Карамзина ничего не имѣетъ общаго съ этими предшествующими трудами, ни по замыслу, ни по той подготовкѣ, съ которою приступилъ къ нему авторъ. Одинъ изъ біографовъ Карамзина замѣчаетъ, что, отдаваясь занятіямъ „Исторіею", Карамзинъ относился къ этому дѣлу какъ литераторъ и художникъ: „онъ хотѣлъ, прежде всего, сочинить занимательную книгу для чтенія; онъ хотѣлъ развернуть пріятную, поразительную картину передъ взорами своихъ читателей; распространить въ обществѣ, въ народѣ историческія свѣдѣнія, доступныя прежде только для немногихъ. Учености у него не было въ виду. Онъ надѣялся управиться при одномъ здравомъ смыслѣ, живости воображенія, при талантѣ краснорѣчія"... „О дѣлѣ исторіи, особенно въ отношеніи къ приготовительнымъ историческимъ работамъ, Карамзинъ имѣлъ понятія очень поверхностныя; классическаго образованія онъ не получилъ и даже собственно ученой подготовки у него не было". Но когда онъ сошелся лицомъ къ лицу со своей необъятно-громадной задачей, тогда онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться отъ первоначальнаго чисто-литературнаго отношенія къ ней, и прежде всего занялся многостороннею, критическою, чисто-ученою разработкою историческаго матеріала. Громадною заслугою Карамзина, какъ историка, является именно то, что онъ подавилъ въ себѣ художника и съ изумительною добросовѣстностью принялся за утомительную работу кропотливаго ученаго, которую и выполнилъ блистательно, пренебрегая затратою силъ, не щадя никакихъ трудовъ для разысканія истины. Прежде чѣмъ написать одну главу своей „Исторіи", онъ долженъ былъ перебрать горы матеріала, который, въ довершеніе всего, ему же приходилось критически провѣрить, подвергнуть всевозможнымъ сличеніямъ, уяснить себѣ въ хронологическомъ

и другихъ отношеніяхъ. Одновременно ему приходилось быть и палеографомъ, и филологомъ, и археологомъ, и географомъ, потому что русская историческая наука вовсе не была разработана въ частностяхъ, а тексты памятниковъ, изданные въ свѣтъ, были обезображены множествомъ ошибокъ, пропусковъ и всякой путаницей. Прежде, чѣмъ пользоваться однимъ изъ этихъ памятниковъ, приходилось прибѣгать къ его рукописному оригиналу, сличать главный списокъ съ варіантами и т. д. Путемъ этой тяжкой, долгой и чрезвычайно-мелочной работы создались тѣ монументальныя „Примѣчанія" къ „Исторіи" Карамзина, которыя такъ его пугали [1]), и которыя, въ сущности, составляютъ его величайшую заслугу. А въ какой степени ему приходилось для этой работы „вооружаться терпѣніемъ", видно изъ того, что послѣ 6 лѣтъ усидчивой работы, въ сентябрѣ 1809 г., онъ писалъ Дмитріеву: „въ нынѣшній годъ почти совсѣмъ не подвинулся впередъ—описалъ только княженіе Василія Дмитріевича, сына Донского". Громадныя „Примѣчанія" эти даютъ намъ полное понятіе обо всемъ кругѣ памятниковъ, которые были доступны Карамзину и, сверхъ того, имѣютъ еще и особую цѣну: нѣкоторые изъ памятниковъ, которыми Карамзинъ пользовался, погибли безслѣдно, вслѣдствіе чего самыя „Примѣчанія" его пріобрѣли значеніе первоисточника.

„Исторія Государства Россійскаго", въ настоящее время пережившая уже по меньшей мѣрѣ три поколѣнія ученыхъ критиковъ, давно уже разработана и разсмотрѣна ими во всѣхъ подробностяхъ и оцѣнена со всѣхъ сторонъ. Она всѣхъ поразила громадностью положеннаго на нее труда и цѣльностью впечатлѣнія, которое она производитъ на всѣхъ своими высокими литературными достоинствами. Но далеко не всѣхъ „Исторія" Карамзина удовлетворила, какъ исторія Россіи... „Появленіе этой книги, — такъ разсказываетъ Пушкинъ въ своихъ „Запискахъ",— надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ: Древняя Россія, которая была найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили, хотя многіе толки были такого свойства, что могли бы отучить отъ охоты къ славѣ"...

Многіе были справедливо недовольны предвзятостью того

---

[1]) «Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ — пишетъ Карамзинъ— устрашаетъ меня самого. Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, очищены критикою, то намъ оставалось бы единственно только ссылаться; но когда большая ихъ часть въ рукописяхъ, въ темнотѣ, когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено—надобно вооружиться терпѣніемъ.»

натянутаго догматизма, который былъ положенъ въ основу плана всего труда. „Русь основалась единоначаліемъ, гибла отъ разновластія и спаслась единодержавіемъ“, вотъ основная идея, подъ которую пріурочены всѣ факты [1]). Потому и самой исторіи дано названіе „Исторіи Государства Россійскаго“, потому и „государство“ приходится Карамзину находить въ древней Руси не только при Ярославѣ Мудромъ и Владимірѣ Равноапостольномъ, но даже и при Рюрикѣ. Другимъ укоромъ, и тоже весьма основательнымъ, было то, что Карамзинъ, произнося свой судъ надъ историческими личностями, постоянно имѣлъ въ виду только одни ихъ нравственныя качества, и, равняя ихъ въ этомъ отношеніи со своими современниками, примѣняя къ нимъ требованія своего времени, требовалъ отъ нихъ, прежде всего, чувства, даже нѣжной чувствительности. Въ этомъ случаѣ, онъ прямо заплатилъ дань той сентиментальной школѣ, къ которой въ юности принадлежалъ, какъ писатель. Притомъ, понятіе о нравственности не есть понятіе строго-опредѣленное; идеалы нравственности, въ разные вѣка и у разныхъ народовъ, бываютъ не только различными, но даже и прямо противоположными, а потому и сужденіе объ историческихъ личностяхъ, на пространствѣ отъ IX по XVII вѣка, основанное на одномъ, произвольно избранномъ идеалѣ, должно было привести автора къ выводамъ совершенно неправильнымъ, невѣрнымъ и крайне-одностороннимъ. Многія историческія личности, благодаря такому воззрѣнію Карамзина, совершенно утратили всякій живой колоритъ и явились какими-то отвлеченными олицетвореніями извѣстныхъ качествъ; а другія предстали потомству чудовищами, напоминающими злодѣевъ нашей ложно-классической трагедіи.

Гораздо выше историческаго значенія труда Карамзина является его литературное значеніе. По общему отзыву всѣхъ критиковъ, приступавшихъ къ разбору „Исторіи Государства Россійскаго“ съ различныхъ сторонъ, Карамзинъ признается великимъ художникомъ и мастеромъ въ возсозданіи нашего прошлаго. Его „Исторія“—это рядъ превосходно-написанныхъ картинъ, которыя всѣмъ доступны и всѣмъ понятны, которыя невольно приманиваютъ къ себѣ читателя, увлекаютъ его и приковывая къ себѣ его вниманіе,—незамѣтно вводятъ его въ глубь вѣковъ. Даже и теперь, когда языкъ Карамзина является для насъ уже нѣсколько обветшалымъ, искусственнымъ и высокопарнымъ, его „Исторія“ производитъ на насъ (особенно въ молодости) сильное, обаятельное впечатлѣніе; но въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка, въ средѣ ближайшихъ современниковъ Карамзина, она поражала

[1]) Эта формула, собственно говоря, находится въ «Запискѣ о древней и новой Россіи»—но вся «Исторія Государства Россійскаго» есть ничто иное, какъ развитіе ея.

своими красотами и вызывала безусловное преклоненіе передъ геніемъ историка-художника. Даже такой сильный умъ, какъ Пушкинъ, поддался этому общему настроенію, и, вдохновленный художественно-созданными образами Карамзина, принялъ ихъ въ основу своего творчества, не дерзнувъ примѣнить къ нимъ никакой критики.

Н. М. Карамзинъ, въ то время, когда онъ кончалъ свой историческій трудъ.

Языкъ и слогъ «Исторіи».

Въ значительной степени обаянію „Исторіи Государства Россійскаго“ способствовалъ языкъ, которымъ Карамзинъ изложилъ свой трудъ—языкъ, доведенный уже до весьма значительной степени совершенства. Насколько въ прежнихъ сочиненіяхъ Карамзина онъ отличался тѣмъ, что его современники называли *пріятностью*, т. е. легкостью, мягкостью въ оборотахъ и выраженіяхъ, благозвучіемъ въ послѣдовательномъ теченіи и развитіи фразы; настолько же въ „Исторіи“ онъ является строгимъ, мужественнымъ и величавымъ. Иностранныя слова, столь неуклюже усво-

енныя русской рѣчи въ современной прозѣ, совершенно отвергнуты Карамзинымъ въ языкѣ его „Исторіи“; многія изъ нихъ весьма искусно замѣнены соотвѣтствующими русскими словами. Сверхъ того, въ современный русскій языкъ внесено много старинныхъ реченій и словъ, много оборотовъ и сильныхъ выраженій, заимствованныхъ прямо изъ живого знакомства съ языкомъ лѣтописей, грамотъ и актовъ. Все это вставлено въ рѣчь, примѣнено и прилажено къ общему характеру слога такъ искусно, что ничуть не нарушаетъ общей гармоніи языка и не рѣжетъ слуха, подобно тѣмъ славянизмамъ, которыми старая литературная школа старалась украсить строй высокаго штиля. Каждая фраза закончена и отдѣлана тщательно—словно отчеканена; каждый періодъ представляетъ собою отдѣльное цѣлое, построенное совершенно правильно, съ соблюденіемъ повышенія и пониженія не только въ сопоставленіи частей періода, но, кажется, даже въ самомъ сопоставленіи словъ и звуковъ. Эта правильность въ постройкѣ періодовъ, подъ конецъ, даже утомляетъ читателя и дѣйствуетъ на него нѣсколько удручающимъ образомъ, особенно благодаря часто-повторяющимся дактилическимъ окончаніямъ періодовъ и однообразной постановкѣ прилагательныхъ позади существительныхъ, вовсе несвойственной русскому языку. Современнаго намъ читателя, избалованнаго простотою литературной рѣчи (даже и въ историческомъ изложеніи), которая ввелась во всеобщее употребленіе въ послѣдніе полвѣка, поражаетъ именно эта искусственная настроенность Карамзинской прозы въ

Памятникъ Карамзину, на родинѣ его, въ Симбирскѣ.

его „Исторіи“, эти частые ея переходы къ ораторскому паѳосу, этотъ постоянный риторизмъ и гиперболизмъ всѣхъ отзывовъ о лицахъ и всѣхъ характеристикъ... Но, несмотря на всѣ эти недостатки, въ которыхъ можно видѣть не болѣе, какъ дань современнымъ воззрѣніямъ на значеніе Исторіи и современнымъ понятіямъ о слогѣ исторической прозы, „Исторія Государства Россійскаго“ остается памятникомъ замѣчательнымъ и, можетъ-быть, единственнымъ въ своемъ родѣ. Для созданія этого памятника крупный, добросовѣстный и проницательный ученый соединился съ сильнымъ энергическимъ художникомъ, и подъ ихъ обоюднымъ вліяніемъ, при ихъ обоюдномъ содѣйствіи, создалось разомъ полное, цѣльное, рельефное представленіе о нашемъ историческомъ прошломъ, не совсѣмъ вѣрное и не совсѣмъ ясное въ подробностяхъ, но поражающее насъ величіемъ и обширностью открывающейся передъ нами картины... Пушкинъ былъ правъ, сказавъ, что Карамзинъ „открылъ древнюю Россію, какъ Колумбъ Америку“. Карамзинъ, дѣйствительно, первый изъ русскихъ историковъ, который не только облегчилъ всѣмъ доступъ къ нашей родной старинѣ, но еще и увлекъ къ ея изслѣдованію, заставилъ не только полюбить ее, но и научилъ относиться къ ней разумно и осторожно.

Карамзину, какъ наиболѣе крупному и выдающемуся литературному дѣятелю эпохи конца XVIII и начала XIX вѣка, приписывалась многими какая-то особая реформа въ языкѣ литературномъ, и отъ него вело начало нашей новѣйшей прозы. Надо однакоже замѣтить, что Карамзинъ, ни по образованію, ни по природной склонности, не былъ филологомъ, не занимался языкомъ теоретически и никогда не задавался никакими общими вопросами по языку и слогу. Для насъ представляется даже весьма сомнительнымъ предположеніе, будто бы Карамзинъ могъ дѣйствительно задумываться надъ строемъ фразы, надъ выборомъ той или другой ея конструкціи, надъ сознательнымъ внесеніемъ въ литературный языкъ того или другого запаса словъ. Все это дѣлалось непроизвольно, вырабатывалось путемъ практическаго употребленія и окончательно усваивалось литературной рѣчью, проходя черезъ строгую провѣрку высокоразвитаго Карамзинскаго изящнаго вкуса и такта. Выше мы уже упоминали о томъ мнѣніи, которое высказалъ академикъ Тихонравовъ о такъ-называемой Карамзинской реформѣ нашего литературнаго языка; опираясь на мнѣніе П. Ѳ. Тимковскаго (современника Карамзина), Тихонравовъ говоритъ: „въ школѣ Новикова начался новый литературный языкъ, созданіе котораго относятъ обыкновенно къ одному Карамзину, тогда какъ самъ онъ воспитывался въ школѣ переводчиковъ Новикова...“ Основываясь на этомъ, почтенный ака-

Василій принялъ державу отца,
но безъ всякихъ священныхъ обрядовъ,
которые напомнили бы Россіянамъ
о злополучномъ Димитріи, торжественно
вѣнчанномъ и свергнутомъ съ престола
въ темницу ( ). Василій не хотѣлъ
быть великодушнымъ: племянника [illegible] его щадили и
своего уничтоженія, [illegible] онъ
безжалостно осудилъ сего юношу несчастнаго
узникомъ, даже оковалъ цѣпями, сокрылъ
отъ людей, отъ свѣта Божія въ тѣсной,
мрачной палатѣ ( ). Изнемогая
горестію, скукою праздного уединенія,
лишенный всѣхъ
христіанской жизни, [illegible]
безъ отрады, безъ надежды въ сихъ [illegible],
Димитрій преставился въ 1509
году, быв одною изъ умилительныхъ жертвъ
мутной политики, оплакиваемыхъ добрыми
сердцами и находящихъ мстителя себѣ
въ другомъ мірѣ ( ).
Смерть возвратила Димитрію права
царскія: [illegible]
величественный одръ, торжественно отпѣвали
въ храмѣ Св. Михаила и
предали землѣ подлѣ гроба родителева.

Государствованіе Василія было, подобно
Іоанну, продолженіемъ единодержавія, твердымъ, непрерывнымъ,
хотя и менѣе счастливымъ; Василій слѣдовалъ
тѣмъ же правиламъ въ политикѣ внѣшней
и внутренней, такъ что государствованіе
сына казалось продолженіемъ отцевскаго
для Россіи и другихъ державъ, хотя въ [illegible]
и къ [illegible] вредомъ [illegible]. [illegible] привязались

Черновая рукопись „Исторіи Государства Россійскаго" Н. М. Карамзина.
Одинъ изъ листовъ, хранящійся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

Книги Крымскія 14 на обор. 77

только были свидетелями в [illegible] монархической власти: новый Государь во всех важных случаях требовал совета от думных бояр, чиновников и сотрудников Иоанновых, и мнением их утверждал собственное ( ).

Зная великую хитрость Менгли-Гиреева, Василий искусно ласкал его. Извещал Хана о кончине родителя и требовал от него новой шертной, или клятвенной грамоты. Менгли-Гирей прислал ее с двумя своими вельможами: бояре московскіе читали, что она не так писана, как дана Иоанну, и предложили иную: послы Ханскіе скрепили оную печатами и клятвою; а Великій Князь отправил Окольничаго Константина Заболоцкаго в Тавриду, чтобы удостовериться в искренней дружбе Хана ( ).

Книги 18, 69.

Измена Царя Казанскаго требовала мести. Василий послал многочисленную рать, судовую и конную, с братьями Юрием, Димитрием, и знатными Воеводами, Федором Бельским, Щенятевым, Князьями Ростовскими, Курбскими ( ).

г. 1506.

архив. 181

22 маія Россіяне, вышед на берег у Казани.

День был жаркой: [illegible] сразились перед городом, и неприятельских [illegible] и теснили их; но Конница Татарская завязала им в тыл, отрезала от судов и сильным ударом смешала Россіян. Многіе

пало, тогда въ Польшѣ оберъ
ими отданый въ плѣнъ съ воеводою
Шеинымъ, Князь Палецкій
и Куракинъ [illegible] ( )
Друзья [illegible] открыли
изъ [illegible] и [illegible]
[illegible] : она [illegible]
по Лжедмитрію, узналъ о [illegible]
и въ то же время Князь
Василія Хилинскаго [illegible]
[illegible] Казани, [illegible] не велѣть
Дмитрію [illegible] города.
[illegible] Дмитрій [illegible]
[illegible] хотѣлъ [illegible] своё
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] единственно
не [illegible] воеводы
[illegible]
[illegible]
[illegible] Казани [illegible]
[illegible], [illegible]
Россіане, [illegible]
въ [illegible]
не [illegible] открывали [illegible]
[illegible] !
[illegible] Князь [illegible]
[illegible]
[illegible] Михайловича [illegible]
и [illegible]
[illegible] Казанскаго, [illegible]
[illegible] въ Россіи,
[illegible] Велик. [illegible] передъ [illegible]
[illegible]
[illegible]
Великаго Князя, [illegible] ( )

181 орудія. и [illegible] 346 [illegible]
Въ [illegible]
Розрядн. книги.
Архив. и [illegible] 1714

оказали мужество [illegible]

[illegible]

и в его время от Орды

набеги Казанских татар=

[illegible]

[illegible]

В. Дмитрий и Всеволод [illegible]

[illegible] государь [illegible]

[illegible] и наказали [illegible]

[illegible] России предписывали

[illegible]

[illegible] Магмет-Амин [illegible]

[illegible]

[illegible] великий князь

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] от [illegible]

к государю Великому [illegible]

[illegible] и движения

[illegible] Василий, [illegible]

[illegible] Михаила

[illegible] Магмет-Амина

[illegible] Ра=

[illegible]

[illegible] России=

[illegible] Магмет-Амин [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

и признал свою зависимость от

России, [illegible] при Иоанне ( ).

[illegible]

[illegible] с [illegible]

стию России.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] и явно

демикъ доказываетъ, что даже и языкъ „Писемъ Русскаго Путешественника“ былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ близкихъ отношеній Карамзина къ тому кружку, который группировался вокругъ Новикова и его сотрудниковъ и проявлялъ свою дѣятельность въ массѣ издаваемаго Новиковымъ оригинальнаго и переводнаго матеріала.

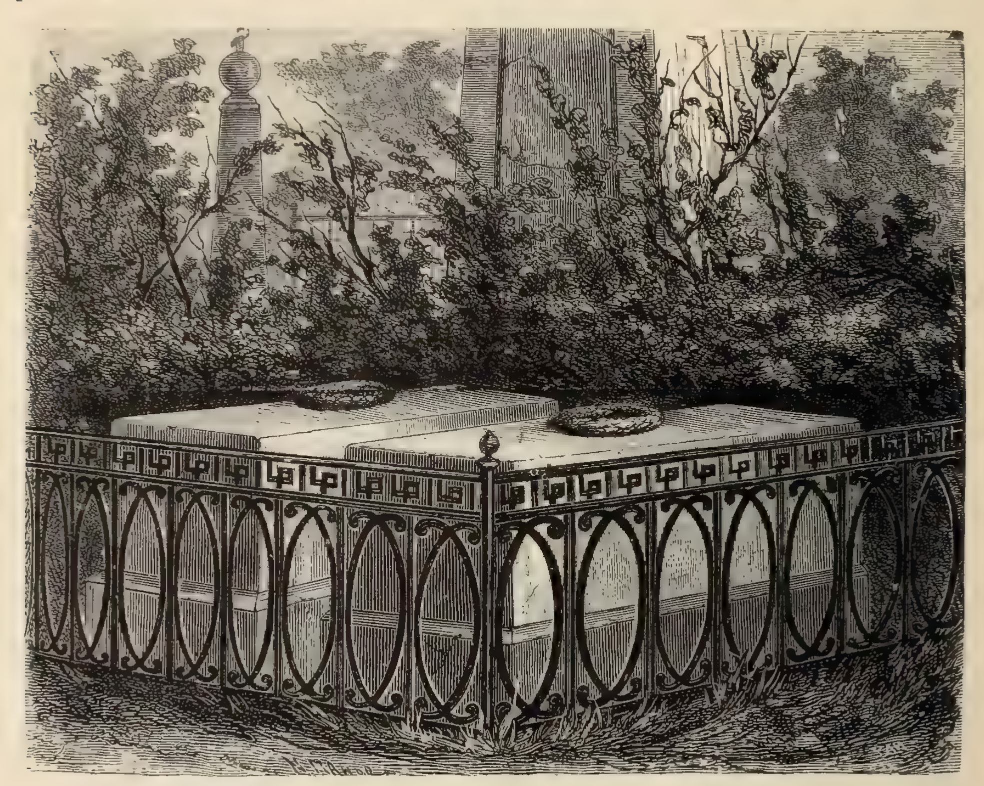
Барельефы на памятникѣ въ Симбирскѣ. Карамзинъ, читающій Исторію Александру I.

Но скромная работа безыменныхъ сотрудниковъ Новикова, упорная и постоянная въ теченіе многихъ лѣтъ, могла не обратить на себя вниманія и должна была бы пройти незамѣченною, пока изъ этой литературной лабораторіи не выработался и не вышелъ на свѣтъ Божій такой крупный дѣятель, какъ Карамзинъ. Всѣ пришли въ восторгъ отъ первыхъ его произведеній — отъ „Писемъ Русскаго Путешественника“, отъ повѣстей и очерковъ; всѣ восхищались его легкой, гармонической прозой, его простымъ, незамысловатымъ стихомъ — и всѣ изумлялись *его* языку, который, по сравненію съ классиками поэзіи и прозы, представлялся чѣмъ-то удивительно понятнымъ, доступнымъ и привлекательнымъ. „Онъ пишетъ почти такъ, какъ мы говоримъ“, отзывались всѣ о молодомъ авторѣ, хотя и понимали, что

Другой барельефъ, тамъ же: Карамзинъ на смертномъ одрѣ.

языкъ молодого автора очень далекъ отъ разговорнаго и очень много заключаетъ въ себѣ искусственнаго и манернаго. Никому, конечно, и въ голову не приходило, что языкъ Карамзина не ему исключительно принадлежитъ—не родился во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера,—что этотъ языкъ постепенно выработался въ извѣстномъ литературномъ кружкѣ, въ теченіе по-

Могила Карамзина на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

слѣдняго двадцатилѣтія, и что Карамзинъ, одинъ изъ членовъ этого кружка, только сумѣлъ дать блистательное примѣненіе этому языку въ талантливыхъ своихъ произведеніяхъ, которыя всѣмъ нравились и всѣмъ кружили голову. Но Карамзинъ, въ особенности, долженъ былъ представиться творцомъ своего литературнаго языка именно тогда, когда его окружила масса поклонниковъ и подражателей, которые, не отличаясь особеннымъ талантомъ, подражали такъ усердно, что иногда доводили нѣкоторыя крайности и неловкости Карамзинскаго способа выраженія до полнаго абсурда. Карамзинъ былъ далеко выше ихъ и казался всѣмъ главою, руководителемъ этой меньшой братіи, прославлявшей его и слѣпо подражавшей ему, не обладая его талантомъ. Такое значеніе Карамзина еще болѣе утвердилось, еще болѣе возвысилось, послѣ его добровольнаго удаленія отъ литературы и „постриженія“ въ историки [1]); а послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ

[1]) Это мѣткое выраженіе принадлежитъ князю П. А. Вяземскому.

восьми томовъ „Исторіи“ значеніе Карамзина, какъ законодателя и творца новѣйшаго русскаго литературнаго языка, стало уже непреложнымъ закономъ и неопровержимой истиной.

По поводу именно этого значенія, еще съ самаго выступленія Карамзина на литературное поприще, у него явились противники, съ крайнимъ недоброжелательствомъ и страстною враждебностью нападавшіе на него лично, и какъ на автора, и какъ на руководителя школы молодыхъ писателей, будто бы искажавшихъ русскій литературный языкъ. Нападавшіе были ярыми приверженцами старой литературной школы, поклонниками русскаго классицизма, въ лицѣ такихъ писателей, какъ Ломоносовъ и Сумароковъ, поклонниками отживавшей свой вѣкъ „теоріи о трехъ штиляхъ“ и церковно-славянской основы, будто бы придававшей красоту и благородство русскому книжному и литературному языку. Споръ завязался между этими сторонниками старины и приверженцами Карамзина надолго—упорный и ожесточенный; самъ Карамзинъ съ большимъ достоинствомъ и выдержкой оставался въ сторонѣ отъ этой полемики, но впослѣдствіи, избранный въ члены Россійской Академіи (послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ восьми томовъ „Исторіи“), высказалъ много правдивыхъ и вѣрныхъ мыслей по поводу долго длившагося спора въ своей рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи Академіи (5 декабря 1818 г.).

Виньетка Александровскаго времени.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Различныя литературныя направленія и вѣянія въ русской литературѣ начала XIX вѣка. Карамзинисты и Шишковисты.—Преслѣдованіе французовъ и патріоты.—Патріотическая литература.—Либералисты и мистики.

„Старое старѣется, а молодое растетъ“—вѣчная непреложная истина, одинаково примѣнимая ко всѣмъ вѣкамъ и ко всѣмъ поколѣніямъ. Начало девятнадцатаго вѣка и начало Александроваго царствованія, какъ разъ совпали съ такимъ періодомъ нашей литературы, въ который новое, молодое поколѣніе писателей побѣдоносно прокладывало себѣ дорогу, а старое отступало передъ нимъ, упорно отстаивая свои права на славу и уваженіе въ потомствѣ и брюзгливо осуждая и порицая то, что казалось ему черезчуръ смѣлымъ новшествомъ или слишкомъ большимъ неуваженіемъ къ традиціямъ прошлаго. И все то, что могло хотя сколько-нибудь причислить себя къ области литературы, считало своимъ долгомъ непремѣнно стать подъ знамена той или другой, молодой или старой партіи, группируясь съ одной стороны около Карамзина и Дмитріева, а съ другой—около Шишкова и Державина. Само собой разумѣется, что на той и на другой сторонѣ, одинаково, были люди разныхъ возрастовъ: и молодые писатели на сторонѣ старой школы, и весьма пожилые—на сторонѣ молодой. Такъ мы видимъ, напр., князя Шаликова (человѣка весьма пожилого) однимъ изъ самыхъ страстныхъ поклонниковъ Карамзинскаго сентиментализма, и князя Горчакова (очень молодого писателя) на сторонѣ Шишкова и его воззрѣній. Однакоже значительное большинство наиболѣе талантливыхъ дѣятелей нашей литературы конца XVIII и начала XIX вѣка стояло на сторонѣ литературныхъ воззрѣній и слога Карамзина. Здѣсь видимъ мы Дашкова, П. Макарова, Каменева, Подшивалова, Беницкаго, Измайловыхъ (В. и А.), Каченовскаго, В. Панаева, Милонова, Воейкова, Озерова, Жуковскаго, Батюшкова и кн. Вяземскаго. Среди этого поколѣнія писателей новой школы развился и выросъ впослѣдствіи геніальнѣйшій изъ русскихъ поэтовъ — А. Пушкинъ [1]). Одинъ изъ весьма умныхъ и образованныхъ журналистовъ начала нынѣшняго вѣка наглядно выяснилъ намъ причины литературнаго успѣха Карамзина и его вліянія на современниковъ:

„Обстоятельства эпохи, въ которую явился Карамзинъ, — говоритъ журналистъ, по поводу выхода въ свѣтъ перваго изданія сочиненій Карамзина:—довели общество въ Петербургѣ и Москвѣ до утонченія идей, искусствъ и образа жизни. Недоставало только

[1]) Къ тому же кружку принадлежалъ и дядя Пушкина, Василій Львовичъ Пушкинъ, извѣстный въ своемъ кружкѣ острякъ и стихотворецъ.

языка, ближайшаго къ тону разговора и общества, къ новымъ понятіямъ вѣка къ новой вѣжливости нравовъ, котораго легкая пріятность могла бы побѣдить въ свѣтскихъ людяхъ (а особливо въ женщинахъ) непростительное предубѣжденіе противъ языка русскаго, который, наконецъ, могъ бы усвоить себѣ достоинства лучшихъ языковъ въ Европѣ, Карамзинъ далъ языку новое направленіе и сблизилъ его съ другими чистѣйшими языками европейскими". (В. Измайловъ, въ журналѣ „Патріотъ", 1804 г.).

Приверженность къ новой школѣ, олицетворенной Карамзинымъ, и къ старой, съ Шишковымъ во главѣ, надолго разъединила русскихъ писателей на два враждебныхъ и противоположныхъ лагеря, которые препирались въ литературѣ и журналистикѣ подъ знаменами своихъ вождей и даже носили названія *Карамзинистовъ* и *Шишковистовъ*. Эта борьба, длившаяся почти до 20-хъ годовъ XIX столѣтія и закончившаяся торжествомъ Карамзинистовъ [1]), имѣла и свои опорные пункты: Шишковисты собирались въ своемъ центрѣ, въ „*Бесѣдѣ любителей россійскаго слова*", съ Державинымъ и Шишковымъ во главѣ, и примыкали къ „Россійской Академіи", многіе члены которой были въ то же время и членами „Бесѣды"; Карамзинисты, напротивъ, избѣгали всѣхъ старыхъ, насиженныхъ центровъ и образовали свой новый оригинальный центръ — вольный литературный кружокъ „*Арзамасъ*", шумливый, насмѣшливый и веселый, наперекоръ серьезной и утомительно-скучной „Бесѣдѣ". Самъ Карамзинъ, при первомъ появленіи въ Петербургѣ, восторженно принятый своими молодыми приверженцами и поклонниками, писалъ женѣ въ Москву о членахъ Арзамаса: „здѣсь не знаю ничего умнѣе Арзамасцевъ: съ ними бы и жить, и умереть. Вотъ истинная русская Академія! Жаль только, что они не въ Москвѣ или въ Арзамасѣ".

Новая и старая школа.

Но было бы, конечно, ошибочно думать, что всѣ литературные интересы за первое двадцатилѣтіе нынѣшняго вѣка ограничивались только борьбою за начала, введенныя Карамзинымъ въ нашу словесность, и подражаніемъ тому сентиментальному направленію, котораго онъ придерживался такъ долго и упорно. Напротивъ того, сентиментализмъ, вызвавшій массу безталанныхъ и неуклюжихъ подражаній „Бѣдной Лизѣ" Карамзина и его „Письмамъ Русскаго Путешественника" [2]), уже во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка сталъ болѣе и болѣе вырождаться въ этихъ самыхъ

Литературныя направленія.

[1]) Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы подробнѣе изложимъ различные фазисы этой борьбы, заслуживающей вниманія.

[2]) Таковы были: «*Путешествіе въ Полуденную Россію*» В. Измайлова (род. 1773, ум. 1830 г.), совершенное авторомъ въ 1800—1802 гг. и даже изложенное, подобно Карамзинскому, въ формѣ писемъ; два «*Путешествія*» князя Шаликова (р. 1768, ум. 1852 г.) въ Малороссію въ тѣ же года; впечатлительность автора этихъ «Путешествій» поражаетъ своею безцвѣтностью и ограниченностью. Еще болѣе явилось подражаній (см. слѣд. стр. 374)

подражаніяхъ, обращаться въ слова и фразы безъ содержанія и значенія, и, мало-по-малу, „сентиментальная литература стала, наконецъ, причудливой, комической игрой въ чувствованія и ощущенія,—столько же легкимъ, сколько и пустымъ провожденіемъ времени, которое слѣдовало бы употребить на что-нибудь другое, -и потому не могла долѣе существовать“. Хотя позднѣй-

Адмиралъ Шишковъ, президентъ Академіи.

шіе послѣдователи этого, давно уже отжившаго направленія, еще вызывали сатирическія выходки и въ 20-хъ годахъ, но это были уже только единичные, запоздалые сторонники нѣкогда общаго

«Бѣдной Лизѣ», какъ въ видѣ отдѣльныхъ произведеній, такъ и въ видѣ журнальной беллетристики: «*Бѣдная Маша*» А. Измайлова (1801 г.), «*Обольщенная Генріеттъ*» Ив. Свѣчинскаго (1801 г.), «*Несчастная Маргарита, истинная россійская повѣсть*» (1803 г.), «*Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевыхъ горъ*», «*Исторія бѣдной Марьи*», «*Инна*» — Каменева, и, наконецъ, «*Марьина Роща*» (1809 г.) Жуковскаго, въ которой, при сентиментальномъ направленіи, обнаруживается и романтическое настроеніе. Мы упоминаемъ здѣсь, конечно, только то, что было выдающагося въ общей массѣ подражаній Карамзину.

настроенія, мало-по-малу отошедшаго въ область минувшаго. На мѣсто сентиментализма уже во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка выступилъ романтизмъ, съ сущностью котораго мы ознакомимся далѣе, который господствовалъ въ нашей литературѣ очень долго, почти до конца сороковыхъ годовъ. Но и помимо всего этого, текущая литература Карамзинскаго періода, какъ живое отраженіе совершавшейся въ обществѣ жизни, служила отголоскомъ и для всѣхъ тѣхъ духовныхъ стремленій и общественныхъ вѣяній, которыя проявлялись въ русскомъ обществѣ за первое двадцатилѣтіе XIX вѣка. Нельзя не припомнить, прежде всего, той огромной роли, которую играла за этотъ періодъ внѣшняя политика въ нашей общественной и государственной жизни. Безпрерывныя войны съ Наполеономъ, то въ союзѣ съ Австріей, то въ союзѣ съ Пруссіей, возбудили въ нашемъ обществѣ сильнѣйшее патріотическое настроеніе и противодѣйствіе глубоко укоренившемуся у насъ преклоненію предъ всѣмъ иноземнымъ, преимущественно французскимъ. Явились въ литературѣ дѣятели, спеціально посвящавшіе себя патріотической проповѣди, восхваленію всего русскаго и отрицанію достоинствъ во всемъ, что шло къ намъ изъ Европы. Это патріотическое направленіе, проявившееся въ русской литературѣ и журналистикѣ (и отчасти поддержанное партіею шишковистовъ), вслѣдствіе внѣшняго побужденія, въ виду борьбы съ Наполеономъ, при всѣхъ своихъ странностяхъ и преувеличеніяхъ, было естественнымъ отраженіемъ чувства народной гордости, болѣе и болѣе возбуждаемаго разными фазисами этой борьбы, требовавшей напряженія всѣхъ народныхъ силъ.

Борьба съ иноземщиной.

Въ весьма значительной степени вызывалось оно и тѣми результатами, къ которымъ въ общественной и семейной жизни приводило излишнее преклоненіе передъ иноземщиной. Въ особенности справедливы были тѣ укоры, насмѣшки и нападки, которыми шишковисты и патріоты, въ одинаковой степени, осыпали русское общество за воспитаніе дѣтей во французскихъ пансіонахъ; и не только за это, но и за пристрастіе къ французскому языку, благодаря которому онъ дѣлался почти исключительнымъ языкомъ семьи, и человѣкъ, не владѣвшій французскимъ языкомъ, при всей своей образованности и даже учености, представлялся невоспитаннымъ невѣждою. Такое одностороннее направленіе воспитанія было въ высшей степени вреднымъ, потому что за воспитаніе русскихъ дѣтей (особенно въ богатыхъ и знатныхъ семьяхъ) принимались всякаго рода иностранцы, не только весьма сомнительнаго образованія, но еще болѣе сомнительной нравственности. Но дѣло воспитанія русскаго юношества пошло еще значительно хуже, когда за него взялись (съ начала XIX вѣка) гг. іезуиты, вновь допущенные въ Россію. Эти зловредные дѣятели, устроивъ

въ Петербургѣ образцовое (по внѣшности и способу преподаванія) учебное заведеніе, совершенно обезличивали своихъ питомцевъ и такъ искусно проводили свою религіозную пропаганду, что многіе изъ русскихъ юношей, побывавшіе въ рукахъ іезуитовъ-воспитателей, заучивали наизусть католическую обѣдню и не понимали ни слова въ православномъ богослуженіи [1]). Впослѣдствіи министру народнаго просвѣщенія, графу Разумовскому, удалось лишь цѣлымъ рядомъ весьма разумно направленныхъ мѣръ исторгнуть воспитаніе изъ рукъ иностранцевъ; эти мѣры были изложены въ запискѣ о частныхъ пансіонахъ, поданной государю въ 1811 г. [2]); но самый серьезный ударъ въ томъ же направленіи былъ нанесенъ тѣмъ же министромъ, когда по его настоянію былъ открытъ Царскосельскій Лицей.

Патріотическое направленіе.

Въ періодъ войнъ съ Наполеономъ патріотическая литература обогатилась цѣлымъ рядомъ произведеній, изъ которыхъ иныя только осмѣивали страсть къ подражанію французамъ и пристрастіе къ французскому языку, какъ комедія Крылова „Урокъ дочкамъ“ (1807 г.); другія, подобно баснѣ того же автора „Крестьянинъ и змѣя“, предостерегали отъ пагубныхъ послѣдствій дурного воспитанія, получаемаго подъ руководствомъ менторовъ-іезуитовъ; третьи, наконецъ, просто были разсчитаны и направлены такъ, чтобы поднять духъ народный и поддержать его на извѣстной высотѣ, въ виду грядущихъ золъ и бѣдствій. Патріотическая литература, весьма естественно, поднимала свой голосъ въ періодъ борьбы съ Наполеономъ: и старые, и молодые поэты выступали со своими болѣе или менѣе громкими воззваніями къ обществу. И Державинъ, тогда уже на склонѣ лѣтъ, выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько громкихъ одъ, изъ которыхъ одна—„*Атаману и войску Донскому*“ (1807 г.) можетъ быть отнесена къ его лучшимъ произведеніямъ; и давно уже смолкнувшій Карамзинъ далъ волю своему вдохновенію въ „Пѣснѣ воиновъ“ (1806 г.), и молодой Жуковскій разразился призывомъ къ брани и мщенію въ своей „Пѣснѣ барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей“ (1806 г.). Писатели драматическіе не отстали отъ лириковъ и вызвали бурю восторговъ, слезъ и рукоплесканій тѣми пьесами, которыя поставлены были ими на сцену. Такъ встрѣчена была публикой извѣстная трагедія Озерова „*Дмитрій Донской*“ (1807 г.), разыгранная за нѣсколько дней до Прейсишъ-Эйлауской битвы; такъ же точно при-

---

[1]) Эти злоупотребленія обратили, однакоже, на себя вниманіе власти, и іезуиты, уличенные въ пропагандѣ, были сначала (1815) высланы изъ столицы, а позже имъ было вообще запрещено пребываніе въ Россіи (1820).

[2]) Мѣры, предложенныя Разумовскимъ, заключались въ слѣдующемъ: 1) право на открытіе пансіона не столько должна давать ученость лица, сколько увѣренность въ его доброй нравственности; 2) всѣ содержатели пансіоновъ должны знать русскій языкъ; 3) науки въ пансіонахъ должны быть преподаваемы на языкѣ отечественномъ и т. д.

нята была и трагедія Крюковскаго „Пожарскій“ (1807 г.), въ которой громко и внятно говорили русскому сердцу наивныя обращенія къ отечеству и его неувядаемой славѣ:

«О, русская земля. Отечество драгое.
Узримъ ли время мы опять твое златое?
Заставишь ли врага, какъ прежде, трепетать?
Коварный замыселъ успѣешь ли попрать?
И водворишь ли вновь въ сердцахъ доброты рѣдки,
Что завѣщали намъ въ залогъ почтенны предки?»

Въ этихъ трагедіяхъ дѣйствовали по сценѣ татары и поляки, свирѣпствовалъ Мамай, со своими мурзами, присылавшій къ Димитрію „дерзостныхъ“ пословъ, — а зрителямъ въ лицѣ Димитрія представлялся ихъ юный государь, а въ Мамаѣ — лютый врагъ Россіи и Европы, ненасытный Наполеонъ; въ Мамаевыхъ мурзахъ — его маршалы; въ дерзостномъ послѣ — высокомѣрные французскіе посланники и дипломаты. Долгая борьба воспитала ненависть, которую не могли изгнать изъ народнаго сознанія короткіе промежутки перемирій, по общему предъявленію только отодвигавшихъ большую, кровавую, окончательную борьбу. Даже и прославленный на всю Европу тильзитскій миръ не могъ никого разувѣрить въ близости грядущей, почти уже наступающей бури... Патріотическая литература, съ подмостокъ сцены, перебралась на страницы журнала, а со страницъ журнала распространилась и размножилась въ видѣ уличныхъ листковъ и лубочныхъ изданій. Это новое примѣненіе патріотическаго направленія нашло себѣ и новыхъ дѣятелей, какъ бы спеціально подготовленныхъ, предназначенныхъ къ своей должности. Исторія Русской Словесности не можетъ ихъ обойти молчаніемъ и не припомнить ярко-мелькнувшихъ въ ней именъ С. Н. Глинки и графа Ѳ. В. Растопчина.

С. Н. Глинка.

С. Н. Глинка былъ, въ полномъ смыслѣ слова, человѣкомъ рожденнымъ для такого именно періода, какъ эпоха, пережитая Рос- С. Н. Глинка.

сiею между 1805 и 1813 гг. Хотя онъ не вышелъ изъ среды народа, но онъ душою былъ ему преданъ, онъ въ него вѣрилъ и готовъ былъ во всякое время ломать за него копья и сложить за него голову. Глубоко проникнутый убѣжденіемъ въ томъ, что борьба Россіи съ Наполеономъ неизбѣжна, онъ горячо вѣрилъ въ то, что Россія должна выйти изъ этой борьбы побѣдительницей, и почиталъ священной своею обязанностью—готовить ее къ этой борьбѣ, всѣми силами и средствами поднимая духъ народный и развивая въ русскомъ человѣкѣ сознаніе своей личной силы и общенародной мощи... Какъ человѣкъ, С. Н. Глинка отличался изумительною честностью и такимъ наивнымъ добродушіемъ, о которомъ трудно дать понятіе въ настоящее время. Литературнымъ талантомъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ не обладалъ, но зато въ высшей степени обладалъ способностью воодушевляться и воодушевлять другихъ, потому что всегда говорилъ и писалъ онъ чисто отъ сердца, глубоко вѣря въ каждое свое слово, вѣря въ то, что „для русскаго сердца достаточно силы слова, идущаго отъ души". Писалъ Глинка очень много въ теченіе своей жизни, но изъ всего, что онъ писалъ, въ памяти потомства сохранится только то, что онъ создалъ такой журналъ, какъ „Русскій Вѣстникъ", который въ періодъ времени отъ 1808 по 1813 годъ въ значительной степени способствовалъ подъему народнаго духа, а въ бѣдственное время Отечественной войны былъ и знаменемъ, и утѣшеніемъ для раззоренной и пострадавшей Москвы. Журналъ этотъ былъ въ своемъ родѣ литературнымъ самородкомъ. Въ тотъ періодъ, когда въ образованномъ русскомъ обществѣ все и всѣ преклонялись передъ иноземщиной, Глинка выступилъ со своимъ журналомъ, въ которомъ все иноземное порицалось и отрицалось, а все русское выставлялось на первый планъ, выхваливалось и превозносилось... Аргументація Глинки, при сравненіи русскаго съ иноземнымъ, была самая курьезная, иногда оригинальная, иногда совершенно-произвольная; но въ общемъ онъ достигалъ своей цѣли: льстилъ народному самолюбію и возвышалъ въ обществѣ русскій духъ, сильно униженный нашими неудачными войнами съ Наполеономъ и даже самымъ миромъ и союзомъ съ этимъ неугомоннымъ воителемъ, которые ничего не прибавляли къ славѣ Россіи и нимало не способствовали развитію народной гордости. Тонъ политическихъ сужденій Глинки въ „Русскомъ Вѣстникѣ" былъ до такой степени смѣлымъ и даже рѣзкимъ, что французскій посланникъ обратилъ на него вниманіе и протестовалъ. Но правительство, видимо, понимало то значеніе, которое органъ Глинки пріобрѣлъ за это время: Глинку, служившаго при театрѣ, для вида, уволили отъ службы, сдѣлали даже довольно мягкій выговоръ цензору журнала; но не коснулись „Русскаго

Вѣстника", въ которомъ Глинка велъ борьбу не на животъ, а на смерть съ „галломаніей" или съ французолюбіемъ, которое овладѣло всѣмъ нашимъ образованнымъ обществомъ, внѣдрилось въ его нравы и обычаи, обратилось въ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ воспитанія...

Само собою разумѣется, что патріотическое направленіе Глинки, какъ это очень часто бываетъ, было совершенно исключительнымъ и потому годнымъ только для опредѣленной данной минуты. Онъ не тяготился и не стѣснялся никакими преувеличеніями, никакими несообразностями въ сравненіяхъ, и при сравненіи настоящаго съ идеализированнымъ прошлымъ древней Руси— переступалъ всякую мѣру возможности и даже логическаго смысла... Но Россія переживала эпоху такой напряженной, тяжкой борьбы, что нуждалась даже и въ нѣкоторомъ искусственномъ подъемѣ своихъ нравственныхъ силъ. Рядомъ съ Глинкой и его „Русскимъ Вѣстникомъ", всѣмъ нравился и на всѣхъ благопріятно дѣйствовалъ даже и такой площадной и (если такъ можно выразиться) лубочный патріотизмъ, какъ патріотизмъ афишъ Ростопчина и Теребеневскихъ карикатуръ на Наполеона и французовъ въ 1812 году. Эти карикатуры [1]) и даже самыя Ростопчинскія афиши стояли, по складу и духу своему, въ тѣснѣйшей связи съ „Русскимъ Вѣстникомъ" Глинки.

Новыя вѣянія.

Ярое и крайнее въ своемъ проявленіи патріотическое настроеніе, конечно, не могло быть долговѣчнымъ. Оно прошло вмѣстѣ съ тѣмъ напряженіемъ, которое вызвано было чрезвычайными событіями во время Отечественной войны. Вмѣстѣ съ военною грозою и ея разозреніями миновало время и той литературы, которая вопила и взывала къ ненависти и мщенію; а долгое пребываніе русскихъ войскъ за границею сблизило нашу молодежь съ европейскою жизнью, съ ея порядками и условіями, съ ея общественнымъ устройствомъ и съ тѣми идеалами, къ которымъ западно-европейское общество стремилось. Завоеватели явились на родину не врагами, а сторонниками европеизма, въ лучшихъ его проявленіяхъ, и съ очень многимъ изъ того, что̀ встрѣтили на родинѣ, не могли или не хотѣли примириться. Недовольство русскими порядками, русскимъ общественнымъ устройствомъ и вообще русскою общественною жизнью проявилось очень рѣзко не только въ образованнѣйшихъ кружкахъ русскаго общества, но и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. И еще разъ все

[1]) Карикатуры эти выходили въ Петербургѣ въ началѣ 1812 года; большая часть ихъ была нарисована молодымъ и талантливымъ скульпторомъ Иваномъ Ивановичемъ Теребеневымъ (ум. 1815 г.); подобныя же картинки рисованы были двумя другими нашими художниками: Иваномъ Алексѣевичемъ Ивановымъ (ум. 1848 г.), иллюстраторомъ произведеній Хемницера и Крылова, и Алексѣемъ Гавриловичемъ Венеціановымъ, извѣстнымъ русскимъ живописцемъ.

РУСКОЙ ВѢСТНИКЪ,

НА 1808 ГОДЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

ДЕРЖАВИНЪ.

Часть Первая.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛАТОНА БЕКЕТОВА.

1808.

Титульный листъ журнала «Русскій Вѣстникъ», изд. С. Н. Глинкою.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ИСТОРИЧЕСКІЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero

JUVENAL. IV.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ типографіи Іосифа Іоаннесова.

1812.

Титульный листъ журнала «Сынъ Отечества», изд. Н. И. Гречемъ.

русское образованное общество раздѣлилось на двѣ партіи, рѣзко-противоположныя: консерваторовъ, или охранителей, упорно стоявшихъ за сохраненіе старыхъ порядковъ и за крайне-осторожную постепенность въ введеніи новыхъ преобразованій,—и либералистовъ, бредившихъ пересажденіемъ на русскую почву всего, что̀ такъ понравилось имъ въ западно-европейскомъ общественномъ строѣ. И то, и другое направленіе выразилось въ литературѣ и журналистикѣ, и, что̀ всего болѣе заслуживаетъ вниманія, преимущественно въ журналистикѣ офиціальной [1]), такъ какъ, собственно говоря, либеральныя волны шли, главнымъ образомъ, сверху—отъ лицъ, стоявшихъ во главѣ государственнаго управленія. Въ офиціальныхъ органахъ указывалась польза и высокое значеніе печатнаго слова, и говорилось, что „помощью его всего удобнѣе руководствовать общее (т. е. общественное) мнѣніе“, и даже доказывалось, что „чѣмъ оно свободнѣе, тѣмъ лучше можетъ правительство видѣть направленіе общаго мнѣнія и тѣмъ надежнѣе можетъ оно дѣйствовать“. Въ томъ же духѣ писали и въ журналахъ, которые, сосредоточивая свое главное вниманіе на вопросахъ политическихъ и политико-экономическихъ, позволяли себѣ весьма свободно касаться и вопроса о лучшемъ устройствѣ крестьянскаго сословія, о которомъ правительство не переставало думать, и даже побуждало литературу разсуждать. Такого рода статьи помѣщались въ „*Духъ Журналовъ*“ (1815—1821 гг.), который издавался Яценковымъ и представлялъ собою извлеченія всего, наиболѣе дѣльнаго изъ всѣхъ журналовъ. Отъ этого журнала не отставалъ и „*Сынъ Отечества*“, основанный въ 1812 году Н. И. Гречемъ и явившійся на смѣну „Русскаго Вѣстника“ Глинки, утратившаго всякое значеніе послѣ окончанія Отечественной войны. Въ одномъ изъ современныхъ журналовъ („*Сѣверномъ Наблюдателѣ*“ П. Корсакова) открыто толковалось о „законной свободѣ“, которая противополагалась „вольности“, и указывалось на то, что „одно изъ отличій свободно-мыслящаго правительства есть позволеніе изъяснить ему вслухъ свои мысли о такихъ предметахъ, въ которыхъ всѣ сословія государства принимаютъ участіе“.

Либерализмъ Александра I.

Самъ императоръ Александръ, въ своей рѣчи, при открытіи польскаго сейма (15 марта 1818 г.), заявилъ, что „законно-свободныя постановленія служатъ непрестаннымъ предметомъ его помышленій“ и что „законы должны ограждать священнѣйшія блага: безопасность личную, собственность и свободу мнѣній“. По поводу

[1]) Къ этой области слѣдуетъ отнести періодическія изданія министерства внутреннихъ дѣлъ: «С.-Петербургскій Журналъ» (1804—1809 гг.) и «Сѣверную Почту» (1809—1820 гг.) — эти первые опыты проявленія правительственной гласности. Они знакомили публику съ дѣятельностью министерствъ, истолковывали правительственныя мѣропріятія и т. п.

этой рѣчи, профессоръ Царскосельскаго лицея Куницынъ, въ статьѣ, помѣщенной въ „Сынѣ Отечества", „о конституціи"— прямо уже разсуждалъ о выгодахъ и преимуществахъ представительнаго правленія, и самъ президентъ Академіи Наукъ и попечитель петербургскаго учебнаго округа, графъ С. С. Уваровъ, въ рѣчи, обращенной къ воспитанникамъ Педагогическаго института, говорилъ о политической свободѣ, какъ „о послѣднемъ и прекраснѣйшемъ дарѣ Божіемъ"... Такіе, болѣе чѣмъ ясные, намеки на близко-наступающія, новыя и весьма важныя преобразованія въ государственномъ строѣ, конечно, побудили многихъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ заговорить о немъ громко и смѣло. Разработкою этого важнаго общественнаго вопроса занялся и Н. И. Тургеневъ въ своей книгѣ: „*Опытъ теоріи налоговъ*" (1818 г.), и журнальная литература, помѣщавшая на страницахъ своихъ статьи „объ упадкѣ рабства и крѣпостного состоянія въ Европѣ и ея колоніяхъ" (переведенныя изъ „Курса политической экономіи" Шторха, напечатаннаго на счетъ государя). Въ лучшей части образованнаго русскаго общества усиливалось то настроеніе „чаяній" и „упованій", которое еще въ недавнее время такъ сильно преобладало у насъ, въ періодъ 1860-хъ годовъ. Одинъ изъ современныхъ журналистовъ даже съ нѣкоторымъ восторгомъ говорилъ, что „сами Государи содѣйствуютъ развитію нынѣшняго духа времени", и побуждалъ всѣхъ, подъ руководствомъ такихъ вождей, „предаться благотворному стремленію, и, въ сладостной надеждѣ, ожидать еще счастливѣйшихъ временъ"...

И вдругъ, среди всѣхъ этихъ надеждъ и упованій на грядущія „счастливѣйшія времена", явилась „*Исторія Государства Россійскаго*", вышедшая въ свѣтъ въ 1818 году—и внесла грустныя разочарованія въ среду молодого поколѣнія. Суровый историкъ, извлекшій изъ опыта вѣковъ только одно твердое, основное убѣжденіе — въ незыблемости существующаго государственнаго строя—обрѣзалъ крылья у надежды и доказывалъ ясно всю суетность упованій. Онъ не полагалъ никакой разницы между „свободою" и „вольностью", не вѣрилъ въ значеніе „учрежденій" и признавалъ въ самой свободѣ только „миръ совѣсти и довѣренность къ Провидѣнію". Во многихъ молодыхъ кружкахъ трудъ Карамзина возбудилъ негодованіе; многіе изъ передовыхъ людей выступили противъ него съ суровою критикою; поэты осыпали его эпиграммами... Создались пародіи на слогъ „Исторіи" Карамзина и способъ его изложенія... Даже сатирики и серьезные общественные дѣятели, сочувствовавшіе новымъ либеральнымъ идеямъ, охладѣли къ Карамзину и отвернулись отъ него. Однакоже, нельзя отрицать, что трудъ Карамзина и сближеніе его съ Але-

ксандромъ, до нѣкоторой степени, способствовали охлажденію въ императорѣ его либеральныхъ стремленій и усиленію того мистико-религіознаго настроенія, къ которому онъ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ чувствовалъ сильное расположеніе.

Мистическое направленіе.

Ничѣмъ инымъ, какъ именно этимъ расположеніемъ, нельзя объяснить того, что съ самыхъ первыхъ годовъ царствованія Александра I, масоны, такъ жестоко пострадавшіе въ царствованіе Екатерины и не подававшіе признаковъ жизни при Павлѣ I, вновь подняли голову и вернулись къ своей прежней дѣятельности. Руководимые представителями первоначальнаго масонства, еще бывшими въ живыхъ [1]), новые масоны (Лабзинъ, Невзоровъ и др.) спѣшили основывать новыя ложи и съ жаромъ предались издательской дѣятельности, отчасти также поощряемой самимъ правительствомъ.

Мы видѣли, что уже во второй половинѣ прошлаго вѣка, въ кругу нашихъ масоновъ, переводились и издавались нѣкоторыя сочиненія, знакомившія русскихъ мистиковъ съ сущностью мистическаго ученія и предназначенныя способствовать тому „моральному перерожденію, которое дѣлаетъ человѣка образомъ и подобіемъ Божіимъ". Въ числѣ этихъ переводовъ мы видимъ творенія Діонисія Ареопагита, книгу Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ", „Таинство креста" — Бема, и книгу С. Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ". Въ періодъ времени между 1814 и 1825 гг. эта переводная мистико-масонская литература дополнена еще новыми трудами послѣдующихъ писателей, развивавшихъ идеи мистицизма: Таулера, Эккартсгаузена, Ю. Стилинга и другихъ [2]). Кромѣ переводныхъ сочиненій, явились еще и журналы мистическаго направленія: „*Сіонскій Вѣстникъ*" (первоначально издававшійся въ 1806 г. и возобновленный въ 1817 г.), издаваемый Лабзинымъ; „Другъ юношества", издаваемый Невзоровымъ, при ревностномъ содѣйствіи уже извѣстнаго намъ Лопухина. Даже и при С.-Петербургской Духовной Академіи съ 1821 г. издавался журналъ „*Христіанское Чтеніе*", въ первые годы проникнутый мистическимъ направленіемъ.

Увлеченіе мистицизмомъ было сильно распространено въ высшемъ обществѣ. Міровыя событія, въ которыхъ Россіи и ея царю пришлось играть такую выдающуюся роль, представлялись всѣмъ

---

[1]) Новиковъ, Лопухинъ, Тургеневъ, Поздѣевъ, Ключаревъ—были еще живы...

[2]) Таулерова книга „*Благоговѣйныя размышленія о жизни и страданіяхъ Христа Спасителя*" издана въ русскомъ переводѣ по повелѣнію Александра (1823 г.). Переводъ «Христіанской философіи» Дю-Туа (1815—1817 гг.) посвященъ императору Александру. Благодаря такому покровительству, свыше оказываемому мистическимъ ученіямъ, ими увлекалась и аристократія, и многіе изъ высшихъ сановниковъ. Такъ напр. извѣстно, что и Сперанскій, и А. Н. Голицынъ (министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія) были ярыми мистиками.

окруженными ореоломъ таинственности и какихъ-то высшихъ, никому непостижимыхъ вліяній. Извѣстно, что и самъ императоръ Александръ, увлекаясь идеями мистицизма, смотрѣлъ на себя, какъ на орудіе Провидѣнія, предназначенное именно исполнять его велѣнія, и посвящая большую часть своего времени дѣламъ европейской политики, иногда даже забывая о нуждахъ и пользѣ Россіи, дѣйствовалъ такъ въ убѣжденіи, что онъ избранъ свыше для своей дѣятельности, направляемой не его волею, а Промысломъ Божіимъ.

Лабзинъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника».

Сильный ударъ распространенію мистическихъ ученій былъ нанесенъ уничтоженіемъ масонскихъ ложъ, которымъ либералисты старались придать характеръ тайныхъ политическихъ обществъ. Благодаря такому направленію, которое стало болѣе и болѣе ясно высказываться въ русскомъ масонствѣ въ началѣ 20-хъ годовъ XIX вѣка, а также и благодаря различнымъ событіямъ, вызваннымъ на Западѣ существованіемъ подобныхъ же тайныхъ обществъ, масонскія ложи были закрыты въ Россіи (указомъ 1822 г.) и навсегда воспрещены [1]).

Подъ этими-то литературными вліяніями и вѣяніями развивалась и выростала въ первое двадцатилѣтіе XIX вѣка наша русская литература,—появились и воспитались такіе поэты и писатели наши, какъ Жуковскій, Батюшковъ и Грибоѣдовъ; выросталъ и выступилъ, наконецъ, на литературное поприще Пушкинъ. И если у каждаго вѣка, у каждаго періода въ развитіи литературы есть свои особенности, свои отличительныя черты, наглядно-обозначающія поступательное движеніе общества

[1]) Даже въ формулу обычной служебной присяги внесено отрицаніе масонства и клятвенное обязательство—не принадлежать ни къ одной масонской ложѣ.

по пути прогресса и просвѣщенія, то у обозрѣваемаго нами періода такою отличительною чертою можетъ и должно служить появленіе *общественной гласности*, признанія за журналистикой и прессой значенія ея органовъ—признаніе *общественнаго мнѣнія*, печатно выражаемаго, за одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ общественной жизни, способствующій правильному ея теченію и естественному росту и развитію. Это явленіе было вполнѣ новымъ продуктомъ быстро-развивавшейся русской общественной жизни и еще быстрѣе возраставшаго въ Европѣ значенія Россіи, которое, въ силу историческихъ причинъ, болѣе и болѣе связывало Россію съ Европою. Ничего подобнаго не представлялъ ни одинъ изъ пройденныхъ нами періодовъ Исторіи Русской Словесности, и въ этомъ новомъ явленіи уже лежалъ зародышъ того самостоятельнаго и оригинальнаго развитія, на путь котораго Русская литература должна была вступить въ XIX вѣкѣ.

Виньетка Александровскаго времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Успѣхи театра и сценическаго искусства въ Россіи въ началѣ XIX вѣка.—Различныя направленія русской драмы и новыя явленія въ драматической литературѣ.—Классицизмъ и романтизмъ.—Озеровъ и его трагедіи.—Произведенія другихъ, современныхъ ему драматурговъ на русской сценѣ, оригинальныя и переводныя.

Мы покинули исторію нашей русской сцены въ тотъ періодъ конца царствованія Екатерины, когда, послѣ многихъ и довольно удачныхъ попытокъ внесенія народнаго элемента въ русскую драматическую литературу, послѣ комедій Княжнина и Фонвизина и шутливыхъ пьесъ Аблессимова и Крылова, появились тѣ переводныя произведенія „мѣщанской драмы", которыя начинали отвлекать вниманіе публики отъ классической трагедіи. Мы видѣли выше и тѣ оригинальныя драматическія произведенія, которыя были вызваны русскими „злобами дня" и являлись смѣлыми воссозданіями русской дѣйствительности среди множества подражаній иностраннымъ образцамъ и передѣлокъ иностранныхъ сюжетовъ на русскіе нравы. Въ дополненіе къ извѣстному уже намъ, мы должны, однакоже, отмѣтить одинъ несомнѣнный фактъ: по мѣрѣ того, какъ ложно-классическая трагедія отживала свой вѣкъ на русской сценѣ и произведенія русскихъ авторовъ начинали освобождаться отъ стѣснительныхъ условій этого литературнаго рода, — самая игра актеровъ становилась болѣе свободною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сценическое искусство вообще значительно развивалось и совершенствовалось. Въ связи съ этимъ, конечно, наступилъ тотъ расцвѣтъ русскаго сценическаго искусства, который ознаменовался появленіемъ на столичныхъ сценахъ цѣлаго ряда высоко-талантливыхъ русскихъ актеровъ, служившихъ украшеніемъ русскаго театра въ теченіе всей первой четверти XIX вѣка. Дѣйствительно, тутъ видимъ мы на сценѣ петербургскаго театра Яковлева и Семенову, Каратыгина и Колосову; на московскомъ театрѣ Померанцева, Шушерина, Плавильщикова, Сандунова и Сандунову, а нѣсколько позднѣе—знаменитаго трагика Мочалова и единственнаго въ своемъ родѣ комика Щепкина [1]). Эти талантливые сценическіе дѣятели находили себѣ постоянную и весьма обильную практику для таланта въ быстро возраставшей у насъ драматической русской литературѣ и въ сильно развившемся вкусѣ общества къ театру. Именно въ это время и устанавливалась между обществомъ и сценою та живая связь, которая, впослѣдствіи, не порывалась (въ Петербургѣ) до конца 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, а въ Москвѣ существуетъ отчасти и до-нынѣ... Общество столичное, постоянно и

[1]) Любопытно припомнить, что въ этотъ славный періодъ нашей сцены еще живъ былъ одинъ изъ свидѣтелей ея основанія при Елисаветѣ—актеръ Дмитревскій.

непрерывно слѣдуя путемъ прогресса, болѣе и болѣе внося въ жизнь утонченные обычаи и нравы просвѣщеннаго европеизма, начинало отставать отъ грубыхъ забавъ и потѣхъ „добраго стараго времени" и все болѣе и болѣе привязывалось къ посѣщенію театровъ, увлекалось драматическими произведеніями и всею душою участвовало въ игрѣ актеровъ. Театръ перестал быть забавою, времяпровожденіемъ, къ которому надо было привлекать общество (иногда даже усиленными штрафами) [1]. Нѣтъ, театръ для многихъ сталъ цѣлью жизни, центромъ всѣхъ ихъ стремленій и интересовъ, серьезнымъ дѣломъ! Литераторы и сановники, аристократы и мелкіе чиновники, старики и молодые—одинаково увлекались театромъ, проводили въ немъ большую часть вечеровъ, входили во всѣ мелочи и подробности театральныхъ интригъ, составляли партіи и горячо отстаивали своихъ избранныхъ любимцевъ въ средѣ актеровъ. Театръ и драматическая литература, мало-по-малу, сдѣлались однимъ изъ наиболѣе преобладавшихъ интересовъ въ тѣхъ литературныхъ салонахъ, которые служили сборнымъ мѣстомъ для современныхъ писателей, журналистовъ и художниковъ. Такимъ салономъ въ Петербургѣ являлся въ особенности домъ *А. Н. Оленина*, президента Академіи Художествъ, отличнаго знатока и просвѣщеннаго критика художе-

Князь А. А. Шаховской.

---

[1]) Такая мѣра практиковалась во времена Елисаветы.

ственныхъ произведеній. Въ этомъ салонѣ, впервые, Озеровъ читалъ своего „Эдипа“ и вызывалъ восторги и слезы въ кругу своихъ слушателей. Другимъ такимъ салономъ, въ которомъ, однакоже, собирались, главнымъ образомъ, любители театра и актеры — былъ салонъ князя *А. А. Шаховского*, постоянно посѣщаемый Гнѣдичемъ, Лобановымъ, И. А. Крыловымъ, Катенинымъ, Хмельницкимъ, Жандромъ и Грибоѣдовымъ. Подобнымъ же центромъ въ Москвѣ былъ домъ директора театра, ***Кокошкина***, который, при своей офиціальной должности, былъ въ то же время и авторомъ драматическихъ произведеній, и актеромъ - любителемъ, охотно участвовавшимъ въ благородныхъ спектакляхъ. Рядомъ съ общераспространенной въ столицахъ любовью къ сценѣ публичной являлось и большое пристрастіе въ обществѣ къ театру домашнему. Изъ столицъ эта привязанность и привычка къ сценѣ переходили и въ провинцію, въ которой, въ главныхъ центрахъ, строились всюду театры, собирались около частныхъ антрепренеровъ труппы, иногда блиставшія замѣчательными талантами, а въ имѣніяхъ богатыхъ баръ устраивались особые театры, на которыхъ подвизались труппы, составленныя помѣщиками-любителями изъ ихъ же крѣпостныхъ. Чувствовался еще въ значительной степени недостатокъ школы, недостатокъ въ сценической подготовкѣ, основанной на опредѣленныхъ правилахъ, и еще болѣе — недостатокъ образованности въ актерахъ; но этотъ недостатокъ всѣми силами старались восполнить директора столичныхъ театровъ и сами авторы, писавшіе для сцены, усиленно разрабатывая роли съ актерами, сглаживая грубость ихъ дикціи, умѣряя

Н. И. Хмѣльницкій.

крайности декламаціи, истолковывая и отмѣчая значеніе отдѣльныхъ выраженій и возгласовъ [1]). Этимъ, конечно, еще болѣе скрѣплялась связь автора со сценою, и связь актера съ произведеніемъ автора.

Измѣненіе вкусовъ публики.

Въ литературныхъ вкусахъ публики, по отношенію къ сценѣ,

К. Семенова, извѣстная трагическая актриса Александровскаго времени.

произошли въ этомъ періодѣ весьма существенныя измѣненія. Ложно-классическая трагедія отжила окончательно свой вѣкъ: ея герои не возбуждали болѣе къ себѣ сочувствія. Трагическій репертуаръ Сумарокова и Княжнина былъ совсѣмъ забытъ и удаленъ со сцены. Трагедія ложно-классическая, переводная, удерживается еще на сценѣ только въ новыхъ переводахъ и передѣлкахъ, пи-

[1]) Въ ту пору высоко цѣнилась въ авторахъ способность внятно и съ чувствомъ читать свои произведенія или отрывки изъ чужихъ произведеній. Декламированіе монологовъ и даже цѣлыхъ сценъ изъ драматическихъ произведеній было въ модѣ на вечерахъ во всѣхъ салонахъ. Юноша, выступившій на литературное поприще, могъ лучше всего зарекомендовать себя мастерской декламаціей.

санныхъ болѣе легкимъ и удобопонятнымъ языкомъ, болѣе гладкимъ стихомъ [1]). Корнель, Расинъ и Вольтеръ, хотя и утрачивали уже свое значеніе и преобладаніе на нашей сценѣ, однакожо еще предпочитались драматургамъ нѣмецкимъ и англійскимъ: Шекспиръ (за исключеніемъ „Лира" и „Гамлета") былъ

Колосова, извѣстная актриса того-же времени.

почти неизвѣстенъ, а Шиллеръ только еще начиналъ обращать на себя вниманіе нашихъ переводчиковъ [2]). Трагедія оригинальная, въ произведеніяхъ Озерова, привлекаетъ къ себѣ новостью того сентиментальнаго оттѣнка, который онъ придаетъ характерамъ своихъ героевъ, и отчасти—связи сюжетовъ его трагедіи съ

---

[1]) Въ этотъ періодъ являются переводы: «Меропы»—Марина, «Ифигеніи въ Авлидѣ» и «Федры»—Лобанова, «Танкреда»—Гнѣдича, «Эсѳири», «Гоѳоліи» и «Сида»—Катенина; «Заира» и «Гораціи» переведены были сообща нѣсколькими писателями, какъ бенефисныя пьесы для новыхъ постановокъ.

[2]) Переведены были только его прозаическія пьесы «Фіеско», «Коварство и любовь» и «Разбойники» (явившіяся на сценѣ не ранѣе 1814 г.).

тѣмъ періодомъ патріотическаго возбужденія, о которомъ мы уже говорили выше [1]).

Русская драма и мелодрама.

Трагедія должна была уступить мѣсто именно тому драматическому роду, появленіе котораго на русской сценѣ Сумароковъ встрѣтилъ съ такимъ неудержимымъ гнѣвомъ и бранью. „Слез-

А. С. Яковлевъ, знаменитый русскій актеръ.

ная комедія“ или, проще сказать, *драма*, заимствованная изъ обыденной бытовой обстановки, съ ея сюжетами, почерпнутыми изъ современной общественной жизни, съ ея героями, взятыми изъ среды обыкновенныхъ смертныхъ, съ ея будничными печалями и радостями—быстро вытѣснила обветшалую трагедію съ ходульными героями, съ отвлеченной, чуждой для всѣхъ то миѳологической, то архаической дѣйствительностью, съ напыщенными рѣчами и условными положеніями. Какъ ни пытались сторонники классицизма поддержать ея права̀ на уваженіе публики, какъ ни старались выставить выдающіяся достоинства и важныя

[1]) Благодаря этому возбужденію, огромнымъ успѣхомъ на сценѣ пользовались и произведенія весьма посредственныхъ авторовъ, въ родѣ трагедіи Крюковскаго «Пожарскій».

преимущества классическихъ произведеній, — ихъ красная пора миновала невозвратно, и наступилъ вѣкъ полнаго, преобладающаго успѣха *драмы* и даже *мелодрамы*, съ ея рѣзкими переходами, вычурными эффектами и сенсаціонными положеніями [1]. Къ тому же, на смѣну излюбленнымъ на русской сценѣ авторамъ

В. А. Озеровъ. Молодой типъ.

французской новѣйшей драмы, въ Германіи явился плодовитѣйшій драматургъ Коцебу, драмы котораго, въ послѣдніе годы XVIII вѣка, проникли въ Россію, понравились и сразу вошли въ моду. Пьесы Коцебу: „*Ненависть къ людямъ и раскаяніе*", „*Сынъ любви*", „*Гусситы подъ Наумбургомъ*" (1807 г.),—заполонили нашу сцену и сразу пріобрѣли всѣ симпатіи. Напрасно возставали противъ этого огульнаго увлеченія сторонники драматическихъ русскихъ пьесъ, напрасно давали произведеніямъ Коцебу презрительное названіе „коцебятины", намекая тѣмъ самымъ на нѣкото-

[1]) *Мелодрамы*—т. е. музыкальныя драмы, названы такъ потому, что въ нихъ обыкновенно музыкою сопровождались наиболѣе трогательныя мѣста и наиболѣе разительныя сценическія положенія дѣйствующихъ лицъ.

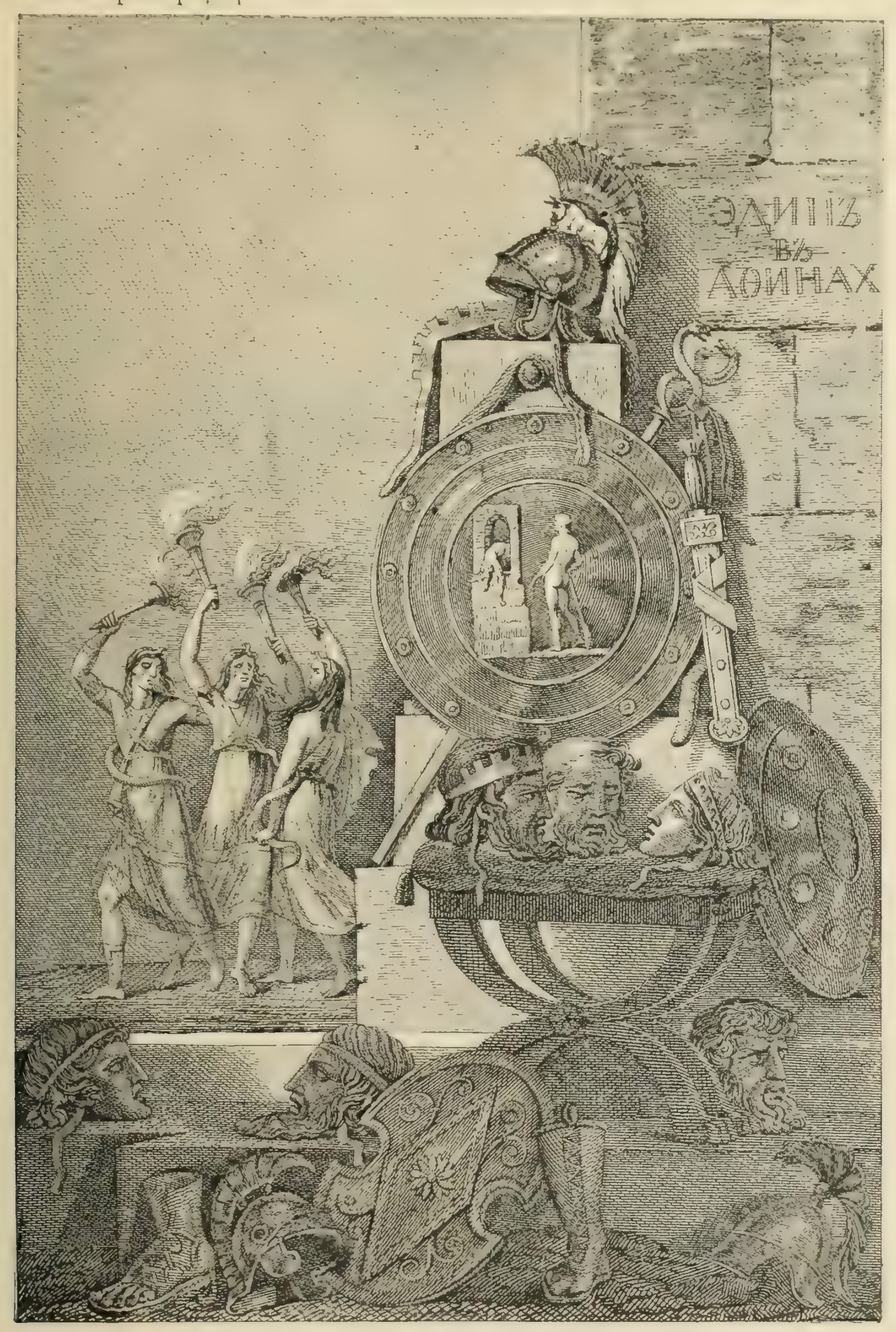
рую шаблонность въ творчествѣ нѣмецкаго драматурга — Коцебу все же преобладать многіе годы надъ всѣмъ остальнымъ репертуаромъ и даже вызвать на русской почвѣ нѣсколько подражателей, которые, въ свою очередь, добивались своими пьесами временнаго успѣха и извѣстности [1]). Пьесы Коцебу въ переводѣ ли, въ передѣлкахъ ли на русскіе нравы—сохраняли за собою то несомнѣнное достоинство, что были общедоступны по содержанію, и, не отличаясь глубиною основной идеи, нравились всѣмъ своею близостью къ жизни, сходствомъ положеній, въ которыя авторъ ставилъ своихъ героевъ съ различными условіями и случайностями современности. Притомъ же всѣ характеры, всѣ чувства, всѣ междулюдскія отношенія были тутъ рѣзко выставлены и такъ подчеркнуты, что развязка уже становилась ясною для всѣхъ съ перваго дѣйствія и ожидалась съ понятнымъ и напряженнымъ нетерпѣніемъ. За пьесами Коцебу, первое мѣсто на русской сценѣ, въ первой четверти XIX вѣка, занимала мелодрама, по преимуществу заимствованная изъ французскихъ пьесъ. Первыми мелодрамами, наиболѣе удачными на русской сценѣ были пьесы: „*Убійца и сирота*“ (1819 г.), „*Обріева собака*“, „*Христофоръ Колумбъ*“ и „*Тридцать лѣтъ или жизнь игрока*“—и до сихъ поръ еще не покидающая нашей провинціальной сцены.

Писатели для сцены.

Рядомъ съ псевдо-классической трагедіей на задній планъ отступила за это время и старая комедія: не только Сумароковъ, но и болѣе близкіе къ этому періоду—Фонвизинъ и Княжнинъ—были почти забыты; даже и Капнистова „Ябеда“ рѣдко стала появляться на сценѣ... На смѣну этимъ авторамъ явились новые дѣятели, менѣе разборчивые, но болѣе плодовитые въ своемъ творчествѣ и болѣе способные угадывать прихоти вкуса современной имъ публики: то были—князь *А. А. Шаховской*, *Хмѣльницкій*, *Загоскинъ*, *Кокошкинъ* и ихъ многочисленные подражатели... Въ ихъ кружкѣ воспитался и знаменитый авторъ „Горя отъ ума“ Грибоѣдовъ. Временно большимъ успѣхомъ пользовались и комедіи И. А. Крылова („*Урокъ дочкамъ*“ и „*Модная лавка*“—обѣ въ 1807 г.), и комедія графа Ростопчина „*Вѣсть или убитый живой*“—явившаяся въ періодъ наибольшаго развитія ненависти къ французамъ и къ галломаніи. Одновременно съ новой и болѣе легкой комедіей на нашей сценѣ окончательно утвердился и *водевиль*, выродившійся изъ тѣхъ комическихъ оперъ, которыми была довольно богата наша сценическая литература XVIII вѣка. Такъ, въ 1812 году, князь Шаховской поставилъ на сцену водевиль

[1]) Такими подражателями Коцебу явились: *И. Ильинъ*, написавшій «*Лизу или торжество благодарности*» и «*Великодушіе или рекрутскій наборъ*»; *В. Федоровъ* — «*Лизу или слѣдствіе гордости и обольщенія*»; *Ѳ. Ивановъ*—«*Семейство Стариковыхъ*» и т. д. Всѣ эти пьесы были поставлены на сцену въ періодъ времени 1804-1808 гг.

„Казакъ-стихотворецъ“, имѣвшій громадный успѣхъ на сценѣ, и съ его легкой руки водевили пріобрѣли себѣ видное мѣсто въ нашемъ репертуарѣ.

Титульный листъ къ трагедіи Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ».

Переходя отъ этого общаго обзора нашей драматической литературы, за первую четверть XIX вѣка, къ разсмотрѣнію дѣятельности отдѣльныхъ писателей для сцены, мы вынуждены бу-

демъ долѣе всего остановиться на дѣятельности Озерова, который представляетъ собою весьма замѣчательный типъ писателя начала XIX вѣка. Одаренный несомнѣннымъ талантомъ, душою преданный своему творчеству, проникнутый сознаніемъ авторскаго достоинства и вѣрою въ высокое назначеніе писателя, онъ былъ далекъ отъ всякаго житейскаго практицизма, и потому именно явился однимъ изъ первыхъ типовъ русскаго литературнаго неудачника—и такъ грустно закончилъ свою карьеру. Въ смыслѣ историко-литературномъ, его дѣятельность имѣетъ для насъ весьма существенное и важное значеніе, какъ наглядный переходъ отъ увлеченія ложно-классическими идеалами къ идеаламъ романтической школы, такъ какъ онъ олицетворилъ и тѣ и другіе въ своихъ твореніяхъ. Не лишены интереса и многія біографическія подробности изъ жизни Озерова—этого автора произведеній, вызвавшихъ неописуемые восторги, доставившихъ ему громкую славу и такъ быстро сошедшихъ со сцены, такъ быстро забытыхъ молвою...

В. А. Озеровъ.

Владиславъ Александровичъ Озеровъ (род. 1789 г., ум. 1816 г.) былъ уроженцемъ Тверской губ., гдѣ въ Зубцовскомъ уѣздѣ его отцу принадлежало село Казанское. Дѣтство его, повидимому, не принадлежало къ счастливымъ, такъ какъ онъ рано лишился матери, послѣ чего отецъ его вступилъ во второй бракъ. Воспитаніе онъ получилъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ, какъ мы видѣли, воспитывались уже и до Озерова многіе изъ русскихъ писателей. По выпускѣ изъ корпуса, Озеровъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ турецкой войнѣ (онъ былъ при взятіи Бендеръ Потемкинымъ въ 1789 году); а затѣмъ служилъ сначала адъютантомъ при графѣ Ангальтѣ, директорѣ Шляхетскаго корпуса, а потомъ довольно долгое время оставался на службѣ въ лѣсномъ департаментѣ, причемъ по обязанности своей, объѣзжая лѣса Сибирской и Казанской губерній, успѣлъ своею неподкупною честностью доставить казнѣ весьма значительныя выгоды, за что и былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора.

На литературное поприще Озеровъ выступилъ въ 1794 году, напечатавъ ироиду „Элоиза къ Абеляру" (вольный переводъ изъ Колярдо); къ тексту ироиды онъ приложилъ и краткую исторію этихъ прославленныхъ поэзіею любовниковъ-страдальцевъ. За ироидою слѣдовало нѣсколько стихотвореній, крупныхъ и мелкихъ (оды, посланія и басни), не представлявшихъ собою ничего замѣчательнаго и не отличавшихся никакими выдающимися достоинствами, кромѣ гладкости стиха [1]). Въ 1798 году Озеровъ

[1]) Подобно многимъ нашимъ писателямъ Озеровъ писалъ стихи и французскіе: такъ на смерть графа Ангальта имъ было написано французское стихотвореніе, свидѣтельствующее объ его отличномъ знаніи французскаго языка.

поставилъ на сцену свою первую и далеко не самую удачную трагедію „Ярополкъ и Олегъ“, въ которой подражалъ трагедіямъ Су-

Современная иллюстрація къ трагедіи Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ» (послѣдняя сцена).

марокова и Княжнина. Но шесть лѣтъ спустя, въ 1804 году, Озеровъ поставилъ на сцену весьма замѣчательную, по тому времени, трагедію: „*Эдипъ въ Аѳинахъ*“, въ которой выступилъ уже на но-

вую дорогу и привлекъ къ себѣ общее вниманіе и общія симпатіи внесеннымъ въ трагедію элементомъ чувства, который онъ, подъ вліяніемъ моднаго въ то время сентиментализма, внесъ въ развитіе своихъ драматическихъ характеровъ и положеній. Маститый поэтъ Державинъ, которому авторъ посвятилъ свою трагедію, и В. Капнистъ привѣтствовали успѣхъ Озерова посланіями, и въ нихъ одинаково поощряли его идти далѣе „славною стезею" и презирать „зоиловъ злоязычныхъ" [1]).

„Эдипъ" Озерова.

Сюжетъ трагедіи Озерова заимствованъ изъ весьма извѣстнаго и мрачнаго классическаго преданія о ѳивскомъ царѣ Лайѣ и сынѣ его Эдипѣ — этомъ преступникѣ, которому, по роковому предопредѣленію судьбы, суждено было, по невѣдѣнію, убить своего отца и жениться на своей матери. Преслѣдуемый угрызеніями совѣсти и безмѣрно-пораженный ужасомъ своихъ невольныхъ преступленій, Эдипъ (по греческому преданію) наказываетъ себя самъ: выкалываетъ себѣ глаза и, покинувъ престолъ, въ одеждѣ нищаго, скитается по бѣлу-свѣту, сопровождаемый и поддерживаемый двумя самоотверженно-преданными ему дочерьми — Антигоной и Исменой. Его всюду по пятамъ преслѣдуютъ мстительныя Евмениды (фуріи)—и весь родъ его погибаетъ по опредѣленію мстительнаго рока, неумолимаго къ несчастному. Это преданіе превосходно было обработано греческимъ трагикомъ Софокломъ въ видѣ трилогіи, т. е. трехъ трагедій, тѣсно-связанныхъ между собою. Эти трагедіи: „Эдипъ-царь", „Эдипъ въ Колоннѣ" и „Антигона". Собственно говоря, трагедіи Озерова заимствуютъ свое содержаніе изъ второй и, отчасти, изъ третьей трагедіи Софокла, въ томъ видѣ, какъ онѣ были уже до Озерова передѣланы французскимъ драматургомъ Дюсисомъ. Греческаго языка Озеровъ не зналъ и потому, увлекаясь дивною греческою легендою, передалъ въ своей трагедіи важнѣйшія черты ея, насколько могъ ихъ уловить во французской передѣлкѣ. Многіе критики (и современной Озерову, и послѣдующей эпохи), позабывая объ условіяхъ русской общественной жизни и о русскихъ литературныхъ нравахъ начала XIX вѣка, ставили Озерову въ укоръ именно то, что онъ не держался буквы подлинника, не справлялся съ оригиналомъ, а прямо перенесъ на сцену „Эдипа", въ передѣлкѣ Дюсиса, мѣстами давая точный переводъ его, а мѣстами передѣлывая его, сообразно съ условіями русской сцены [2]). Но,

[1]) Намекъ этотъ указываетъ на то, что трагедія Озерова, уклонившагося отъ старыхъ образцовъ ложно-классической школы, встрѣчена была многими съ порицаніемъ. Въ числѣ наиболѣе энергичныхъ порицателей, какъ мы увидимъ далѣе, былъ князь А. А. Шаховской.

[2]) Озеровъ ввелъ въ свою трагедію Креона, который являлся на сценѣ и у Софокла, между тѣмъ какъ Дюсисъ исключилъ Креона изъ дѣйствій своей трагедіи. У Дюсиса Эдипъ умираетъ, пораженный громомъ; у Озерова онъ остается въ живыхъ, а умираетъ Креонъ, изображенный человѣкомъ порочнымъ и злѣйшимъ врагомъ Эдипа.

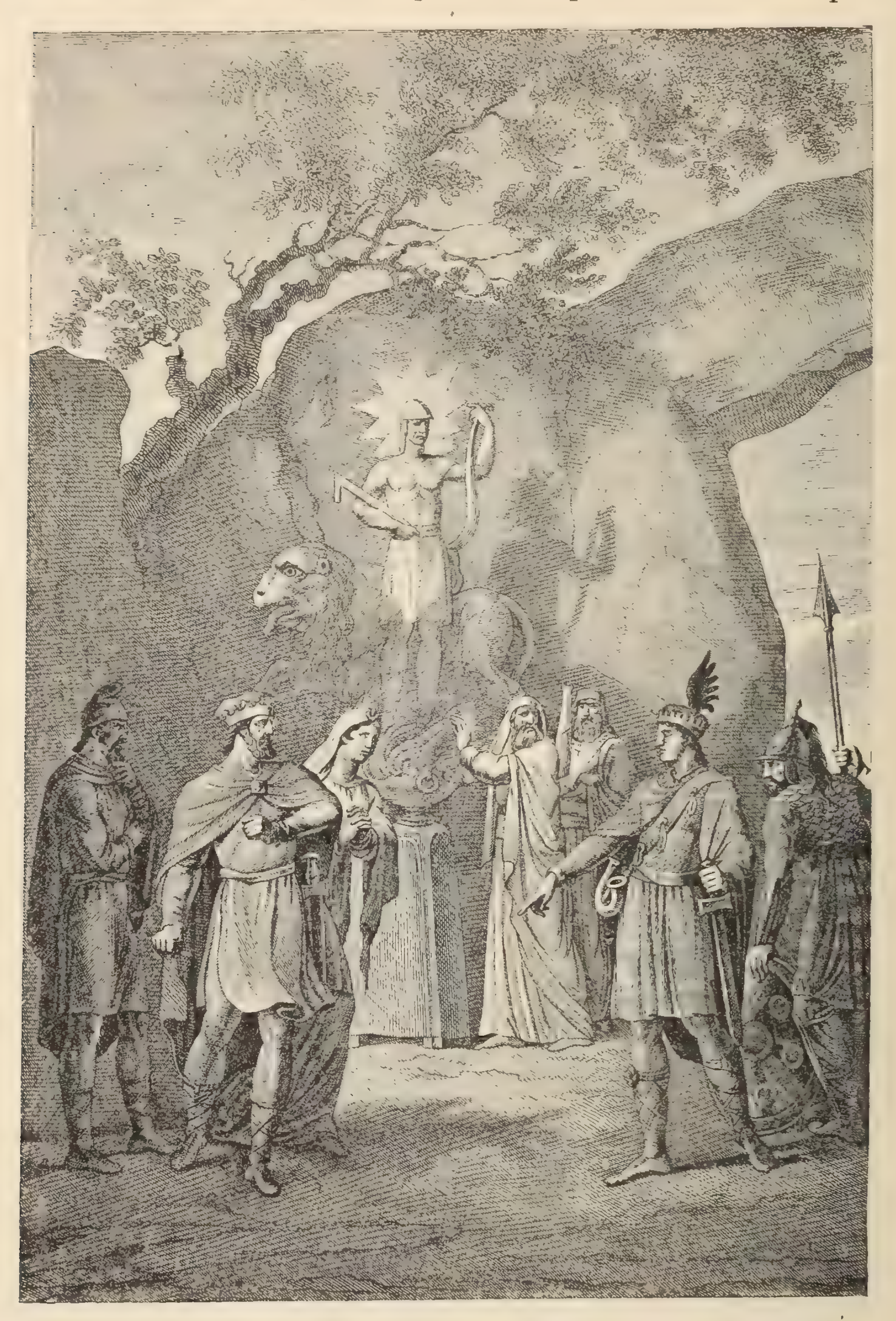
вмѣсто укоровъ, критикамъ сюжета слѣдовало бы задаться вопросомъ: могли-ли Дюсисъ и Озеровъ поступить иначе? Могли ли они, — и по существовавшимъ въ ихъ время теоретическимъ

Титульный листъ къ трагедіи Озерова «Фингалъ».

воззрѣніямъ, и по личному почину, — удовольствоваться перенесеніемъ Софоклова подлинника на сцену? Конечно, нѣтъ. Съ ихъ стороны весьма естественно было желаніе передать сущность Софокловой трагедіи лишь настолько, насколько она могла быть усвоена современной публикой. Съ другой стороны, и Дюсисъ, и Озеровъ, сами увлекаясь идеалами сентиментализма—

этого общаго и моднаго въ то время литературнаго направленія— невольно придали героямъ греческой трагедіи тотъ колоритъ,

Современныя иллюстраціи къ трагедіямъ Озерова. Сцена изъ трагедіи «Фингалъ».

который не согласовался съ суровымъ и мрачнымъ характеромъ Софоклова „Эдипа“. По всѣмъ вѣроятіямъ, и Дюсисъ, и Озеровъ даже не въ состояніи были вполнѣ проникнуться основной

идеей трагедіи Софокла и его идеалами; они на все въ этой трагедіи смотрѣли со своей точки зрѣнія—съ точки зрѣнія христіанской морали. У Софокла Эдипъ является преступникомъ противъ воли и страдальцемъ безъ вины — жертвою страшнаго Рока, властвующаго даже надъ богами; у Дюсиса и Озерова Эдипъ является дѣйствительнымъ преступникомъ, давно уже раскаявшимся и страданіями своими искупающимъ свои тяжкія преступленія. Само собою разумѣется, что, согласно съ такимъ перерожденіемъ главнаго героя трагедіи, Эдипа, и вся пьеса Софокла должна была подвергнуться существеннымъ видоизмѣненіямъ. И надо отдать справедливость Дюсису, а затѣмъ и Озерову, что эти видоизмѣненія были ими введены въ трагедію разумно, съ извѣстнымъ тактомъ и вкусомъ. Не излишнимъ считаемъ привести здѣсь вкратцѣ содержаніе озеровскаго „Эдипа въ Аѳинахъ" и дать нѣкоторые отрывки изъ этой трагедіи, которая въ свое время считалась образцовой и приводила въ восторгъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ.

Въ трагедіи Озерова все первое дѣйствіе посвящено изложенію тѣхъ условій, въ которыя поставлена завязка трагедіи. Дѣйствіе начинается съ того, что на полѣ, передъ Аѳинами, аѳинскій царь Тезей, окруженный своимъ народомъ, принимаетъ ѳиванскаго посла Креона, предлагающаго Тезею вступить въ союзъ съ однимъ изъ сыновей Эдипа, Этеокломъ, противъ котораго воюетъ его родной братъ, осадившій Ѳивы. По этому поводу Креонъ и передаетъ Тезею всю исторію Эдипа, его преступленій и несчастій. Тезей отказывается отъ союза, жалѣя своихъ подданныхъ, и на предостереженіе Креона отвѣчаетъ:

«... Мой мечъ союзникъ мнѣ
И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ,
Гдѣ на законахъ власть царей установленна:
Сразить то общество не можетъ и вселенна».

Эдипъ выходитъ на сцену только уже во второмъ дѣйствіи. Судьба приводитъ его къ храму Евменидъ, гдѣ, по волѣ боговъ, онъ долженъ найти себѣ успокоеніе, послѣ всѣхъ вынесенныхъ имъ страданій. Выходитъ онъ, опираясь на руку своей дочери Антигоны, — этого идеала самоотверженной преданности долгу. Его выходъ на сцену сопровождался знаменитымъ монологомъ, обращеннымъ къ дочери:

«Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца.
Печаль и бѣдствіе всѣхъ силъ меня лишили...» и т. д.

Описавъ весь ужасъ своей слѣпоты и своего несчастнаго положенія, изгнанникъ заключаетъ свой монологъ порывомъ отеческой нѣжности къ Антигонѣ, которой говоритъ:

«Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы».

Антигона отвѣчаетъ ему на это также монологомъ, вызывавшимъ слезы у зрителей:

«Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той,
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой;
Предпочитаю ихъ сіянію короны.
Опорой быть твоей: вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ.
Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ...» и т. д.

Но Эдипу не суждено найти успокоеніе въ Аѳинахъ: граждане не соглашаются его принять и требуютъ, чтобы онъ немедленно удалился. Тогда Антигона бросается къ Тезею, умоляетъ его принять ея отца, и тотъ даетъ имъ пріютъ. Однакоже бѣдствія начинаютъ угрожать Эдипу съ другой стороны—со стороны Креона. Тотъ, узнавъ, что, по опредѣленію судьбы, счастье выпадетъ на долю той страны, гдѣ Эдипъ будетъ преданъ землѣ,—задумываетъ силою овладѣть несчастнымъ старцемъ и увлечь его въ Ѳивы [1]). Сначала онъ хочетъ уговорить его ласкою и льстивыми рѣчами; но когда тотъ не поддается на нихъ, Креонъ прибѣгаетъ къ силѣ: его воины хватаютъ Эдипа и увлекаютъ его вслѣдъ за собою, покинувъ Антигону въ одиночествѣ. На ея отчаянные вопли является Тезей, посылаетъ воиновъ въ погоню за Креономъ и возвращаетъ Эдипа.

Во время всей этой тревоги, въ отсутствіе Эдипа, къ Антигонѣ является ея братъ Полиникъ и умоляетъ ее, чтобы она его примирила съ отцомъ, такъ какъ судьба рѣшила, что побѣдителемъ въ борьбѣ за Ѳивы останется тотъ изъ братьевъ, на сторону котораго перейдетъ самъ Эдипъ. Эдипъ, по просьбѣ Антигоны, допускаетъ къ себѣ Полиника, но не прощаетъ его и не принимаетъ его сторону въ усобицѣ между братьями. Онъ укоряетъ его въ монологѣ, который въ свое время считался поэтическимъ совершенствомъ.

«Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь...
...Какъ смѣешь ты на мнѣ остановить свой взоръ.
Зри ноги ты мои, скитаньемъ изъязвленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны,

---

[1]) Креонъ, похитивъ Эдипа, думаетъ Антигону предоставить въ жертву Евменидамъ, сыновей Эдипа (Этеокла и Полиника) погубить въ раздорахъ и междоусобіяхъ, и послѣ того захватить верховную власть въ Ѳивахъ въ свои руки.

Ты зри главу мою, лишенную волосъ:
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ.
Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ, куда главу несчастну приклонить—
Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влачить:
И дебри темныя, и глубины пещерны,
Природа зрѣла вся злодѣйства безпримѣрны», и т. д.

Между тѣмъ, какъ раздраженный отецъ, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, прогоняетъ отъ себя сына, различныя бѣдствія посѣщаютъ народъ аѳинскій, который приходитъ къ мысли, что боги караютъ его за то, что ихъ царь Тезей пріютилъ у себя Эдипа, гонимаго судьбою. Народъ требуетъ у Тезея, чтобы для умилостивленія боговъ въ жертву была принесена Антигона. Это безчеловѣчное требованіе поражаетъ Эдипа ужасомъ, но Антигона совершенно спокойно покоряется судьбѣ своей и молитъ аѳинянъ только о томъ, чтобы они покоили ея отца. Этотъ прощальный монологъ Антигоны вызывалъ рыданья въ театрѣ, въ особенности тѣмъ заключительнымъ переходомъ, гдѣ обреченная на жертву Антигона говоритъ:

«Такъ, жители Аѳинъ, я заклинаю васъ,
Предъ жертвенникомъ симъ въ торжественный сей часъ,
Передъ лицомъ богинь, теперь во храмѣ сущихъ,
Предъ сонмомъ всѣхъ боговъ, меня у гроба ждущихъ,
Чтобы хранили вы родителя покой,
Блюли его главу, гнетомую тоской», и т. д.

Однакоже, обрядъ жертвоприношенія еще не свершенъ, когда въ храмъ вступаетъ Полиникъ и великодушно предлагаетъ себя въ жертву, въ замѣну Антигоны. Эдипъ не принимаетъ его жертвы и вступаетъ въ борьбу великодушія съ дочерью и сыномъ. Простивъ Полиника, онъ самъ желаетъ быть искупительною жертвою... Между тѣмъ, какъ эта чувствительная сцена происходитъ передъ глазами глубоко-тронутыхъ зрителей, въ храмъ является Тезей, ведя за собою плѣннаго Креона. Мудрый царь указываетъ на него, какъ на виновника всѣхъ бѣдствій, раздоровъ и междоусобій — какъ на виновника всѣхъ несчастій въ семьѣ Эдипа. Всѣ соглашаются съ этимъ приговоромъ и само небо подтверждаетъ его: громъ поражаетъ Креона, который падаетъ мертвымъ къ подножію жертвенника.

Такимъ образомъ, коварство и порокъ наказаны, а добродѣтель торжествуетъ, ради удовлетворенія нравственнаго чувства зрителей.

Развязка пьесы слабо и не вполнѣ послѣдовательно истекаетъ изъ ея содержанія: конецъ является даже полною неожиданностью.

Характеръ Креона—этого вычурнаго злодѣя—очень напоминаетъ неестественныхъ извергов псевдо-классической трагедіи... Но, несмотря на всѣ эти недочеты и недостатки, трагедія Озерова, при появленіи своемъ на сцену, поразила всѣхъ своими красотами, изяществомъ формъ и блескомъ своего поэтическаго стиха, полнаго гармоніи, огня и силы чувствъ. Трагедія надолго стала любимѣйшею пьесою публики; образованные люди заучивали изъ нея наизусть цѣлые монологи и произносили ихъ въ обществѣ, на вечерахъ и собраніяхъ. Автора носили на рукахъ, прославляли на всѣ лады, сбирали подписки для того, чтобы выбить въ честь его медаль и ею увѣковѣчить память автора „Эдипа".

„Фингалъ" Озерова.

Понятно, что этотъ успѣхъ увлекъ Озерова къ дальнѣйшей дѣятельности на томъ же самомъ поприщѣ. И вотъ, въ слѣдующемъ же году, на сценѣ является новая его трагедія „*Фингалъ*"; содержаніе ея было заимствовано изъ Оссіановскихъ поэмъ, которыя около этого времени распространились по всей Европѣ въ передѣлкѣ Макъ-Ферсона и еще въ концѣ XVIII вѣка ввели въ моду во всѣхъ литературахъ мрачный, *оссіановскій* колоритъ поэтическихъ произведеній. Это пристрастіе къ Оссіану, которое было первымъ шагомъ на переходѣ отъ сентиментализма къ романтизму, нашло себѣ весьма полное выраженіе въ новой трагедіи Озерова. Въ этомъ именно смыслѣ „Фингалъ" составляетъ эпоху въ русской литературѣ, и даетъ право указывать на Озерова, какъ на родоначальника русскаго романтизма, который встрѣтилъ въ Жуковскомъ талантливаго продолжателя, окончательно утвердившаго романтизмъ на русской почвѣ своими литературными произведеніями. Содержаніе „Фингала" очень просто и немногосложно.

Властитель Морвены, беззавѣтно-храбрый витязь Фингалъ, побѣждаетъ локлинскаго князя Старна и убиваетъ его сына Тоскара. Старнъ взятъ въ плѣнъ и выпущенъ на свободу только по окончаніи войны. Онъ пылаетъ въ душѣ ненавистью къ Фингалу и желаніемъ отомстить ему за свое униженіе и за смерть сына. Совсѣмъ иныя чувства питаетъ къ Фингалу дочь Старна, нѣжная Моина: она страстно любитъ героя, который отвѣчаетъ ей взаимностью и предлагаетъ ей руку и сердце. Старнъ вынужденъ согласиться на бракъ, но думаетъ воспользоваться брачнымъ торжествомъ, чтобы погубить Фингала. Бракъ долженъ быть совершенъ, по желанію Старна, въ храмѣ древнихъ языческихъ боговъ и ему должна предшествовать торжественная тризна на могильномъ холмѣ Тоскара. Во время этой тризны, коварный Старнъ уговариваетъ Фингала отдать свой мечъ и боевой рогъ въ награду побѣдителю на воинскихъ играхъ. Фингалъ исполняетъ его желаніе и остается безоружнымъ. Тогда на него, по

знаку Старна, устремляются воины локлинскіе, чтобы убить его. Но Фингалъ успѣваетъ сорвать мечъ съ могилы Тоскара, начинаетъ отбиваться и наводитъ ужасъ на своихъ убійцъ. Напрасно самъ Старнъ, съ рогомъ впереди, съ мечомъ въ рукахъ старается ободрить своихъ воиновъ... Въ довершеніе всего, Моина, съ воинами Фингала, является ему на помощь. Тогда Старнъ, въ бѣшенствѣ, закалываетъ Моину и самъ закалывается. Приведенный въ отчаяніе смертью Моины, Фингалъ также хочетъ лишить себя жизни, но бардъ Морвенскій останавливаетъ его, напоминая о лежащихъ на немъ обязанностяхъ и о томъ, что его жизнь нужна для блага его подданныхъ.

И здѣсь, какъ въ Эдипѣ, современниковъ поражало сопоставленіе мрачнаго и злобнаго характера Старна и личности бурнаго, беззавѣтно-храбраго Фингала съ нѣжнымъ поэтическимъ, женственно-мягкимъ характеромъ Моины. Одинъ изъ современныхъ (и притомъ образованнѣйшихъ) критиковъ, разбирая „Фингала", говоритъ:

„Трагедія „Фингалъ" — торжество сѣверной поэзіи и торжество русскаго языка, богатаго живописью, смѣлостью и звучностью. Рѣчи Моины—утренній голосъ весны, пробуждающій сладостнымъ очарованіемъ тишину безмолвныхъ рощей; сѣтованія мрачнаго Старна—унылый голосъ осени, бесѣдующей съ ночною бурею... Въ „Фингалѣ" ничто не забыто, ни трагикомъ, ни поэтомъ: тотъ и другой взяли съ Оссіана полную дань..."

По своему историко-литературному значенію, какъ мы уже замѣтили выше, эта трагедія представляетъ собою явленіе весьма немаловажное и заслуживаетъ бо́льшаго вниманія, нежели два послѣдующія произведенія того же автора. Но современники смотрѣли на литературную дѣятельность Озерова иначе: имъ представлялось, что Озеровъ достигъ верха своей славы, поставивъ на сцену трагедію „*Дмитрій Донской*". Трагедія эта является, несомнѣнно, наиболѣе слабымъ изъ четырехъ драматическихъ произведеній Озерова; но громкій успѣхъ ея обусловливался его косвенною связью съ современнымъ политическимъ положеніемъ Россіи. „Дмитрій Донской" поставленъ былъ на сцену въ 1807 году, въ самый разгаръ борьбы Россіи съ Наполеономъ и, слѣдовательно, въ періодъ наибольшаго расцвѣта той патріотической литературы, о которой мы упоминали выше. Но большою ошибкою со стороны автора было именно то, что онъ, поддаваясь своему романтическому настроенію, измѣнилъ характеръ историческаго героя, изобразивъ намъ Дмитрія Донского неженатымъ и безумно влюбленнымъ въ Ксенію, княжну нижегородскую. Вслѣдствіе этого, по справедливому замѣчанію современнаго критика, Дмитрій, въ трагедіи Озерова, „напоминаетъ намъ не великаго князя москов- „Дмитрій Донской".

скаго, но болѣе полуденнаго рыцаря среднихъ вѣковъ". Эта неудачная романтическая вставка въ трагедію, которая должна была

Современныя иллюстраціи къ трагедіямъ Озерова. Сцена изъ трагедіи «Дмитрій Донской».

напоминать объ одномъ изъ величайшихъ русскихъ подвиговъ, повела автора ко многимъ несообразностямъ и даже къ уменьшенію достоинства Дмитрія, какъ главнаго героя дѣйствія. Ксенія,

княжна нижегородская, предназначенная отцомъ своимъ въ невѣсты князю тверскому, является въ воинскій станъ для того, чтобы вступить съ нимъ въ бракъ. Но она влюблена въ Дмитрія, а Дмитрій въ нее, и потому она противится волѣ отца, а Дмитрій не хочетъ ее уступить князю тверскому. Это вызываетъ междоусобіе въ средѣ князей, которые возстаютъ противъ Дмитрія и не хотятъ воевать противъ наступающаго грознаго Мамая. Наконецъ, Ксенія, подавая примѣръ самоотверженія Дмитрію, жертвуетъ собою и соглашается выйти замужъ за князя тверского. Дмитрій, приведенный въ отчаяніе этимъ поступкомъ Ксеніи, не рѣшается стать во главѣ своего войска въ день Куликовской битвы и главное начальство предоставляетъ князю Бренскому, своему наперснику; самъ онъ, какъ простой воинъ, сражается въ воинскихъ рядахъ. Въ послѣднемъ дѣйствіи все заканчивается къ общему благополучію. Мамай побѣжденъ; раненый Дмитрій отысканъ на полѣ битвы — и всѣ воздаютъ ему честь побѣды, а князь тверской примиряется съ нимъ и уступаетъ ему руку Ксеніи. Такимъ образомъ выходитъ, что главный герой трагедіи не блистаетъ никакою твердостью характера и, въ этомъ отношеніи, уступаетъ пальму первенства многимъ изъ дѣйствующихъ лицъ: и Ксеніи, и Бренскому, и даже сопернику своему, князю тверскому... Но всѣ эти несообразности, отмѣченныя критикою, не останавливали на себѣ вниманіе современниковъ, настроенныхъ въ пользу автора тою высокою патріотическою тэмою, которая была имъ избрана въ основу его трагедіи. „Озеровъ,—по замѣчанію его біографа князя П. А. Вяземскаго,—въ трагедіи „Дмитрій Донской“, напомнилъ согражданамъ своимъ о великой эпохѣ древней славы Россіи... и возвратилъ трагедіи истинное ея достоинство: питать гордость народную священными воспоминаніями и вызывать изъ древности подвиги великихъ героевъ, служащихъ образцами для потомства“. И дѣйствительно, та чуткая патріотическая настроенность, которая господствовала въ обществѣ въ этотъ періодъ борьбы съ всесвѣтнымъ завоевателемъ, Наполеономъ, придавала особенное, великое значеніе трагедіи, вспоминавшей о патріотическомъ подвигѣ Дмитрія Донского, въ которомъ всѣ олицетворяли Александра, точно такъ же, какъ въ Мамаѣ видѣли Наполеона. И каждый монологъ, каждая отдѣльная фраза отдѣльной роли представлялись зрителямъ намекомъ на современныя политическія событія и отношенія или пророчествомъ по отношенію къ будущему. Театръ стоналъ отъ рукоплесканій и изступленныхъ криковъ восторга, когда Дмитрій, въ отвѣтъ на совѣты князя Бѣлозерскаго, говорилъ:

«Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ—миръ принять безчестный.
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы.

Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ Татарахъ видѣли орудіе небесно,
Чему противиться безумно и невмѣстно,
Но въ наши дни и честь, и самой вѣры гласъ
Противъ мучителей вооружаютъ насъ...»

Или когда, на совѣты того же князя Бѣлозерскаго, который уговаривалъ Дмитрія — поберечь себя въ битвѣ, тотъ отвѣчаетъ:

«Мой долгъ: въ день мира—судъ, и мужество—въ день брани.
Могу ли ратнику сказать: иди впередъ,
Коль духу мой примѣръ ему не придаетъ?
И если Богъ судилъ въ своемъ благомъ совѣтѣ,
Для счастья Россіянъ мнѣ дни продлить во цвѣтѣ,
Чего страшитеся? Средь вражескихъ полковъ,
Пріосѣнитъ меня, какъ щитъ, его покровъ.
Идите же, друзья, и войскамъ объявите,
Что къ утру бой рѣшенъ...»

Такое же, истинно-потрясающее впечатлѣніе долженъ былъ производить его монологъ передъ началомъ Куликовской битвы:

«Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою...»

или монологъ боярина, объявляющаго объ окончательной побѣдѣ надъ Мамаемъ, начинавшійся знаменитой фразой:

«Рука Всевышняго отечество спасла...» [1])

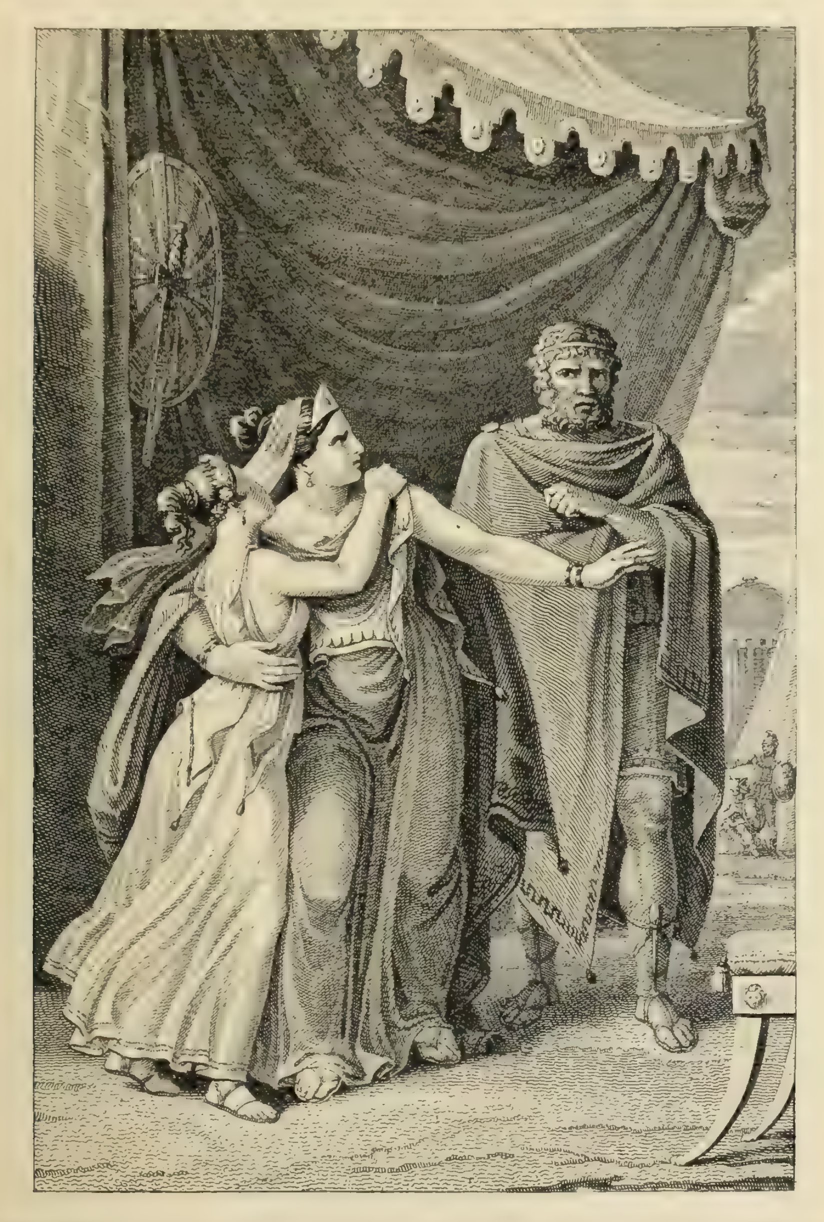
Чрезвычайно любопытнымъ явленіемъ, которое нельзя здѣсь не отмѣтить, оказывается въ этой трагедіи Озерова характеръ Ксеніи, отстаивающей свои права женщины на свободный выборъ себѣ супруга и вообще на свободу дѣйствій. Это чуть ли не первый протестъ, высказанный русскимъ авторомъ въ пользу женщинъ, да еще со сцены. При этомъ авторъ влагаетъ въ уста Ксеніи прямую ссылку на то, что приниженное и безправное положеніе женщины ведетъ свое начало отъ ненавистной татарщины и не имѣетъ ничего общаго съ древне-русскими понятіями объ отношеніи половъ:

«Подъ игомъ у татаръ мы заняли ихъ нравы,
И пола нашего межъ насъ ничтожны правы».

Неслыханный успѣхъ „Дмитрія Донского" былъ, къ сожалѣнію, послѣднимъ успѣхомъ талантливаго автора. Судя по современнымъ намекамъ, какія-то довольно темныя интриги и клеветы „зоиловъ строгихъ, богатыхъ знатностью, талантами убогихъ", значительно повредили около этого времени Озерову, какъ въ его служебной, такъ и въ литературной дѣятельности. Мно-

[1]) Впослѣдствіи эта фраза избрана была другимъ писателемъ, Кукольникомъ, въ заглавіе его патріотической драмы, явившейся на сценѣ въ 1834 г.

гія, весьма существенныя заслуги его, „вслѣдствіе интригъ и клеветы“, не были оцѣнены по достоинству, и Озеровъ, по природѣ своей проникнутый благородною гордостью, обидѣлся и вышелъ

Современныя иллюстраціи къ трагедіямъ Озерова. Сцена изъ трагедіи «Поликсена».

въ отставку. Тогда онъ вынужденъ былъ поселиться въ своемъ родовомъ Казанскомъ имѣніи, селѣ Красный Яръ (Чистопольскаго уѣзда), единственной его личной собственности, такъ какъ имѣніе это досталось ему отъ матери. Здѣсь, въ глубокомъ уединеніи, „за студеною рѣкою Камою“, какъ онъ самъ выражался въ письмахъ къ своему пріятелю А. Н. Оленину, онъ провелъ около семи лѣтъ. Письма его за это время проникнуты твердостью и

бодростью духа: онъ увѣряетъ своего друга, что „свою безпечную и свободную жизнь не промѣняетъ ни на сенаторское, ни на министерское мѣсто", хотя жить ему приходилось въ „настоящей" хижинѣ, потому что домъ его, не отдѣланный, „стоитъ безъ печей и безъ окончинъ". Но онъ, повидимому, возлагалъ большія надежды на новую свою трагедію „*Поликсену*" (онъ окончилъ ее въ октябрѣ 1808 г.), которую считалъ лучшею изъ своихъ трагедій. Однакоже, этой трагедіи суждено было послужить источникомъ новыхъ огорченій и оскорбленій для автора.

„Поликсена".

14 мая 1809 г., послѣ многихъ хлопотъ со стороны друзей Озерова, „Поликсена" была, наконецъ, поставлена на петербургской сценѣ. Трагедію играли дважды и Оленинъ писалъ Озерову, что публикѣ особенно понравился третій актъ его трагедіи. Очень любопытно то письмо, которымъ Озеровъ отвѣчалъ Оленину на это извѣщеніе:

„Если третье дѣйствіе нѣсколько поразило слушателей,— пишетъ Озеровъ, — то обязаны они симъ удовольствіемъ Еврипиду, у котораго я занялъ почти весь разговоръ Гекубы съ Улиссомъ: доказательство, что языкъ природнаго чувства есть языкъ всѣхъ народовъ. Стонъ и моленья Гекубы извлекали слезы изъ глазъ аѳинянъ и всѣхъ грековъ, и они же, черезъ двѣ тысячи и болѣе лѣтъ поразили зрителей въ Петербургѣ, гдѣ, съ небольшимъ за сто лѣтъ, молчаливо протекали межъ болотъ невскія струи, изображая въ водахъ своихъ печальныя ели, вѣковыя сосны и тощія березы. О, безсмертный Еврипидъ!.. Но болѣе еще безсмертенъ Петръ Великій, истинный отецъ отечества, который просвѣщеніемъ своихъ подданныхъ открылъ имъ новый источникъ наслажденій: наслажденій сердца и ума".

Но „Поликсена", послѣ второго представленія, была дирекціею снята со сцены, какъ говорятъ, по проискамъ партіи мелкихъ писакъ для сцены, съ княземъ А. А. Шаховскимъ во главѣ, и дирекція театра весьма безцеремонно, почти грубо, отказалась отъ исполненія условій, заключенныхъ съ авторомъ [1]). Эта прямая несправедливость такъ огорчила Озерова, что онъ отказался отъ новаго изданія въ свѣтъ „Дмитрія Донского" и „Поликсены", которыя предлагалъ ему извѣстный въ то время книгопродавецъ Заикинъ.

Планы новыхъ трагедій.

Видно, что неудача съ „Поликсеной" побудила Озерова еще болѣе замкнуться въ своемъ уединеніи, еще болѣе постараться забыть о своей литературной дѣятельности и всѣхъ огорченіяхъ,

[1]) Условія заключались въ томъ, что дирекція обязывалась выплатить Озерову послѣ второго представленія трагедіи 3,000 р., послѣ чего пьеса переходитъ въ собственность дирекціи. Пьеса была играна дважды и снята со сцены; автору же не было заплачено ни копейки.

принесенныхъ ему литературною извѣстностью. Однакоже, онъ не могъ еще отречься вполнѣ отъ своего назначенія: мы знаемъ, что онъ, въ послѣдніе годы жизни въ деревнѣ, началъ-было писать еще одну трагедію—„Медею“. Говорятъ, что, въ припадкѣ меланхоліи, онъ сжегъ начало этой трагедіи, вмѣстѣ съ началомъ и планами двухъ другихъ („Вельгаръ, варягъ-мученикъ при Владимірѣ“ и „Осада Дамаса“). Сверхъ того, въ письмахъ къ Оленину, Озеровъ много и довольно подробно говоритъ о своемъ намѣреніи избрать сюжетъ одной изъ своихъ будущихъ трагедій изъ нашей исторіи XVIII вѣка, и притомъ изъ самаго мрачнаго ея періода—изъ временъ Бироновщины:

„Я весьма расположенъ,—пишетъ онъ,—приняться за сочиненіе новой трагедіи, взятой изъ нашей исторіи, изъ царствованія императрицы Анны Іоанновны. Можетъ-быть, я вамъ уже говорилъ, въ бытность мою въ Петербургѣ, о смерти Волынскаго, пострадавшаго отъ Бирона за правду и защиту русскаго народа [1]): за сіе сочиненіе желалъ бы я приняться, но не имѣю источниковъ, изъ которыхъ бы занялъ нужныя свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ сего дѣла... Я чувствую самъ, что такая трагедія никогда не можетъ быть играна на нашемъ театрѣ, но примусь ее писать для моихъ пріятелей“.

Но этому плану не суждено было исполниться. Озеровъ все болѣе и болѣе впадалъ въ меланхолію... Дурное положеніе матеріальное при сильно-уязвленномъ самолюбіи окончательно разстроили его и вообще не крѣпкое здоровье нравственными страданіями... Мало-по-малу онъ впалъ въ совершенное разслабленіе нравственное, которое вскорѣ перешло въ тихое умопомѣшательство, такъ что старикъ-отецъ вынужденъ былъ перевезти несчастнаго сына изъ его казанской вотчины въ свою тверскую (село Казанское, Зубцовскаго уѣзда), гдѣ онъ, два года спустя, скончался и былъ погребенъ (1816 г.). Къ печальному концу его жизни какъ нельзя болѣе оказываются примѣнимы тѣ строки, которыми онъ самъ закончилъ свою любимую трагедію „Поликсену“, гдѣ старецъ Несторъ, царь Пилоса, восклицаетъ: Печальный конецъ.

«Среди тщеты надежды, среди страстей борьбы,
Мы бродимъ по землѣ игралищемъ судьбы.
Счастливъ, кто въ гробъ скорѣй отъ жизни удалится,
Счастливѣе сто кратъ, кто къ жизни не родится» [2]).

Въ значеніи нашего обзора литературной дѣятельности Озерова, мы должны, прежде всего, заявить, что не можемъ согла-

[1]) Очевидно, что Озеровъ, недостаточно знавшій о Волынскомъ, идеализировалъ его характеръ.

[2]) Любопытно, что эти слова были выпускаемы во время представленія этой трагедіи на сценѣ.

ситься съ господствующимъ у насъ мнѣніемъ, будто бы Озеровъ не обладалъ никакимъ самостоятельнымъ поэтическимъ даромъ, былъ слѣпымъ подражателемъ Дюсиса и успѣхомъ своимъ былъ, главнымъ образомъ, обязанъ гладкости стиха и чистотѣ языка своихъ трагедій. Такой взглядъ на Озерова, какъ драматическаго писателя, ведетъ свое начало отъ Пушкина, который его не любилъ, и вообще былъ критикомъ довольно пристрастнымъ. Успѣхъ Озерова, какъ намъ кажется, болѣе всего основывался на томъ, что онъ внесъ въ безжизненную до него, правильно построенную на подражаніи псевдо-классическимъ образцамъ, русскую трагедію — новый элементъ сентиментализма, которымъ, очевидно, увлекался самъ, вмѣстѣ со всѣмъ современнымъ ему молодымъ поколѣніемъ. Благодаря этому именно увлеченію, ему такъ удавались въ его трагедіяхъ женскіе характеры, вызывавшіе понятный намъ восторгъ и восхищеніе современниковъ: его Антигона, Моина и Ксенія много способствовали даже и развитію драматическаго искусства на нашей сценѣ, потому что представляли собою живые типы, достойные серьезнаго изученія и вдохновлявшіе актеровъ къ игрѣ. Притомъ, Озеровъ первый изъ нашихъ драматическихъ авторовъ рѣшился допустить въ своихъ трагедіяхъ даже и прямыя нарушенія [1]) прочно установившихся традицій псевдо-классической теоріи. Въ виду всего этого, наименьшею оцѣнкою достоинствъ Озерова должно, конечно, быть слѣдующее заключеніе о немъ: Озеровъ сдѣлалъ для нашей драмы то же, что Карамзинъ для легкой, беллетристической прозы, а Дмитріевъ—для лирики; но едва ли онъ не выше ихъ стоитъ, какъ писатель, по высокимъ достоинствамъ своего языка, и звучнаго, гармоническаго выраженія мысли въ стихѣ. Во всякомъ случаѣ, Озерова нельзя не признать талантливѣйшимъ изъ послѣдователей Карамзина. Литературныя заслуги Озерова были, впрочемъ, вполнѣ справедливо оцѣнены его біографомъ, княземъ П. А. Вяземскимъ:

Критика объ Озеровѣ.

„Излишнимъ кажется доказывать,—пишетъ Вяземскій,—что ни Княжнинъ, ни Сумароковъ не были его образцами; и смѣшно напоминать, что произведенія, послѣдовавшія за его трагедіями, не имѣютъ никакого съ ними сходства... Трагедіи Озерова занимаютъ между ними среду, и въ самыхъ погрѣшностяхъ своихъ представляютъ намъ отступленіе отъ правилъ, исполненныя жизни и носящія свой образъ. Онѣ уже нѣсколько принадлежатъ къ новѣйшему драматическому роду, такъ-называемому ро-

---

[1]) Такъ, въ «Эдипѣ», главное дѣйствующее лицо—самъ Эдипъ—является у Озерова только во 2-мъ дѣйствіи; такъ его «Фингалъ» заключаетъ въ себѣ только три дѣйствія, вмѣсто пяти, и т. д.

мантическому, который принятъ нѣмцами отъ испанцевъ и англичанъ".

Въ этомъ именно смыслѣ Озеровъ занимаетъ въ исторіи нашей драмы весьма видное и притомъ вполнѣ самостоятельное положеніе, которое не можетъ быть отнято у него никакими указаніями на его промахи и погрѣшности.

Около Озерова мы видимъ цѣлую плеяду гораздо менѣе талантливыхъ, но замѣчательно плодовитыхъ писателей, которые страстно преданы театру, усердно работаютъ для сцены въ теченіе всей своей жизни и тѣмъ самымъ лично способствуютъ подъему сценическаго искусства и развитію среди публики вкуса къ театру и къ драматической литературѣ вообще. Кромѣ того, нельзя не отмѣтить и еще одного важнаго явленія, вызваннаго именно тѣмъ значеніемъ, которое театръ начинаетъ получать въ русской общественной жизни—являются первыя попытки драматической критики, не въ видѣ придирчивыхъ и бранчивыхъ осужденій и порицаній, бездоказательныхъ и сплошныхъ, а въ видѣ оцѣнки достоинствъ и недостатковъ пьесы, по сравненію ея съ классическими образцами, съ указаніями теоріи и съ примѣненіями теоріи у того или другого изъ современныхъ иностранныхъ писателей для сцены.

А. А. Шаховской.

Видное мѣсто въ числѣ драматическихъ писателей, принадлежавшихъ къ первой четверти XIX вѣка, занимаетъ несомнѣнно князь *Александръ Александровичъ Шаховской* (1779—1846 гг.), современникъ Озерова, и въ то же время его соперникъ по театру, относившійся къ нему враждебно и несправедливо. Этотъ неистощимо-плодовитый писатель, поставившій на сцену около 80 пьесъ, уже потому имѣетъ нѣкоторое значеніе въ исторіи нашей драматической литературы, что былъ въ теченіе цѣлой четверти вѣка главнымъ поставщикомъ пьесъ для сценическаго репертуара, ревниво оберегавшимъ доступъ на сцену отъ всякихъ стороннихъ попытокъ вторженія, внѣ извѣстнаго, близкаго къ нему и дружнаго съ нимъ кружка. Преданный всею душою сценѣ и ея интересамъ, князь А. А. Шаховской долгое время служилъ при театральной дирекціи въ весьма дѣятельной роли завѣдующаго репертуарной частью [1]), но и покинувъ службу, не могъ разстаться со сценою: только и работалъ для нея и проводилъ всю жизнь въ кружкѣ актеровъ и писателей для сцены, руководя одними и давая наставленія другимъ. По общему характеру и направленію своей дѣятельности, князь Шаховской напоминаетъ намъ типы многихъ современныхъ намъ писателей

[1]) Обязанность завѣдующаго репертуарною частью и тогда, какъ и теперь, заключалась въ постановкѣ пьесъ на сценѣ; ему же поручались для обученія молодые, вступающіе на сцену актеры и актрисы.

для сцены, и не хуже ихъ умѣлъ пользоваться всѣми сценическими эффектами и блестящей обстановкой для возвышенія достоинства своихъ пьесъ, не отличавшихся ни глубиною содержанія, ни особенною талантливостью изложенія. Сверхъ того, онъ былъ не прочь отъ возможности воспользоваться случаемъ осмѣянія на сценѣ того или другого изъ современныхъ ему направленій въ литературѣ и даже выставить на общее осмѣяніе извѣстный типъ писателей, который почему-либо имѣлъ несчастіе ему не нравиться или просто не принадлежалъ къ одному съ нимъ литературному лагерю[1]). Несомнѣнною заслугою Шаховского было то, что онъ первый задумалъ издавать (въ 1858 г.) журналъ „*Драматическій Вѣстникъ*", исключительно посвященный интересамъ сцены и драматической литературѣ. Главною цѣлью этого органа было „изысканіе въ древнихъ сочиненіяхъ всего, касающагося художества, и тѣмъ содѣйствовать отвращенію дурного вкуса, который, господствуя въ новыхъ иностранныхъ сочиненіяхъ, развращающихъ и умъ, и сердце, угрожаетъ заразить и нашу словесность". Въ виду этого, въ „Драматическомъ Вѣстникѣ" помѣщалось много статей чисто-теоретическихъ (преимущественно переводныхъ) и критическихъ, главнымъ образомъ осуждающихъ новѣйшее направленіе такъ называемыхъ „мѣщанскихъ драмъ" и, въ частности, драмы Коцебу.

М. Н. Загоскинъ.

Въ теченіе своей долгой литературной карьеры, Шаховской, впрочемъ, много разъ переходилъ отъ одного направленія къ другому. Сначала, строгій классикъ, сторонникъ Россійской академіи и шишковской „Бесѣды" и поклонникъ французскихъ ложно-классическихъ образцовъ... Затѣмъ, около 1820 г., онъ измѣнилъ

[1]) Такъ, въ комедіи «Новый Стернъ» имъ было осмѣяно сентиментальное направленіе вообще и въ частности «Письма русскаго путешественника» Карамзина; въ комедіи «Липецкія воды»—Жуковскій и его баллады.

классикамъ и увлекся романтическимъ направленіемъ, которое внесъ въ драму, безъ малѣйшаго затрудненія заимствуя сюжеты для своихъ произведеній изъ Оссіана и Шекспира, изъ Вальтеръ-Скотта и даже изъ юношескихъ поэмъ Пушкина [1]). Отъ романтической драмы и трагедіи былъ уже только одинъ шагъ до перехода въ томъ же направленіи на русскую почву; и вотъ изъ-подъ пера Шаховского стали являться, одна за другою, драмы, заимствованныя то изъ модныхъ современныхъ романовъ („Рославлевъ" и „Юрій Милославскій" — Загоскина), то изъ исторіи Карамзина („Соколъ князя Ярослава Тверского" и „Смольняне"), то изъ быта волжскихъ разбойниковъ („Двумужница"), то изъ прошлаго русской сцены и русской литературы („Θедоръ Григорьевичъ Волковъ" и „Ломоносовъ или рекрутъ-стихотворецъ") и т. д. Все это, съ начала и до конца, были произведенія весьма посредственныя, спѣшно написанныя, безъ особыхъ притязаній на высокія литературныя достоинства; но все это нравилось публикѣ, держалось довольно долго на сценѣ и давало возможность актерамъ проявлять свои таланты со многихъ и весьма разнообразныхъ сторонъ. Самъ Шаховской, въ этомъ послѣднемъ поворотѣ своей литературной дѣятельности на почву русской романтической драмы, видѣлъ не болѣе какъ „опыты", которыми онъ хотѣлъ открыть дорогу людямъ, имѣющимъ болѣе его дарованія—иначе сказать: хотѣлъ отвлечь отъ подражанія иностраннымъ образцамъ и создать нѣчто въ родѣ самостоятельной народной драмы. Въ своихъ „опытахъ" онъ уже примѣнилъ на сценической практикѣ такіе пріемы, которые много придавали красы довольно безсодержательнымъ сюжетамъ его драмъ: такъ, въ драмѣ „Двумужница" были очень ловко введены старинныя святочныя игры и пѣсни, а въ оперѣ-водевилѣ „Казакъ-стихотворецъ"—малороссійскія пѣсни, положенныя на музыку,—и этотъ народный элементъ очень нравился публикѣ [2]).

Мы уже упоминали выше о необычайной плодовитости Шаховского и приблизительно опредѣляли цифру его произведеній; къ этому не мѣшаетъ добавить, что онъ писалъ во всѣхъ родахъ произведеній, имѣющихъ доступъ на сцену: и драмы, и трагедіи, и комедіи, и водевили, и оперы, и балеты... Но главнымъ, излюбленнымъ его родомъ произведеній была комедія, которая ему

[1]) Для примѣра приводимъ слѣдующія произведенія Шаховского: драмы—«Иваной или возвращеніе Ричарда Львиное Сердце»—заимствованная изъ В.-Скотта; «Таинственный Карло или долина чернаго камня»—драма въ стихахъ В.-Скотта; «Буря»—волшебно-романтическое зрѣлище — изъ Шекспира; «Алепскій горбунъ» — водевиль изъ арабскихъ сказокъ; «Финнъ»—трагедія, заимствованная изъ «Руслана и Людмилы».

[2]) Многія изъ пѣсенъ, введенныхъ Шаховскимъ въ эти полународныя драмы, были имъ сочинены; но, положенныя на музыку, распѣвались въ обществѣ, получили большое распространеніе и вошли въ разные пѣсенники, наравнѣ съ народными.

болѣе всего удавалась, особенно если онъ почерпалъ ея сюжеты изъ хорошо ему знакомаго быта помѣщиковъ средней руки... Полагаемъ, однакожъ, что онъ не столько принесъ пользы нашей сценической литературѣ всѣми своими произведеніями, сколько примѣромъ своего неутомимаго усердія къ сценѣ, своими шумными успѣхами, своею постоянною и разнообразною дѣятельностью, направленною къ обогащенію русской сцены. И самый домъ Шаховского былъ уже цѣлою школою для того кружка писателей и актеровъ, который постоянно собирался около князя-писателя. Къ этому кружку принадлежали всѣ, наиболѣе выдающіеся писатели для сцены, современники Шаховского (директоръ московскаго театра Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, М. Н. Загоскинъ, Н. И. Хмѣльницкій и П. А. Катенинъ). Въ этомъ кружкѣ выросъ, окрѣпъ и развился замѣчательнѣйшій нашъ драматургъ первой четверти XIX вѣка — Грибоѣдовъ, которому мы посвятимъ одну изъ послѣдующихъ главъ нашей книги. Но о другихъ писателяхъ, упомянутыхъ нами въ кружкѣ Шаховского, намъ придется сказать всего по нѣсколько словъ.

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ (род. 1773 г.), по службѣ своей при театрѣ и по страсти къ сценѣ, увлеченъ былъ и къ авторству: — сначала онъ переводилъ Мольерова „Мизантропа“, а потомъ и самъ написалъ нѣсколько оригинальныхъ комедій. Съ 1823 г. онъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ директоромъ московскаго театра и принесъ значительную пользу московской сценѣ умѣлымъ выборомъ актеровъ и тщательною постановкою пьесъ на сценѣ, которую онъ зналъ превосходно, будучи и самъ талантливымъ актеромъ. Достаточно будетъ здѣсь припомнить, что знаменитый комикъ нашъ, Щепкинъ, былъ вызванъ Кокошкинымъ изъ провинціи, а трагикъ Мочаловъ воспиталъ и развилъ свой дивный сценическій даръ подъ руководствомъ Кокошкина.

М. Н. Загоскинъ.

Въ непосредственной связи съ Кокошкинымъ и Шаховскимъ началъ писать для сцены и *Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ* (род. 1789 г., ум. 1852 г.), извѣстный романистъ и авторъ „Юрія Милославскаго“. Для сцены онъ написалъ рядъ комедій [1]), въ которыхъ онъ ничуть не задавался большими нравственными задачами и серьезными вопросами, а больше заботился о томъ, чтобы развлечь и повеселить публику. Этой цѣли онъ достигалъ вполнѣ, потому что пьесы его отличались чрезвычайною простотою и немногосложностью содержанія и самою неподдѣльною, искреннею, игривою веселостью.

Н. И. Хмѣльницкій.

По размѣрамъ литературнаго таланта и направленія своихъ комедій очень близко подходитъ къ Загоскину *Николай Ивановичъ*

[1]) «Комедія противъ комедіи», «Господинъ Богатоновъ», «Вечеринка ученыхъ», «Добрый малый», «Утѣха холостымъ или наслѣдники», «Благородный театръ».

Хмѣльницкій (род. 1789 г., ум. 1846 г.), потомокъ извѣстнаго гетмана [1]). Будучи человѣкомъ весьма образованнымъ и отличнымъ знатокомъ французской драматической литературы, Хмѣльницкій, прежде всего, пріобрѣлъ себѣ почетное литературное имя переводомъ двухъ комедій Мольера „Тартюфъ“ и „Школа женщинъ“; а затѣмъ поставилъ на сцену цѣлый рядъ подражаній и передѣлокъ съ французскаго, а также и оригинальныхъ комедій, которыя очень нравились публикѣ и долго держались на сценѣ, благодаря своей тщательно-законченной формѣ, изяществу изложенія и гладкости стиха. Публикѣ нравились въ числѣ его пьесъ: „*Воздушные замки*“, „*Семь пятницъ на недѣлѣ*“ и „*Суженаго конемъ не объѣдешь*“. Современники особенно хвалили водевили Хмѣльницкаго.

Рядомъ съ этими усердными работниками для сцены видимъ и еще одного писателя—*Павла Александровича Катенина* (1792—1853 г.), который является болѣе замѣчательнымъ какъ критикъ, нежели какъ писатель для сцены. Въ кружкѣ Шаховского онъ слылъ большимъ авторитетомъ въ дѣлѣ сценическаго искусства; но, какъ убѣжденный классикъ, признававшій только французскихъ трагиковъ эпохи Людовика XIV, онъ чуть не разссорился съ Шаховскимъ, когда тотъ перешелъ въ своихъ драмахъ къ романтическому направленію. Собственная его литературная дѣятельность выразилась только переводомъ одного дѣйствія „*Горацієвъ*“ и „*Сида*“ изъ Корнеля [2]) и переводомъ „*Эсѳири*“ Расина, въ подражаніе которому онъ написалъ и оригинальную трагедію „Андромаху“. Все это сухо, вяло и скучно и не свидѣтельствуетъ о талантѣ Катенина, какъ переводчика и какъ писателя. Гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія его критическіе опыты, которые онъ помѣщалъ въ „*Литературной Газетѣ*“ Дельвига (въ 1830 г.) подъ общимъ названіемъ: „*Размышленія и разборы*“. Какъ убѣжденный (можно сказать даже предубѣжденный) классикъ, онъ судилъ въ этихъ статьяхъ обо всемъ съ точки зрѣнія классическихъ образцовъ и отрицалъ всякое значеніе Шекспира, въ отвѣтъ на восторженную оцѣнку его извѣстнымъ нѣмецкимъ критикомъ Августомъ Шлегелемъ.

П. А. Катенинъ.

---

[1]) Біографія его заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Отецъ его, Иванъ Парфентьевичъ Хмѣльницкій, былъ человѣкъ весьма образованный, учился за границей и былъ докторъ Кенигсбергскаго университета. Сынъ получилъ домашнее воспитаніе подъ руководствомъ извѣстнаго писателя Эмина, а потомъ закончилъ образованіе въ Горномъ корпусѣ. Въ 1812 г. видимъ его въ ополченіи и адъютантомъ при Кутузовѣ, позднѣе—правителемъ канцеляріи у Милорадовича и наконецъ смоленскимъ и архангельскимъ губернаторомъ.

[2]) Это не помѣшало Пушкину внести въ своего «Евгенія Онѣгина» знаменитый стихъ: «Катенинъ воскресилъ (на сценѣ) Корнеля геній величавый...» Стихъ этотъ можно объяснить только тѣмъ, что Пушкинъ былъ друженъ съ Катенинымъ, а друзей своихъ онъ любилъ баловать своими похвалами не по заслугамъ.

Въ этомъ-то кружкѣ и воспитался и развился литературно одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ писателей нашихъ—Грибоѣдовъ. Кружокъ Шаховского, въ который онъ попалъ очень юнымъ, вскорѣ по окончаніи отечественной войны, увлекъ его къ дѣятельности литературной, къ работѣ для сцены, которую онъ такъ же полюбилъ, какъ и кружокъ актеровъ. Въ дружбѣ съ Катенинымъ и Хмѣльницкимъ, и съ болѣе молодыми, второстепенными писателями для сцены (Жандромъ и Корсаковымъ) онъ создалъ первые свои сценическіе опыты—сдѣлалъ первые шаги на драматическомъ поприщѣ. Эти опыты, явившіеся на сценѣ между 1815 и 1818 гг., были еще настолько слабы и несамостоятельны, что въ нихъ нельзя было предвидѣть будущаго творца знаменитой комедіи, которая впослѣдствіи составила славу Грибоѣдова. Но эти первые опыты увлекли юнаго автора, а жизненный опытъ, знаніе свѣта, умъ и талантъ помогли довершить остальное.

Заглавная виньетка къ сочиненіямъ Озерова.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отживающее прошлое въ литературныхъ формахъ лирики и эпоса у нашихъ писателей первой четверти XIX вѣка. Нѣкоторыя новыя явленія въ лирикѣ, на почвѣ народности. Нелединскій-Мелецкій и Мерзляковъ. Назидательный элементъ въ сатирѣ и баснѣ. Важнѣйшіе представители этихъ родовъ поэзіи отъ И. И. Дмитріева до Измайлова и князя Вяземскаго.

Въ 1807 году скончался М. М. Херасковъ, наиболѣе видный представитель стараго русскаго эпоса; въ іюлѣ 1815 года „рѣка временъ въ своемъ стремленьи“ унесла и знаменитаго русскаго лирика Державина, пѣвца Екатерины... Въ лицѣ этихъ представителей давно минувшаго вѣка отживали свой вѣкъ и тѣ литературныя формы, разработкѣ которыхъ они такъ настойчиво и такъ усердно посвящали всѣ досуги своей долгой жизни и свою многолѣтнюю литературную карьеру. То, что нимало никому не казалось страннымъ въ вѣкъ Екатерины, что казалось тогда примѣнимо и къ событіямъ, и къ людямъ, и къ общему характеру эпохи, вдругъ оказалось страннымъ и совсѣмъ неприложимымъ къ эпохѣ Александра, хотя и не менѣе славной и не менѣе богатой замѣчательными событіями, громкими побѣдами и крупными, выдающимися личностями. Оды стали рѣдкостью, почти диковинкой: онѣ уступили мѣсто другимъ, менѣе торжественнымъ родамъ лирики. И поэма эпическая, требующая усиленной и долгой работы и напряженнаго вдохновенія, тоже теряетъ свое обаяніе: за нее берутся неохотно, для нея не находятъ достойныхъ предметовъ воспѣванія. Но эти литературныя формы не сразу уступаютъ мѣсто другимъ формамъ, къ которымъ склоняется общій вкусъ, которыя становятся модными, излюбленными формами современнаго творчества... Литераторы стараго закала, для которыхъ не только произведенія Державина, но даже произведенія Ломоносова еще представлялись послѣднимъ словомъ поэтическаго вдохновенія, конечно, старались подражать этимъ образцамъ и возрождать ихъ въ своихъ произведеніяхъ; даже и литераторы новой школы, на которыхъ такъ яростно нападали литературные старовѣры, съ Шишковымъ во главѣ, тоже изрѣдка платили дань минувшему, посвящая свое вдохновеніе отжившей торжественной лирикѣ. Такъ Карамзинъ привѣтствовалъ вступленіе на престолъ Александра торжественною одой и позднѣе—такою же одой—его торжество надъ Наполеономъ. Къ такой же одѣ побудило И. И. Дмитріева взятіе Варшавы русскими войсками [1]... Такою же торжественною, хвалебною одою явилось въ 1812 году и извѣстное произведеніе Жуковскаго: „*Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ*“, хотя, впрочемъ,

---

[1]) Ода носитъ заглавіе: «Гласъ патріота на взятіе Варшавы».

въ этомъ стихотвореніи его нѣсколько повышенный тонъ и патетическая настроенность оправдывались чрезвычайностью тѣхъ событій, среди которыхъ оно было написано [1]).

Отголоскомъ минувшаго были и тѣ духовно-нравственныя стихотворенія, тѣ подражанія псаламамъ и переложенія псалмовъ, которыя ведутъ свое начало отъ лирики Ломоносова и Державина и стоятъ съ ней въ тѣсной связи. Этого рода произведеніями лирика первой четверти XIX вѣка довольно богата. Одною изъ такихъ пьесъ является извѣстный гимнъ Дмитріева („Размышленіе по случаю грома“): „Гремитъ... благоговѣй сынъ персти“. По тону и общей построенности онъ напоминаетъ извѣстную оду Ломоносова, выставляющую на видъ ничтожество человѣка по сравненію съ всемогуществомъ Божіимъ.

А. Ѳ. Мерзляковъ. Особенно славился своими духовными одами извѣстный профессоръ краснорѣчія и поэзіи при московскомъ университетѣ—*Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ* (род. 1778 г., ум. 1830 г.), ученый теоретикъ по вопросамъ словесности, критикъ, ораторъ и поэтъ. Его оды—„*На разрушеніе Вавилона*“, избранныя изъ пророка Исаіи, „*Пѣснь Моисеева, по прехожденіи Чермнаго моря*“, „*Пѣснь Моисея передъ кончиной*“, „*Гласъ Божій въ громѣ*“, „*Гимнъ Непостижимому*“ — считались образцовыми въ своемъ родѣ произведеніями и, въ виду своихъ высокихъ поэтическихъ достоинствъ, приравнивались даже къ произведеніямъ Ломоносова. Въ особенности двѣ первыя изъ упомянутыхъ выше одъ заучивались наизусть и помѣщались непремѣнно во всѣхъ сборникахъ образцовыхъ произведеній русской словесности почти въ теченіе полувѣка.

Н. М. Шатровъ. Гораздо менѣе удачными были подражанія псаламамъ и духовныя пѣсни *Николая Михайловича Шатрова* (род. 1765 г., ум. 1841 г.) одного изъ самыхъ рьяныхъ и закоренѣлыхъ сторонниковъ Шишкова и его „славенщизны“. Онъ исключительно обращалъ свой поэтическій даръ на эти духовныя пѣснопѣнія и подновлялъ ихъ исключительно тѣмъ, что содержаніе нѣкоторыхъ изъ числа ихъ старался приноровить къ современнымъ событіямъ борьбы, которую Россія вела съ Наполеономъ.

Ѳ. Н. Глинка. Не менѣе Шатрова выказалъ усердіе къ тому же роду лирики и *Ѳедоръ Николаевичъ Глинка* (род. 1788 г., ум. 1856 г.)—родной братъ уже извѣстнаго намъ журналиста-патріота, Сергѣя Николаевича. Онъ долгое время почти исключительно направлялъ свое поэтическое вдохновеніе на всякаго рода переложенія изъ Библіи, которыя помѣщалъ въ современныхъ журналахъ и сборникахъ, а затѣмъ собралъ въ довольно объемистый сборникъ подъ заглавіемъ: „*Опыты священной поэзіи*“ (1826 г.).

---

[1]) Послѣ того, какъ Москва была отдана французамъ, незадолго до сраженія при Тарутинѣ, когда патріотическое настроеніе было всеобщимъ.

Многія изъ стихотвореній Ѳ. Н. Глинки, помѣщенныя въ этихъ „Опытахъ", считались въ то время образцовыми [1]), но его переложенія псалмовъ ставились ниже переложеній и Мерзлякова, и Шатрова, такъ какъ отличались излишнимъ многословіемъ и потому казались болѣе слабыми.

Надо, однакоже, замѣтить, что съ нашей лирикой начала XIX столѣтія произошло нѣчто весьма странное и своеобразное. Выше видѣли мы, что еще въ концѣ XVIII вѣка русская старина и народность уже начали привлекать къ себѣ вниманіе русскаго общества и мало-по-малу оказывать даже нѣкоторое вліяніе на литературу. Сентиментальное направленіе даже воспользовалось главною формою народной поэзіи — *пѣснею* — и главные представители сентиментализма (Карамзинъ и Дмитріевъ) даже создали нѣчто среднее между романсомъ и пѣснею, какую-то искусственную форму, которая, однакоже, очень нравилась и пришлась по вкусу современному обществу. Было такое время, когда чуть ли не въ каждомъ домѣ распѣвались чувствительные романсы — „*Конченъ, конченъ дальній путь*" (Карамзина) или „*Стонетъ сизый голубочекъ*" (Дмитріева); а за ними наступилъ чередъ ихъ ближайшаго подражателя и поклонника, *Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго* (род. 1751 г., ум. 1829 г.), который всѣхъ приводилъ въ восторгъ своими нѣжными пѣсенками и романсами. Но всѣ эти мелкія лирическія произведенія были еще очень далеки отъ настоящихъ, художественныхъ подражаній народному творчеству; они болѣе тяготѣли къ легкой и модной въ то время французской сентиментальной лирикѣ, какъ она проявлялась въ произведеніяхъ

А. Ѳ. Мерзляковъ.

---

[1]) Напримѣръ: «Исканіе Бога», «Земная грусть», «Гласъ къ Господу», «Горе и благодать» и нѣкоторыя другія. Ѳ. Н. Глинка не оставлялъ этого рода поэзію до конца своей весьма продолжительной жизни.

Дора, Шолье и другихъ. Первыя сносныя подражанія народной поэзіи —по странной игрѣ случайностей и противорѣчій —вышли изъ-подъ пера Мезлякова—самаго строгаго классика, отрицавшаго все, кромѣ французскихъ ложно-классическихъ образцовъ, непріязненно относившагося къ сентиментализму и уже прямо враждебно къ романтизму, начинавшему все болѣе и болѣе отвоевывать себѣ почвы. Это объясняется тѣмъ, что Мерзляковъ былъ сынъ небогатаго пермскаго купца, и слѣдовательно происходилъ изъ общественнаго слоя, близко стоявшаго къ народу [1]). Долгіе годы ученія и вступленіе на литературное поприще подъ руководствомъ Хераскова, при полнѣйшемъ преобладаніи ложно-классическихъ началъ, наложили свою печать на Мерзлякова и сродшили его съ причудливою теоріею. Но живая струя народности пробила эту наносную почву и выбилась изъ-подъ нея ключомъ истиннаго вдохновенія, нестѣсняемаго никакими теоріями: авторъ религіозныхъ пѣснопѣній и величавыхъ патріотическихъ одъ, не признававшій тѣхъ произведеній, которыя не подходили подъ правила теоріи, находилъ и время, и возможность писать нѣжныя пѣсни и романсы, сложенные по образцу произведеній народнаго творчества. Онъ, повидимому, и самъ себѣ не отдавалъ

Князь И. М. Долгоруковъ.

[1]) Онъ родился въ г. Далматовѣ (Пермской губ.) и воспитывался въ домѣ своего дяди въ Перми. Здѣсь обратилъ на него вниманіе директоръ пермской гимназіи И. И. Панаевъ, и записалъ его въ народное училище. На 14-мъ году Мерзляковъ написалъ «оду на заключеніе мира со шведами»—и эта ода была препровождена къ императрицѣ Екатеринѣ, которая приказала оду напечатать, а юношѣ доставила средства продолжать образованіе въ московскомъ университетѣ. Здѣсь онъ воспользовался покровительствомъ Хераскова, прослушалъ полный курсъ россійской, греческой и латинской словесности и, успѣшно окончивъ курсъ, съ 1804 г. былъ самъ уже профессоромъ краснорѣчія и словесности при томъ же университетѣ и должность эту сохранилъ до конца жизни.

отчета въ томъ, что, поступая такимъ образомъ, сходитъ съ пути строгаго классицизма и прямо вступаетъ въ область романтики. Онъ самъ сообщаетъ намъ о своихъ пѣсняхъ, что онѣ сложены имъ „во время мечтаній о той сладостной жизни или не-жизни, о которой жалѣетъ, и въ которой не можетъ себѣ дать отчета, какъ во снѣ“... Въ этихъ произведеніяхъ Мерзлякова чуется правдивое пониманіе духа народной поэзіи и несомнѣнно искреннее, неподдѣльное чувство. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ и романсовъ его отзываются желаніемъ искусственно украсить выраженіе чувства всякими внѣшними прикрасами (напримѣръ, въ извѣстной пѣснѣ: „*Среди долины ровныя*“); но въ большей части ихъ слышатся намъ чисто-русскіе звуки, и простота выраженія мысли какъ разъ подходитъ къ пѣсенному складу [1]). Повидимому, Мерзляковъ, при всѣхъ своихъ теоретическихъ заблужденіяхъ, обладалъ вообще чутьемъ къ народной поэзіи, и,—что весьма замѣчательно по тому времени—высоко цѣнилъ русскія народныя пѣсни; такъ, въ одной изъ своихъ рѣчей [2]), онъ даже побуждаетъ къ ихъ собиранію и сохраненію, выражаясь объ этихъ памятникахъ: „О, какихъ сокровищъ мы себя лишаемъ!“—восклицаетъ онъ. „Собирая древности чужія, не хотимъ заняться памятниками, которые оставили знаменитые предки наши... Въ русскихъ пѣсняхъ мы бы увидѣли русскіе нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть. Въ нихъ бы полюбили себя снова и не постыдились такъ-называемаго первобытнаго своего варварства. Но пѣсни наши время отъ времени теряются, смѣшиваются, искажаются, и, наконецъ, совсѣмъ уступятъ мѣсто блестящимъ бездѣлкамъ иноземныхъ трубадуровъ. Неужели не увидимъ ничего болѣе подобнаго несравненной пѣсни Игорю!“

Мысли, высказанныя здѣсь, нельзя не назвать въ высшей степени замѣчательными, въ особенности, если мы припомнимъ, какъ большинство нашихъ писателей и ученыхъ еще незадолго передъ тѣмъ относилось къ произведеніямъ народной поэзіи.

Попытки эпическія

Какъ въ лирикѣ начала XIX вѣка сказывались еще традиціи прошлаго вѣка и навыки эпохи, въ которую псевдо-классицизмъ былъ преобладающимъ направленіемъ; такъ — еще болѣе отголосковъ этой эпохи можно было найти въ эпическихъ произведеніяхъ первой четверти XIX вѣка. Эпосъ почему-то представлялся еще такимъ литературнымъ родомъ, которому слѣдо-

---

[1]) Многія изъ нихъ, напр. «Чернобровый, черноглазый молодецъ удалый», или «Ахъ, что жъ ты, голубчикъ, невесело сидишь», или «Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить» — получили такое обширное распространеніе, что впослѣдствіи перешли и въ народъ.

[2]) Изъ рѣчи «О духѣ и отличительныхъ свойствахъ поэзіи первобытной и о вліяніи, какое имѣла она на нравы и на благосостояніе народовъ» — произнесена была на актѣ университета 30 іюня 1808 года.

вало отдавать предпочтеніе передъ всѣми другими родами поэзіи, потому что онъ, будто бы, требовалъ особенной настроенности, особой высшей степени вдохновенія. И вотъ, въ началѣ XIX вѣка видимъ нѣсколько подражателей Ломоносову и Хераскову, котораго авторитетъ еще былъ незыблемъ. Подражатели эти и принадлежали, по литературнымъ убѣжденіямъ своимъ, къ тому кружку Шишкова, который былъ очень склоненъ уважать и проводить въ жизнь старыя литературныя традиціи... Любопытно, что одна и та же тэма, соблазнившая уже Ломоносова, была избрана, почти одновременно, двумя поэтами начала XIX вѣка: и имъ тоже жизнь и дѣятельность Петра Великаго представлялись достойными эпической поэмы. И вотъ, князь *Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ* (род. 1783 г., ум. 1837 г.) пишетъ „лирическое пѣснопѣніе въ 8-ми пѣсняхъ" подъ заглавіемъ: „*Петръ Великій*" (1810 г.), а два года спустя, въ 1812 году, выходитъ въ свѣтъ эпическая поэма *Грузинцева* [1]: „*Петріада*", въ 10 пѣсняхъ. И та и другая,—поэмы напыщенныя, высокопарныя, безжизненныя и скучныя—никому не могли нравиться и были жестоко осмѣяны при своемъ появленіи въ свѣтъ [2].

Особенно богатъ былъ эпическими поэмами тѣхъ же авторовъ тотъ періодъ, въ который такъ пышно расцвѣла у насъ патріотическая литература, т. е. періодъ борьбы съ Наполеономъ. Такъ, въ 1807 году князь С. А. Ширинскій-Шихматовъ написалъ новую лирическую поэму въ 3-хъ пѣсняхъ: „*Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ или спасенная Россія*"; а Грузинцевъ воспѣлъ торжество Россіи надъ Наполеономъ въ поэмѣ: „*Спасенная и побѣдоносная Россія въ девятомъ-на-десять вѣкѣ*" (1813 г.). Само собою разумѣется, что и въ поэмѣ Ширинскаго-Шихматова, и въ другой, подобной же, поэмѣ Александра Волкова—„*Освобожденная Москва*" (изд. 1820 г.),—лица и событія XVII вѣка прямо пріурочивались къ фактамъ борьбы Россіи съ Наполеономъ и только это еще придавало нѣкоторый литературный интересъ подобнымъ поэмамъ — сухимъ, трескучимъ и бездарнымъ произведеніямъ отживающаго искусственнаго эпоса. Любопытно, что авторъ послѣдней поэмы сдѣлалъ даже какъ бы нѣкоторую попытку къ освѣженію и видоизмѣненію обычныхъ пріемовъ этого литературнаго рода; онъ исключилъ оттуда весь миѳологиче-

---

[1]) Грузинцевъ былъ болѣе извѣстенъ своими драматическими произведеніями.

[2]) Батюшковъ направилъ противъ одной изъ этихъ поэмъ очень злую, но и очень вѣрную эпиграмму, которою вполнѣ ясно опредѣлилъ ея значеніе въ нашей литературѣ:

«Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой—
Петръ Длинный, Петръ Большой—но только Петръ Великій
Ее не называй!»

скій элементъ, а боговъ языческаго Олимпа замѣнилъ дуалистическимъ началомъ христіанскихъ воззрѣній, олицетворяя все доброе въ видѣ Верховнаго Промысла, а все противное ему—въ видѣ нечистой силы. Но никакіе пріемы, конечно, не могли послужить на пользу бездарности, которою—увы!—страдали поголовно всѣ авторы эпопей начала XIX вѣка [1]), тщетно пытавшіеся вынести на своихъ плечахъ псевдо-классическую эпопею...

Повѣсти. Беницкій.

Гораздо болѣе посчастливилось другому виду эпоса — *повѣсти*, которая, со времени первыхъ успѣховъ Карамзина, начинаетъ болѣе и болѣе пріобрѣтать значенія и становится мало-по-малу любимѣйшимъ чтеніемъ русскаго общества—неизбѣжною составною частью каждой книжки журнала. Среди массы всякаго переводнаго и подражательнаго запаса всевозможныхъ беллетристическихъ произведеній начинаютъ появляться и весьма любопытныя попытки оригинальнаго наблюденія и описанія настоящей жизни и дѣйствительности. Между тѣмъ, какъ въ журналистикѣ перваго десятилѣтія XIX вѣка мимолетнымъ метеоромъ мелькнули „восточныя повѣсти" и „параллели" талантливаго *Александра Петровича Беницкаго* (род. 1781 г., ум.

В. Нарѣжный.

[1]) Для полноты картины, нельзя не припомнить здѣсь и еще одного весьма туманнаго поэта-мистика, *Семена Сергѣевича Боброва* (1760—1810), который тоже былъ ученикомъ и подражателемъ Хераскова. Онъ написалъ двѣ поэмы: «*Таврида или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ*» и еще: «*Древняя ночь вселенной или странствованіе Слѣпца*»—мистико-аллегорическая поэма. Эти произведенія возбуждали неудержимый смѣхъ въ лагерѣ молодыхъ карамзинистовъ, и поэтъ, создавшій ихъ, подъ вымышленнымъ именемъ «Бебриса», сталъ цѣлью цѣлаго ряда эпиграммъ:

«Нѣтъ спора, что Бебрисъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ-бо его никто не разумѣлъ.»

Такъ, вполнѣ справедливо выразился о немъ князь И. А. Вяземскій. Но и не онъ только, а и многіе изъ арзамасцевъ не пощадили «Бебриса» въ своихъ эпиграммахъ.

1809 г.) [1]), нѣсколько позже, на поприще литературы выступаетъ писатель совсѣмъ иного характера и пошиба — *Василій Нарѣжный* (род. 1780 г., ум. 1825 г.), одинъ изъ несомнѣнныхъ представителей и первыхъ піонеровъ того направленія, которое нашло себѣ впослѣдствіи такого геніальнаго выразителя въ Гоголѣ.

В. Нарѣжный.

В. Нарѣжный выступилъ первоначально съ весьма объемистымъ романомъ, носившимъ на себѣ, несмотря на заимствованную основу, всѣ признаки оригинальнаго наблюденія и оригинальныхъ воззрѣній на русскую жизнь. Произведеніе его носило заглавіе: „*Россійскій Жильблазъ или похожденія князя Гаврилы Симоновича Чистякова*"; но Лесажу принадлежала здѣсь только внѣшняя форма — изложеніе нескончаемыхъ и запутанныхъ приключеній героя романа — а въ эту форму было вложено содержаніе, всецѣло принадлежавшее русской дѣйствительности. Изложеніе неуклюже, соотношеніе между частями не соблюдено, многое вымышлено очень некстати и невпопадъ, самыя приключенія „Россійскаго Жильблаза" напоминаютъ въ значительной степени наивную повѣсть о „Похожденіяхъ Ивана Гостинаго сына", напечатанную еще въ XVIII вѣкѣ; но нѣкоторыя мѣста уже весьма

А. Е. Измайловъ.

[1]) Повѣсти Беницкаго были: «Ибрагимъ или великодушный» (1807 г.), «Бедуинъ» (1807 г.) и «На другой день»; параллели его: «Умный и дуракъ», «Женщина и дама». Всѣ онѣ написаны умно и изложены настолько легко и хорошо, что ихъ можно еще и теперь читать не безъ удовольствія. Мѣстомъ дѣйствія ихъ избранъ далекій Востокъ, кажется, только для того, чтобы свободнѣе высказать свой взглядъ на нѣкоторыя неустройства и непорядки современной русской дѣйствительности. Въ 1809 году, незадолго до кончины, Беницкій издавалъ съ А. Е. Измайловымъ журналъ «*Цвѣтникъ*», гдѣ помѣщалъ рецензіи на разныя сочиненія, переводы съ нѣмецкаго и французскаго языка и кое-какія стихотворенія.

правдиво, вѣрно и рѣзко обрисовываютъ намъ неказистую русскую дѣйствительность, съ ея грязью, непорядками, неустройствами, нравственною распущенностью, безправіемъ и т. п. сторонами ея внутренняго строя. Картины, набрасываемыя Нарѣжнымъ, мѣстами такъ реальны и такъ вѣрны дѣйствительности при всемъ своемъ безобразіи, что нравственное чувство черезчуръ щепетильнаго сторонника Карамзинскаго сентиментализма должно было несомнѣнно страдать и даже довольно снисходительная цензура первой половины царствованія Александра Благословеннаго нашла многія мѣста въ романѣ Нарѣжнаго „предосудительными и соблазнительными“ [1]).

Послѣ „Россійскаго Жильблаза“ Нарѣжнымъ были написаны еще три романа: „*Аристіонъ или перевоспитаніе*“ (1822 г.), „*Бурсакъ*“ (1824 г.) и „*Два Ивана или страсть къ тяжбамъ*“ (1825 г.). Литературныя достоинства всѣхъ этихъ произведеній, въ смыслѣ общаго строя и соотвѣтствія частей, какъ и въ смыслѣ изложенія,— очень посредственны, и всѣ они недалеко ушли отъ перваго романа Нарѣжнаго. Но вѣрность его взгляда на жизнь, добросовѣстность его наблюдательности, правдивость въ изложеніи явленій житейской обыденщины — совершенно противоположныя фантастическимъ картинамъ и подмалевкамъ сентиментальной школы— составляютъ несомнѣнное и неотъемлемое достоинство безпритязательнаго романиста. Въ этомъ смыслѣ очень важною провѣркою наблюдательности Нарѣжнаго служитъ именно то, что онъ касался такихъ сторонъ русской жизни, которыя позднѣе обращали на себя вниманіе другихъ, болѣе талантливыхъ наблюдателей; но эти наблюдатели какъ будто шли уже по намѣченному слѣду и, строго говоря, только ярче выразили подмѣченное Нарѣжнымъ, но, въ сущности, не могли прибавить много новыхъ чертъ къ его наблюденію.

Такъ, въ „Аристіонѣ“ имъ выведенъ замѣчательно вѣрный дѣйствительности типъ помѣщика-скареда, напоминающій Гоголевскаго „Плюшкина“ многими чертами и подробностями своего стиля; такъ, въ „Бурсакѣ“ находимъ картину быта и жизни въ бурсѣ, набросанную съ такою смѣлостью и правдивостью, которыя должны были поражать современниковъ, способныхъ оцѣнить эту весьма почтенную въ авторѣ способность къ реализму; такъ, наконецъ, и для третьяго романа „Два Ивана“—прототипъ будущей „Ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“ — въ основу его авторъ избираетъ вѣрно подмѣченную и историческимъ путемъ развивавшуюся характерную черту малороссовъ—страсть къ сутяжеству и судебнымъ процессамъ.

[1]) Вслѣдствіе этого изъ шести частей романа были напечатаны только три первыя; остальныя остались въ рукописи.

Одновременно съ повѣстью, которая начинала, какъ мы видимъ, сближаться съ русскою дѣйствительностью и изъ нея почерпать свои сюжеты, въ то же время процвѣталъ и еще одинъ видъ эпоса: *басня и сказка*. И тутъ опять мы встрѣчаемся съ чрезвычайно рѣзкою противоположностью, ясно указывающею на одновременное существованіе и борьбу двухъ противоположныхъ направленій. Мы видимъ, что одинъ и тотъ же родъ эпическихъ произведеній разрабатывается двумя писателями двухъ разныхъ поколѣній — но, конечно, разрабатывается и тѣмъ, и другимъ на совершенно иной ладъ. Стихотворныя сказки Дмитріева, переведенныя и передѣланныя на русскій ладъ изъ Лафонтена, Флоріана и Вольтера, считались въ этотъ періодъ такимъ же литературнымъ совершенствомъ, какъ „Бѣдная Лиза", или какъ „Наталья, боярская дочь"—Карамзина.

Въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего, или почти ничего самостоятельнаго, — есть только гладкій стихъ и извѣстная ловкость, извѣстное умѣнье въ изложеніи, подходящемъ подъ ихъ легкое содержаніе. То же видимъ и въ басняхъ Дмитріева, прекрасно переведенныхъ и переложенныхъ съ французскихъ оригиналовъ Лафонтена, Флоріана и другихъ французскихъ баснописцевъ. Современники восхищались ими, заучивали ихъ наизусть, вводили въ кругъ класснаго чтенія и изученія, и слава Дмитріева, какъ баснописца, получила такое распространеніе, что когда его геніальный соперникъ, И. А. Крыловъ, задумалъ выступить на то же литературное поприще, онъ счелъ долгомъ своимъ первоначально „повергнуть на усмотрѣніе" Дмитріева свои первые опыты, и только получивъ его одобреніе, рѣшился продолжать разработку басенныхъ сюжетовъ.

А. Е. Измайловъ.

И что же? Въ тотъ же самый періодъ, мы видимъ другого баснописца и сказочника: *Александра Ефимовича Измайлова* (род. 1779 г., ум. 1831 г.), человѣка совершенно особаго склада, изъ всѣхъ своихъ предшественниковъ подходящаго развѣ только къ Нарѣжному; но реализмъ его еще грубѣе и осязательнѣе, а кругъ наблюденій еще тѣснѣе, еще ўже, еще ниже по уровню наблюдаемыхъ имъ общественныхъ типовъ. Трактиръ, харчевня, нижніе чины полиціи, до квартальнаго включительно, при исполненіи ихъ обязанностей по уличному благоустройству, пьяные буяны и спившіеся подьячіе; бѣднота и грязь и мелкій людъ съ его пьянымъ весельемъ и дешевыми кутежами — вотъ тотъ міръ, въ которомъ постоянно роется и вращается неприхотливая муза Измайлова, вотъ откуда она почерпаетъ свои образы и нравоученія, свое смѣшное и серьезное! По самому складу своего ума и таланта, Измайловъ никакъ и не могъ выбиться изъ этого заколдованнаго круга, не могъ выйти за его предѣлы и даже во всѣ

свои заимствованія и передѣлки съ иностранныхъ образцовъ постоянно вносилъ этотъ свой специфическій колоритъ. Что это за колоритъ—всего легче видѣть изъ весьма извѣстной были Измайлова („*Пьяница*“), въ которой его литературная манера отражается во всѣхъ подробностяхъ.

Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шелъ утромъ и шатался.

Далѣе разсказывается въ баснѣ, что этотъ Пьянюшкинъ, случайно получивъ сотню рублей, зашелъ съ деньгами въ трактиръ и упился тамъ до-нельзя...

Къ несчастію еще, въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что? и самъ того не зналъ.
На лѣстницѣ споткнулся и упалъ,
И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался...

Въ результатѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, онъ очутился подъ вечеръ въ рукахъ полиціи — въ рукахъ „двухъ воиновъ осанки важной, съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной...“

И послѣ всей этой непривлекательной картины авторъ вдругъ мѣняетъ тонъ, и, хотя въ шутливой формѣ, но все же приходитъ къ очень ѣдкому по своей ироніи выводу:

«Однако, надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, за то откупщикамъ доходъ».

И такъ далѣе, тѣ же тэмы безхитростныхъ и неглубокихъ, но вѣрныхъ дѣйствительности и яркихъ наблюденій во множествѣ басенъ Измайлова видоизмѣняются и повторяются на разные лады, вращаясь въ томъ же кругѣ, а иногда, какъ будто кстати, заходя и въ область личныхъ впечатлѣній, ощущеній и воспоминаній автора. Но на всемъ этомъ лежитъ печать несомнѣннаго таланта — своеобразнаго, не прельщающаго, не подкупающаго въ свою пользу ни красотою образовъ, ни граціею изложенія—но въ грубости своей оригинальнаго и невольно-приковывающаго вниманіе...

Въ этомъ убѣждаетъ насъ и несомнѣнный успѣхъ басенъ Измайлова въ публикѣ: въ теченіе незначительнаго періода времени (между 1814 и 1826 гг.) онѣ выдержали пять изданій. Принимая это во вниманіе, мы не можемъ согласиться съ выводомъ нашего историка Русской Словесности, который отрицаетъ „всякую оригинальность вымысла“ въ басняхъ Измайлова [1]) и въ до-

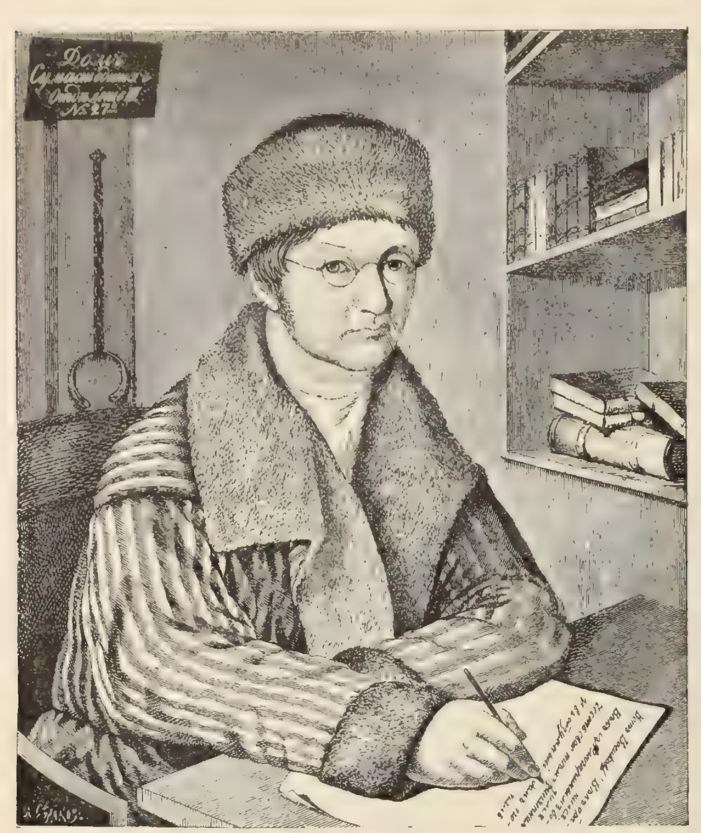
---

[1]) А. Д. Галаховъ въ своей Исторіи Русской Словесности, стр. 327, изд. 2-е, говоритъ: «Оригинальнаго вымысла въ басняхъ Измайлова почти нѣтъ вовсе. Онъ не имѣлъ для этого способности, въ чемъ и сознавался передъ публикой» и т. д.

казательство ссылается на его собственные отзывы о себѣ самомъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго восклицанія:

«Бѣда и стыдъ съ моимъ нетворческимъ умомъ!
Я въ вымыслахъ совсѣмъ удачи не имѣю...»

Подобныя тирады скорѣе могутъ послужить доказательствомъ скромности Измайлова, нежели выраженіемъ его взгляда на себя, какъ на подражателя только. Если даже „вымыселъ“ (въ смыслѣ фактической основы басни) и заимствуется Измайловымъ изъ Эзопа, Лафонтена и другихъ баснописцевъ, то онъ умѣетъ дать этому заимствованному вымыслу такую своеобразную оправу, которая обращаетъ его басню въ нѣчто вполнѣ оригинальное. Въ этой оригинальности, въ этомъ исключительно-народномъ (даже простонародномъ) элементѣ басенъ Измайлова—объясненіе ихъ успѣха.

А. Ѳ. Воейковъ.

Въ заключеніе того, что было выше высказано нами объ эпической и лирической поэзіи въ литературѣ начала XIX вѣка, намъ остается еще сказать о *сатирѣ* въ этотъ же самый періодъ—сатирѣ то осуждающей, порицающей и осмѣивающей, то назидающей и поучающей; любопытно, что въ то же время она пытается согласовать идеалъ съ дѣйствительностью.

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что этому роду поэзіи у насъ посчастливилось болѣе остальныхъ видовъ лирики, можетъ-быть, потому, что русскій человѣкъ — сатирикъ по самой природѣ своей — любитъ посмѣяться не только надъ другими, но и надъ самимъ собой.

Въ исторіи нашей сатиры этого періода, на первомъ планѣ стоитъ весьма замѣчательное произведеніе И. И. Дмитріева — его

сатира „*Чужой толкъ*“, направленная противъ „одописанія и одописцевъ“[1], которые всѣмъ пріѣлись со своими докучными, безсодержательными и избитыми піитическими вдохновеніями. Эта сатира составляетъ — если можно такъ выразиться — памятникъ минувшей эпохи стихотворческихъ упражненій по опредѣленному шаблону. Сатирикъ, очень умно и тонко осмѣивая этихъ одописцевъ, разоблачая ихъ воззрѣнія на поэтическое творчество, ихъ пріемы, ихъ понятія о поэзіи, тѣмъ самымъ указываетъ намъ, что пора этой гремящей и „втуне брящающей“ поэзіи миновала невозвратно, что въ обществѣ уже пробудилось сознаніе истиннаго достоинства поэзіи, явилось такое естественное и правильное пониманіе задачъ литературы вообще и поэзіи въ частности, которое давало большинству образованныхъ людей возможность отличать надутый паѳосъ отъ настоящаго вдохновенія.

И. И. Дмитріевъ, въ началѣ своей чрезвычайно-остроумной сатиры, задается вопросомъ: почему, несмотря на усердное писаніе одъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, полувѣка, мы, „однакожъ, ни себѣ, ни имъ похвалъ не слышимъ?“ И почему же, несмотря на все наше рвеніе въ подражаніи всякимъ иноземнымъ сатирикамъ, мы все же не можемъ сравниться съ ними въ литературной извѣстности? Задавшись этими вопросами, какъ тэмою для своей сатиры, онъ начинаетъ перебирать всѣхъ одописцевъ „по ремеслу“, распредѣляетъ ихъ на разряды, талантливо и бойко очерчиваетъ отношеніе каждаго изъ нихъ къ его поэтическому призванію, намѣчаетъ тотъ шаблонъ, по которому пишутся оды вообще, перечисляетъ избитые пріемы одописанія и указываетъ на неудачи этихъ доморощенныхъ поэтовъ, пишущихъ безъ основной мысли, безъ вдохновенія — какъ на естественное слѣдствіе всякаго подобнаго сочинительства. Онъ заключаетъ свою тонкую и вполнѣ справедливую сатиру добрымъ совѣтомъ—оставить подобныя упражненія и замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь инымъ; но одописцы съ нимъ не соглашаются, не высказываютъ желанія покинуть свое излюбленное занятіе и единодушно приходятъ къ иному рѣшенію — вступить въ послѣднюю борьбу съ новымъ направленіемъ нашей поэзіи.

И. М. Долгоруковъ.

Рядомъ съ Дмитріевымъ стоятъ и еще три сатирика, которые, хотя и въ разной степени, и по разнымъ направленіямъ, но все же не безъ таланта и не безъ успѣха разрабатывали сатиру, осмысленно и трезво относившуюся къ явленіямъ современной русской жизни, общественной и литературной. Первымъ изъ этихъ

---

[1]) Эта сатира представляетъ собою одно изъ лучшихъ произведеній И. И. Дмитріева; но онъ самъ почему-то считалъ «*Чужой толкъ*» ниже многаго другого, имъ написаннаго, а потому хотѣлъ даже исключить его изъ послѣдняго изданія стихотвореній, печатавшагося при жизни его.

сатириковъ былъ князь *Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ* (род. 1764 г., ум. 1823 г.), убѣжденный поклонникъ природы и откровенный почитатель ея законовъ, и потому самому ненавистникъ всякаго жеманства, всякаго ложнаго стыда, всякой свѣтской лжи и фальши въ чувствахъ, въ ощущеніяхъ и впечатлѣніяхъ. Порицаніе всего этого и составляло главную, существеннѣйшую сторону его сатиры. На русскую дѣйствительность онъ смотрѣлъ прямо и чрезвычайно просто, а потому и къ сентиментализму, пытавшемуся разукрасить дѣйствительность и преувеличить значеніе чувствительности, относился непріязненно, почти враждебно. Съ другой стороны, онъ часто и охотно уносился мыслью къ старинѣ и не скрывалъ къ ней нѣкотораго пристрастія именно на томъ основаніи, что „люди въ старину были проще и прямѣе, нежели въ новѣйшее время". Эти-то стороны сближали его болѣе съ партіею Шишкова, хотя онъ не вступался въ ея борьбу съ карамзинистами и вообще держался въ сторонѣ отъ всякихъ партій. Его сатира—шутливая, веселая и остроумная, прекрасно характеризуетъ его, какъ писателя спокойнаго, правдиво и серьезно относящагося къ задачамъ жизни, и какъ человѣка вполнѣ русскаго и умомъ, и сердцемъ. Недаромъ онъ и сборникъ своихъ стихотвореній издалъ въ свѣтъ подъ общимъ заглавіемъ: „*Бытіе моего сердца*". Многія изъ его сатиръ, напр., „*Черты свободнаго писателя*", „*Приказъ швейцару*", „*Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ*"—и теперь еще не утратили своего значенія и читаются не безъ удовольствія. То же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ его пьесахъ дидактическаго характера, въ родѣ „Завѣщанія", „Размышленія о смерти" и въ особенности—„Взглядъ старца на заходящее солнце".

Д. Горчаковъ.

Инымъ характеромъ отличались сатиры князя *Дмитрія Петровича Горчакова* (род. 1758 г., ум. 1824 г.)—рѣзкія, желчныя, злобныя, выискивающія только тѣневыя, только темныя стороны въ нравахъ современнаго общества, безпощадно бичующія всякое зло въ видѣ казнокрадства, злоупотребленія властью, корыстнаго пользованія монополіями, безстыднаго обмана и страсти къ наживѣ, охватившей всѣ слои общества. Обиліе общественныхъ золъ и язвъ онъ объясняетъ довольно односторонне: недостатками воспитанія, подражаніемъ иностранцамъ и общераспространеннымъ желаніемъ „брести боярамъ вслѣдъ"... При этомъ онъ тоже, подобно многимъ другимъ своимъ современникамъ, пытается искать золотого вѣка въ отдаленномъ прошломъ, восхваляетъ доблести отцовъ и любитъ вспоминать ихъ славные подвиги [1]. Понятно,

[1]) Онъ началъ свою литературную карьеру съ комическихъ оперъ, основою которыхъ избиралъ арабскія и русскія сказки: его «*Калифъ на часъ*», «*Счастливая тоня*» (1876) и «Баба-Яга» (1788) пользовались большимъ успѣхомъ на сценѣ.

что при такомъ направленіи онъ неизбѣжно долженъ былъ держаться партіи Шишкова: былъ его другомъ и почитателемъ, и ревностнымъ членомъ „*Бесѣды любителей россійскаго слова*". Замѣтимъ, впрочемъ, что очень немногія изъ его сатиръ напечатаны; лучшія и наиболѣе рѣдкія изъ нихъ напечатаны не были и сохранились въ рукописи.

Около этихъ двухъ сатириковъ слѣдуетъ, конечно, поставить *Антона Николаевича Нахимова* (род. 1782 г., ум. 1815 г.), который смѣло можетъ съ ними тягаться въ силѣ дарованія и въ остроуміи, хотя его сатира и держится вдалекѣ отъ общихъ тэмъ и вращается постоянно около однихъ и тѣхъ же вопросовъ, которые, по особеннымъ условіямъ его жизни и развитія, представлялись ему существенно важными и заслуживающими бичеванія сатиры. Не слѣдуетъ забывать, что Нахимовъ былъ уроженцемъ Малороссіи и выросъ въ странѣ нескончаемыхъ процессовъ, сутяжества и крючкотворства: вотъ, почему онъ съ такою яростью нападаетъ на судей и подьячихъ, и такъ искренно радуется правительственнымъ мѣропріятіямъ, направленнымъ противъ взяточничества и противъ всякихъ иныхъ язвъ правосудія. Сверхъ этой главной тэмы, другою излюбленною тэмою нахимовской сатиры являются ненавистные ему французы, французоманія и въ особенности тѣ русскіе, которые, будучи воспитаны на французскій ладъ, окончательно утратили всякую любовь къ родинѣ и ко всему родному. Противъ такихъ людей онъ также не щадилъ стрѣлъ своей ѣдкой, придирчивой и неумолимо-строгой сатиры, какъ и противъ „крапивнаго сѣмени", разорявшаго всю Малороссію своими измышленіями и неправильнымъ толкованіемъ законовъ и указовъ. Но его сатира приходилась по вкусу современникамъ и находила себѣ читателей въ среднемъ классѣ; тому служитъ доказательствомъ долго не уменьшавшійся спросъ на сочиненія Нахимова, которыя и послѣ смерти автора (до 1852 г.) выдержали семь изданій. Многія изъ его произведеній, въ особенности мелкія, заучивались наизусть и получили въ извѣстномъ кругу значительное распространеніе, хотя нѣсколько аляповатая форма и грубоватый способъ выраженія въ произведеніяхъ Нахимова не давали имъ возможности проникнуть въ кружки болѣе утонченно-образованные. Изъ числа наиболѣе извѣстныхъ произведеній Нахимова слѣдуетъ упомянуть, конечно, о его „*Элегіи-сатирѣ*", написанной въ 1809 г. по поводу изданія въ свѣтъ знаменитаго указа объ экзаменахъ на гражданскіе чины, вносившаго свѣтъ въ темное царство мелкаго чиновничества и въ низшія инстанціи судейскаго сословія. Указъ требовалъ, чтобы экзамену на чинъ подвергались не только тѣ, которые впредь будутъ поступать на службу, но даже и тѣ, которые на ней уже давно

А. Н. Нахимовъ.

состояли. Этотъ указъ, слѣдовательно, преграждалъ для многихъ дальнѣйшую службу и не допускалъ ихъ ни къ какимъ высшимъ судейскимъ должностямъ. И вотъ, по поводу его, Нахимовъ написалъ свое стихотвореніе, въ которомъ очень зло и колко осмѣивалъ озадаченныхъ указомъ подьячихъ...

Восплачь, канцеляристъ, повытчикъ, секретарь!
Надсмотрщикъ, возрыдай и вся приказна тварь.
Ланиты съ горести чернилами натрите,
И въ перси перьями другъ-друга поразите!
О, сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ
И акциденцій всѣхъ и ябедъ истребленьемъ.
Какъ древо, сокрушенъ падетъ подьячихъ родъ;
Увы, насталъ для васъ теперь плачевный годъ!
Какія времена! Должны вы слушать курсы:
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы.
Ахъ, если бы воскресъ одинъ хоть думный дьякъ
И, съ челобитною явясь предъ царскій зракъ,
«Чѣмъ заслужили гнѣвъ мои»—воскликнулъ, «внуки»,
Что посылаются къ нимъ палачи науки?
Ты хочешь, чтобъ отъ ихъ немилосердыхъ рукъ
Расправился или переломился крюкъ?
О, солнце! Не лишай ты филиновъ затменья!
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ Уложенья»
Но что? гдѣ дьякъ и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда коллежскому теперь секретарю!
О чинъ асессорскій, толико вожделѣнный,
Ты убѣгаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ;
Быть-можетъ, навсегда прости, любезный чинъ!
Сколь тяжко для меня, степенна человѣка,
Учиться начинать, проживши ужъ полвѣка.
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ указъ...

Эта сатира весьма наглядно знакомитъ насъ съ общимъ характеромъ неприхотливой музы Нахимова, а въ пользу его личности, какъ человѣка и писателя, говоритъ, конечно, тотъ фактъ, что онъ, — уже будучи на службѣ въ то время, когда учрежденъ былъ харьковскій университетъ—тотчасъ же поступилъ въ число его студентовъ и окончилъ въ немъ курсъ кандидатомъ.

М. В. Милоновъ.

Гораздо менѣе Нахимова заслуживаютъ вниманія другіе сатирики, группирующіеся около тѣхъ, которые были нами упомянуты выше; а именно: *М. В. Милоновъ, С. Н. Маринъ* и *А. Ѳ. Воейковъ*. Первый изъ нихъ *Михаилъ Васильевичъ Милоновъ* (род. 1792 г., ум. 1821 г.) пріобрѣлъ извѣстность своими сатирами, на-

Почтеннѣйшій Николай Ивановичь.

Меня крайне поразило вчерашнее свиданіе съ А. И. Тургеневымъ. Онъ, онъ разорвалъ представленіе мое объ опредѣленіи въ службу по самому невыгодному отзыву, которой въ обоихъ Здѣшнихъ, тогда какъ я съ недавно или [illegible] съ дѣтства страдаю Англійскими припадками. Въ должное участіе мнѣ Ваше милость мою. Съ этимъ отзывомъ ужасно, что сердцу моему, [illegible] огорченному предвидѣніи, весьма трудно не всегда разставаться съ вами.

Вашъ усерднѣйшій почитатель и усерднѣйшій слуга

М. Милоновъ

Четвергъ

La faim mit au tombeau Malfilâtre ignoré!

Автографъ М. В. Милонова.
(Письмо къ Н. И. Тургеневу).
Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

писанными въ подражаніе Ювеналу и Персію („*Къ Рубеллію*“, *отрывокъ изъ Луцилiевой сатиры противъ сего вѣка*) или прямыми подражаніями Буало („Къ Луказію“, „Къ моему разсудку“, „На женитьбу въ большомъ свѣтѣ“). Въ нихъ онъ очень грозно и свысока громитъ различные общественные пороки, возстаетъ противъ какихъ-то порочныхъ временщиковъ (въ лицѣ которыхъ современники хотѣли непремѣнно видѣть всѣмъ ненавистнаго Аракчеева), сѣтуетъ на общее равнодушіе къ поэзіи и поэтамъ и вообще высказываетъ недовольство современнымъ общественнымъ строемъ. Это весьма неопредѣленное недовольство, очень похожее на брюзжанье, эти туманные намеки на личности, которые было не трудно примѣнить къ кому угодно, а также и довольно колкія осмѣянія плохихъ писакъ, стоявшихъ на сторонѣ „*Бесѣды*“ Шишкова — вотъ что доставило довольно быстро нѣкоторую извѣстность молодому поэту и внушило ему выгодное мнѣніе о самомъ себѣ. Къ сожалѣнію, онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ молодыхъ талантовъ, которые, обладая нѣкоторыми литературными задатками, въ то же время не обладаютъ никакою силою воли, сдерживающей ихъ порывистую натуру, и, вслѣдствіе этого, погибъ очень рано отъ невоздержнаго образа жизни.

А. Ѳ Воейковъ. *Александръ Ѳеодоровичъ Воейковъ* (род. 1778 г., ум. 1839 г.) принадлежалъ къ писателямъ иного рода. Желчно и злобно-настроенный противъ всего и противъ всѣхъ, постоянно проникнутый недоброжелательствомъ и завистью ко всему, что хоть въ какомъ-нибудь смыслѣ могло быть ему нелюбо, непріятно или непріязненно, а въ особенности противъ всѣхъ, кто занималъ въ литературѣ положеніе выше его и пользовался общимъ уваженіемъ,— онъ никого не щадилъ въ своихъ осмѣяніяхъ. Вслѣдствіе этого, сатира Воейкова, очень зло и мѣтко схватывающая смѣшныя или непривлекательныя стороны во всѣхъ окружающихъ, представляется постоянно мелочною и задорною и является скорѣе мастерскою карикатурою, нежели сатирою, скорѣе грубою насмѣшкою и издѣвательствомъ, нежели осмѣяніемъ, котораго вполнѣ заслуживаютъ дѣйствительные пороки. Но, по общей страсти къ злословію, отъ которой во всѣ времена не избавлены были литературные кружки, стихотворное злословіе Воейкова очень многимъ нравилось: каждому литератору было забавно или любопытно видѣть, какъ онъ въ смѣшномъ или позорномъ видѣ изображалъ его противниковъ—и только этимъ нехорошимъ чувствомъ можно объяснить успѣхъ, какимъ пользовались въ литературной средѣ два важнѣйшія произведенія Воейкова: „*Домъ сумасшедшихъ*“ и „*Парнасскій адресъ-календарь*“ [1]). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ

[1]) «Домъ сумасшедшихъ»—произведеніе, любопытное въ томъ отношеніи, что оно изъ первоначальной основы, написанной въ 1814 г., развивалось различными добавленіями въ теченіе 24 лѣтъ... Въ полномъ своемъ видѣ оно было напечатано уже только въ 1874 г.

произведеніи мы видимъ рядъ эпиграммъ, направленныхъ противъ различныхъ дѣятелей литературы, и рядъ характеристикъ, посвященныхъ тѣмъ же дѣятелямъ. Эти эпиграммы и характеристики далеко не безпристрастны: весьма лестныя по отношенію къ однимъ писателямъ и журналистамъ, пріятнымъ Воейкову или состоявшимъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ нимъ — онѣ, напротивъ того, достигаютъ высшей степени грубости и даже цинизма тамъ, гдѣ эти эпиграммы и характеристики касаются личностей, непріятныхъ Воейкову или хотя бы только принадлежащихъ къ противоположному лагерю. Но не мѣшаетъ замѣтить, что сатирическая дѣятельность Воейкова, хотя и нравилась многимъ и представлялась забавною, однакоже никого не привлекала къ злобному сатирику, который во всю жизнь свою не пользовался ничьимъ сочувствіемъ и во всѣхъ возбуждалъ къ себѣ нѣкоторое опасеніе, вызываемое многими, крайне непріятными чертами его личнаго характера. Единственнымъ сатирическимъ произведеніемъ Воейкова, способнымъ вызвать нѣкоторое сочувствіе въ читателѣ, является его посланіе къ Сперанскому (отчасти подражательное), въ которомъ онъ высказываетъ сочувствіе къ государственному дѣятелю, личнымъ трудомъ проложившему себѣ дорогу къ почестямъ, и осмѣиваетъ чванство людей ничтожныхъ, унаслѣдовавшихъ свою знатность отъ предковъ, но не обладающихъ никакими личными достоинствами.

Рядъ сатириковъ Александровскаго царствованія заканчивается весьма талантливымъ представителемъ этого рода литературы, княземъ П. А. Вяземскимъ. О его дѣятельности мы поговоримъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ нашего труда, въ связи съ дѣятельностью противъ того кружка, къ которому онъ принадлежалъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

В. А. Жуковскій. - Необходимыя біографическія подробности.—Дѣтство и воспитаніе.—Годы ученья. — Различныя вліянія на его развитіе въ ранней юности. — Поэзія и журналистика.— Знакомство съ иностранными литературами. —Элегическое настроеніе и его основа въ жизни поэта.—Переходъ на сторону романтизма. — Жуковскій, какъ переводчикъ и критикъ.—Проза жизни и служебная дѣятельность.— Пребываніе за границей и послѣдніе годы литературной дѣятельности.

Выше мы указывали на Дмитріева и Озерова, какъ на ближайшихъ послѣдователей того новаго направленія, которое внесено было въ нашу литературу Карамзинымъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи то же направленіе вызвало къ литературной дѣятельности болѣе талантливыхъ и болѣе оригинальныхъ представителей въ лицѣ Жуковскаго и Батюшкова, поэтическія произведенія которыхъ послужили какъ бы связующимъ звеномъ между сентиментальнымъ и романтическимъ направленіемъ. Оба они принадлежатъ именно къ той переходной эпохѣ, которая въ-концѣ-концовъ доставила преобладаніе въ нашей литературѣ романтизму въ лицѣ величайшаго изъ нашихъ поэтовъ—Пушкина. Подъ старость самъ Жуковскій, повидимому, склоненъ былъ думать, что онъ былъ „на Руси родителемъ нѣмецкаго романтизма и поэтическимъ дядькой чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ“ [1]); такъ думалъ и не онъ одинъ: такъ думали многіе. Но въ сущности это мнѣніе не выдерживаетъ серьезной критики. Косвеннымъ образомъ, почти случайно, Жуковскій только способствовалъ внесенію романтизма въ нашу словесность и первымъ опытамъ своимъ на этомъ пути придалъ такую привлекательную форму, которая многихъ увлекла по тому же направленію; позднѣе романтизмъ (уже совершенно независимо отъ Жуковскаго) пустилъ корни въ нашей литературѣ и установился въ ней прочно. Однакоже Жуковскому новое направленіе было обязано очень немногимъ: все, что было самостоятельнаго, непереводнаго въ произведеніяхъ Жуковскаго, то не выходило изъ области подражаній или поэтамъ отжившей риторической школы, или произведеніямъ поэтовъ сентиментальной школы. И уже тогда только, когда Жуковскій выбился изъ этого заколдованнаго круга подражаній, онъ посвятилъ свою дѣятельность исключительно переводамъ произведеній романтической нѣмецкой и англійской школы. Пытался онъ много разъ создать нѣчто самостоятельное въ области русской романтики, но это ему положительно не удавалось. Позднѣе онъ сталъ обращать особенное вниманіе на эпическія произведенія Востока (въ нѣмецкихъ переводахъ и обработкахъ); и, нако-

---

[1]) Письмо къ Стурдзѣ (10 марта 1849 г.).

нецъ, закончилъ свою литературную карьеру высоко-художественнымъ переводомъ Гомеровой „Одиссеи“.

Бросая этотъ общій взглядъ на литературную дѣятельность Жуковскаго, мы должны прійти къ тому убѣжденію, что заслуга его заключается вовсе не въ томъ, что онъ внесъ къ намъ романтизмъ и доставилъ ему преобладаніе надъ господствовавшимъ дотолѣ сентиментализмомъ; а въ томъ, что онъ ознакомилъ русскую литературу съ цѣлою массою новыхъ литературныхъ образцовъ въ своихъ превосходныхъ переводахъ и тѣмъ самымъ расширилъ область нашей критики. Вглядываясь въ богатую и плодотворную дѣятельность знаменитаго поэта, не слѣдуетъ забывать удивительно искренняго признанія самого Жуковскаго, который говоритъ о своемъ поэтическомъ талантѣ, въ одномъ изъ писемъ:

....„У меня наиболѣе свѣтлыхъ мыслей тогда, когда ихъ надобно импровизировать въ возраженіе или въ дополненіе чужихъ мыслей; мой умъ какъ огниво, которымъ надобно ударить объ кремень, чтобы изъ него выскочила искра: это вообще характеръ моего авторскаго творчества; у меня почти все чужое или по поводу чужого—и все, однако, мое“.

И едва ли кто-нибудь иной изъ русскихъ авторовъ умѣлъ такъ вѣрно и такъ безпристрастно оцѣнить характеръ и значеніе своей авторской дѣятельности, какъ Жуковскій въ этихъ немногихъ строкахъ своего письма.

В. А. Жуковскій. Происхожденіе и дѣтство.

Василій Андреевичъ Жуковскій (род. 1783 г., ум. 1852 г.) былъ побочнымъ сыномъ богатаго помѣщика Тульской губерніи, Аѳанасія Ивановича Бунина, одного изъ тѣхъ старинныхъ русскихъ баръ, которыхъ мы знаемъ уже только по преданію. Матерью Жуковскаго была плѣнная турчанка Сальха, впослѣдствіи крещеная и принявшая православіе [1]). Ближайшій сосѣдъ и пріятель Бунина, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, Андрей Григорьевичъ Жуковскій, постоянно пребывавшій въ домѣ Буниныхъ, въ качествѣ приживальщика, былъ крестнымъ отцомъ будущаго поэта: онъ далъ ему и отчество, и фамилію. Воспріемницею Василія Андреевича была родная дочь Бунина, которая вмѣстѣ съ добрымъ сосѣдомъ крестила усыновленнаго имъ младенца. Добрая супруга Аѳанасія Ивановича Бунина, Марья Григорьевна, приняла маленькаго Жуковскаго въ свою семью (въ память о сынѣ, умершемъ въ молодыхъ лѣтахъ) и дозволила ему воспитываться въ своемъ домѣ, наравнѣ съ родными дѣтьми; но все же онъ долженъ былъ чувствовать себя случайнымъ гостемъ въ этомъ богатомъ домѣ съ его обширною дворнею (въ число которой всту-

[1]) Крестьяне Бунина, отправляясь, съ разрѣшенія своего барина, въ Турцію, вслѣдъ за русскимъ войскомъ, въ качествѣ маркитантовъ, спрашивали у барина при прощаніи: «что ему привезти въ гостинецъ?» — «Привезите мнѣ молоденькую турчаночку», — шутя отвѣтилъ имъ старый баринъ. Они буквально исполнили его желаніе.

шила и его мать), съ его шутами и приживалками [1]). Біографъ и другъ Жуковскаго, близко знакомый съ условіями, среди которыхъ протекло дѣтство поэта, прямо говоритъ, что „отношеніе Жуковскаго къ семейству Буниныхъ тяжело ложилось на его душу... Родная его мать, какъ она ни была любима своею госпожею, все же должна была стоя выслушивать приказанія господъ и не могла почитать себя равноправною съ прочими членами семейства"... Съ другой стороны, не трудно себѣ представить, что полнаго уравненія Жуковскаго съ дѣтьми Бунина не было и быть не могло, и его біографъ разсказываетъ, что во время пребыванія семьи Буниныхъ (по зимамъ) въ Тулѣ, маленькій Жуковскій даже и жилъ отдѣльно отъ семьи Буниныхъ, вмѣстѣ со своимъ крестнымъ отцомъ, „на чердакѣ флигеля". Всѣ эти мелочныя біографическія подробности припоминаются нами здѣсь только потому, что семейное положеніе поэта въ дѣтствѣ наложило особую печать на весь первый періодъ его поэтической дѣятельности, и онъ самъ говоритъ о себѣ съ горечью, что не успѣлъ быть сыномъ своей матери: „въ то время, когда я началъ чувствовать счастье сыновняго достоинства — она меня оставила"...

М. Г. Бунина.

Годы ученія. Бунинъ (ум. въ 1791 г.) надѣлилъ и Василія Андреевича, и его мать, Елисавету Дементьевну (такъ названа была Сальха при крещеніи) нѣкоторымъ достаткомъ, завѣщавъ, чтобы юношѣ, по достиженіи имъ извѣстнаго возраста, дано было воспитаніе, приличное дворянину. Его крестная мать, вышедшая замужъ за Юшкова, свято исполнила завѣтъ отца и приложила много старанія на обученіе и воспитаніе юнаго Жуковскаго, который росъ съ ея дочерьми: выписывала для него гувернеровъ изъ Москвы, отдала его потомъ въ прославленный пансіонъ Христіана Филипповича Роде въ Тулѣ, и, наконецъ, даже въ тульское главное народное училище (по размѣру курса соотвѣтствовавшее позднѣйшимъ гимназіямъ). Но

[1]) Самъ В. А. Жуковскій припоминалъ, что въ домѣ Буниныхъ жилъ какой-то шутъ Варлашка.

мальчикъ былъ изнѣженъ, избалованъ домашнимъ воспитаніемъ, и потому нигдѣ не уживался, да и ученье шло ему не впрокъ. Въ главномъ народномъ училищѣ въ Тулѣ, старшимъ преподавателемъ былъ нѣкто Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій, довольно извѣстный въ свое время писатель-педагогъ, помѣщавшій много статей въ современныхъ журналахъ подъ курьезнымъ псевдонимомъ „Философа горы Алаунской". Какъ ни старался онъ отвлечь Жуковскаго отъ весьма привлекавшей его домашней жизни, полной забавъ и развлеченій въ кругу его подругъ (дочерей Юшковой), тотъ оказывался до такой степени невнимательнымъ и не-

Сельцо Мишенское (Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ.)—родина Жуковскаго.

брежнымъ къ ученію, что „Философъ горы Алаунской", потерявъ терпѣніе, нашелъ себя вынужденнымъ „исключить" Жуковскаго изъ училища, въ примѣръ его товарищамъ. Послѣ этого, Жуковскій продолжалъ учиться дома, т. е. въ семьѣ своей крестной матери Юшковой, окруженный двѣнадцатью сверстницами-дѣвочками; само собою разумѣется, что ученье было далеко не серьезное... Однакожъ, въ домашнемъ быту Юшковой было много такихъ элементовъ, которые должны были рано воздѣйствовать на воспріимчиваго юношу и возбудить въ немъ живѣйшій интересъ къ литературѣ. Домъ Юшковой служилъ центромъ, и въ немъ около хозяйки дома—женщины прекрасно образованной и знавшей толкъ въ музыкѣ—собирались лучшіе представители мѣстнаго общества; а въ ихъ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ литературные и музыкальные интересы преобладали надъ всѣми остальными. Все, что являлось въ русской литературѣ и журналистикѣ новаго, тотчасъ же

становилось извѣстно въ кружкѣ Юшковой, прочитывалось, являлось предметомъ обсужденій и споровъ. Концерты чередовались здѣсь съ литературными вечерами; мало того, даже мѣстный театръ состоялъ въ полной и непосредственной зависимости отъ кружка Юшковой. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что 12-ти-лѣтнему Жуковскому, подъ вліяніемъ такихъ благопріятныхъ условій, вздумалось также писать для сцены — и вотъ, плодами его первыхъ литературныхъ попытокъ, явились двѣ драмы: *„Камиллъ или освобожденный Римъ"* и *„Павелъ и Виргинія"*.

Пребываніе въ Благор. Пансіонѣ.

Наконецъ, уже на 14-мъ году возраста Жуковскій былъ отвезенъ въ Москву и тамъ опредѣленъ въ Вольный Благородный пансіонъ при московскомъ университетѣ. Академикъ Тихонравовъ вполнѣ справедливо указываетъ [1]) на то важное значеніе, которое, въ біографическомъ смыслѣ, имѣло для Жуковскаго время его ученія въ университетскомъ пансіонѣ; поэтому и мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться на этихъ годахъ жизни юнаго Жуковскаго, такъ какъ въ нихъ, несомнѣнно, слѣдуетъ искать основу развитія нѣкоторыхъ существеннѣйшихъ сторонъ его поэтическаго таланта.

Мы уже видѣли выше, что при учрежденіи въ Москвѣ университета, рядомъ съ нимъ и ему въ помощь и подспорье учреждены были двѣ гимназіи: дворянская и разночинская. Впослѣдствіи, въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII вѣка, для удобства родителей, учрежденъ былъ при дворянской гимназіи пансіонъ, въ родѣ всѣхъ нынѣшнихъ интернатовъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но это еще не было то заведеніе, которое впослѣдствіи стало извѣстно подъ названіемъ „Вольнаго Благороднаго пансіона" и оставило довольно замѣтный слѣдъ въ исторіи нашего просвѣщенія; это заведеніе слагалось, какъ оказывается, весьма постепенно. Въ первое время воспитанники университетскаго „вольнаго" пансіона были вмѣстѣ и учениками дворянской гимназіи университета, т. е. занимали въ послѣдней такое же положеніе, какъ и пансіонеры теперешнихъ гимназій: отъ программы преподаванія, отъ учебнаго плана до самихъ преподавателей. Съ теченіемъ времени число воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона возросло значительно, и классы гимназіи стали для нихъ тѣсны. Чувствовалась необходимость выдѣлить пансіонеровъ изъ классовъ гимназіи, дать имъ особыхъ преподавателей, словомъ: создать новое учебное заведеніе, вполнѣ независимое отъ университетской гимназіи. Въ 1790 г. пансіонъ перемѣщенъ былъ на Тверскую, въ бывшій домъ межевой канцеляріи, пожалованный университету императрицею. Въ слѣдующемъ же году ин-

[1]) Въ рецензіи на книгу П. Загарина (псевдонимъ): «В. А. Жуковскій и его произведенія. 1783—1883 г.» М. Изданіе Л. Поливанова.

спекторомъ пансіона назначенъ былъ Прокоповичъ-Антонскій, и при немъ-то пансіонъ получилъ совершенно самостоятельное существованіе: не только независимый отъ университетской гимназіи учебный планъ, но даже прямо противоположный: и соотвѣтственно этому—особыя правила, особые порядки, особые учебники. Антонскій выдвинулъ въ новомъ училищѣ на первый планъ исторію, а за нею—на второмъ планѣ—поставилъ знанія физическія и математическія: преподаваніе древнихъ языковъ было отмѣнено, и такъ какъ пансіонъ не былъ „классическою школою“, то воспитанникамъ его былъ закрытъ доступъ въ университетъ. Пансіонъ приготовлялъ своихъ воспитанниковъ не къ университету, а къ военной и гражданской службѣ [1]) и представлялъ собою въ концѣ XVIII вѣка нѣчто подобное „камеральному факультету“ нашихъ университетовъ въ 40-хъ годахъ XIX вѣка. Давали всего понемногу: преподавали исторію, естественныя и юридическія науки, ничего не предлагая изучить основательно. Однимъ словомъ, пансіонъ представлялъ уже одну изъ попытокъ устройства такого рода заведеній, которыя могли бы готовить дворянъ къ службѣ, помимо университета; въ 1814 году подобная попытка осуществилась въ видѣ Царскосельскаго лицея. Ученіе въ Благородномъ пансіонѣ, несмотря на блестящую обстановку и разнообразіе преподаваемыхъ предметовъ, шло вяло и слабо, свѣдѣнія изъ пройденнаго курса выносились поверхностныя; но зато нельзя отрицать, что прилагались заботы о воспитаніи юношества, о внушеніи ему нравственныхъ правилъ, пригодныхъ для жизни.

Въ одномъ изъ тѣхъ наставленій, которыя Антонскій давалъ обыкновенно на публичномъ актѣ лучшимъ по благонравію и прилежанію воспитанникамъ пансіона, онъ говорилъ (въ 1798 году), обращаясь къ Жуковскому:

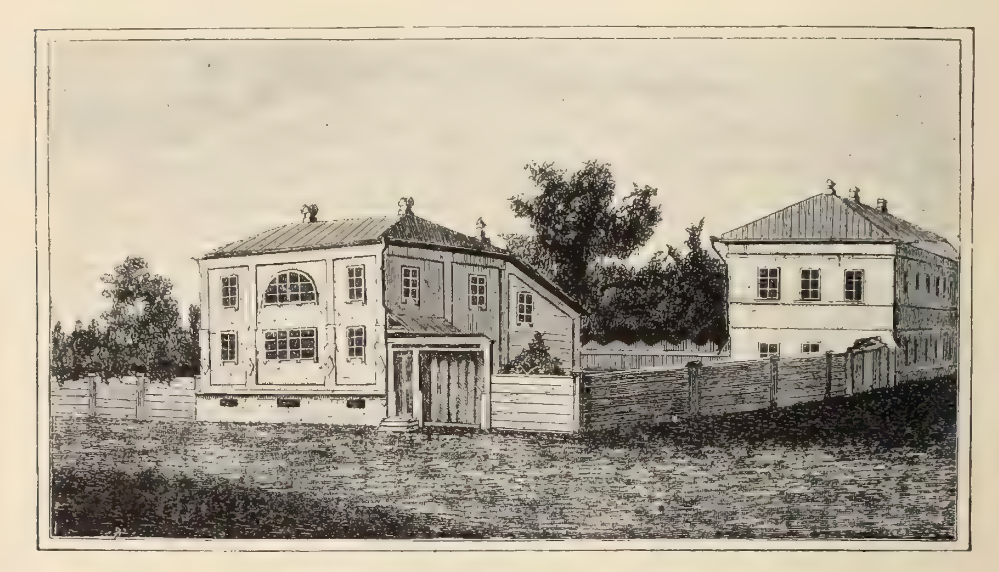
„Вечернія молитвы давайте читать лучшимъ изъ старшаго возраста. Избранныя мѣста изъ Священнаго Писанія и изъ другихъ хорошихъ нравственныхъ книгъ, каковы: „*Утреннія и вечернія размышленія на каждый день года*“ и „*Книга премудрости и добродѣтели*“ и проч., читайте сами, или поручайте чтеніе сіе отличнѣйшимъ большимъ питомцамъ. Все сіе послужитъ къ величайшей вашей пользѣ, къ назиданію вашего сердца“.

Академикъ Тихонравовъ, приводя эти слова изъ „Наставленія“ Антонскаго, замѣчаетъ, что Жуковскій, слѣдовательно, уже на школьной скамьѣ обязанъ былъ читать и слушать мистическія толкованія извѣстнаго протестантскаго проповѣдника и слагателя

[1]) Въ объявленіи о Благородномъ пансіонѣ за 1802 годъ сказано: «подробное начертаніе ученія и росписанія классовъ показываетъ, что преподаются здѣсь всѣ необходимо нужныя, какъ для военной, такъ и для гражданской службы, науки, языки и искусства; пріобщены къ тому многія другія средства, споспѣшествующія просвѣщенію».

духовныхъ пѣсенъ, Штурма, одного изъ послѣдователей Клопштока. „Такимъ образомъ, первое знакомство поэта въ школѣ съ религіозными истинами и христіанскою моралью совершилось подъ вліяніемъ этого протестантскаго проповѣдника... и религіозный мистицизмъ коснулся Жуковскаго уже въ школѣ“ [1]).

Другая книга, упомянутая въ „наставленіи“ Антонскаго— „*Книга премудрости и добродѣтели или состояніе человѣческой жизни—индѣйское правоученіе*“, была переведена В. Подшиваловымъ съ нѣмецкаго перевода, а не съ англійскаго оригинала. Авторъ книги

Домъ Жуковскаго въ Бѣлевѣ.

(Доделей) выдавалъ свой сборникъ нравственныхъ правилъ за переводъ какой-то древней индійской рукописи. Многіе изъ этихъ правилъ были болѣе, чѣмъ курьезны... [2]).

Переходя къ выводамъ объ ученіи Жуковскаго, о томъ запасѣ свѣдѣній, который онъ могъ вынести изъ школы, Тихонравовъ приходитъ къ тому заключенію, что (по документамъ Благороднаго пансіона) Жуковскій преуспѣвалъ на школьной скамьѣ только „въ литературѣ и рисованіи“. Классическимъ языкамъ онъ не учился, а изъ новѣйшихъ зналъ только французскій (еще съ дѣтства). Что же касается до нѣмецкихъ классиковъ, то онъ сталъ ихъ читать въ подлинникѣ не ранѣе, какъ въ 1809 году. Самъ Жуковскій, впослѣдствіи, съ досадою вспоминалъ о томъ

---

[1]) «Сочиненія Штурма — замѣчаетъ Тихонравовъ, — согрѣты благочестивымъ чувствомъ и богаты поэтическими страницами: они должны были оставить свой слѣдъ въ душѣ Жуковскаго».

[2]) Тихонравовъ приводитъ изъ нея слѣдующую выдержку. Въ главѣ «о господахъ и рабахъ» авторъ доказывалъ, что «рабство есть опредѣленіе Божіе и имѣетъ многія выгоды; оно устраняетъ отъ раба заботы и прискорбія жизни... Честь раба есть его вѣрность; отличныя добродѣтели его—покорность и послушаніе» и т. д.

времени, которое „погибло напрасно" за пансіонскимъ ученіемъ, такъ какъ онъ не вынесъ изъ него ничего положительнаго.

Гораздо важнѣе, нежели вліяніе школы, было нравственное вліяніе той среды, въ которую попалъ Жуковскій въ Москвѣ. Здѣсь пришлось ему расти и развиваться отчасти подъ вліяніемъ Карамзина; но еще гораздо болѣе (и это весьма любопытно) подъ вліяніемъ людей, которые воспитали самого Карамзина. Дѣйствительно самое сильное вліяніе было оказано на Жуковскаго (въ годы ученія въ Благородномъ пансіонѣ) семьею И. П. Тургенева, изъ двухъ сыновей котораго, одинъ (Александръ Ивановичъ) былъ товарищемъ Жуковскаго по пансіону, а другой (Андрей) уже студентомъ университета. Свѣтлая и прекрасная личность почтеннаго старца Ивана Петровича Тургенева, нѣкогда направившаго Карамзина на литературное поприще, освѣщала путь и Жуковскому въ его туманныхъ юношескихъ блужданіяхъ, а въ семьѣ Ивана Петровича, Жуковскій, дружный съ Андреемъ Тургеневымъ, былъ принятъ какъ родной и постоянно выносилъ отсюда самыя отрадныя впечатлѣнія. Біографъ и другъ Жуковскаго, докторъ Зейдлицъ прямо указываетъ на то, что „первыми плодами умственнаго и нравственнаго образованія Жуковскаго въ кружкѣ И. П. Тургенева можно считать статьи и стихотворенія, напечатанныя имъ въ разныхъ мелкихъ журналахъ во время его пребыванія въ Благородномъ пансіонѣ".

Вліяніе среды.

Училище имени Жуковскаго въ Бѣлевѣ.

Рядомъ съ Иваномъ Петровичемъ Тургеневымъ, въ призна-

тельныхъ воспоминаніяхъ Жуковскаго объ этой порѣ юности, постоянно являлся другой маститый и почтенный старецъ *Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ*, товарищъ Тургенева по приснопамятной Типографической компаніи. Къ нему съ величайшимъ довѣріемъ, въ самыя тяжкія минуты житейскихъ невзгодъ и разочарованій, обращается молодой Жуковскій, стараясь побороть возникающія въ душѣ его религіозныя сомнѣнія—и старецъ выручаетъ его изъ этой бѣды... Памятникомъ сношеній юноши съ этимъ почтеннымъ старцемъ явилось любопытное описаніе сада въ „Савинскомъ", имѣніи Лопухина (верстахъ въ 30 отъ Москвы).

„На ровномъ мѣстѣ, гдѣ было топкое болото—пишетъ Жуковскій—явились тѣнистыя рощи, пересѣкаемыя прекрасными дорожками и орошенныя чистою, прозрачною какъ кристаллъ, водою. Расположеніе сада прекрасно... Вы видите большое пространство воды; берегъ осѣненъ рощею, въ которой мелькаетъ *Руссова* хижина! На самой срединѣ озера *Юнговъ* островъ, съ пустынническою хижиною и нѣсколькими памятниками, между которыми замѣтите мраморную урну, посвященную *Фенелону*. На одной сторонѣ урны изображена г-жа Гюйонъ, другъ Фенелона, а на другой—Жанъ-Жакъ-Руссо, стоящій въ размышленіи передъ бюстомъ Камбрейскаго архіепископа... Островъ осѣненъ разными деревьями: елями, осинами, березами и другими; его положеніе чрезвычайно живописно: всего пріятнѣе быть на немъ во время ночи, подъ сіяніемъ полной луны; воды спокойны, а рощи, окружающія берегъ, отражаются въ нихъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ. Это мѣсто невольно склоняетъ васъ къ какому-то дивному, пріятному размышленію..."

Первые опыты поэтическіе.

Приводя этотъ любопытный и характерный отрывокъ изъ письма Жуковскаго, академикъ Тихонравовъ приходитъ къ такому заключенію: „кружокъ Тургенева „не вдохновлялъ" юнаго поэта, а работалъ надъ созданіемъ въ немъ внутренняго человѣка"... „Подъ вліяніемъ этого кружка запали въ глубину души его тѣ нравственныя начала, тѣ живыя, дѣятельныя религіозныя вѣрованія, которыя такъ основательно выражаются въ первомъ періодѣ поэтической дѣятельности Жуковскаго..." Добавимъ къ этому, что Карамзинъ, такъ много обязанный И. П. Тургеневу, былъ однимъ изъ ближайшихъ къ его кружку литературныхъ дѣятелей, а черезъ Карамзина и его *alter ego*, Дмитріевъ. Къ тому же Карамзинъ (по первой женитьбѣ своей) былъ тѣсно связанъ съ семьею Протасовыхъ. И вотъ, принимая въ соображеніе всѣ эти нити первоначальныхъ связей и отношеній, среди которыхъ развивался и вступалъ въ жизнь юноша Жуковскій, мы почти можемъ осязать тѣ элементы, которые должны были получить преобладающее значеніе въ его поэтической дѣятельности: сенти-

ментализмъ, съ оттѣнкомъ затаенной, безотчетной грусти, навѣянной особыми условіями его жизни и общественнаго положенія и глубоко проникнутой религіозностью, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ мистицизма, который впослѣдствіи долженъ былъ предрасположить Музу Жуковскаго и къ романтической загадочности, и къ задумчивой таинственности. Подробное и внимательное изученіе первыхъ шаговъ Жуковскаго на литературномъ поприщѣ, приводитъ насъ къ тому выводу, что хотя онъ началъ съ подражаній Ломоносову и Державину, но увлекся поэзіей только уже ознакомившись съ поэтическими произведеніями И. И. Дмитріева. По его собственному признанію, переведенное Дмитріевымъ изъ Гёте „*Размышленіе по случаю грома*" было „первымъ стихотвореніемъ, выученнымъ наизусть въ русскомъ классѣ", и этому произведенію подражалъ онъ въ первомъ своемъ стихотвореніи, написанномъ безъ соблюденія стопъ. Это стихотвореніе И. И. Дмитріева было напечатано въ томъ журналѣ, въ которомъ помѣщались лучшія произведенія „*Собранія университетскихъ питомцевъ*"—въ „*Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени*" (изд. Сохацкаго и Подшивалова) [1]), — а этотъ журналъ, рекомендованный въ пансіонѣ для внѣ-класснаго чтенія, былъ постоянно въ рукахъ воспитанниковъ. Поэтому и неудивительно, если первые ихъ опыты въ словесности были подражаніями тому, что помѣщалось въ этомъ журналѣ, и если они вообще подчинялись въ этомъ опытѣ господствовавшему въ журналѣ направленію, а господствующимъ направленіемъ въ немъ было—направленіе перваго журнала и сборниковъ Карамзина... Сентиментализмъ „Писемъ Русскаго Путешественника", восхищеніе „величественною натурою", „уединенными часами сладостной меланхоліи, идиллическими картинами пастушескаго быта" — или таинственнымъ сумракомъ Оссіана, величавымъ молчаніемъ могилъ и т. п. Въ „Иппокренѣ" и въ журналѣ Сохацкаго и Подшивалова были помѣщены въ переводѣ „Размышленія надъ гробницами" Джемса Гервея и элегія Грея „*Сельское кладбище*" — въ видѣ двухъ разныхъ переводовъ и подражаній, принадлежавшихъ перу Павла Львова. Здѣсь же находили себѣ мѣсто и такія стихотворенія, какъ „*Достоинство смерти*" Анны Турчаниновой и другія подобныя произведенія, навѣянныя „священной меланхоліей..." Здѣсь же встрѣчались и первые, послѣ Карамзинскихъ, баллады въ стихахъ и въ прозѣ. Но самымъ важнымъ достоинствомъ вышеупомянутыхъ журналовъ была та масса переводовъ, которая вносилась ими изъ разныхъ иностранныхъ литературъ: главнымъ образомъ нѣмецкой и англійской, французской и даже голландской. Изъ французскихъ писателей болѣе всего заим-

[1]) Другимъ такимъ же журналомъ, составлявшимъ любимое чтеніе воспитанниковъ пансіона, былъ „*Иппокрена или утѣхи любословія*".

ствовали они у Бернарденъ-де-С.-Пьера и Флоріана; изъ англійскихъ видимъ въ этихъ журналахъ переводы изъ Шекспира, Попе, Томсона, Бёрнса, Мильтона, Стерна, Аддисона, Драйдена; изъ нѣмецкихъ: произведенія Якоби, Морица, Вейса, Гесснера, Геллерта, Козегартена, Клейста, Мейснера, Виланда и (очень немногое) изъ Гёте, Коцебу и Лессинга [1]).

Сообразно тому матеріалу, который вмѣщали въ себѣ эти журналы—„*Пріятное и полезное препровожденіе времени*“ и „*Ипокрена*“—столь близкіе воспитанникамъ Благороднаго пансіона, слагалась и вся литературная дѣятельность Жуковскаго, въ этомъ первомъ школьномъ періодѣ развитія его таланта. Въ этихъ журналахъ видимъ мы принадлежащія Жуковскому стихотворенія и статьи: „*Чувства при гробницѣ*“, — прозаическая статья (написанная на смерть крестной матери, Юшковой); стихотворенія: „*Майское утро*“, „*Къ юности*“, „*Миръ и война*“, „*Жизнь и ключъ*“ и нѣсколько другихъ опытовъ, подобныхъ же, помѣщены въ другихъ журналахъ, и между ними еще разъ „*Мысли при гробницѣ*...“ Переводъ элегіи Грея — „*Сельское кладбище*“ — напечатанный позднѣе въ „Вѣстникѣ Европы“ Карамзина былъ вѣроятно начатъ, въ первоначальной редакціи, въ эту же пору, и по вѣрному замѣчанію Тихонравова былъ лишь „завершеніемъ цикла школьныхъ его стихотвореній и прозаическихъ статей“. Весьма осторожный въ выводахъ Тихонравовъ, принимая въ соображеніе всѣ условія развитія и нравственнаго роста Жуковскаго въ этотъ первый періодъ его литературной дѣятель-

В. А. Жуковскій. Молодой типъ.

[1]) Карамзинъ написалъ двѣ баллады: «*Раиса*» и «*Графъ Гвариносъ*»... Ближайшимъ послѣдователемъ его въ этомъ родѣ былъ казанскій поэтъ Каменевъ.

ности, приходитъ относительно юнаго поэта къ слѣдующему заключенію:

„Жуковскій—юноша мечтательный и очень податливый чужому вліянію—попадаетъ въ школу, которая даетъ ему очень по-

В. А. Жуковскій, въ обстановкѣ «балладника».

верхностное образованіе; бѣдный положительными знаніями, которыя могли бы колебать эту мечтательность, онъ попадаетъ въ кругъ старыхъ масоновъ, которые обращаютъ его къ вопросамъ внутренней жизни и указываютъ ему задачею жизни нравственное усовершенствованіе, ставятъ идеаломъ любовь къ человѣче-

ству"... „Московскіе журналы (которые Жуковскій обязательно читаетъ и въ которыхъ самъ участвуетъ) питаютъ и развиваютъ въ мечтательномъ юношѣ болѣзненную меланхолію..."

Дружеское Литературное Общество.

Тоже направленіе поддерживается отчасти и „*Дружескимъ Литературнымъ Обществомъ*", возникшимъ въ началѣ 1801 года при Московскомъ университетѣ [1]). Уставъ общества въ высшей степени любопытенъ, какъ весьма яркое отраженіе настроенія, господствующаго въ современной молодежи. Чтобы ознакомить нашихъ читателей съ этимъ настроеніемъ, приводимъ нѣкоторые отрывки изъ этого устава:

„Цѣль общества образовать въ себѣ безцѣнный способъ трогать и убѣждать словесностью;—да будетъ же сіе образованіе въ честь и славу Добродѣтели и Истины, цѣлію всѣхъ нашихъ упражненій". Упражненія эти должны были состоять въ слѣдующемъ: „очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія обо всемъ, что изящно, что превосходно. Для лучшаго успѣха въ такихъ упражненіяхъ надобно: 1) особенно заняться теоріею изящныхъ искусствъ: она покажетъ намъ масштабъ всего изящнаго и будетъ служить Аріадниною нитью въ лабиринтѣ *юродствующаго воображенія;* 2) разбирать критически переводы и сочиненія на нашемъ языкѣ; 3) можно иногда прочитывать какія-нибудь полезныя книги и о нихъ давать свой судъ; 4) наконецъ, трудиться надъ собственными своими произведеніями, обработывая ихъ со всевозможнымъ раченіемъ". Кромѣ этихъ упражненій общество имѣло еще цѣли благотворительныя: „помогать всѣмъ истинно-несчастнымъ..." Въ заключеніе изложенныхъ въ уставѣ „законовъ" общества, указывается, какой именно духъ долженъ оживлять всѣхъ членовъ общества и связывать ихъ между собою: „это духъ благій дружества, сердечная привязанность къ своему брату, нѣжное доброжелательство къ пользамъ другого. Такъ! Никогда никто изъ насъ во всю жизнь не сдѣлаетъ другу своему такого великаго благодѣянія, какое имѣетъ онъ случай сдѣлать здѣсь, въ этомъ обществѣ. Геній умираетъ подъ кровлею бѣдной хижины, на лонѣ нищеты и бѣдности; врожденное чувство къ великому, къ изящному погасаетъ въ бурѣ страстей, въ юдоли скорби и печали; пламя патріотизма потухаетъ въ уединенномъ сердцѣ земного страдальца, и міръ не увидитъ восходящей зари великаго. Какія же великолѣпныя палаты, какія гордыя стѣны, какое золото возвращаетъ міру его честь, его украшеніе — великихъ? Съ небесною улыбкою на глазахъ, съ животворною фіалкою въ рукѣ неулетающее божество, единымъ взглядомъ озаряю-

[1]) «Законы его», т. е. уставъ подписаны членами 12 января 1801 г. (въ годовщину основанія московскаго университета). Учредителями были преимущественно студенты московскаго университета; въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ Мерзлякова.

щее сію мрачную юдоль скорби и печали, бѣдствій и отчаянія — это дружество. Будемъ имѣть довѣренность другъ къ другу! Большая часть изъ насъ воспитывались въ одномъ мѣстѣ; съ самаго малолѣтства знаемъ мы другъ друга: сладостныя узы связали насъ почти всѣхъ издавна. Въ самыхъ лѣтахъ мы немного превышаемъ другъ-друга: гдѣ можетъ утвердиться лучше взаимная довѣренность? Если не всякій изъ насъ одаренъ тонкимъ вкусомъ къ изящному, если не всякій можетъ судить совершенно правильно о переводѣ или сочиненіи [1]), то, по крайней мѣрѣ, мы не будемъ сомнѣваться въ добромъ сердцѣ сказывающаго намъ наши погрѣшности: его любовь говоритъ намъ: правда ли то, или нѣтъ — онъ желаетъ намъ добра" [2]).

Прямой кодексъ сентиментализма съ примѣсью юношеской мечтательности! Среди этихъ молодыхъ затѣй и опытовъ поэтической и довольно разнообразной переводческой [3]) дѣятельности, Жуковскій кончилъ курсъ въ пансіонѣ, въ числѣ первыхъ учениковъ (съ занесеніемъ имени его на мраморную доску); сначала онъ поступилъ было на службу, но прослужилъ всего годъ и, въ апрѣлѣ 1802 года, захвативъ съ собою весь запасъ книгъ, пріобрѣтенныхъ въ Москвѣ, переселился на житье въ свое родное с. Мишенское. Здѣсь-то, проводя весну и лѣто въ кругу своихъ родныхъ и близкихъ, въ живописной мѣстности, покрытой холмами и роскошными лугами, поросшей дубовыми рощами и орошаемой журчащими ручьями, Жуковскій, наконецъ, закончилъ элегію Грея („*Сельское кладбище*"), вѣроятно, уже давно имъ начатую, и отправилъ ее къ Карамзину, для помѣщенія въ его новомъ журналѣ „*Вѣстникъ Европы*..." и, къ величайшему его удовольствію, она не только была напечатана Карамзинымъ, но и удостоена самаго лестнаго отзыва. Недаромъ, впослѣдствіи, Жуковскій любилъ называть „Сельское кладбище" своимъ первымъ „печатнымъ стихотвореніемъ" — вѣроятно, въ смыслѣ перваго, достойнаго печати и напечатаннаго въ большомъ, видномъ журналѣ.

Первое печатное произведеніе.

Въ то же время Жуковскій не покидаетъ своей переводческой дѣятельности, и, главнымъ образомъ, переводитъ Флоріана, которымъ увлекается до того, что не довольствуется переводомъ

[1]) Засѣданія общества посвящались исключительно чтенію и разборамъ переводовъ и сочиненій.

[2]) Этотъ «святой союзъ любви», положенный въ основу «Общества» надолго остался живою связью между членами кружка, даже и въ дальнѣйшей ихъ жизненной карьерѣ.

[3]) Къ этому времени относится переводъ нѣкоторыхъ частей «Театра» Коцебу и его же романа „*Младшія дѣти моей прихоти*", которому Жуковскій неизвѣстно почему далъ другое названіе: „*Мальчикъ у ручья*". За переводъ четырехъ томовъ этого романа книгопродавецъ уплатилъ ему 75 р. асс.

ПѢВЕЦЪ
ВЪ СТАНѢ
РУСКИХЪ ВОИНОВЪ. (1)

ПѢВЕЦЪ.

На полѣ бранномъ тишина!
Огни между шатрами!
Друзья! здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе руку въ руку!

«Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ». Титульный листъ отдѣльнаго изданія.

32

А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь вѣрныя любви,*
Тамъ сладкаго свиданья!

В о и н ы.

Всевышній Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
Въ завѣтъ: *здѣсь вѣрныя любви,*
Тамъ сладкаго свиданья!

«Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ». Окончаніе и заключительная виньетка.

его произведеній, но еще переводитъ и очень плохія его передѣлки чужихъ произведеній. Такъ, въ 1801 году онъ переводитъ сочиненіе Флоріана: „Вильгельмъ Телль или освобожденная Швейцарія“; въ дополненіе къ нему его же сицилійскую повѣсть „Розальба“, переполненную всякими ужасами и таинственностью; а нѣсколько позже, въ 1805 г., по заказу Платона Петровича Бекетова, имѣвшаго свою превосходную типографію, Жуковскій переводитъ и „Донъ-Кихота“ съ весьма плохой передѣлки Флоріана.

Вадимъ. Чрезвычайно любопытно то, что именно Флоріановскій „Вильгельмъ Телль“ внушилъ Жуковскому мысль его первой исторической повѣсти „*Вадима Новгородскаго*“ (напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ 1803 г.), посвященной памяти незадолго передъ тѣмъ умершаго Андрея Тургенева, друга и руководителя Жуковскаго. Повѣсть не была окончена въ томъ духѣ, въ которомъ Жуковскій ее началъ, т. е. въ духѣ понятій конца XVIII вѣка о Вадимѣ и Гостомыслѣ, какъ борцахъ за свободу и независимость Великаго Новгорода. Но образъ „Вадима еще разъ возникъ въ душѣ поэта, четырнадцать лѣтъ спустя, и на этотъ разъ воплотился, въ балладѣ „Вадимъ“, въ довольно банальнаго сказочнаго героя, освобождающаго 12 спящихъ дѣвъ...

Въ то самое время, когда Жуковскій занятъ былъ этими переводами, т. е. въ теченіе 1803—1805 гг., онъ сблизился съ Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ, уже покинувшимъ изданіе „Вѣстника Европы“ и принявшимся за свой историческій трудъ. Бывая временами въ Москвѣ, Жуковскій вращался постоянно въ кругу Карамзина, въ который входили постоянными завсегдатаями: И. И. Дмитріевъ, В. Л. Пушкинъ, А. И. Тургеневъ и Вяземскій. Вліяніе Карамзина и Карамзинской литературы отразилось на Жуковскомъ до такой степени сильно, что это вліяніе можно прослѣдить во всей литературной дѣятельности нашего поэта, до самыхъ двадцатыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка. Рядомъ съ Карамзинскимъ вліяніемъ, впрочемъ, проявилось и другое, тоже очень сильное: вліяніе графа Блудова, аристократа до мозга костей, воспитаннаго на псевдо-классическихъ французскихъ образцахъ и постоянно направлявшаго выборъ Жуковскаго, еще недостаточно знакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ и нѣмецкой литературой, въ сторону французской литературы, французскихъ теорій и критическихъ воззрѣній.

Время между 1805—1808 гг. принадлежитъ едва ли не къ счастливѣйшей порѣ жизни Жуковскаго. Всѣ эти три года онъ провелъ вдали отъ столичной жизни, живя попеременно, то въ Мишенскомъ, то въ Бѣлевѣ. Тамъ поселилась и А. И. Протасова, съ двумя своими дочерьми (племянницами Жуковскаго),

образованіемъ которыхъ онъ очень тщательно занимался въ теченіе этого трехлѣтія. Въ Бѣлевѣ жила и мать Жуковскаго, и старушка Бунина, и, въ концѣ 1805 г., онъ даже писалъ своимъ друзьямъ:

„Я переселился въ Бѣлевъ, въ свой домъ (онъ построилъ его для матери); вся наша фамилія теперь живетъ у меня, слѣдовательно я не могу пожаловаться, чтобы вокругъ меня было пусто“.

Отголоскомъ его спокойнаго и пріятнаго душевнаго настроенія являются и поэтическія произведенія этого періода, въ которыхъ онъ уклоняется отъ своихъ прежнихъ уныло-элегическихъ мотивовъ и благословляетъ свой уютный уголокъ—то, что онъ называетъ „своей хижиной“:

«Друзья, любите сѣнь родительскаго крова.
Гдѣ-жъ счастье, какъ не здѣсь, на лонѣ тишины,
Съ забвеніемъ суетъ, съ безпечностью свободы?
Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать».

Подъ вліяніемъ этой тишины и спокойствія, поэтъ съ восторгомъ говоритъ и о поэзіи, все для него украшающей и услаждающей:

«О, пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О, прелесть тихая, души очарованье,
Поэзія! съ тобой
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье—
Теряютъ ужасъ свой.
Въ тиши дубравы, надъ потокомъ,
Другъ Феба съ ясною душой,
Въ убогой хижинѣ своей,
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ—
Поетъ, мечтаетъ... и блаженъ».

Журнальная дѣятельность.

Въ 1807 г. Жуковскій былъ ревностнымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ „Вѣстника Европы“; а въ 1808 г., кажется, не безъ вліянія со стороны Карамзина, Жуковскій принялъ на себя завѣдываніе редакціею этого журнала, для чего и долженъ былъ переселиться въ Москву. Здѣсь, въ теченіе трехъ лѣтъ (1808—1810 гг.) онъ издавалъ „Вѣстникъ Европы“, при помощи Каченовскаго, профессора московскаго университета. Каченовскій, впрочемъ, работалъ только надъ политическимъ отдѣломъ, а все остальное лежало на рукахъ Жуковскаго, который, по обычаю всѣхъ журналистовъ того времени [1]), пополнялъ произведеніями своего пера почти всѣ отдѣлы журнала. Въ статьѣ, кото-

[1]) Отъ этого обычая, какъ мы видѣли выше, не отступалъ и самъ Карамзинъ.

FÜR WENIGE.

ДЛЯ НЕМНОГИХЪ.

(№. III.)

1818.

Обложка весьма рѣдкаго изданія нѣкоторыхъ переводовъ Жуковскаго, никогда не поступавшаго въ продажу. Полный экземпляръ ихъ хранится въ русскомъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки.

рою начинается „Вѣстникъ Европы“ на 1808 годъ, Жуковскій такъ опредѣлилъ значеніе и программу своего журнала:

„Существенная польза журнала состоитъ въ томъ, что онъ, скорѣе всякой другой книги, распространяетъ полезныя идеи, образуетъ разборчивость вкуса и, главное, приманкою новости, разнообразія, легкости—нечувствительно привлекаетъ къ занятіямъ болѣе труднымъ, усиливаетъ охоту читать, и читать съ цѣлью, съ выборомъ, для пользы“. Вначалѣ онъ думалъ-было не вносить въ свой журналъ критическаго отдѣла; но затѣмъ онъ отвелъ ему въ своемъ органѣ видное мѣсто, и въ томъ, что онъ по этому поводу говоритъ въ пользу критики и ея значенія, слышится прямо отголосокъ программы „упражненій“ Дружескаго Литературнаго Общества. Но критика является еще здѣсь очень слабою, такъ какъ ея главною основою оказывается Лагарпъ и французскіе ложно-классическіе теоретики, или же теоретики-нѣмцы, воспитавшіеся на тѣхъ же отжившихъ свой вѣкъ правилахъ псевдо-классицизма. Дѣло въ томъ, что и при изданіи „Вѣстника Европы“ Жуковскій все еще не могъ выбиться изъ-подъ ферулы чужого вкуса, и усердно проводилъ въ своемъ журналѣ традиціи Карамзинскаго „Московскаго Журнала“; а Карамзинъ былъ сторонникомъ писателей и философовъ той старой берлинской школы, противъ которой такъ яростно воевали представители новой романтической школы съ Гёте и Шиллеромъ, Тикомъ и братьями Шлегелями во главѣ. И вотъ онъ наполняетъ свой журналъ переводами второстепенныхъ писателей старой школы—Энгелей, Гарве, Эбергардовъ, Меркелей и Коцебу—въ то время, когда эта старая школа въ Германіи уже сбита съ позицій молодыми романтиками, и все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое значеніе... Онъ какъ бы не рѣшается отречься отъ этихъ бездарныхъ, ограниченныхъ и близорукихъ людей, и, кажется, только потому, что за нихъ стоитъ и имъ сочувствуетъ—Карамзинъ. И вотъ послѣ трудовъ Лессинга по теоріи изящныхъ искусствъ, послѣ его изысканій въ области драмы—послѣ „Лаокоона“ и „Гамбургской драматургіи“—Жуковскій, который, конечно, былъ, хотя по наслышкѣ, знакомъ съ этими капитальными сочиненіями, рѣшается почерпать основныя положенія для своей литературной критики изъ „Теоріи изящныхъ искусствъ“ Сульцера, утверждающаго, что „конечною цѣлью изящныхъ искусствъ служатъ моральныя чувствованія, благодаря которымъ человѣкъ получаетъ цѣну“; а главною обязанностью поэзіи должно быть „созерцаніе нравственной пользы“... Мало того, онъ не отрѣшается даже и отъ совершенно ложной теоріи Энгеля, утверждающаго, что драма можетъ быть только прозаическою—теорія, противъ которой такъ энергично возсталъ А. Шлегель. И изъ сопоставленія всѣхъ этихъ фактовъ, вмѣстѣ взятыхъ, нельзя

не прійти къ тому курьезному выводу, что Жуковскій, прославившійся въ нашей литературѣ тѣмъ, что онъ, главнымъ образомъ, пересадилъ романтизмъ на русскую почву—до конца своей журнальной дѣятельности оставался приверженцемъ старой берлинской литературной школы, слѣдовательно, противникомъ романтиковъ [1]), и въ особенности—Гёте. Кстати замѣтимъ, что теоретическія воззрѣнія Сульцера Жуковскій вносилъ и въ свои оригинальныя критическія статьи „*О сатирѣ и сатирахъ Кантемира*", „*О баснѣ и басняхъ Крылова*"——и, много лѣтъ спустя, самъ призналъ эти воззрѣнія неправильными и значительно измѣнилъ ихъ въ полномъ собраніи своихъ сочиненій (особенно статьи о Крыловѣ). На сторону романтиковъ Жуковскій перешелъ значительно позднѣе, перешелъ, повидимому, совершенно произвольно и сознательно, можетъ-быть, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ тягостныхъ условій того періода жизни, который наступилъ для него въ 1810—1811 гг. Но внѣшнимъ образомъ, въ глазахъ публики, Жуковскій сопричисленъ былъ къ романтикамъ уже со времени появленія въ свѣтъ его баллады „*Людмила*" (въ концѣ 1810 г.), передѣланной изъ баллады Бюргера „Ленора" [2]).

Проэктъ поэмы.

Покончивъ съ изданіемъ журнала, Жуковскій вернулся въ деревню и тамъ засѣлъ за работу серьезную, сосредоточенную и притомъ по строго-обдуманному и выработанному плану. Онъ работалъ надъ пополненіемъ пробѣловъ своего образованія, очень много читалъ, расширялъ свой кругъ изученія литературы и занимался особенно охотно науками историческими. Кажется, что эти занятія исторіей стояли также въ нѣкоторой зависимости отъ сношеній съ Карамзинымъ и его кружкомъ. Ближайшею же цѣлью этихъ занятій была задуманная Жуковскимъ поэма „*Владиміръ*". Мысль объ этой поэмѣ, никогда и впослѣдствіи не написанной, повидимому, занимала его довольно долго, потому что даже еще и въ 1816 г. онъ одно время собирался ѣхать въ Кіевъ и Крымъ для ближайшаго ознакомленія съ самымъ мѣстомъ дѣйствія, избраннымъ для поэмы. Вѣроятно, позднѣе, Жуковскій убѣдился въ томъ, что подобная поэма должна (въ смыслѣ подготовки) представлять непреодолимыя для него трудности, а съ другой стороны—призналъ свой поэтическій даръ не достаточно сильнымъ для выполненія такого замысла, какъ обширная эпическая поэма.

[1]) Въ нѣкоторыхъ пунктахъ Жуковскій не сходился съ ними и до конца жизни; такъ, напримѣръ, Жуковскій никогда не соглашался съ романтиками въ оцѣнкѣ и пониманіи Шекспира: Гамлетъ казался ему чудовищемъ, и онъ не постигалъ смысла «чудеснаго урода»; шутки Шекспира казались ему грубыми и оскорбительными для вкуса. Онъ всегда былъ убѣжденъ, что «тѣ, которые находятъ такъ много въ Гамлетѣ, доказываютъ тѣмъ скорѣе собственное богатство мыслей и воображенія, нежели превосходство Гамлета».

[2]) Впослѣдствіи, въ самую лучшую пору своей поэтической дѣятельности, онъ вернулся къ этому же сюжету, и перевелъ «Ленору» очень близко къ подлиннику.

Если ограничиваться только показаніями самого Жуковскаго и вѣрить той хронологіи, которую онъ самъ помѣчалъ на своихъ произведеніяхъ, то можно подумать, что въ теченіе 1810—1811 гг. нашъ поэтъ написалъ очень немногое: нѣсколько переводовъ изъ Шиллера, Парни, Драйдена и другихъ иностранныхъ поэтовъ, а изъ оригинальныхъ поэтическихъ произведеній — два-три романса, посланіе къ Батюшкову и Тургеневу, да „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ (старинная повѣсть, состоящая изъ двухъ балладъ: 1) „Громобой“ и 2) „Вадимъ“). Но внимательный и точный біографъ Жуковскаго, докторъ Зейдлицъ, утверждаетъ, напротивъ, что 1811 годъ былъ однимъ изъ самымъ плодовитыхъ въ поэтической дѣятельности Василія Андреевича [1]). Поводомъ къ этой особенной плодовитости было то, что съ конца 1810 и до половины 1812 года Жуковскій жилъ тою идиллическою, мечтательною и горячею жизнью чувства, которая захватывала все его существо и всѣ помыслы его сосредоточивала на одномъ—на томъ, что̀ представлялось ему тогда цѣлью всей его жизни. Большую часть этого идиллическаго періода Жуковскій провелъ въ небольшомъ имѣньицѣ, которое (на капиталъ, завѣщанный ему Бунинымъ—на 10.000 р.) купилъ себѣ около села Муратова, принадлежавшаго Е. А. Протасовой (въ 30 верстахъ отъ Орла). Къ семьѣ Протасовыхъ теперь особенно привязывала его нѣжная, романическая любовь къ старшей изъ бывшихъ его учениць и племянницъ—къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой. Эта любовь развивалась среди чрезвычайно привлекательной художественной обстановки, которая всему придавала свои особенныя краски и оттѣнки. По сосѣдству съ Муратовымъ жило семейство *Алексѣя Плещеева*, съ которымъ Жуковскаго сближала общая имъ обоимъ страсть къ изящнымъ искусствамъ. Плещеевъ былъ и музыкантъ, и композиторъ, и отличный актеръ, любившій щеголять своимъ декламаторскимъ искусствомъ. При его богатой усадьбѣ былъ и домашній театръ, и домашній оркестръ, управляемый нѣмцемъ-капельмейстеромъ.

На сценѣ домашняго Плещеевскаго театра очень часто являлись комедіи и оперетки, для которыхъ Плещеевъ самъ писалъ и текстъ, и музыку; самъ и игралъ роли въ нихъ на сценѣ, вмѣстѣ съ женой своей, также хорошей музыкантшей. Съ этою семьею у Жуковскаго установились совершенно особыя, музыкально-поэтическія, дружескія отношенія. Изъ Муратова въ Чернь и обратно, то и дѣло, скакали нарочные гонцы съ поэтическими посланіями отъ Жуковскаго къ Плещееву, на которыя Плещеевъ отвѣчалъ французскими стихами. Каждое новое стихотвореніе Жуковскаго тотчасъ же пересылалось къ Плещееву въ Чернь, а тотъ

[1]) Онъ доказываетъ совершенно основательно, что къ 1811 г. относится большинство тѣхъ стихотвореній, которыя позже Жуковскій, въ собраніи своихъ сочиненій, ставилъ подъ 1813 годомъ.

къ нему подбиралъ или даже зaново присочинялъ музыку, и декламировали, и пѣли новую пѣснь молодого поэта, къ великому

Одна изъ иллюстрацій художника Майделя къ «Ундинѣ» Жуковскаго.

удовольствію той толпы гостей, которая постоянно наполняла залы обширнаго и радушнаго чернянскаго дома...

Среди этого шумнаго, нескончаемаго праздника, этого ряда эстетическихъ наслажденій и впечатлѣній, любовь Василія Андреевича дошла до того, что онъ, наконецъ, рѣшился просить руки Маріи Андреевны—и получилъ отказъ отъ строгой матери. Этотъ неожиданный ударъ тяжело отразился на Жуковскомъ и далъ

В. А. Жуковскій на берегахъ Женевскаго озера.
Гравюра, приложенная къ особому изданію его «Ундины».

обильную пищу его и безъ того уже сумрачной и унылой Музѣ, его сѣтованьямъ на судьбу, на одиночество и пустоту жизни.

Всѣ эти поэтическія изліянія закончились неожиданно громами Отечественной войны... Мы говоримъ неожиданно, хотя это, конечно, многимъ должно показаться страннымъ; но не слѣдуетъ забывать, что даже и послѣ открытія военныхъ дѣйствій, даже и въ концѣ іюля 1812 г. никто еще не предвидѣлъ, въ центральныхъ русскихъ губерніяхъ, той катастрофы, которая ожидала Москву, никто не вѣрилъ въ возможность занятія ея французами.

Отечественная война.

Прямымъ доказательствомъ господствовавшаго тогда спокойнаго, почти равнодушнаго настроенія умовъ должно служить то, что около этого времени происходило въ Муратовѣ и Черни, гдѣ друзья-сосѣди продолжали жить все тою же неизмѣнной художественно-поэтической жизнью, нимало не заботясь о тучахъ, собиравшихся на горизонтѣ. 3-го августа всѣ сосѣди собрались въ Чернь—праздновать день рожденія Плещеева. На домашней сценѣ давали оперу его сочиненія, и въ тотъ же вечеръ Жуковскій пѣлъ свой новый романсъ, положенный на музыку Плещеевымъ. Этотъ романсъ былъ „Пловецъ" (онъ тоже въ изданіи сочиненій Жуковскаго поставленъ подъ 1813 г.). Намеки романса не понравились Протасовой, которая увидѣла въ нихъ нарушеніе обѣщанія, даннаго Жуковскимъ, и на другой же день она вынудила его уѣхать изъ Муратова въ Москву, гдѣ онъ и поступилъ въ ряды ополченія.

Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.

Во время весьма недолгаго пребыванія въ ополченіи Жуковскому не пришлось участвовать ни въ какихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Но зато онъ обновилъ своимъ примѣромъ традиціи тѣхъ вѣковъ, когда поэтъ являлся въ воинскомъ станѣ для воспѣванія воинскихъ подвиговъ. Въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, увлеченный общимъ ожиданіемъ побѣды надъ грознымъ врагомъ, Жуковскій написалъ свое восторженное стихотвореніе: „*Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ*". Въ этомъ громкомъ и торжественномъ пѣснопѣніи (состоящемъ изъ 672 стиховъ), посвященномъ воспоминаніямъ о русской славѣ, о павшихъ братьяхъ, о подвигахъ отдѣльныхъ вождей и героевъ, поэтъ взывалъ къ отмщенію за разрушенную и выжженную Москву. Стихотвореніе это было несравненно выше той, довольно безцвѣтной „*Пѣсни барда надъ гробомъ славянъ, побѣдителей*", которую Жуковскій написалъ въ 1806 г. также подъ давленіемъ того враждебнаго настроенія, которое въ ту пору господствовало въ нашемъ обществѣ по отношенію къ французамъ; видно, что въ теченіе шести лѣтъ поэтическій даръ Жуковскаго значительно развился и что самое пониманіе народности окрѣпло и усилилось въ его сознаніи. И если одинъ изъ современниковъ (Вигель въ своихъ „Запискахъ") говоритъ, что Жуковскаго въ обществѣ „полюбили за пѣсню барда", то можно себѣ представить, какое сильное, потрясающее впечатлѣніе долженъ былъ произвести „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ", въ которомъ вѣрно было угадано общее настроеніе минуты, общая жажда мщенія за Москву и ея поруганныя святыни. Можно утверждать положительно, что это стихотвореніе гораздо болѣе прославило Жуковскаго, нежели вся предшествовавшая его поэтическая и литературная дѣятельность. Въ тысячахъ списковъ „Пѣвецъ" быстро разлетѣлся во всѣ концы Россіи. Сама императрица Марія Ѳео-

доровна пожелала имѣть списокъ стихотвореній и изъявила желаніе познакомиться съ поэтомъ.

Жуковскій недолго оставался при арміи послѣ того, какъ исполнилъ свой поэтическій долгъ: вскорѣ послѣ битвы подъ Краснымъ онъ заболѣлъ тифомъ, и только благодаря своему крѣпкому сложенію счастливо перенесъ эту тяжелую болѣзнь. Въ на-

Домъ, въ которомъ жилъ и умеръ Жуковскій въ Баденъ-Баденѣ.

чалѣ января 1813 г. онъ уже снова вернулся въ Муратово, въ недавно покинутый имъ кругъ родни и друзей.

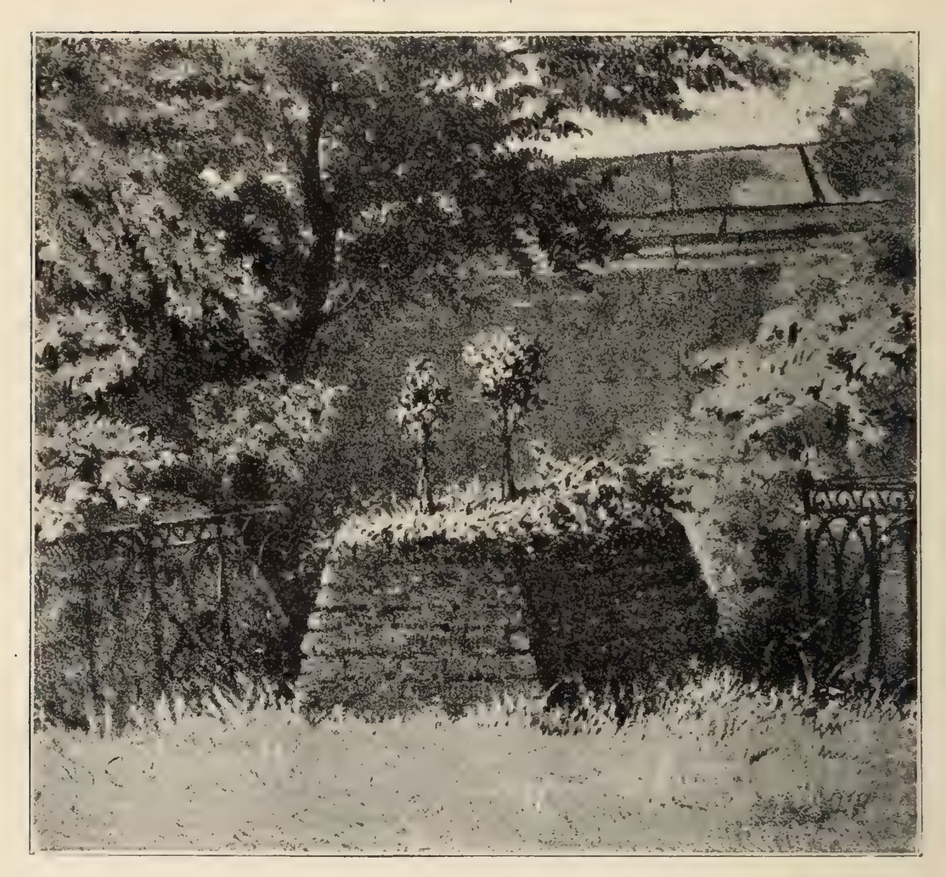
Здѣсь, ободряемый друзьями, онъ рѣшился еще разъ просить руки Маріи Андреевны Протасовой, которая, со своей стороны, изъявила желаніе выйти за него замужъ... Но ея мать, Екатерина Аѳанасьевна, попрежнему осталась непреклонною, и, ссылаясь на близкое родство Жуковскаго съ ея дочерью, отказала ему наотрѣзъ. Тогда Жуковскій, въ совершенномъ отчаяніи, удалился изъ Муратова въ Долбино, имѣніе Кирѣевскихъ [1]), гдѣ и былъ принятъ съ распростертыми объятіями...

На этотъ разъ скорбная Муза поэта излила свое горе въ та-

[1]) Калужской губерніи, въ 7 верстахъ отъ Муратова.

кихъ звукахъ, которые слишкомъ ясно говорили о его тягостномъ душевномъ состояніи. Онъ былъ близокъ къ отчаянію:

«... съ обманутой душою
Я счастья ждалъ—мечтамъ конецъ,
Погибло все, умолкни лира...
Скорѣй, скорѣй въ обитель мира!
Бѣдный пѣвецъ!

Могила Жуковскаго на кладбищѣ Александро-Невской лавры, рядомъ съ могилою Карамзина. (Въ первые дни послѣ погребенія).

Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межъ нимъ и межъ собой,
Желать всякъ часъ—и трепетать желанья...»

Однакоже это невыносимо-тягостное состояніе души мало-по-малу перешло въ болѣе сносное, и Жуковскій, нѣсколько оправившись отъ испытаннаго имъ тяжкаго удара, принялся тотчасъ же за свою обычную работу—принялся усиленно, съ удвоеннымъ усердіемъ, какъ бы желая подавить, заглушить свое сердечное горе... Именно это настроеніе, съ примѣсью нѣкотораго горькаго разочарованія, звучитъ въ его письмѣ, около этого времени написанномъ къ А. И. Тургеневу.

„Ахъ, братъ и другъ! Сколько погибло времени! Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ недѣятельности душевной, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. Причина этой недѣятельности тебѣ извѣстна. А теперь, мой другъ, эта самая дѣятельность служитъ мнѣ лѣкарствомъ отъ того, что было прежде ей помѣхой. Если романическая любовь можетъ спасать душу отъ порчи, зато она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ, какъ царь, сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время“.

Гимны въ честь Александра.

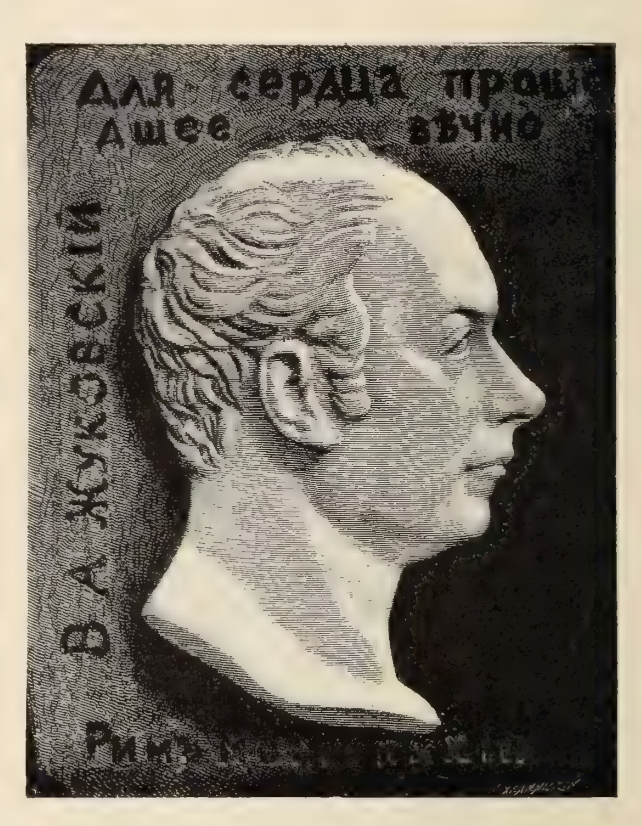
И другъ его, его товарищъ юности, трудовъ и увлеченій, не остался безучастнымъ къ скорбному поэту... Вмѣстѣ съ другими друзьями Жуковскаго онъ озаботился о судьбѣ этого взрослаго ребенка, который никогда не затруднялъ себя заботами о завтрашнемъ днѣ. Василій Андреевичъ самъ далъ ему поводъ и возможность о немъ хлопотать. Не слѣдуетъ забывать, что въ 1812—1815 гг. Россія жила совершенно особою жизнью, и всѣ умы, всѣ сердца привлечены были къ тѣмъ громкимъ, необычайнымъ событіямъ, которыя совершались у всѣхъ на глазахъ и способны были до крайней степени возвысить народную гордость... Военная слава, подвиги нашихъ войскъ, Александръ, во главѣ другихъ государей, избавляющій Европу отъ Наполеоновскаго ига— вотъ что̀ всѣмъ туманило и кружило головы. Весьма естественно, что и Жуковскій увлекся вслѣдъ за другими и смѣнилъ свои скорбныя пѣсни и сокрушенія громкими гимнами въ честь Александра I и его побѣдоноснаго воинства... Въ самомъ концѣ 1814 г., послѣ взятія Парижа, онъ написалъ свое громадное и восторженное „Посланіе Императору Александру I“:

«Когда летящіе отвсюду слышны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, тебя зовутъ: «Великій»,
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?..» [1])

Немного позже, въ декабрѣ 1814 года, Жуковскій написалъ и другое обширное патріотическое стихотвореніе — „*Пѣвецъ на Кремлѣ*“. Нѣтъ ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ искренности тѣхъ чувствъ, которыя вдохновляли поэта и въ томъ, и въ другомъ произведеніи, хотя нельзя не признаться, что эти торжественные звуки не были свойственны Музѣ Жуковскаго, и выходили у него вялыми, неудачными, недостаточно величавыми. Они не текутъ свободно и плавно, не захватываютъ, не увлекаютъ вслѣдъ за поэтомъ; въ красивыхъ, тщательно отдѣланныхъ стихахъ нѣтъ того жара, который чувствуется иногда даже и въ довольно нескладныхъ одахъ Державина: чувствуется, на-

[1]) Это посланіе состоитъ изъ 500 стиховъ.

противъ того, напряженіе, усиліе; нѣтъ смѣлаго подъема и орлинаго полета, который видимъ въ очень многихъ произведеніяхъ пѣвца Екатерины. Но въ тотъ періодъ общаго, неудержимаго порыва народной гордости эти гимны Жуковскаго были всѣмъ дороги, производили на всѣхъ глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Императрица Марія Ѳеодоровна, получивъ черезъ А. И. Тургенева рукопись „Посланія", просила его прочесть это новое произведеніе Жуковскаго въ присутствіи всѣхъ членовъ своей Августѣйшей семьи и плакала слезами радости [1]). По желанію государыни „Посланіе" было роскошно напечатано на казенный счетъ (въ количествѣ 1,200 экз.), и вырученныя отъ его продажи деньги должны были поступить въ пользу автора, которому, сверхъ того, государыня пожаловала перстень. Когда при этихъ условіяхъ „Посланіе" попало въ провинцію, оно пріобрѣло тамъ положительно значеніе народнаго гимна: стихотвореніе Жуковскаго читали въ общественныхъ собраніяхъ и въ частныхъ семейныхъ домахъ, передъ увѣнчаннымъ лаврами бюстомъ государя, и когда доходили до стиха:

Горельефное изображеніе В. А. Жуковскаго, исполненное въ Римѣ, въ 1333 г.

«Прими-жъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ»

—всѣ разомъ падали на колѣни.

Жуковскій при дворѣ.

Весною, 1815 года, Жуковскій, исполняя давно уже выраженное императрицею Маріею Ѳеодоровною желаніе, былъ ей представленъ, и, хотя нимало о томъ не хлопоталъ [2]), былъ осенью вызванъ въ Петербургъ изъ Дерпта, гдѣ онъ свилъ-было

[1]) Превосходное, вполнѣ прочувствованное описаніе этого знаменитаго чтенія помѣщено въ письмѣ А. И. Тургенева къ Жуковскому отъ 1 января 1815 г.

[2]) За него хлопотали и о немъ горячо заботились его друзья — А. И. Тургеневъ, С. С. Уваровъ и Карамзинъ.

Ввѣряя себя благосклонности Вашей Свѣтлости, прошу Васъ благоволить обратить вниманіе Ваше на этотъ предметъ, для меня особенно важный, ибо имѣть простору у себя, есть главная моя необходимость. Желая имѣть его, не думаю, чтобы я позволялъ себѣ желать излишняго.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашей Свѣтлости
покорнѣйшимъ слугою

1839. 19 декабря.

В. Жуковскій

Автографъ В. А. Жуковскаго.

Отрывокъ изъ письма къ гофмаршалу. Изъ собранія С. Н. Шубинскаго.

себѣ гнѣздо около родныхъ [1]), и оставленъ былъ при Дворѣ лекторомъ при вдовствующей императрицѣ, которая въ Павловскѣ любила видѣть около себя кружокъ литераторовъ и ученыхъ. Тутъ нерѣдко, по вечерамъ, въ ея любимомъ Розовомъ Павильонѣ, около нея собирались всѣ знаменитости пера: Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Нелединскій, Гнѣдичъ, Шторхъ, Клингеръ, Аделунгъ... И Жуковскій занялъ между ними свое, весьма видное, почетное мѣсто.

До поздней осени Жуковскій пробылъ въ Петербургѣ и Павловскѣ: и нимало не позаботился о томъ, чтобы устроить себѣ какое-нибудь прочное положеніе при Дворѣ. Его опять потянуло въ Дерптъ, куда манилъ его и кружокъ близкихъ людей, и тотъ весьма ограниченный и скромный идеалъ бюргерской нѣмецкой жизни, который преобладалъ въ этомъ крошечномъ нѣмецкомъ центрѣ. Здѣсь, сойдясь съ кружкомъ нѣмецкихъ ученыхъ и освоившись съ нѣмецкимъ языкомъ и нѣмецкой литературой (въ самомъ обширномъ смыслѣ слова), Жуковскій окончательно склонился на сторону нѣмецкой поэзіи и оставался ей вѣренъ до конца жизни [2]); здѣсь же онъ окончательно перешелъ на сторону романтизма, и мы видимъ, что въ 1817 году, собираясь выдать въ свѣтъ сборникъ образцовыхъ нѣмецкихъ писателей, Жуковскій избираетъ этихъ „образцовыхъ писателей" почти исключительно изъ среды самыхъ ярыхъ романтиковъ (Гёте, Шиллера, Тика, Новалиса, Т. П. Рихтера, братьевъ Шлегелей).

Душевное настроеніе Жуковскаго въ этотъ періодъ, какъ и его положеніе въ свѣтѣ, было какое-то странное, двойственное, неопредѣленное. Онъ жилъ въ постоянной борьбѣ съ самимъ собою, въ нерѣшительности относительно выбора жизненнаго пути, въ ожиданіяхъ, которыя, какъ онъ самъ зналъ, не должны были сбыться [3]). Точно такъ же неопредѣленны и туманны были взгляды Жуковскаго на его собственное поэтическое призваніе. Онъ находился въ это время на верху своей славы, въ полномъ блескѣ, въ апогеѣ ея — и чувствовалъ полное безсиліе творческое, едва только задумывалъ приняться за что-нибудь крупное, оригинальное. Неспособный самъ себя обманывать и преувеличивать свое значеніе, онъ видѣлъ въ себѣ только талантливаго переводчика, въ то время, когда другіе ждали отъ него чего-то великаго, а на

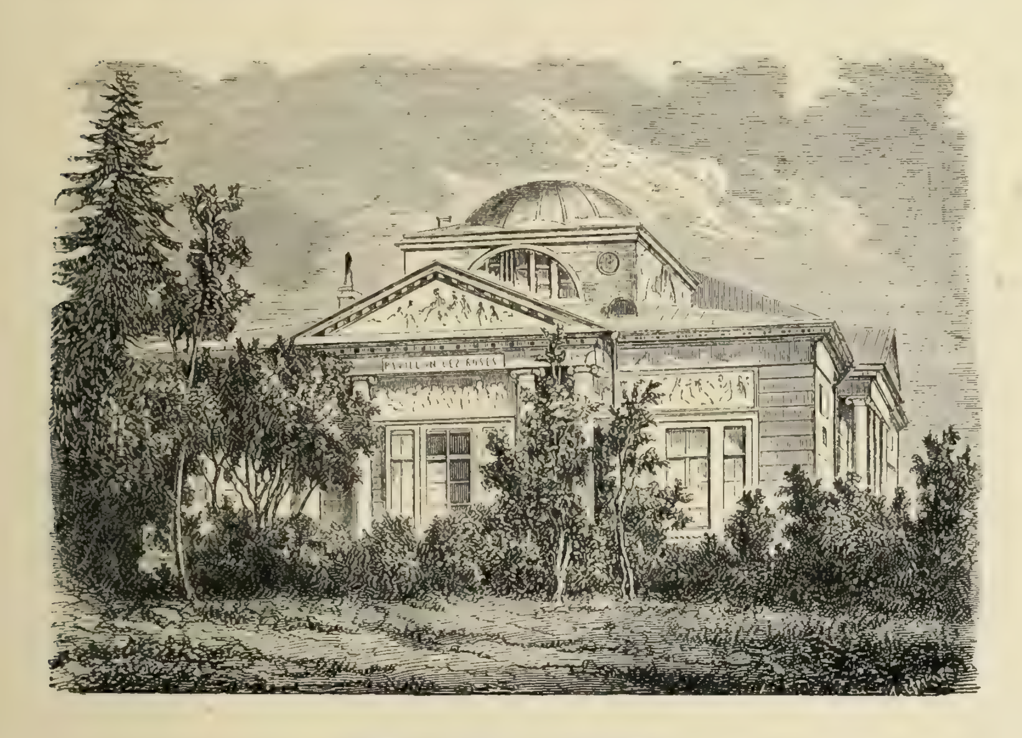
[1]) Младшая дочь Протасовой вышла замужъ за А. Ѳ. Воейкова, который получилъ мѣсто профессора словесности при дерптскомъ университетѣ. Туда же переселилась и Е. А. Протасова, съ Маріею Андреевною, которая вскорѣ тамъ вышла замужъ.

[2]) Здѣсь были имъ переведены изъ Уланда: «Сонъ», «Пѣсня бѣдняка», «Счастіе во снѣ», «Гарольдъ», «Три пѣсни»; изъ Гебеля—«Овсяный кисель», «Красный карбункулъ», «Деревенскій сторожъ въ полночь».

[3]) Ожиданіе это закончилось тѣмъ, что Марія Андреевна Протасова, въ 1817 году вышла замужъ за профессора Мойера.

всю его минувшую литературную дѣятельность смотрѣли только какъ на приготовленіе къ будущему, на геніальныя пробы пера. Батюшковъ, напримѣръ, писалъ ему въ одномъ изъ писемъ:

„Тургеневъ сказывалъ мнѣ, что ты пишешь балладу. Зачѣмъ не поэму?.. Чудакъ! Ты имѣешь все, чтобы сдѣлать себѣ прочную славу, основанную на важномъ дѣлѣ... У тебя воображеніе Мильтона, нѣжность Петрарки... и ты пишешь баллады. Оставь бездѣлки намъ; займись чѣмъ-нибудь достойнымъ твоего дарованія...“ [1]).

Розовый павильонъ въ Павловскѣ.

А между тѣмъ тотъ, кого Батюшковъ прочилъ въ великіе поэты, самъ еще не зналъ, что́ изъ себя сдѣлать, и пребывалъ въ полнѣйшемъ и самомъ безпечномъ невѣдѣніи насчетъ своего будущаго. Друзья побуждали его хлопотать объ устройствѣ его положенія, указывали ему на различные способы къ обезпеченію и къ пріобрѣтенію прочнаго положенія при Дворѣ; а онъ все отговаривался и медлилъ, и отвѣчалъ на ихъ заботы какими-то мечтаніями.

„Мнѣ весело думать,—пишетъ онъ А. И. Тургеневу (21 октября 1816 г.),—что ты обо мнѣ хлопочешь. Очень было бы хо-

[1]) Гораздо вѣрнѣе смотрѣлъ на Жуковскаго Дмитріевъ, который въ одномъ изъ писемъ, со свойственною ему тонкостью и осторожностью, говоритъ: «Кажется, поэтъ мало-по-малу превращается въ придворнаго... Увидимъ, въ чемъ найдетъ болѣе выгоды? А между тѣмъ будемъ пока питаться «Овсянымъ киселемъ»; для меня и онъ по вкусу; но я лакомъ, и люблю разнообразіе».

рошо, когда бы то, что ты затѣялъ *и о чемъ я не имѣю понятія*, совсѣмъ обошлось безъ письма моего [1]). Неужели должно непремѣнно просить вниманія? Довольно того, чтобы его стоить. Вниманіе Государя есть святое дѣло. Имѣть на него право могу и я, если буду русскимъ поэтомъ, въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду! Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ... Не надобно думать, что она только забава воображенія. Этимъ она можетъ быть только для петербургскаго свѣта. Но она должна имѣть вліяніе на душу всего народа и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію, и дай Богъ въ теченіе жизни сдѣлать хоть шагъ къ этой прекрасной цѣли. Имѣть ее позволено, а стремиться къ ней, значитъ—заслуживать одобреніе Государя. Это стремленіе всегда будетъ въ душѣ моей. Работать съ такою цѣлью есть счастіе; а друзья будутъ знать, что я имѣю эту цѣль—вотъ награда".

Въ этомъ письмѣ, представляющемъ рядъ неопредѣленныхъ мечтаній и прекрасныхъ мыслей въ отвѣтъ на положительные дѣловые запросы друзей—весь Жуковскій!

Царскія милости и служба.

И послѣ этого письма онъ попрежнему оставался жить въ Дерптѣ, гдѣ дописывалъ въ это время вторую половину своей повѣсти „*Двѣнадцать спящихъ дѣвъ*" (2-я баллада: „Вадимъ") и приготовлялъ къ изданію полное собраніе своихъ сочиненій. Въ концѣ 1816 года, благодаря настояніямъ А. И. Тургенева и его усиленному ходатайству, черезъ князя А. Н. Голицына полное собраніе сочиненій Жуковскаго было поднесено государю — и поэту назначена была, по Высочайшей волѣ, пожизненная пенсія въ 4,000 рублей. И вотъ, почти помимо Жуковскаго, все устроилось само собою, и онъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, силъ и здоровья, оказался вполнѣ обезпеченнымъ и независимымъ человѣкомъ. Но эта чрезвычайная милость, по сознанію самого Жуковскаго, далеко превышала его литературныя заслуги и потому побудила его искать возможности доказать государю свою признательность службою... „Я теперь въ службѣ—пишетъ онъ друзьямъ своимъ,—и долженъ служить по совѣсти". И онъ дѣйствительно искалъ случая и надѣялся, что случай къ поступленію на службу вскорѣ представится; при отъѣздѣ изъ Дерпта, въ началѣ 1817 года, онъ недаромъ говорилъ своимъ дерптскимъ друзьямъ: „романъ моей жизни оконченъ—теперь начинается исторія". Слова эти сбылись вполнѣ: романтикъ обратился вскорѣ въ педагога, съ удивительною добросовѣстностью выполнявшаго свой долгъ, и на выполненіе его посвятилъ почти двадцать пять лучшихъ лѣтъ жизни...

Слѣдующее, наступившее въ жизни Жуковскаго 25-ти-лѣтіе,

[1]) Т. е. безъ письма самого Жуковскаго къ государю.

проведенное на службѣ при Дворѣ,—въ весьма трудной и отвѣтственной должности воспитателя Высочайшихъ Особъ — болѣе принадлежитъ исторіи, нежели литературѣ [1]). Въ теченіе этого времени Жуковскимъ было очень немногое сдѣлано для литературы; бывали даже перерывы въ пять и въ семь лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ ничего не писалъ и не печаталъ... Но и все то, что онъ за это время издавалъ въ свѣтъ, не шло далѣе подражаній и переводовъ. Такъ, въ первые годы службы при Дворѣ, когда онъ былъ преподавателемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Өеодоровнѣ (впослѣдствіи императрицѣ и супругѣ императора Николая I), онъ переводилъ для своей царственной ученицы стихотворенія лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ (Шиллера, Гёте, Гебеля, Кёрнера и др.) и печаталъ ихъ ежемѣсячно, рядомъ съ подлинниками, въ видѣ небольшихъ, изящныхъ книжекъ, подъ общимъ заглавіемъ: *„Для немногихъ“* („Für Wenige“), такъ какъ книжки эти не поступали въ продажу, а раздавались лишь *немногимъ приближеннымъ лицамъ* [2]). Затѣмъ явилась вторая пѣсня поэмы Томаса Мура *„Лалла Рукъ“*, драма Шиллера *„Орлеанская Дѣва“* (нѣсколько измѣненная Жуковскимъ) и поэма Байрона *„Шильонскій узникъ“*. Оба послѣднія произведенія вышли въ свѣтъ въ 1821 г. Между 1832—1836 гг. Жуковскій передѣлалъ прелестную повѣсть Ла-Моттъ-Фукэ *„Ундину“*, а затѣмъ, урывками, въ теченіе многихъ лѣтъ, перевелъ (съ нѣмецкаго перевода Рюккерта) индійскую поэму *„Наль и Дамаянти“*.

Переводы Жуковскаго.

Мало-по-малу, друзьямъ и почитателямъ Жуковскаго пришлось убѣдиться въ томъ, что поэтическое творчество Жуковскаго никогда не произведетъ ничего самостоятельнаго, самобытнаго и крупнаго, и что изъ-подъ его пера ничего нельзя ожидать, кромѣ очень хорошихъ переводовъ и болѣе или менѣе хорошихъ переработокъ съ готоваго поэтическаго матеріала, представляемаго иностранными литературами. Притомъ, критическій тактъ и изящный вкусъ Жуковскаго не всегда давали ему вѣрныя указанія; по справедливому замѣчанію Батюшкова, онъ иногда нападалъ на „дурное, жеманное и скучное“ и черезчуръ увлекался узенькими, ничтожными, ограниченными идеалами, которыми способна была задаваться поэзія, развивавшаяся въ небольшихъ нѣмецкихъ

[1]) Въ 1817 г. Жуковскій былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка великой княжнѣ Александрѣ Өеодоровнѣ. При императорѣ Николаѣ I, въ первые же годы царствованія его, Жуковскому поручено было воспитаніе наслѣдника цесаревича (впослѣдствіи императора Александра II). Въ этомъ положеніи онъ оставался, удостоенный величайшимъ довѣріемъ императора Николая Павловича, до 1841 года, т. е. до бракосочетанія наслѣдника.

[2]) Въ настоящее время полный экземпляръ, т. е. всѣ шесть книжекъ (отъ I до VI №) «*Для Немногихъ*», составляетъ большую библіографическую рѣдкость.

центрахъ. Благодаря такому увлеченію, Жуковскій съ одной стороны переводилъ много такого, что положительно не заслуживало перевода, а съ другой—все тѣснѣе и тѣснѣе сближался съ нѣмецкими воззрѣніями, понятіями и нравами, и, по мѣрѣ того, все болѣе и болѣе отдалялся отъ русской, національной почвы. Вслѣдствіе этого, съ теченіемъ времени, къ коренному недостатку поэзіи Жуковскаго—къ его чрезвычайному однообразію въ выборѣ мотивовъ—прибавилась еще и полная безцвѣтность, полное отсутствіе какого бы то ни было своеобразнаго, народнаго колорита [1]).

Весь поглощенный возложенною на него обязанностью, которую Жуковскій исполнялъ съ добросовѣстностью Лагарпа, онъ писалъ друзьямъ своимъ, упрекавшимъ его въ забвеніи поэзіи: „у меня въ душѣ одна мысль; все остальное—только въ отношеніи къ этой, царствующей... Поэзія мною не покинута, хотя я и пересталъ писать стихи...“ Но въ сущности, несмотря на свое высокое положеніе, Жуковскій оставался все тѣмъ же безпечнымъ и беззаботнымъ поэтомъ, какъ это можно видѣть изъ его личной характеристики, набросанной имъ въ посланіи къ княгинѣ А. Ю. Оболенской (въ 1820 г.).

«...я, мечтательнаго зритель,
Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
Сквозь призму сердца, какъ поэтъ;
Съ его прекрасной стороною
Я неиспорченной душою
Знакомъ, но въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечный!
Могу товарищемъ я быть
Во всемъ, чтò въ жизни сей прекрасно;
Съ душой невинною и ясной
Могу свою я душу слить;
Но неспособенъ зоркимъ взглядомъ
Приманокъ сердца различать;
Могу на счастье руку дать,
Но не впередъ идти, а рядомъ.»

Пребываніе за границей.

Во время своей службы при Дворѣ, Жуковскій часто бывалъ за границей, живалъ тамъ пó-долгу и успѣлъ завести дружескія связи въ Германіи, къ которой все больше и больше привязывался: его туда подъ старость манило и тянуло. По окончаніи своей службы, осыпанный милостями императора Николая I, обезпеченный на всю жизнь и безъ того уже обладавшій хорошимъ состояніемъ, Жуковскій уѣхалъ изъ Россіи за границу и

[1]) Это всего яснѣе выразилось въ его заимствованіяхъ изъ русской народной поэзіи, когда онъ, подражая Пушкину, вздумалъ коснуться русскаго сказочнаго міра.

Gemäßigten mäßiger Nahrung,
Begabten mit Offenbarung,
Die alle Begierden meidenden,
Sich von sich selber scheidenden,
Von Luft und Thau sich weidenden,
In Baumrinden sich kleidenden.
Doch die mit reizenden Augenbraunen,
Damajanti, gewahrt mit Staunen
In der Wüste den Himmelsgarten,
Geschmückt mit Blumen- und Pflanzenarten,
Mit Blüt' und Frucht an Laub und Aesten,
Bevölkert von der Thierwelt Gästen:
Antelopen, Gasellen,
Wandelnd am Rand der Quellen,
Affen auf Zweigen sich schaukelnd,
Und Papageyen gaukelnd:
Dazwischen, die das alles pflegten,
Sich die Einsiedler still bewegten.
Aufathmete, die Brust erquickend,
Die Königstochter dies erblickend.

Подклеенная страничка Рюккертова текста поэмы, съ котораго Василій Андреевичъ Жуковскій переводилъ „Наль и Дамаянти“.

Черновой оригиналъ перевода поэмы „Наль и Дамаянти" В. А. Жуковскаго.

Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

431. τοῦ νῦν οἶκον ἄτιμον ἔδεις, μνᾷ δὲ γυναῖκα,
Dessen jetzt Haushalt ungeschätzt (ohne Ersatz) verzehrst du, freiest um die Frau,
G.s. A.s. A.s. 2s.pr. 2s.pr. A.s.
Твой Одиссеевъ грабишь ~~безъ~~ домъ, жену Одиссея
432. παῖδά τ' ἀποκτείνεις, ἐμὲ τε μεγάλως ἀκαχίζεις·
den Sohn und tödtest du, mich und gross (gar sehr) betrübst du;
A.s. 2s.pr. A.s. adv. 2s.pr.
Сватаешь, сына хочешь убить, Одиссея сына; печалишь
433. ἀλλά σε παύσασθαι κέλομαι καὶ ἀνωγέμεν ἄλλους.
aber dich abzulassen heisse (befehle) ich und [dazu] aufzufordern die andern.
A.s. Inf.A. 1s.pr. Inf.pr.
Смирись! Удержись! говорю ~~и тебе~~ и прошу съ тобой.
434. [Τὴν = Dem[?]] — I, 399. Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, так отвѣчалъ Пенелопѣ:
435. (I, 329. (lauter Vocative).)] Старца Икарія многоразумная дочь, Пенелопа,
436. XIII, 362. Будь безопасна, не думай теперь здѣсь тревожитъ опасно.
437. οὐκ ἔσθ' οὗτος ἀνὴρ, οὐδ' ἔσσεται, οὐδὲ γένηται, (cf. 6, 201.)
Nicht ist der Mann, und nicht wird er sein, auch nicht soll er gewesen sein,
3s.pr. A.s. N.s. 3s.f. 3s.conj.A.
Нѣтъ, нѣтъ и не будетъ ~~ни~~ никогда никого, кто бъ поднялъ
438. ὅς κεν Τηλεμάχῳ σῷ υἱέϊ χεῖρας ἐποίσει
der etwa an Tel. deinen Sohn die Hände anlegen wird,
N.s. D.s. D.s. D.s. A.p. 3s.f.
Руку поднять, кто бъ злодѣйски убить твоего Телемака.
439. ζώοντός γ' ἐμέθεν καὶ ἐπὶ χθονὶ δερκομένοιο.
[so lange als] lebe wenigstens ich und auf dem Erdboden sehe (meine Augen brauche).
G.s.pt.pr. G.s. D.s. G.s.pt.pr.
Нынѣ! покуда я живъ и покуда очами я землю
440. (ὧδε γὰρ ἐξερέω, καὶ μὴν τετελεσμένον ἔσται) (2, 187.)
So (folgender Massen) denn werde ich heraussagen, und wahrlich vollendet wird es sein:
1s.f. N.s.pt.pf.pr. 3s.f.
Вижу, тому не бывать ~~и~~ — свѣтлый передъ всѣми, и вѣрно.
441. αἶψά οἱ αἷμα κελαινὸν ἐρωήσει περὶ δουρὶ
Schnell ihm das Blut schwarze (11, 98.) wird fliessen (triefen) um den Speer
adv. D.s. N.s. N.s. 3s.f. D.s.
Будетъ слово мое — добьется у копья своего
442. ἡμετέρῳ· ἐπεὶ ἦ καὶ ἐμὲ πτολίπορθος Ὀδυσσεὺς (8, 3.)
den unsrigen (meinen); da wahrlich auch mich der Stadtzerstörer Od.
D.s. A.s. A.s. N.s.
~~Удалой~~, меня порабощенный Конечно Одиссей, незабвенно я,
443. πολλάκι γούνασιν οἷσιν ἐφεσσάμενος, κρέας ὀπτὸν
oft auf Kniee seine gesetzt habend, Fleisch gebratener
D.p. A.s.pt.A. A.s. A.s.
~~Ласкала~~ (Брать) въ (Меня на колѣнки) и мясо руками мнѣ
444. ἐν χείρεσσιν ἔθηκεν, ἐπέσχε τε οἶνον ἐρυθρόν. (5, 165.)
in die Hände legte, hinhielt und Wein rothen.
D.p. 3s.A. 3s.A. A.s. A.s.
Клалъ покладенъ и сладкимъ ~~вина~~ поилъ питьемъ.
445. τῷ μοι Τηλέμαχος πάντων πολὺ φίλτατός ἐστιν
Dadurch mir Tel. von allen viel (bei weitem) der liebste ist
D.s. D.s. N.s. G.p. adv. N.s.superl. 3s.pr.
Потому поэтому и всѣхъ болѣе людей я люблю Телемака.
446. ἀνδρῶν· οὐδέ τί μιν θάνατον τρομέεσθαι ἄνωγα,
Männern; und nicht im mindesten ihn vor dem Tode zu zittern fordere ich auf,
G.p. A.s. A.s. Inf.pr. 1s.pf.(st.pr.)
Пусть! никогда онъ убійства неправеднаго страшиться, пока и
447. ἔκ γε μνηστήρων· θεόθεν δ' οὐκ ἔστ' ἀλέασθαι. (9, 411.)
von Seiten wenigstens der Freier; [wenn] von den Göttern her aber nicht ist [es möglich, ihn] zu meiden.
[Der Tod kömmt]
G.p. G.s.(p) 3s.pr. Inf.A.
Могутъ онъ надъ женихами. Но свыше ~~ниспосланной~~ невозможно
448. Ὣς φάτο θαρσύνων· τῷ δ' ἤρτυεν αὐτὸς ὄλεθρον.
So sprach er Muth machend; dem aber bereitete er selber Verderben.
3s.impf. N.s.pt.pr. N.s.
Такъ онъ рекалъ Пенелопѣ, ее утѣшая; а мыслилъ иное.
449. ἡ μὲν ἄρ' [εἰσαναβᾶσ'] [ὑπερώϊα (1, 362.) σιγαλόεντα],
Diese [–] demnach hinaufgegangen seiend in die Obergemächer die glänzenden,
N.s. N.s.pt.A. A.p. A.s.
Къ Пенелопа, въ свои возвратилась, тамъ въ свѣтлыхъ покояхъ
450. I, 363. плакала горько о миломъ своемъ Одиссеѣ, покуда
451. I, 364. сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.

Черновой оригиналъ рукописи перевода „Одиссеи“ В. А. Жуковскаго.
Одна изъ страницъ тетради, хранящейся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

не возвращался болѣе въ отечество. Вскорѣ послѣ переселенія за границу, въ 1841 г., Жуковскій, несмотря на свой преклонный возрастъ (ему шелъ 58-й годъ), женился на дочери своего друга, живописца Рейтерна, которой не было и 20-ти. Такое неравенство лѣтъ, конечно, не могло привести къ полному счастью въ семьѣ, и безпристрастный біографъ и другъ Жуковскаго, докторъ Зейдлицъ, рисуетъ намъ довольно непривлекательную картину семейной жизни нашего поэта. Подъ старость его желѣзное здоровье измѣнило ему: онъ сталъ часто болѣть; измѣнять ему стало и зрѣніе, что въ особенности его тревожило и мѣшало его литературнымъ занятіямъ. Полубольной и нервно-разстроенный, онъ долженъ былъ почти постоянно ухаживать за болѣзненною женою и трепетать за здоровье дѣтей, которыхъ страстно любилъ. При этомъ еще ему приходилось бороться съ кружкомъ піэтистовъ, которые жену его окружали и непрерывно направляли ея мысли къ религіозному экстазу. Нравственное и душевное состояніе Жуковскаго въ теченіе этихъ послѣднихъ одиннадцати лѣтъ его жизни было по временамъ невыносимо-тяжелымъ, какѣ это можно видѣть изъ его писемъ къ друзьямъ, въ особенности за 1846—47 годы. Избалованный слишкомъ постояннымъ счастіемъ и спокойствіемъ, онъ съ трудомъ переносилъ тягости и бѣдствія жизни, неразлучныя съ семейнымъ очагомъ, и съ горечью вспоминалъ о своемъ прошломъ, въ которомъ такъ много времени могъ удѣлять мечтамъ и поэзіи, далекій отъ заботъ и суроваго опыта жизни:

„Моя жизнь пролетѣла на крыльяхъ легкой беззаботности, рука объ руку съ призракомъ поэзіи, которая насъ часто гибельнымъ образомъ обманываетъ насчетъ насъ самихъ, и часто мы ея свѣтлую радугу, привидѣніе ничтожное и быстро исчезающее, принимаемъ за твердый мостъ, ведущій съ земли на небо. Подъ старость я не разссорился съ поэзіей, но не въ ней правда: она только земная блестящая риза правды“... „Жизнь прежняя,—пишетъ Жуковскій далѣе въ томъ же письмѣ:—избаловала и испортила меня; и вотъ Промыслъ Божій опредѣлилъ мнѣ послать средство исправленія; онъ надѣлъ на эту безпечную жизнь, сохранившую до старости дѣтскую безпечность, вѣнецъ семейнаго счастія... Душа моя—до сихъ поръ лѣнивая сибаритка,—познакомилась съ тѣми тревогами, которыя составляютъ многочисленную свиту нашихъ любезнѣйшихъ земныхъ сокровищъ“...

Характеристика Жуковскаго.

Затѣмъ, переходя къ очень тягостнымъ воспоминаніямъ, поэтъ очень строго судитъ о себѣ самомъ и приходитъ къ совершенно правильному выводу о значеніи жизни, о главной сути ея. Вспоминая о концѣ 1846 года и началѣ 1847, онъ говоритъ:

„Это время (конецъ 1846 г. и начало 1847 г.) было самымъ

тяжкимъ во всей моей жизни, избалованной своимъ постояннымъ беззаботнымъ спокойствіемъ. Оно баловало меня съ колыбели, въ которой до старости лѣтъ я лежалъ веселымъ младенцемъ и посматривалъ на все, окружающее мою люльку, сквозь сонъ поэтическій. И вдругъ изъ этой люльки, отрезвившись, я всталъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ; и только тутъ догадался, что наша жизнь не поэтическій сонъ, а строгое, существенное испытаніе".

Послѣднія произведенія.

По временамъ, однакоже, поэтъ и самъ впадалъ въ очень печальное нравственное разслабленіе, поддавался мистическому настроенію, и оно выражалось въ очень странныхъ поэтическихъ образахъ, въ сокрушеніяхъ о чрезмѣрной своей грѣховности, въ отрицаніи всего мірского, всего земного. Подъ вліяніемъ этого же настроенія, Жуковскій, въ послѣднемъ періодѣ своей жизни, относился весьма сочувственно къ мистическимъ увлеченіямъ Гоголя. Однакоже, пользуясь каждой спокойной минутой, Жуковскій успѣлъ, въ послѣдніе годы жизни, довести до конца два большіе труда: въ 1847 году напечатанъ былъ его замѣчательный переводъ *Одиссеи* Гомера [1]), а въ 1849—переводъ персидской поэмы „*Рустемъ и Зорабъ*" (эпизодъ изъ Шахъ-Намэ). За годъ до смерти онъ написалъ прелестное воспоминаніе о Царскомъ Селѣ, въ которомъ изобразилъ смерть стараго лебедя Екатерининскихъ временъ, можетъ-быть, предвидя и свой близкій конецъ...

«Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время...
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной;
Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли,
И стремимы тайной силой, полетѣли
На̀ голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ гордо распрямленной
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
А когда допѣлъ онъ,—на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши—
Къ небу, какъ во время оное, бывало,
Онъ съ земли рванулся, и его не стало
Въ высотѣ... и навзничь съ высоты упалъ онъ;
И, прекрасенъ, мертвый на хребтѣ лежалъ онъ.

[1]) Окончивъ Одиссею, Жуковскій принялся-было и за Иліаду; но успѣлъ перевести только одну пѣсню.

Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ не горящій...»

Болѣзнь не дала ему возможности присутствовать на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ его литературной дѣятельности, который былъ весьма торжественно отпразднованъ въ Петербургѣ, въ 1849 году, хотя его предполагалось праздновать (да и слѣдовало бы) уже въ 1847 году.

7 апрѣля 1852 года В. А. Жуковскій скончался въ Баденъ-Баденѣ, на 70 году отъ рожденія. Тѣло его перевезено было изъ-за границы въ Петербургъ и—по его волѣ, выраженной при жизни—погребено рядомъ съ могилой Карамзина на новомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Тридцать одинъ годъ спустя, въ 1883 году, по всей Россіи была торжественно отпразднована столѣтняя годовщина со дня рожденія Жуковскаго.

Въ заключеніе того, что было нами изложено о Жуковскомъ и его дѣятельности, необходимо набросать въ нѣсколькихъ словахъ общій очеркъ нравственнаго облика этого поэта и указать на важнѣйшіе результаты его многолѣтней и многообразной поэтической дѣятельности, по отношенію къ внутреннему содержанію и къ внѣшней формѣ нашей поэзіи.

Жуковскій, какъ человѣкъ.

По общимъ отзывамъ современниковъ, по всему, что извѣстно о Жуковскомъ изъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ, по общему характеру всего имъ написаннаго, отъ первыхъ юношескихъ стихотвореній и до послѣднихъ предсмертныхъ писемъ,—мы знаемъ, что это былъ человѣкъ необыкновенно-чистый душою, мягкосердечный и самоотверженно-преданный идеѣ добра, которой онъ служилъ всю жизнь, во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ. Глубоко хранилъ онъ въ сердцѣ наставленія воспитавшихъ его масоновъ, И. П. Тургенева и П. В. Лопухина, нѣкогда ему указывавшихъ на самосовершенствованіе нравственное, какъ на главную цѣль жизни. И онъ строго соблюдалъ этотъ завѣтъ во всю свою жизнь и постоянно слѣдилъ, и наблюдалъ за собою, болѣе всего опасаясь возможности быть собою недовольнымъ, нарушить внутренній миръ своей души... При этомъ онъ, по собственному своему признанію, весь свой вѣкъ оставался „дитею“, т. е. отличался полнымъ незнаніемъ жизни и былъ идеалистомъ въ самомъ обширномъ и лучшемъ значеніи этого слова. Только въ послѣдніе годы жизни, испытавъ еще неизвѣданныя имъ „тяготи бытія“, онъ начинаетъ нѣсколько разочаровываться въ поэзіи и жаловаться на разладъ между идеалами, съ которыми онъ весь свой вѣкъ носился, и насущными потребностями практической жизни.

Жуковскій, какъ поэтъ.

Поэтъ-идеалистъ чрезвычайно полно и опредѣленно выразился въ произведеніяхъ Жуковскаго и въ той нѣжной, задушевной формѣ *элегіи*, которая является у него преобладающимъ ро-

домъ его поэтическаго творчества. По этому поводу очень вѣрно замѣчаетъ извѣстный знатокъ нашей словесности А. Д. Галаховъ, что „поэтическія произведенія Жуковскаго обогатили нашу лирику новымъ плодотворнымъ содержаніемъ, которое составляетъ важный моментъ въ ея историческомъ развитіи; они впервые раскрыли передъ нами внутренній міръ человѣка, міръ его души, какъ предметъ наиболѣе достойный вдохновенныхъ пѣсенъ. Душевная исповѣдь служитъ господствующею ихъ тэмой, не возбуждавшею дотолѣ сочувственнаго вниманія писателей, которые притомъ и не были къ тому призваны ни характеромъ своихъ талантовъ, ни качествами своей природы. До чего бы ни касалась поэтическая дѣятельность Жуковскаго, въ какія бы формы ни облекались его представленія и чувства... душа постоянно занимаетъ у него первенствующее мѣсто. Создавая въ этомъ направленіи все, что выходило самостоятельнаго изъ-подъ его пера, онъ и для переводовъ, и для передѣлокъ своихъ, избиралъ только то, что̀ къ этому направленію подходило. Весьма постепенно, но совершенно послѣдовательно и правильно, отъ сентиментальнаго мечтанія онъ перешелъ къ романтизму и его идеальнымъ стремленіямъ въ область таинственнаго и неизвѣстнаго, и этимъ путемъ значительно расширилъ область нашего сближенія съ образцовыми произведеніями европейскихъ литературъ. И хотя выборъ образцовъ для перевода былъ у Жуковскаго нѣсколько однообразенъ, и предпочтеніе, отдаваемое имъ нѣмецкой литературѣ передъ всѣми другими, было иногда не совсѣмъ умѣстно и объяснимо, однакоже оно принесло свою долю пользы, какъ противовѣсъ, до излишества распространенному въ русской литературѣ, пристрастію къ французскимъ образцамъ и французскимъ теоріямъ“.

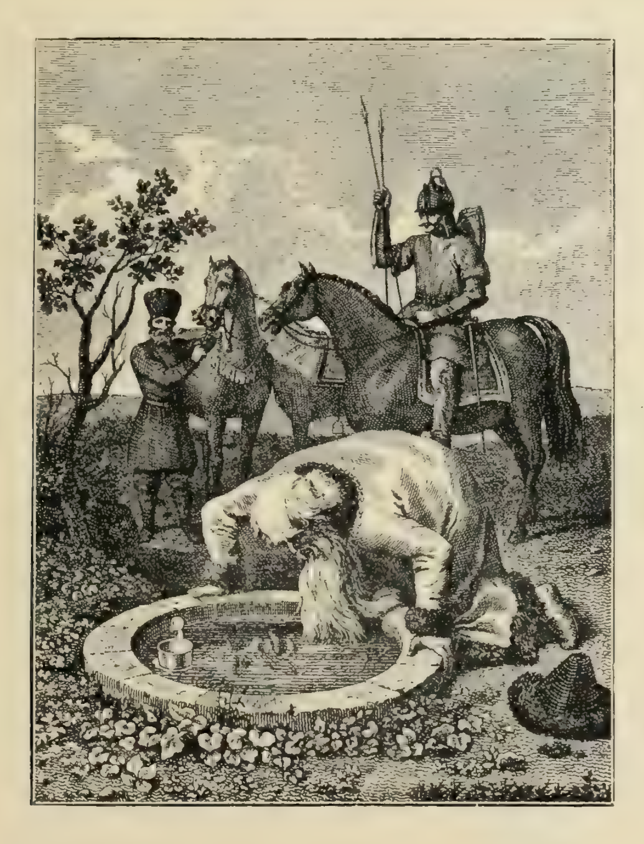
Стихъ Жуковскаго.

Большимъ и весьма существеннымъ успѣхомъ въ нашей поэзіи, по отношенію къ ея внѣшней формѣ, былъ стихъ Жуковскаго, съ которымъ не можетъ сравниться—ни въ звучности, ни въ мягкости, ни въ разнообразіи размѣровъ—стихъ предшествовавшихъ ему поэтовъ: въ этомъ отношеніи, изъ всѣхъ его современниковъ, съ нимъ могъ тягаться развѣ только Батюшковъ, а превзошелъ его только геніальнѣйшій изъ русскихъ поэтовъ—Пушкинъ. И насколько въ первомъ, болѣе молодомъ періодѣ дѣятельности Жуковскаго, стихъ является легкимъ, гибкимъ и гармоничнымъ, настолько же, въ послѣднія 10—12 лѣтъ жизни Жуковскаго, когда онъ, покинувъ лирику, перешелъ къ переводу крупныхъ эпическихъ произведеній, стихъ его сталъ спокойнымъ, ровнымъ и плавно текущимъ — вполнѣ подходящимъ къ тону и духу эпическаго изложенія. Притомъ еще, подъ старость, Жуковскій совсѣмъ разлюбилъ риѳму и не пользовался ею для украшенія своихъ произведеній, предпочитая стихи безъ риѳмъ.

Въ прозѣ Жуковскій, постепенно, также достигъ большого совершенства—большой красоты и простоты изложенія и выраженія мысли, и, въ этомъ отношеніи, сдѣлалъ значительный шагъ впередъ даже по отношенію къ своему учителю, Карамзину. Слогъ его проще, естественнѣе и не такъ однообразенъ, какъ слогъ Карамзина, въ которомъ часто повторяются одни и тѣ же формы и обороты рѣчи.

Если бы, въ заключеніе, мы захотѣли опредѣлить то мѣсто, которое Жуковскій долженъ занимать у насъ въ литературѣ эпохи, предшествующей Пушкину, то намъ пришлось бы, конечно, остановиться на томъ весьма скромномъ, но и весьма вѣрномъ отзывѣ, который онъ даетъ о себѣ самомъ въ одномъ изъ писемъ къ друзьямъ, гдѣ задался вопросомъ о будущности своего сына и говоритъ между прочимъ:

„Если ему суждено быть поэтомъ, то онъ, вѣроятно, засунетъ родителя своего за-поясъ и будетъ русскимъ самобытнымъ поэтомъ, а не переводчикомъ, впрочемъ, весьма замѣчательнымъ, какъ его родитель“.

Иллюстрація къ сказкѣ Жуковскаго о царѣ Берендеѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Еще одинъ питомецъ Карамзинской школы. — Жуковскій и Батюшковъ — двѣ противоположности. — Біографическія подробности. — Нарождающійся типъ недовольныхъ. — Элегизмъ и классическая пластика. — Значеніе Батюшкова въ исторіи нашей поэзіи.

Къ числу весьма горячихъ сторонниковъ Карамзинской школы принадлежалъ еще одинъ поэтъ, и можно смѣло сказать, талантливѣйшій изъ русскихъ поэтовъ до Пушкина. Несмотря на то, что его литературная дѣятельность, по весьма неудачно сложившимся условіямъ его жизни, была весьма непродолжительна, и что онъ успѣлъ написать немногое,—однакоже въ этомъ немногомъ онъ выразился вполнѣ и, выказавъ себя поэтомъ оригинальнымъ и самостоятельнымъ, сумѣлъ оставить по себѣ весьма замѣтный слѣдъ въ литературѣ. Въ тѣхъ нѣсколькихъ десяткахъ литературныхъ именъ, которыя представляютъ собою весь наличный составъ нашей литературы въ царствованіе Александра I, имя Батюшкова занимаетъ *свое* мѣсто и не можетъ быть ни опущено, ни забыто лѣтописателями нашей словесности. Почетная и вполнѣ заслуженная извѣстность Батюшкова ничего не теряетъ отъ близкаго сосѣдства съ такою громкою славою, какъ слава Жуковскаго, его ближайшаго предшественника, ни даже со славою столь близкаго преемника его, какъ Пушкинъ, который съ признательною скромностью всѣхъ истинно-великихъ людей говорилъ, что онъ многому научился отъ Батюшкова.

Дѣйствительно, въ поэзіи Батюшкова, и содержаніе, и внѣшняя форма вполнѣ самостоятельны: у него *все свое*, и въ этомъ отношеніи онъ составляетъ рѣзкую противоположность съ Жуковскимъ. Эту противоположность прекрасно выразилъ Гоголь въ своей извѣстной параллели, въ которой точнѣйшимъ образомъ опредѣлилъ существенныя свойства поэзіи Батюшкова, именно сравненіемъ съ поэзіею Жуковскаго:

„Въ то время, — говоритъ онъ: — когда Жуковскій отрѣшалъ нашу поэзію отъ земли и существенности, и уносилъ ее въ область безтѣлесныхъ видѣній, Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу, выказывая очаровательную прелесть осязаемой существенности. Какъ тотъ терялся весь въ неясномъ для него самого идеальномъ, такъ этотъ весь потонулъ въ роскошной прелести видимаго, которое такъ ясно слышалъ и такъ сильно чувствовалъ. Все прекрасное, во всѣхъ образахъ, даже и незримыхъ, онъ какъ бы силился превратить въ осязательную нѣгу наслажденія“.

Въ силу этой внутренней противоположности типовъ Жуковскаго и Батюшкова, развились и противоположныя свойства ихъ

поэтической дѣятельности. Такъ, Жуковскій въ своей переводной и подражательной дѣятельности стремился постоянно къ такой обработкѣ нашего поэтическаго языка, которая давала бы ему возможность выразить тончайшіе оттѣнки его отвлеченной и туманной фантазіи; Батюшковъ, напротивъ того, обладая несомнѣнно болѣе сильнымъ поэтическимъ даромъ и лучшимъ знаніемъ языка, при выработкѣ поэтическаго выраженія обращалъ вниманіе только на полную его ясность и яркость въ передачѣ живого, въ передачѣ впечатлѣній, производимыхъ внѣшнею красотою и роскошною пластикою формъ. На томъ же основаніи, въ то время, когда Жуковскій отъ сентиментальнаго элегизма переходилъ все болѣе и болѣе къ романтизму, увлекавшему его въ область таинственнаго и сказочнаго, Батюшковъ, напротивъ того, съ полнымъ сознаніемъ предался изученію классическаго міра, и, первый изъ русскихъ поэтовъ, сумѣлъ достигнуть того соединенія красоты и силы въ поэтической формѣ, которое дало ему возможность пересадить на нашу почву наиболѣе характерныя изъ поэтическихъ произведеній классической литературы. Противоположность поэтическихъ типовъ, наблюдаемая нами при сравненіи произведеній Жуковскаго и Батюшкова, быть-можетъ, коренится, въ значительной степени, и въ самыхъ явленіяхъ жизни обоихъ поэтовъ, которая складывалась по какимъ-то совершенно особымъ начертаніямъ. Въ то время, когда Жуковскій отъ ранняго дѣтства и до зрѣлаго возраста, по собственному его выраженію, лежалъ „въ люлькѣ безпечнаго дѣтства и чувствовалъ себя „дитею въ тридцать слишкомъ лѣтъ“,—Батюшковъ, напротивъ того, вступилъ въ жизнь очень рано, вступилъ, никѣмъ не оберегаемый отъ ея тягостей и невзгодъ, испыталъ очень много грустныхъ и тяжелыхъ впечатлѣній въ лучшіе годы юности и болѣе половины жизни томился подъ гнетомъ тяжкаго недуга, который такъ рано отнялъ его у нашей литературы... Элегизмъ Батюшкова, который заплатилъ обильную дань этого рода поэзіи, былъ естественнымъ выраженіемъ ощущеній души, неудовлетворенной жизнью и уже смолоду успѣвшей наболѣть отъ тягостныхъ испытаній и разочарованій; онъ не похожъ на элегизмъ Жуковскаго, который часто, для выраженія самыхъ нѣжнѣйшихъ ощущеній души, вынужденъ бываетъ заимствовать чужіе звуки и образы, брать поэтическую лиру изъ рукъ другого поэта и играть на его струнахъ, пользуясь уже готовою ихъ настроенностью...

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился въ 1787 г. въ Вологдѣ (18 мая). Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода и былъ сынъ помѣщика Новгородской, Вологодской и Ярославской губ., Николая Львовича Батюшкова, который служилъ, какъ и всѣ дворяне его времени, сначала въ военной, а потомъ

Происхожденіе и дѣтство Батюшкова.

въ гражданской службѣ. Константинъ Николаевичъ былъ младшимъ сыномъ Николая Львовича, отъ перваго его брака, и почти не зналъ своей матери, которая послѣ его рожденія впала въ тя-

К. Н. Батюшковъ.

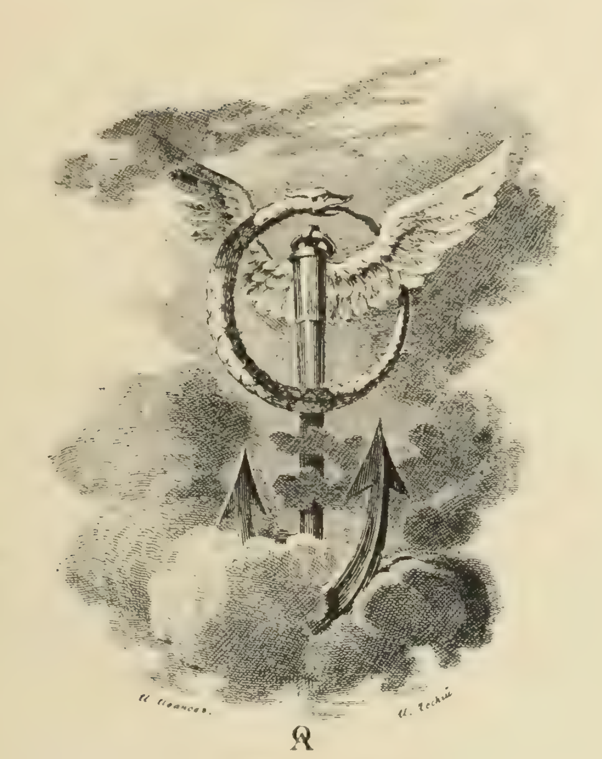
желый душевный недугъ и скончалась въ то время, когда ея сыну не было еще и восьми лѣтъ. Это обстоятельство, къ сожалѣнію, должно было оказать существенное вліяніе на нашего поэта въ далекомъ будущемъ.

Большую часть своего дѣтства Константинъ Николаевичъ провелъ въ родовомъ помѣстьѣ своего отца, живописномъ сельцѣ *Даниловскомъ* (близъ г. Устюжны, Новгородской губ.), пожалованномъ царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами предку поэта,

ОПЫТЫ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

К. Батюшкова.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

1817.

Титульный листъ къ изданію сочиненій К. Н. Батюшкова. Виньетка А. Н. Оленина.

Матвѣю Батюшкову, въ 1683 году „за службу его противъ турокъ и татаръ крымскихъ“. Это сельцо, съ его стариннымъ барскимъ домомъ и тѣнистымъ садомъ, расположено на высотахъ, господствующихъ надъ обширною долиною. Съ высотъ, отъ дома и сада, открывается обширный и живописный видъ на далекій

кругозоръ—мѣстность открытую и густо населенную. Здѣсь-то и протекли дѣтскіе годы поэта. Отецъ поэта, Николай Львовичъ, принадлежалъ къ числу русскихъ дворянъ, образованныхъ на тотъ французскій ладъ, который былъ въ такой модѣ въ Екатерининское время: сочиненія Руссо и энциклопедистовъ были до конца жизни его любимымъ чтеніемъ. Черезъ двоюроднаго брата своего, уже извѣстнаго намъ М. Н. Муравьева, Николай Львовичъ былъ даже не чуждъ и литературныхъ кружковъ петербургскихъ и московскихъ. Но эти болѣе или менѣе благопріятныя условія домашней обстановки не имѣли никакого вліянія на духовный ростъ и развитіе способностей юнаго Батюшкова. Отъ отца онъ былъ постоянно очень далекъ (вѣроятно, вслѣдствіе вступленія Н. Л. Батюшкова во второй бракъ), и есть основаніе думать, что дѣтство его протекло довольно печально. Особенно счастливой случайностью для Батюшкова было именно то, что, когда настали для него годы ученья, отецъ отвезъ его въ Петербургъ и здѣсь сдалъ на попеченіе двоюродному брату своему М. Н. Муравьеву и его супругѣ Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ, у которыхъ онъ нашелъ себѣ самый теплый и радушный родственный пріемъ. Можно сказать, что домъ этихъ добрыхъ и почтенныхъ людей замѣнилъ ему родительскій кровъ, почему К. Н. Батюшковъ и относился къ нимъ, въ теченіе всей своей жизни, съ самою искреннею, сыновнею нѣжностью. Вѣроятно, по выбору Муравьева, близко стоявшаго къ учебнымъ заведеніямъ столицы, Батюшковъ опредѣленъ былъ въ одно изъ лучшихъ воспитательныхъ заведеній, въ пансіонъ Жакино, гдѣ особенное вниманіе было обращено на изученіе новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, и, вообще, воспитательныя условія были весьма разумны [1]). Пробывъ четыре года въ пансіонѣ Жакино, Батюшковъ, неизвѣстно почему, былъ переведенъ въ пансіонъ другого иностранца, Ив. Ант. Триполи, также служившаго при морскомъ кадетскомъ корпусѣ учителемъ. Результатомъ двухлѣтняго пребыванія въ этомъ послѣднемъ учебномъ заведеніи было довольно основательное знакомство съ языкомъ итальянскимъ, котораго онъ не забылъ и впослѣдствіи. Такимъ образомъ, окончивъ курсъ ученія на 16-мъ году, Батюшковъ вынесъ изъ него знаніе двухъ новѣйшихъ языковъ и знакомство съ ихъ литературами, въ особенности съ французскою литературою XVII и XVIII вѣка. Сверхъ того, изъ юношескихъ писемъ К. Н. Батюшкова мы узнаемъ, что воспитатели его, въ обоихъ пансіонахъ, не стѣсняли его въ чтеніи и что еще на школьной скамьѣ онъ познакомился съ сочиненіями Ломоносова и Сумарокова. Отсюда, вѣроятно, происходило и весьма рано развившееся въ юношѣ желаніе автор-

---

[1]) Платонъ Андреевичъ Жакино, родомъ эльзасецъ, служилъ преподавателемъ французскаго языка при сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ.

ствовать: и первымъ литературнымъ трудомъ Батюшкова, на 14-мъ году отъ роду, былъ переводъ на французскій языкъ рѣчи, произнесенной митрополитомъ Платономъ „при короновании императора Александра I“ [1]). Но самымъ важнымъ воспитательнымъ элементомъ въ юности К. Н. Батюшкова было, конечно, его пребываніе въ домѣ такого умнаго, образованнаго и высоко-нравственнаго человѣка, какъ М. Н. Муравьевъ — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Вліяніе Муравьева на Батюшкова выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что онъ побудилъ будущаго поэта заняться изученіемъ латинскаго языка (который не преподавался ни въ пансіонѣ Жакино, ни въ пансіонѣ Триполи) и вообще пополненіемъ пробѣловъ своего образованія. Вскорѣ онъ овладѣлъ латинскимъ языкомъ настолько, что сталъ читать авторовъ, и изъ числа ихъ особенно полюбилъ Горація и Тибулла. Не менѣе важно было и вліяніе того кружка, который собирался постоянно подъ гостепріимнымъ кровомъ М. Н. Муравьева: здѣсь встрѣчалъ Батюшковъ очень часто Ивана Ивановича Мартынова— этого талантливаго и неутомимаго переводчика древнихъ классиковъ; здѣсь же познакомился онъ съ извѣстнымъ любителемъ литературы, искусствъ и древностей, Алексѣемъ Николаевичемъ Оленинымъ, и черезъ него свелъ знакомство съ большею частью современныхъ петербургскихъ литераторовъ—Озеровымъ, Капнистомъ, Крыловымъ, Шаховскимъ и многими другими. Въ то же время, поступивъ на службу подъ начальство своего же дяди М. Н. Муравьева, Батюшковъ и здѣсь нашелъ между своими сослуживцами и пріятелями молодыхъ, начинающихъ писателей: Ивана Петровича Панина, Дмитрія Ивановича Языкова, Николая Ивановича Гнѣдича; послѣдній вскорѣ сталъ самымъ близкимъ другомъ К. Н. Батюшкова.

Первыя произведенія К. Н. Батюшкова были печатаемы, начиная съ 1805 г., въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“—журналѣ Мартынова и въ „Новостяхъ литературы“, которыя издавалъ Побѣдоносцевъ; но, собственно говоря, писать сталъ онъ гораздо ранѣе, и первые стиховорные опыты молодого поэта относятся еще къ 1802 году. Къ числу ихъ, между прочимъ, принадлежитъ и элегія „Мечты“, обнаруживающая въ авторѣ проблески очень крупнаго дарованія. Вотъ начало этой прелестной элегіи, по редакціи, которую ей придалъ поэтъ около 1817 года: Первыя произведенія.

«Подруга нѣжныхъ музъ, посланница небесъ,
Источникъ сладкихъ думъ и сердцу милыхъ слезъ,
Гдѣ ты скрываешься, Мечта, моя богиня?
Гдѣ тотъ счастливый край, та мирная пустыня,

[1]) Рѣчь эта была тогда же напечатана и составляетъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость.

Къ которымъ ты стремишь таинственный полетъ?
Иль дебри любишь ты, сихъ грозныхъ скалъ хребетъ,
Гдѣ вѣтръ порывистый и бури шумъ внимаешь?
Иль въ Муромскихъ лѣсахъ задумчиво блуждаешь,
Когда на Западѣ зари мерцаетъ лучъ
И хладная луна выходитъ изъ-за тучъ?

Виньетка къ изданію сочиненій К. Н. Батюшкова 1817 г.

Или, влекомая чудеснымъ обаяньемъ,
Въ мѣста, гдѣ дышитъ все любви очарованьемъ,
Подъ тѣнью яворовъ ты бродишь по холмамъ,
Студеной пѣною Воклюза орошенныхъ?
Явись, богиня, мнѣ, и съ трепетомъ священнымъ
Коснуся я струнамъ,
Тобой одушевленнымъ!»

Увлеченія патріотизмомъ. Въ 1806 году К. Н. Батюшковъ, подобно многимъ другимъ молодымъ людямъ изъ его сверстниковъ, увлекся общимъ взрывомъ патріотическаго одушевленія и поступилъ въ ряды ополченія. 22 февраля 1807 года онъ былъ назначенъ сотеннымъ начальникомъ въ С.-Петербургскій милиціонный баталіонъ, и вскорѣ

послѣ того выступилъ въ походъ къ прусской границѣ, оповѣстивъ своего отца трогательнымъ письмомъ о своемъ рѣшеніи пожертвовать собою на защиту отечества.

Но жестокое разочарованіе ожидало юношу-поэта въ его благородныхъ стремленіяхъ. Ему пришлось быть участникомъ въ двухъ сраженіяхъ съ французами — подъ Гутштадтомъ и подъ

Виньетка къ изданію сочиненій К. Н. Батюшкова 1817 года.

Гейльсбергомъ. Въ послѣднемъ сраженіи, гдѣ главнѣйшая причина русской неудачи заключалась въ безпорядкѣ отдѣльныхъ распоряженій по снабженію войскъ—Батюшковъ былъ раненъ въ ногу на-вылетъ, и эта рана едва не стоила ему жизни, потому что и ему пришлось лежать среди того множества русскихъ раненыхъ, которыми „былъ покрытъ берегъ Нѣмана". По достовѣрному современному свидѣтельству „эти несчастные долго валялись тамъ безъ призора на сыромъ пескѣ и подъ дождемъ". Даже и тогда, когда помощь была подана имъ, положеніе поэта было ужасно: онъ „лежалъ на соломѣ, въ тѣсной лачугѣ, безъ хлѣба, безъ денегъ, въ жестокихъ мученіяхъ"—такъ сообщаетъ онъ самъ въ своихъ

болѣе чѣмъ скромныхъ воспоминаніяхъ. Его перевезли въ Ригу, гдѣ онъ нашелъ радушный пріемъ и прекрасный уходъ въ домѣ богатаго негоціанта М. Пребываніе Батюшкова въ этомъ домѣ связано съ важнымъ обстоятельствомъ его жизни: онъ горячо полюбилъ молодую дѣвушку, дочь своего хозяина, и она отвѣчала ему тѣмъ же. Эта любовь, къ сожалѣнію, не привела молодыхъ людей къ брачному союзу (вѣроятно вслѣдствіе несогласія Батюшкова-отца), но оставила глубокій слѣдъ въ душѣ поэта и отозвалась многими прекрасными строфами въ его поэзіи. Припомнимъ, напримѣръ, весьма извѣстное стихотвореніе Батюшкова— „*Выздоровленіе*".

«Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца
Склоняетъ голову и вянетъ,
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца
И думалъ: «Парки часъ настанетъ».
Ужъ очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужъ сердце медленнѣе билось...
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о, жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сотни милыхъ словъ
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.
Ты снова жизнь даешь; она—твой даръ благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мнѣ сладокъ будетъ часъ и муки роковой:
Я отъ любви теперь увяну».

Батюшковъ въ Финляндіи.

Неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ и побужденіямъ, Батюшковъ, и по выздоровленіи отъ раны, рѣшился продолжать военную службу. Переведенный въ гвардейскій Егерскій полкъ, онъ съ этимъ полкомъ принималъ участіе (въ 1808 и 1809 г.) въ войнѣ противъ Швеціи, и совершилъ славный зимній походъ на Аландскіе острова, по льдамъ Ботническаго залива. Скуку продолжительныхъ стоянокъ въ глухихъ городкахъ Финляндіи нашъ поэтъ умѣлъ прогонять по-своему: онъ углублялся въ чтеніе Тасса и Петрарки, сочиненія которыхъ, по настоятельной просьбѣ Батюшкова, были ему высланы Оленинымъ. Нельзя, однакоже, не замѣтить, что мрачная и угрюмая природа Финляндіи, соотвѣтствовавшая преобладающему настроенію поэта, произвела на него довольно сильное впечатлѣніе, которое выразилось отчасти

въ „Отрывкѣ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи" и затѣмъ во многихъ позднѣйшихъ его произведеніяхъ.

По окончаніи финляндской кампаніи, Батюшковъ уѣхалъ въ отпускъ [1]) въ деревню—с. Хантоново (Череповскаго уѣзда, Новгородской губ.), доставшееся ему отъ матери. Но жизнь въ деревнѣ, занятія хозяйствомъ и уединеніе захолустной глуши, обставленное самой неказистой прозой жизни — были ему не по нутру. Отъ этой прозы онъ отвлекался чтеніемъ Горація и Тибулла, Вольтера и Парни, котораго особенно любилъ: переводилъ частями и отрывками „Освобожденный Іерусалимъ" Тасса и забавлялся, осмѣивая бездарныхъ писателей Шишковской школы въ шуточномъ стихотвореніи, которому далъ названіе: „*Видѣніе на берегахъ Леты*".

Зиму 1809 года Батюшковъ провелъ въ Москвѣ, куда его вызвала поселившаяся тамъ Е. Ѳ. Муравьева, покинувшая Петербургъ по кончинѣ мужа. Въ Москвѣ Батюшковъ встрѣтилъ своего закадычнаго друга и товарища по службѣ И. А. Петина, которому онъ посвятилъ такъ много горячихъ, глубоко-прочувствованныхъ строфъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Здѣсь же пріобрѣлъ онъ много новыхъ знакомствъ, преимущественно въ кружкѣ Карамзина, къ которому тяготѣлъ по своимъ литературнымъ воззрѣніямъ: тамъ познакомился онъ съ Михаиломъ Трофимовичемъ Каченовскимъ, В. Л. Пушкинымъ и вошелъ въ тѣсныя дружескія отношенія съ Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ. Во время пребыванія своего въ Москвѣ, онъ напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы" свое стихотвореніе „*Воспоминанія*" (1807 года), а потомъ (въ теченіе 1809—1810 гг.)—цѣлый рядъ прелестныхъ, хотя и вольныхъ переводовъ и подражаній изъ Парни, Тибулла, Касти и Петрарки, которыми Батюшковъ сразу завоевалъ себѣ почетное и видное мѣсто въ современной нашей поэзіи, рядомъ съ Жуковскимъ. Слѣдующіе два года прошли въ переѣздахъ изъ деревни то въ Москву, то въ Петербургъ, и въ колебаніяхъ относительно выбора той или другой служебной карьеры, такъ какъ матерьяльныя средства Батюшкова были весьма ограниченны. Наконецъ, въ началѣ 1812 г., Батюшковъ нашелъ службу по себѣ: А. А. Оленинъ опредѣлилъ его помощникомъ хранителя рукописей въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ, въ числѣ сослуживцевъ своихъ, онъ встрѣтилъ И. А. Крылова, Гнѣдича и С. С. Уварова. Кромѣ того, во время этого своего пребыванія въ Петербургѣ, Батюшковъ познакомился съ И. И. Дмитріевымъ (тогда уже министромъ Юстиціи) и молодыми приверженцами Карамзинской школы: Д. Н. Блудовымъ и Д. В. Дашковымъ.

Новыя связи.

[1]) Вскорѣ послѣ того онъ вышелъ въ отставку.

Опять война.

Но наступившая гроза Отечественной войны еще разъ оторвала его отъ этой легкой и пріятной службы и выбила изъ обыденной колеи. Сначала, при наступленіи французовъ на Москву, Батюшковъ весь отдался заботамъ о Е. Ѳ. Муравьевой, которую перевезъ въ Нижній Новгородъ, и оставался при ней до начала 1813 года. Но, освободившись отъ этихъ заботъ, онъ опять-таки поддался патріотическому одушевленію, охватившему всю Россію

Виньетка къ изданію сочиненій К. Н. Батюшкова 1817 года.

въ это время — поступилъ въ военную службу и нагналъ дѣйствующую армію уже въ Дрезденѣ. Здѣсь онъ былъ зачисленъ въ штабъ извѣстнаго героя, генерала Н. Н. Раевскаго, и, въ теченіе 1813 и 1814 гг., неоднократно, вмѣстѣ съ нимъ, принималъ участіе въ бояхъ. Особенно тягостное и горестное впечатлѣніе вынесъ онъ изъ Лейпцигской битвы — этой „битвы народовъ“,—въ которой палъ его ближайшій другъ, полковникъ Петинъ. Воспоминанію о немъ посвящена Батюшковымъ одна изъ лучшихъ его элегій—„*Тѣнь друга*“.

Любопытно, однакоже, что и во время этой шумной и тре-

вожной военной жизни, въ которой Батюшковъ находилъ много своеобразной прелести мы опять застаемъ Батюшкова за книгами, которымъ онъ посвящаетъ каждую минуту досуга. „Знаешь ли новую страсть мою нѣмецкій языкъ? — такъ пишетъ онъ изъ Веймара сестрѣ своей въ Вологодскую губернію.—Я нынѣ, живучи въ Германіи, выучился говорить по-нѣмецки и читаю все нѣмецкія книги. Не удивляйтесь тому: Веймаръ есть отчизна Гёте, сочинителя „Вертера", славнаго Шиллера и Виланда".

Вмѣстѣ съ побѣдоносною русскою арміею Батюшковъ вступилъ въ Парижъ и пробылъ тамъ довольно долго. Историческій моментъ, переживаемый въ ту пору Россіею, былъ однимъ изъ рѣдкихъ тріумфовъ, и потому неудивительно, что и Батюшковъ, вмѣстѣ со многими другими своими современниками, совсѣмъ потерялъ голову въ чаду патріотическаго одушевленія и восторга. Памятниками подобнаго настроенія остаются его стихотворенія: „Плѣнный" и „Переходъ черезъ Рейнъ". Одинъ изъ друзей Батюшкова, князь П. А. Вяземскій, сообщаетъ намъ весьма любопытную и знаменательную біографическую подробность, относящуюся также ко времени пребыванія Батюшкова въ Парижѣ. Въ Парижѣ онъ написалъ „прекрасное четверостишіе, въ которомъ, обращаясь къ Императору Александру, говорилъ, что послѣ окончанія славной войны за освобожденіе Европы, онъ призванъ Провидѣніемъ довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе освобожденіемъ русскаго народа" [1]). Къ сожалѣнію, это четверостишіе не сохранилось; а между тѣмъ оно давало полную возможность заглянуть въ тайникъ прекрасной души поэта и могло бы служить ключомъ въ разгадкѣ того недовольства, которое охватило Батюшкова, когда онъ, послѣ парижскаго тріумфа, переступилъ русскую границу и очутился среди современной, весьма неказистой, русской дѣйствительности [2]). Батюшковъ въ Парижѣ.

Тягостно было — послѣ долгаго пребыванія въ Европѣ, во На родинѣ.

---

[1]) Подъ «освобожденіемъ Россіи» здѣсь слѣдуетъ, конечно, разумѣть «освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости».

[2]) Это чувство выразилъ онъ въ стихотвореніи: «*Судьба Одиссея*»:

«Средь ужасовъ земли и ужаса морей,
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Итаки
Богобоязненный страдалецъ Одиссей;
Стопой безтрепетной сходилъ Аида въ мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стонъ
Не потрясли души высокой.
Казалось, побѣдилъ терпѣньемъ рокъ жестокій;
И чашу горести до капли выпилъ онъ;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо соннаго домчали
До милыхъ родины давно желанныхъ скалъ;
Проснулся онъ: и что жъ? отчизны не позналъ».

время котораго русскіе люди невольно впитывали въ себя идеи и воззрѣнія Запада и привыкали къ строгой законности и къ уваженію личности — вернуться къ русскимъ порядкамъ, среди которыхъ отдѣльная личность не имѣла никакого значенія, законность ничѣмъ не уважалась и рѣшителемъ общественныхъ судебъ являлся всемогущій Аракчеевъ. Это тягостное первое впечатлѣніе, произведенное Россіей, выразилось у Батюшкова томительною скукой, отъ которой онъ рѣшительно не зналъ, куда дѣваться. Описавъ свои странствованья по Европѣ въ письмѣ къ одному изъ друзей своихъ, Батюшковъ добавляетъ:

...„Вотъ моя Одиссея! По-истинѣ Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровымъ воинамъ, разсѣяннымъ по лицу земному. Каждаго гонитъ какой-нибудь мститель-богъ... а меня—скука. Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно, въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось мнѣ мучителемъ. Я вижу его безполезность для общества и для себя. Что въ немъ, мой милый другъ? И чѣмъ замѣню утраченное время?... Скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ? Я оставляю службу по многимъ важнымъ для меня причинамъ и не останусь въ Петербургѣ. Къ гражданской службѣ я не способенъ. Плутархъ не стыдился считать кирпичи въ маленькой Херонеѣ: я не Плутархъ, къ несчастью, и не имѣю довольно философіи, чтобы заняться бездѣлками“...

Невзгоды и волненія.

Именно въ это время тяжелаго душевнаго настроенія, Батюшкову пришлось испытать ударъ, отъ котораго онъ долго не могъ оправиться: онъ полюбилъ молодую дѣвушку—и полюбилъ серьезно, глубоко — и не встрѣтилъ въ ней взаимности... Долго не могъ онъ забыть о ней—долго носилъ въ душѣ своей ея привлекательный образъ и посвятилъ ей много прекрасныхъ, глубоко-прочувствованныхъ и горячихъ строфъ. Къ ней относятся стихотворенія: „*Таврида*“, „*Разлука*“, „*Пробужденіе*“, еще „*Воспоминаніе*“ („Я чувствую, мой даръ въ поэзіи погасъ“) и прелестная пьеса „*Мой геній*“, начинающаяся строками:

«О, память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной».

Всѣ эти стихотворенія даже и въ настоящее время принадлежатъ еще къ лучшимъ перламъ русской поэзіи!

Такъ какъ отставку Батюшкову долго не давали, ему пришлось покинуть Петербургъ и удалиться въ Каменецъ-Подольскъ, къ мѣсту, гдѣ былъ расположенъ штабъ его полка. Здѣсь, среди разныхъ хлопотъ и непріятностей, онъ до такой степени проникся какою-то особенною мнительностью и недовѣріемъ къ самому себѣ

и своему таланту, что даже рѣшился добровольно отказаться отъ того счастья, которое такъ долго носилъ въ своемъ сердцѣ [1]). Онъ пишетъ по этому поводу Е. Ѳ. Муравьевой прекрасное письмо (отъ августа 1815 г.), въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражается его чистая душа и благородный характеръ.

.....Важнѣйшее препятствіе — пишетъ Батюшковъ — въ томъ, что мнѣ всего дороже. Я не стою ея, не могу сдѣлать ее счастливою съ моимъ характеромъ и съ маленькимъ состояніемъ. Это такая истина, которую ни вы, ни что на свѣтѣ не побѣдитъ, конечно... Кто любитъ, тотъ гордъ. Что касается до службы, до выгодъ ея, то Богъ съ ними и съ ней. Для чего буду я теперь искать чиновъ и денегъ, которые меня не сдѣлаютъ счастливымъ? А искать чины и деньги для жены, которую любишь? Начать жить подъ одною кровлею въ нищетѣ, безъ надежды—нѣтъ, не соглашусь на это, и согласился бы, если бы я только на себѣ основалъ свои наслажденія. Жертвовать собою позволено; жертвовать другими — могутъ одни злыя сердца. Оставимъ это на произволъ судьбы. Жизнь—не вѣчность, къ счастію нашему, и терпѣнію есть конецъ".

Въ апрѣлѣ 1816 г. Батюшковъ получилъ, наконецъ, отставку и весь этотъ годъ, до конца, прожилъ въ Москвѣ очень скромно и уединенно, занимаясь литературой съ большимъ рвеніемъ. Къ этой уединенной и скромной жизни, главнымъ образомъ, его вынуждало весьма плохое состояніе его здоровья, которое уже начинало вызывать серьезныя опасенія. А между тѣмъ, именно въ это время, его поэтическій даръ достигъ полнаго развитія, и онъ создалъ здѣсь лучшія свои произведенія: къ 1816 и 1817 гг. относятся, между прочимъ, его прекрасныя стихотворенія „*Пѣснь Гаральда Смѣлаго*", „*Гезіодъ и Омиръ — соперники*" и „*Умирающій Тассъ*". Къ этимъ же годамъ относится и высоко-поэтическое посланіе „Къ другу", заключительныя строфы котораго живо рисуютъ намъ душевное состояніе, незадолго передъ тѣмъ пережитое поэтомъ: Расцвѣтъ таланта.

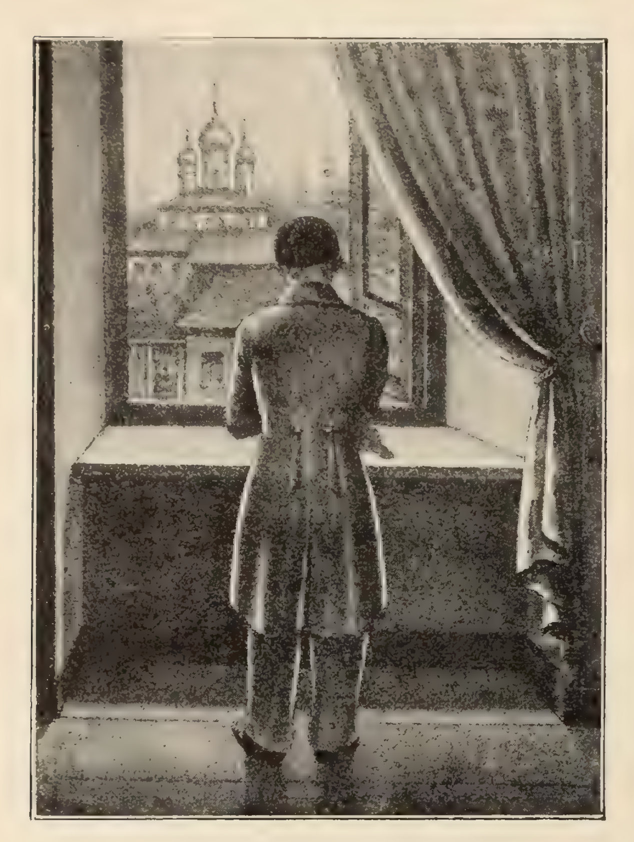
«Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ:
Всѣ жизни прелести затмились,
Мой геній въ горести свѣтильникъ погашалъ,
И музы свѣтлыя сокрылись.
Я съ страхомъ вопросилъ гласъ совѣсти моей...
И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды,
И вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую надежды.

---

[1]) Повидимому, та дѣвушка, которая не отвѣчала ему взаимностью на любовь, нѣсколько времени спустя, одумалась, и собиралась за него выйти замужъ.

Ко гробу путь мой весь, какъ солнцемъ, озаренъ,
Ногой надежною ступаю
И, съ ризы странника свергая прахъ и тлѣнъ,
Въ міръ лучшій духомъ возлетаю».

Въ его произведеніи „Умирающій Тассъ“, исполненномъ искренняго чувства, его біографы также видятъ прямое отношеніе къ внутренней жизни самого поэта, который любилъ сравнивать свою незавидную долю съ печальными условіями жизни несчастнаго итальянскаго поэта, точно также преслѣдуемаго какимъ-то злымъ рокомъ... Въ душѣ Батюшкова тоже, около этого времени, должна была происходить тяжелая борьба между сознаніемъ его поэтическаго достоинства и ничтожествомъ его общественнаго положенія, такъ какъ онъ, не будучи ни крупнымъ чиновникомъ, ни богатымъ человѣкомъ, ни сановникомъ, въ ту пору не могъ имѣть никакого значенія въ обществѣ; а скромный санъ поэта, хотя бы и высоко-талантливаго, не давалъ ему никакихъ правъ, никакого голоса... Литературныя занятія были утѣхою, даже самообольщеніемъ, до нѣкоторой степени—украсою жизни, и только; но никакого существеннаго значенія они въ современномъ обществѣ не имѣли и имѣть не могли, тѣмъ болѣе, что въ то время никому еще и въ голову не приходила возможность смотрѣть на литературныя произведенія, какъ на цѣнность, а на дѣятельность литературную, какъ на статью дохода. И хотя, еще передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ деревню, Батюшковъ получилъ отъ своего пріятеля Гнѣдича предложеніе издать собраніе его стихотвореній, но и это изданіе не обѣщало ему принести никакихъ выгодъ [1]).

К. Н. Батюшковъ, въ старости.

[1]) Далѣе увидимъ мы, что и Пушкину первыя изданія его стихотвореній приносили сущіе пустяки.

Желая, однакоже, увидѣть свои сочиненія напечатанными, Батюшковъ, въ деревенскомъ уединеніи, занялся составленіемъ сборника ихъ, который вышелъ въ свѣтъ какъ разъ къ тому времени, когда самъ Батюшковъ вернулся изъ деревни въ Петербургъ, т. е. осенью 1817 г. Сборникъ былъ озаглавленъ такъ: „Опыты въ стихахъ и прозѣ Константина Батюшкова"—заглавіе слишкомъ скромное по достоинству помѣщенныхъ въ немъ произведеній, такъ какъ многія изъ нихъ были уже мастерскими и нимало не подходили подъ наименованіе „опытовъ". Но авторское самолюбіе Батюшкова было, конечно, удовлетворено, и его извѣстность въ обществѣ возросла значительно, хотя и нельзя не упомянуть, что уже всѣ современные поэты невольно и съ недоумѣніемъ обращали взоры на геніальнаго юношу-Пушкина, который быстро и смѣло шелъ по пути къ славѣ и, не достигнувъ еще двадцатилѣтняго возраста, уже готовъ былъ занять одно изъ первенствующихъ мѣстъ на нашемъ русскомъ Парнассѣ. Первое собраніе сочиненій.

Могила Батюшкова на кладбищѣ Спасо-Прилуцкаго монастыря, близъ Вологды.

Батюшковъ былъ однимъ изъ первыхъ, оцѣнившихъ Пушкина по достоинству, одинъ изъ первыхъ предсказывалъ ему блестящую и славную будущность. Съ Пушкинымъ же онъ сошелся въ томъ полушутливомъ, полусерьезномъ литературномъ кружкѣ, который носилъ курьезное названіе „*Арзамаса*" и вмѣщалъ въ себѣ всѣ молодыя и лучшія силы современной русской поэзіи и литературы [1]). Батюшковъ былъ введенъ въ этотъ кружокъ своими друзьями—Жуковскимъ, братьями Тургеневыми, Блудовымъ, Уваровымъ и Дашковымъ—которые всѣ уже давно были членами Батюшковъ и арзамасцы.

[1]) Объ этомъ кружкѣ въ одной изъ послѣдующихъ главъ намъ еще придется говорить подробно.

Арзамаса и зимою 1817 г. всѣ оказались въ сборѣ, въ Петербургѣ. Батюшковъ, подъ вымышленнымъ прозвищемъ „*Ахилла*", былъ также зачисленъ въ члены Арзамаса еще съ 1815 г.; но только теперь могъ принять живое и дѣятельное участіе въ его шуткахъ и забавахъ. Это было тѣмъ болѣе кстати, что *арзамасцы* въ это время готовились отъ своихъ милыхъ шутокъ и шалостей перейти къ дѣятельности положительной и серьезной: вырабатывали планъ журнала. Батюшковъ, съ величайшимъ удовольствіемъ раздѣлявшій забавы и шутки арзамасцевъ, весьма горячо отозвался на ихъ благое намѣреніе и внесъ свою лепту въ будущій журналъ: къ статьѣ Уварова „*О греческой антологіи*", приготовленной для этого органа, Батюшковъ придалъ переводъ нѣсколькихъ антологическихъ пьесъ и, надо сказать правду, что эти нѣсколько пьесъ составляютъ едва ли не лучшіе перлы среди его произведеній — до такой степени вѣрно передаютъ онѣ духъ и обаяніе своихъ классическихъ оригиналовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ для образца.

III.

Взгляни, сей кипарисъ, какъ наша степь, безплоденъ,
Но свѣжъ и зеленъ онъ всегда.
Не можешь, гражданинъ, какъ пальма, дать плода?
Такъ буди съ кипарисомъ сходенъ:
Какъ онъ уединенъ, осанистъ и свободенъ.

IV.

Когда въ страданіи дѣвица отойдетъ,
И трупъ синѣющій остынетъ,
Напрасно на него любовь и амбру льетъ
И облакомъ цвѣтовъ окинетъ:
Блѣдна, какъ лилія въ лазури васильковъ,
Какъ восковое изваянье.
Нѣтъ радости въ цвѣтахъ для вянущихъ перстовъ
И суетны благоуханья.

VI.

Ты хочешь меду, сынъ,—такъ жала не страшись!
Вѣнца побѣды — смѣло къ бою!
Ты перловъ жаждешь—такъ спустись,
На дно, гдѣ крокодилъ зіяетъ подъ водою.
Не бойся: Богъ рѣшитъ. Лишь смѣлымъ Онъ отецъ,
Лишь смѣлымъ перлы, медъ иль гибель... иль вѣнецъ.

Арзамасскій журналъ не состоялся; мысль объ изданіи его осталась однимъ добрымъ намѣреніемъ; но статья Уварова, съ стихотворными вставками Батюшкова, не пропала безслѣдно: она была издана въ 1820 году отдѣльной книжкой, причемъ подъ статьею выставлены были начальные слоги прозвищъ, подъ ко-

торыми Уваровъ и Батюшковъ были извѣстны въ *Арзамасѣ*. Зима 1817—1818 года была, собственно говоря, послѣднею зимою, которую поэту суждено было пріятно и весело провести среди людей ему дорогихъ и близкихъ. Въ послѣдній разъ пришлось и его друзьямъ, изъ литературнаго міра, видѣть поэта здоровымъ и способнымъ наслаждаться жизнью и поэзіей. Смерть отца отвлекла Батюшкова отъ столичной жизни и арзамасскихъ шалостей: ему пришлось ѣхать въ деревню, хлопотать объ устройствѣ дѣлъ своихъ, и этими продолжительными хлопотами онъ окончательно надломилъ свое и безъ того уже слабое здоровье. Онъ сталъ мраченъ; недовольство собою и всѣмъ, что́ его окружало, стало его томить и мучить. Слѣдствіемъ этого страннаго и постояннаго направленія мысли явилось какое-то тревожное состояніе духа, при которомъ Батюшковъ чего-то искалъ и добивался — и самъ не могъ себѣ ни опредѣлить, ни уяснить цѣли своихъ стремленій. Всѣ помыслы его, однакоже, сосредоточились на заботахъ о поправленіи его сильно потрясеннаго здоровья. Съ этою цѣлью онъ рѣшился даже хлопотать, черезъ А. И. Тургенева, объ особаго рода службѣ при одной изъ нашихъ миссій въ Южной Европѣ, ожидая, что эта служба дастъ ему возможность поддержать свои слабѣющія силы пребываніемъ въ лучшихъ климатическихъ условіяхъ. Но ему и тутъ казалось, что его хлопоты не достаточно скоро увѣнчаются успѣхомъ, и онъ не вытерпѣлъ: поспѣшилъ уѣхать на югъ Россіи, гдѣ собирался купаться и отъ купанья ожидалъ облегченія своего недуга. Онъ остался доволенъ впечатлѣніями своей поѣздки и пребываніемъ въ Одессѣ, которое возбудило и оживило въ немъ классическія воспоминанія. Но купанье никакой пользы ему не принесло; да онъ и не успѣлъ закончить его, такъ какъ на Югъ Россіи къ нему пришло письмо отъ А. И. Тургенева, извѣщавшее о назначеніи на службу при нашей миссіи, пребывающей въ Неаполѣ.

Въ ноябрѣ 1818 года, Батюшковъ, наконецъ, уѣхалъ въ Италію, но въ самомъ мрачномъ настроеніи: Батюшковъ въ Италіи.

„Я знаю Италію, не побывавъ въ ней,—пишетъ онъ А. И. Тургеневу незадолго до отъѣзда изъ Россіи.—Тамъ не найду я счастья: его нигдѣ нѣтъ. Увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ... Но первое условіе — жить; а здѣсь холодно и я умираю ежедневно. Вотъ почему желалъ Италіи и желаю. Умереть на батареѣ—прекрасно; но, въ 30 лѣтъ, умереть въ постели—ужасно...“

Несчастный поэтъ тогда еще не предвидѣлъ, что въ близкомъ будущемъ его ожидаетъ нѣчто гораздо болѣе ужасное...

1821 годъ Батюшковъ провелъ отчасти въ Неаполѣ, отчасти въ Римѣ и на глазахъ у всѣхъ слабѣлъ и таялъ отъ какого-то

тяжкаго душевнаго недуга. Онъ совсѣмъ забросилъ поэзію — тосковалъ по родинѣ, по милымъ и близкимъ людямъ, тревожился неполученіемъ извѣстій... Уже въ апрѣлѣ 1821 года стали обнаруживаться весьма ясные признаки наступающаго умопомраченія. Никто, однакоже, не хотѣлъ вѣрить въ возможность этого ужаснаго исхода. Но врачи указывали на наслѣдственное предрасположеніе и на преобладаніе воображенія надъ всѣми остальными способностями поэта—какъ на поводы къ роковому исходу. Жуковскій, осенью 1821 года, часто видѣлся съ Батюшковымъ въ Дрезденѣ и не замѣтилъ уже овладѣвавшаго имъ недуга; онъ видѣлъ въ его удрученномъ состояніи духа не болѣе какъ хандру, и даже пытался его ободрить, возбудить къ дѣятельности... Онъ даже успѣлъ записать со словъ Батюшкова „Изреченіе Мельхиседека“, — это послѣднее стихотвореніе, въ которомъ такъ ярко отразилось отчаянно-мрачное настроеніе, всецѣло овладѣвшее душою поэта [1]).

Тяжкій недугь.

Изъ Дрездена Батюшковъ вернулся въ Петербургъ, уѣхалъ на зиму въ Крымъ и здѣсь уже его недугъ проявился во всей своей силѣ. Его съ трудомъ привезли обратно въ Петербургъ, и принялись лѣчить, не жалѣя ни заботъ, ни средствъ. Но всѣ усилія родныхъ и близкихъ людей не привели ни къ чему: дальнѣйшая жизнь Батюшкова обратилась въ одинъ нескончаемый скорбный листъ.

Одинъ изъ друзей его, князь П. А. Вяземскій, посѣтилъ его въ это послѣднее пребываніе въ Петербургѣ и засталъ въ довольно свѣтлую минуту. Желая сказать ему что-нибудь пріятное, онъ спросилъ между прочимъ: „не написалъ ли онъ чего новаго?“

— „Что писать мнѣ, и что говорить о стихахъ моихъ—съ горечью отвѣчалъ Батюшковъ.—Я похожъ на человѣка, который не дошелъ до цѣли своей, а несъ на головѣ красивый сосудъ, чѣмъ-то наполненный. Сосудъ сорвался съ головы, упалъ и разбился въ дребезги. Поди, узнай теперь, что́ въ немъ было?“

Нѣсколько лѣтъ сряду Батюшкова возили по разнымъ курортамъ и лѣчебницамъ; но, наконецъ, выяснилось, что болѣзнь его неизлѣчима, и тогда его перевезли сначала въ Москву, а оттуда, въ 1833 г., въ Вологду, въ семью одного изъ его родственниковъ. Тамъ несчастный поэтъ прожилъ еще 22 года, и не приходилъ

[1]) Вотъ это стихотвореніе:

«Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва-ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ—исчезъ.»

Ех. сі. Impromptu!

О ты, который средь обѣдовъ,
Среди веселій и забавъ
Сберегъ для дружбы кроткій нравъ,
Для дѣлъ — характеръ честный дѣдовъ,
О ты, который при дворѣ,
Въ саду утѣховъ или щастья,
Найти умѣлъ въ одномъ добрѣ
Души прямое сладострастье;
О ты, который съ похоронъ
На свадьбы часто поспѣваешь;
Но бѣднаго [illegible] стонъ
Ушей не затыкаешь:
Услышь мой вѣрный доброхотъ
Поэта скромнаго моленье:
Доставь крупицу отъ щедротъ
Сироткамъ двумъ на прокормленье!
Замолви слова два за нихъ
Краснорѣчивыми устами:
Лишь дайте имъ! промолви — вмигъ
Онѣ очутятся съ рублями.
Но кто онѣ? скажу тебѣ въ точь
Всю повѣсть ихъ передъ тобою:
Онѣ: вдова и дочь.
Чета забытая судьбою!

Жилъ нѣкто въ мірѣ семъ Поповъ,
Царя усердный воинъ.
Былъ бѣденъ. Умеръ. Отъ долговъ
Онъ слѣдственно спокоенъ.
Но въ мірѣ онъ забылъ жену
Съ груднымъ ребенкомъ. И одну
Суму оставилъ имъ въ наслѣдство...
Но здѣсь не все для бѣдныхъ бѣдство!
Имъ добры люди помогли:
Согрѣли, накормили
И словомъ, какъ могли
Сиротокъ пріютили.
Прекрасно! славно! спору нѣтъ!
Но... здѣшній свѣтъ
Не рай. Мнѣ сказывалъ мой дѣдъ.
Враги нахлынули рѣкою.
Съ землей сравнялася Москва.
И бѣдная вдова
Опять пошла съ клюкою
А между тѣмъ все дочь растетъ
И нужды съ ней подрастаютъ
День за день все идетъ, идетъ.
Недѣли, мѣсяцы мелькаютъ,

Автографъ Батюшкова. Прошеніе въ стихахъ. Хранится въ собраніи рукописей П. Я. Дашкова.

Старушка клонится: а дочь
Пышнѣе розы расцвѣтаетъ,
И стала... Грація точь въ точь:
Прелестный взоръ, глаза большія,
Румянецъ Флоры на щекахъ;
И кудри льняно-золотыя
На алебастровыхъ плечахъ.
Что слово молвитъ — то пріятство!
Что ни надѣнетъ — все къ лицу!
Краса (увы!) ея богатство
И все приданое къ вѣнцу!
А крохи нѣтъ насущной хлѣба!!!

Примѣчаніе: За этимъ, въ заключеніе, слѣдуетъ та приписка, которая приведена нами на стр. 497-й.

Вдова Попова урожденная Молчанова, подала прошеніе въ сословіи Призрѣнія Раз-
зоренныхъ непріятелемъ (чрезъ К. С. Н. Голицына. 27 апрѣля. 1816 —) сыскайте его
письмо для нее — вы поторопи..

Замолвите слово у моего Медема, и если можно, попроси Трощинскаго.

Москва
Октября 14.
1816

Не могу болѣе писать прозой. Обнимаю брата
К. Батюшковъ

При семъ прилагаю о Поповой записку по мнѣ. Анна Львовна ..., чтобъ вас раздражать. В. Л. живъ. Враги его распустили было слухъ о преждевременной его кончинѣ, и мы уже готовились оплакать свою ... Но онъ явился подобно солнцу, рассѣявшему черныя тучи — и поѣхалъ обѣдать въ клубъ, на дрожкахъ. Всѣ ахнули. Живой мертвецъ кушалъ по старому и заплатилъ за обѣдъ 3 — 70 копѣекъ, съ обыкновенною щедростью

Автографъ К. Н. Батюшкова. Приписка къ стихотворенію «Impromptu».
Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

уже въ себя. Онъ скончался 7 іюля 1855 года и погребенъ на кладбищѣ Спасо-Прилуцкаго монастыря (въ 5 верстахъ отъ города).

Новѣйшій біографъ Батюшкова, покойный академикъ Л. Н. Майковъ, глубоко изучившій и факты жизни, и переписку, и творенія Батюшкова, даетъ въ своей книгѣ о немъ слѣдующую прекрасную характеристику его, какъ поэта, въ томъ среднемъ положеніи, которое онъ занимаетъ между Жуковскимъ и Пушкинымъ.

Значеніе Батюшкова.

„Батюшковъ былъ ближайшимъ предшественникомъ Пушкина въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Совершенство Пушкинскаго стиха (и по личному признанію Пушкина) было подготовлено мастерскимъ стихомъ Батюшкова. Скажемъ болѣе (не равняя дарованія обоихъ поэтовъ): нельзя не признать нѣкоторыхъ общихъ чертъ въ характерѣ ихъ творчества. И если справедливо замѣчаніе критики, что „русское слово, въ лицѣ Пушкина, нашло путь къ жизни и пріобрѣло способность выражать дѣйствительность въ ея внутреннихъ источникахъ“, если справедливо, что „до Пушкина поэзія была дѣломъ школы, а послѣ него стала дѣломъ жизни, ея общественнымъ сознаніемъ“, — то не слѣдуетъ же забывать, что до Пушкина Жуковскій и Батюшковъ выходили уже на тотъ путь, по которому такъ побѣдоносно прошелъ онъ. Оба они также стремились освободить нашу поэзію отъ вліянія школы, и оба не безъ успѣха. Вспомнимъ, что нѣкоторые мотивы поэзіи Жуковскаго—его романтическій идеализмъ—увлекали читателей довольно долго, даже и въ Пушкинскій періодъ. Но Жуковскій въ своемъ творчествѣ былъ менѣе самостоятеленъ, чѣмъ Батюшковъ: міросозерцаніе Жуковскаго, очень рано сложившееся, очень опредѣленное въ своемъ содержаніи, слишкомъ отзывалось своимъ происхожденіемъ съ чужой почвы. У Батюшкова нѣтъ такой цѣльности міросозданія: въ немъ, въ извѣстную пору, виденъ крутой поворотъ поэтической мысли; но самое это развитіе свидѣтельствуетъ о большой самобытности и большой силѣ его таланта. Батюшковъ, какъ позже Пушкинъ, стремился найти основу для своего творчества въ дѣйствительности, въ непосредственномъ кругѣ своихъ впечатлѣній. Свойство его таланта было исключительно лирическое, и въ этомъ заключается и слабость его, и сила: слабость—потому что лирическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности не исчерпывается возсозданіе жизни въ поэзіи; сила — потому что въ сферѣ лирики онъ сумѣлъ коснуться самыхъ глубокихъ, самыхъ чувствительныхъ струнъ сердца. Сила его таланта сказалась и въ его объективности: поэтъ, раскрывавшій намъ тайну своего разочарованія въ элегіяхъ 1815 г. и въ „Умирающемъ Тассѣ“, могъ въ то же время проникнуться свѣтлымъ міросозерцаніемъ древности и написать „Вакханку“ и подражанія греческой антологіи“.

Тотъ же біографъ вполнѣ спокойно и серьезно останавливается на разборѣ укоровъ, обращенныхъ къ Батюшкову въ „недостаткѣ народности". Правда, его поэзія витаетъ и паритъ постоянно въ такихъ сферахъ, которыя ничего не имѣютъ общаго „съ русскою обыденною дѣйствительностью, съ русскою народною жизнью..." „Зато непосредственное хранилище народности, русскій языкъ, является въ его рукахъ послушнымъ уже орудіемъ: искусство владѣть имъ никому изъ современниковъ, кромѣ Крылова, не было доступно въ такой мѣрѣ, какъ Батюшкову..."

Добавимъ отъ себя, что Батюшковъ, какъ поэтъ—представляется намъ, во всей исторіи нашей поэзіи до Пушкина, явленіемъ исключительнымъ. Изъ всего запаса оставленныхъ имъ произведеній нельзя указать ни одного, которое бы имѣло характеръ заказного, офиціальнаго или созданнаго подъ какимъ бы то ни было впечатлѣніемъ, неимѣющимъ ничего общаго съ поэтическимъ вдохновеніемъ. Патріотъ въ душѣ, тяжкою службою и самопожертвованіемъ своимъ доказавшій любовь къ отчизнѣ, онъ не посвятилъ ни одного своего стихотворенія патріотическимъ мотивамъ и банальнымъ возгласамъ о славѣ русскаго оружія; онъ не воспѣвалъ ни одного героя, и въ минуты величайшихъ увлеченій „бряцаніемъ оружія и русской славой" нашелъ возможность вспомнить о тѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ", которые на другомъ концѣ Европы, освобожденной Александромъ, томились въ тяжкой крѣпостной зависимости. Вообще говоря, въ поэзіи Батюшкова нѣтъ ни одной фальшивой нотки, ни одной напыщенной фразы, ни одного образа, который бы не былъ сознательно созданъ и прочувствованъ поэтомъ. Поэзія Батюшкова не богата пестротою и разнообразіемъ содержанія, не отличается глубиною мысли и часто скользитъ по поверхности, передавая только чисто-внѣшнія, хотя и живыя, и яркія впечатлѣнія; но поэзія Батюшкова искренна и правдива.

Гербъ Батюшковыхъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Борьба въ области языка, вызванная литературною дѣятельностью Карамзина.— Ярый противникъ и критикъ его реформъ — А. С. Шишковъ.— Общая характеристика личности и сочиненій его.— Тѣсная связь его дѣятельности съ «Россійской Академіей» и «Бесѣдой».— Возраженія Карамзинистовъ Шишкову.— Академическая рѣчь Карамзина.— «Арзамасъ», какъ противоположность «Бесѣдѣ», и арзамасскія шалости.

Языкъ и слогъ.

Языкъ, какъ живое, непрерывно-развивающееся созданіе творческой силы народнаго духа и сознанія, наравнѣ со словесностью устной и письменной, служитъ яркимъ отраженіемъ всѣхъ переходовъ и оттѣнковъ, всѣхъ новыхъ явленій въ области его духовной дѣятельности, всѣхъ эпохъ его литературнаго и художественнаго развитія. Вотъ почему литературный языкъ и даже слогъ одной эпохи, переживаемой народомъ, такъ рѣзко отличается отъ языка и слога другой—и служитъ яркимъ отраженіемъ новыхъ, нарождающихся потребностей умственной и духовной жизни, новыхъ людей и дѣятелей, проводящихъ въ жизнь новые взгляды и новыя идеи. Въ этомъ именно смыслѣ и съ этой именно стороны языкъ литературный является иногда знаменемъ извѣстныхъ литературныхъ партій и мнѣній, знаменемъ новой эпохи, отличительнымъ признакомъ быстраго и рѣзкаго перехода отъ одной стадіи развитія, уже отживающей свой вѣкъ, къ другой, только-что вступающей въ свои права. Въ этомъ именно смыслѣ исторія нашего литературнаго языка въ XVIII вѣкѣ представляется намъ весьма поучительною и чрезвычайно любопытною. Литературный языкъ Эпохи Преобразованій, переполненный наплывомъ всевозможныхъ иноземныхъ словъ и терминовъ, угловатый и грубый, уступаетъ мѣсто логически-построенной (но чуждой лучшимъ сторонамъ нашего языка) литературной рѣчи Ломоносовскаго періода, который неестественно подраздѣляетъ нашъ литературный способъ выраженія на „высокій, средній и низкій“ слогъ, усвоиваетъ нашей литературѣ тяжелую латино-нѣмецкую конструкцію фразы и наводняетъ ее заимствованіями изъ языка церковно-славянскаго. На нѣкоторый (впрочемъ, довольно краткій) періодъ времени „стиль Ломоносовскій“ является преобладающимъ въ нашей литературѣ—и въ прозѣ, и въ поэзіи; авторитетная личность ученаго академика кладетъ свою печать на всѣ литературныя произведенія начала второй половины XVIII вѣка... Но не проходитъ и сорока лѣтъ съ кончины Ломоносова, какъ русская жизнь настолько быстро начинаетъ идти впередъ, что народившійся новый авторитетъ, въ лицѣ писателя Карамзина, уже не обинуясь, высказываетъ порицаніе Ломоносовскому стилю и называетъ его „грубымъ и варварскимъ“... Само собою разумѣется, что, выска-

зывая это порицаніе слогу Ломоносовской эпохи, Карамзинъ, мысленно, противополагалъ ему слогъ своего, новѣйшаго періода литературы, выработанный преимущественно литературою и журналистикою послѣднихъ трехъ десятилѣтій XVIII вѣка. Карамзинъ, воспитавшійся подъ вліяніемъ лучшихъ представителей этой литературы и этой журналистики, быстро выдвинулся впередъ силою своего таланта и занялъ выдающееся, первенствующее положеніе въ нашей литературѣ. Его произведеніями зачитывались, восхищались, заучивали ихъ наизусть, ставили ихъ въ образецъ, старались всѣми силами подражать имъ; около него явилась масса поклонниковъ и почитателей, образовалась цѣлая школа второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей и поэтовъ, которые, болѣе или менѣе, неудачно пытались выражать свои мысли его языкомъ и слогомъ, и, по временамъ, доводили этотъ языкъ и слогъ до чрезвычайно-забавныхъ крайностей и любопытныхъ абсурдовъ. Весьма естественно, что именно эти подражатели и вызвали сторонниковъ старой литературной школы и стараго Ломоносовскаго слога къ порицанію литературныхъ новшествъ, которыя они огуломъ относили къ Карамзину, и приписывали его зловредному вліянію на нашу словесность.

Самымъ ярымъ противникомъ Карамзина и порицателемъ языка и слога его школы явился *Александръ Семеновичъ Шишковъ*, предсѣдатель Академіи Россійской и „Бесѣды любителей Россійскаго слова“, а впослѣдствіи и министръ народнаго просвѣщенія. Воспитаніе онъ получилъ на старинный русскій ладъ, основанное преимущественно на чтеніи религіозныхъ и богослужебныхъ книгъ, писанныхъ на языкѣ церковно-славянскомъ. Къ этимъ книгамъ и къ этому языку онъ пристрастился всею душою и до конца жизни видѣлъ въ нихъ основу всѣхъ научныхъ и нравственно-религіозныхъ началъ воспитанія и образованія... Ни воспитаніе въ Морскомъ Корпусѣ, ни изученіе иностранныхъ языковъ и знакомство съ иностранными литературами не могли отвлечь Шишкова отъ его преклоненія передъ церковно-славянскимъ языкомъ, какъ главною сокровищницею красотъ нашего литературнаго языка и слога—и онъ воспиталъ свой вкусъ на сочиненіяхъ Ломоносова, Сумарокова, Державина и Хераскова. Получивъ нѣкоторую извѣстность въ литературныхъ кружкахъ своими переводами съ итальянскаго и нѣмецкаго языковъ, Шишковъ былъ избранъ въ 1797 г. въ члены Академіи Россійской и, со свойственной ему горячностью, принялся за „очищеніе русскаго языка“, составлявшее одну изъ наиболѣе существенныхъ задачъ этого важнаго ученаго учрежденія. Плодомъ этихъ трудовъ явилось въ 1803 году извѣстное „*Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка*“, въ которомъ авторъ выказалъ себя чрезвычайно

А. С. Шишковъ.

недальновиднымъ критикомъ, такъ какъ сумѣлъ связать вопросъ о литературномъ языкѣ и слогѣ съ вопросомъ о преобладаніи иноземнаго вліянія въ воспитаніи и образованіи русскаго юношества [1]). Вся книга Шишкова построена была весьма хитро и искусно для того, чтобы доказать громадныя преимущества языка и слога нашихъ старыхъ классическихъ писателей (Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и друг.) по сравненію съ „новѣйшею чепухою"... Но дѣло-то въ томъ собственно и заключалось, что сравненіе это произведено было совершенно произвольно и построено искусственно: изъ старыхъ писателей избраны были образцовыя мѣста, а изъ новѣйшей школы приняты были въ соображеніе не сочиненія самого Карамзина, неуязвимыя со стороны языка и слога, а произведенія его многочисленныхъ и бо̀льшею частью бездарныхъ подражателей и поклонниковъ его сентиментализма. При такихъ неправильныхъ условіяхъ сравненія, преимущество, на первыхъ порахъ, дѣйствительно оказывалось на сторонѣ старыхъ писателей, у которыхъ нельзя было встрѣтить такихъ изумительныхъ неточностей и несообразностей слога и такихъ безсмысленныхъ заимствованій въ видѣ отдѣльныхъ иностранныхъ словъ, какія встрѣчаемъ въ языкѣ писателей конца XVIII в. и начала XIX вѣка. Они допускали выраженія: „жени́" вмѣсто: геній, „дѣлать экзаменъ" въ смыслѣ: разсматривать, разбирать; или же выраженія: „природа искала намъ добронравствовать", вмѣсто: старалась благопріятствовать; „подпирать свое мнѣніе" въ смыслѣ: подкрѣплять его; „законъ ударяетъ на другіе предметы", вмѣсто: относится, обращаетъ вниманіе; „имена мелкія цѣны", вмѣсто: незначительныя, не имѣющія значенія; или еще: „натуральный комплиментъ", „прикосновенная чаша" и т. п.

Критика Шишкова. Приводя всѣ эти вычурныя чудачества слога и языка, Шишковъ, справедливый въ своихъ нападкахъ на всѣ подобныя злоупотребленія роднымъ словомъ, выказываетъ себя удивительно слѣпымъ въ своихъ огульныхъ осужденіяхъ всякаго рода заимствованій изъ иностранныхъ языковъ: заимствованій вполнѣ естественныхъ, заслуживающихъ полнаго одобренія и поощренія. Любопытно, что при этомъ его нападки направляются главнымъ образомъ на такія слова и выраженія, которыя впослѣдствіи пріобрѣли себѣ полнѣйшее право гражданства въ русскомъ литературномъ языкѣ и сохраняются въ немъ до настоящаго времени

[1]) По странному стеченію совершенно случайныхъ обстоятельствъ, «Разсужденіе» Шишкова именно этою стороною своею обратило на себя особенное вниманіе и завоевало себѣ всѣ симпатіи среди общества, патріотически возбужденнаго и въ это время чрезвычайно чуткаго ко всѣмъ вопросамъ національнаго характера. Самъ императоръ Александръ одобрилъ книгу Шишкова, а Россійская Академія присудила за нее золотую академическую медаль.

неизмѣнными. Такъ, напримѣръ, Шишкова возмущали такія заимствованія изъ иностранныхъ языковъ, какъ: „эпоха, гармонія, эстетическій, катастрофа" и т. д., и даже такія прекрасныя усвоенія, какъ „развитіе", какъ „переворотъ", или какъ „чувствительный", „трогательный", „утонченный", „занимательный" и т. п. Шишковъ предлагаетъ другой способъ пополненія языка новыми словами путемъ заимствованія изъ древняго, церковно-славянскаго запаса словъ; при этомъ онъ не вникаетъ именно въ ту сторону вопроса, что предлагаетъ вносить въ русскій литературный языкъ, еще нарастающій и развивающійся, слова изъ языка отжившаго и мертваго, слѣдовательно, менѣе всего способнаго удовлетворять постоянно возрастающимъ потребностямъ живого языка, непрерывно расширяющаго свой запасъ словъ внесеніемъ въ него новыхъ понятій, для которыхъ требуется подысканіе новыхъ названій. Такое странное непониманіе потребностей русскаго литературнаго языка побуждаетъ Шишкова къ тому, что онъ, рядомъ съ весьма естественными и хорошо подобранными заимствованіями изъ церковно-славянскаго (въ родѣ: баснословія, унынія, явленія, дѣйствія), предлагаетъ переводить „героизмъ"—„добледушіемъ" и замѣнить новое тогда слово „развитіе" словомъ „прозябеніе"; и рядомъ съ этимъ усердно отстаиваетъ необходимость внесенія никому непонятныхъ старыхъ и давно-забытыхъ словъ, въ родѣ: „лысто", „неищевати", „поне" и „зане" и т. д. „Разсужденіе" Шишкова, само по себѣ, было, конечно, въ ту пору явленіемъ настолько крупнымъ, что оно не могло пройти незамѣченнымъ и должно было вызвать оживленную полемику, которая крылась уже давно въ непріязни, взаимно-проявляемой обѣими противоположными литературными партіями того времени. Эта непріязнь и полнѣйшее различіе въ воззрѣніяхъ на цѣли и средства литературной дѣятельности нашли себѣ выраженіе въ возникшемъ спорѣ между ***шишковистами*** и ***карамзинистами***—спорѣ упорномъ и продолжительномъ, длившемся много лѣтъ сряду. Споръ былъ во многихъ отношеніяхъ безплоднымъ, по крайнему недостатку научной подготовки въ обѣихъ спорившихъ сторонахъ; но все же, въ концѣ концовъ, заставилъ прійти къ нѣкоторымъ выводамъ, вполнѣ осмысленнымъ и правильнымъ, по отношенію къ жизни, и постепенному росту литературнаго языка въ частности, и всякаго живого языка вообще.

Противники Шишкова.

Первыми въ защиту новѣйшаго языка и слога выступили: ***Макаровъ***, издатель „***Московскаго Меркурія***", и ***М. Т. Каченовскій*** (впослѣдствіи самъ издатель журнала и профессоръ Московскаго университета) въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ". Они оба отвѣчали Шишкову, и вполнѣ справедливо, что жизнь и непрерывное движеніе языка остановить невозможно, что пополненіе литера-

турнаго языка новыми словами—явленіе вполнѣ естественное, замѣченное еще издавна; что о современномъ состояніи языка слѣдуетъ судить не по бездарнымъ писателямъ, а по писателямъ образцовымъ и т. д. Макаровъ въ особенности нападаетъ на Шишкова за то, что онъ хочетъ дать какое-то особенное, выдаю-

Д. В. Дашковъ.

щееся, привилегированное значеніе языку книжному; онъ отстаиваетъ ту мысль, что этотъ языкъ долженъ быть языкомъ общедоступнымъ, общепонятнымъ и, защищая высказанное Карамзинымъ мнѣніе, что слѣдуетъ „писать, какъ говорить“, Макаровъ добавляетъ его мысль другимъ, естественнымъ и необходимымъ ея слѣдствіемъ: „надо и говорить, какъ пишешь“. Подъ этимъ правиломъ онъ разумѣетъ то существенное различіе, которое мы замѣчаемъ между разговорною рѣчью человѣка образованнаго и

начитаннаго, и рѣчью человѣка неграмотнаго—различіе, вызываемое именно тѣмъ, что общій уровень образованія и развитія необходимо долженъ отражаться и на способѣ выраженія мыслей.

Шишковъ не остался въ долгу у своихъ критиковъ, и тотчасъ же отвѣчалъ имъ въ обѣщанномъ „*Прибавленіи*“ къ своему „*Разсужденію*“. Каждой критикѣ своего труда онъ противопоставилъ свои примѣчанія и воззрѣнія. Въ этомъ новомъ трудѣ своемъ Шишковъ долженъ былъ вполнѣ ясно высказать свою затаенную мысль о томъ полномъ тождествѣ, которое онъ предполагалъ между языкомъ русскимъ и церковно-славянскимъ. Мало того, онъ высказалъ при этомъ совершенно ошибочную мысль о прямомъ происхожденіи русскаго языка отъ церковно-славянскаго, по отношенію къ которому русскій языкъ (по мнѣнію Шишкова) является не болѣе, какъ нарѣчіемъ. Помимо этихъ предположеній, не имѣющихъ никакой прочной научной основы, авторъ „Прибавленія“ рѣшается высказывать и такія крайнія убѣжденія, которыя даже и въ то время удивили многихъ, а въ настоящее—явились бы полнымъ абсурдомъ: по его мнѣнію, если бы изъ русскаго языка были извлечены всѣ вошедшіе въ него элементы и корни церковно-славянскаго языка, то „словесность наша оказалась бы не лучше камчадальской“. И высказавъ эти, далеко не мудрыя и несправедливыя положенія, Шишковъ, попрежнему, утверждалъ, что единственною сокровищницею для будущаго пополненія русскаго литературнаго языка можетъ и долженъ служить языкъ церковно-славянскій. Возраженія Шишкова.

Смѣлость и отчасти то упорное усердіе, съ которымъ Шишковъ отстаивалъ свои мнѣнія и воззрѣнія, совершенно лишенныя всякой научной основы, привлекали къ нему многихъ сторонниковъ, въ особенности, благодаря тому, что эти мнѣнія и воззрѣнія высказывались почтеннымъ адмираломъ въ тотъ періодъ крайнихъ патріотическихъ увлеченій, о которомъ мы уже говорили выше. И „*Сѣверный Вѣстникъ*“, и „*Журналъ Россійской Словесности*“, издаваемые Брусиловымъ, стали вторить Шишкову, который нашелъ себѣ наиболѣе сочувственный отголосокъ въ трудахъ своихъ сотоварищей по Россійской Академіи, члены которой весьма охотно и усердно предались филологическимъ изысканіямъ и словопроизводству на шишковскій ладъ, то замѣняя иностранныя слова: „тротуаръ“ и „актеръ“—„топтальникомъ“ и „лицедѣемъ“, то выводя слова отъ такихъ корней, съ которыми они не имѣли и не могли имѣть ничего общаго.

Самъ Шишковъ до такой степени увлекся нѣкоторымъ, относительнымъ успѣхомъ своей проповѣди, что, забывая о своей ненависти ко всему иноземному вообще и къ французамъ въ особенности, рѣшился даже сослаться на авторитетъ Лагарпа, пере-

ведя нѣкоторыя статьи его въ подтвержденіе своихъ мнѣній, высказанныхъ въ „Разсужденіи". Въ одной изъ этихъ статей Лагарпъ указываетъ на бѣдность французскаго языка по сравненію съ латинскимъ и этимъ объясняетъ необходимость заимствованій изъ латинскаго. Шишковъ видѣлъ въ этомъ подтвержденіе своихъ воззрѣній на заимствованія изъ церковно-славянскаго. Въ другой статьѣ, посвященной разбору украшеній, употребляемыхъ ораторами въ краснорѣчіи, Лагарпъ возстаетъ противъ авторовъ, которые, не обладая ни достаточными знаніями въ языкѣ, ни достаточнымъ умѣньемъ владѣть имъ, рѣшаются, однакоже, уклоняться отъ выработанныхъ правилъ и создавать нѣчто новое въ области литературы. Шишковъ, въ особомъ введеніи къ этой статьѣ, пользуется случаемъ, чтобы еще разъ возстать противъ неологизмовъ, вводимыхъ въ русскій литературный языкъ, порицаетъ языкъ переводчиковъ и авторовъ, вносящихъ къ намъ иноземныя слова, и предлагаетъ ихъ замѣнить измышленными имъ, изумительными по составу, словами, которыхъ нельзя читать безъ улыбки [1])

Д. В. Дашковъ. Но эти переводы Лагарповскихъ статей и въ особенности примѣчаніе къ нимъ Шишкова, послужили какъ бы поворотной точкой въ полемикѣ, завязавшейся между шишковистами и карамзинистами. Въ полемику эту вступился Д. В. Дашковъ и, въ „*Цвѣтникъ*" (журналъ, издаваемый А. Измайловымъ и П. Никольскимъ), весьма обстоятельно разобралъ всѣ мнѣнія и доводы Шишкова. Указавъ на его преувеличенія и увлеченія, онъ особенно налегъ на опроверженіе положенія о мнимой тождественности языка церковно-славянскаго и русскаго, совершенно правильно противополагая ему отношеніе, существующее между языками латинскимъ и французскимъ. Но самымъ чувствительнымъ ударомъ, который Дашковъ нанесъ Шишкову, было указаніе ошибокъ самого Шишкова противъ русскаго языка; онъ открылъ у него имъ самимъ употребляемые галлицизмы и доказалъ, что новыя слова, измышленныя Шишковымъ и его сторонниками, ничуть не болѣе понятны и не болѣе свойственны русскому языку, нежели тѣ слова, которыя различными переводчиками и авторами были цѣликомъ заимствованы изъ иностранныхъ языковъ.

Критика Дашкова, талантливая и безпристрастная, повлекла за собою рядъ статей въ журналахъ (особенно въ томъ же „Цвѣтникѣ"), которые направили свои стрѣлы не противъ самого Шишкова, а противъ тѣхъ бездарныхъ писателей старой школы, которые около него группировались, т.-е. противъ Шихматовыхъ,

---

[1]) При этомъ случаѣ Шишковъ восхищается способностью русскаго языка къ сопоставленію сложныхъ словъ и преувеличиваетъ эту способность также до смѣшныхъ крайностей.

Бобровыхъ, Кутузовыхъ, Туманскихъ и т. д.—и указали въ ихъ произведеніяхъ такія чудовищныя нелѣпости, такія уклоненія отъ всякаго смысла и знанія языка, которыя разомъ выяснили все ничтожество ихъ значенія, какъ авторовъ.

Шишковъ не рѣшился прямо выступить противъ этой критической бури, но не захотѣлъ и отказаться отъ своихъ мнѣній и воззрѣній, которымъ остался вѣренъ до конца своей жизни. Въ 1810 г. на годичномъ собраніи Россійской Академіи онъ читалъ торжественную рѣчь „о краснорѣчіи Св. Писанія и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила россійскаго языка". Въ этомъ своемъ разсужденіи, не отказываясь ни отъ одного изъ прежде высказанныхъ (и опровергнутыхъ Дашковымъ) мнѣній и воззрѣній, Шишковъ распространяется о превосходныхъ свойствахъ нашего языка и впадаетъ при этомъ въ такія странныя и даже дикія измышленія, которыя не только обличаютъ его наивное незнаніе, но даже и полную неспособность къ пріобрѣтенію знанія языка, потому что онъ хочетъ подчинить его строй своимъ собственнымъ, несуществующимъ въ языкѣ, законамъ [1]). Стремясь постоянно къ одной и той же цѣли — къ тому, чтобы доказать тождество русскаго и церковно-славянскаго языка, Шишковъ доходитъ, въ своемъ излишнемъ рвеніи, до того, что, наконецъ, теряетъ уже и всякое сознаніе основной идеи имъ же вызваннаго спора. То онъ твердитъ: „славянскій и русскій языкъ суть одно и то же", то приходитъ къ выводу такого рода: „мы не иное что подъ славянскимъ языкомъ разумѣемъ, какъ тотъ языкъ, который выше разговорнаго и которому, слѣдовательно, не можемъ иначе научиться, какъ изъ чтенія книгъ; онъ есть высокій, ученый, книжный языкъ"... И затѣмъ опять уже прямо противорѣчитъ себѣ, добавляя къ одному изъ своихъ разъясненій: „славянскій языкъ и высокій слогъ не одно и то же".

На эту путаницу противорѣчій неумолимый критикъ Шишкова, Дашковъ, отвѣчалъ опять цѣлой книжкой, которую озаглавилъ весьма остроумно: „*О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критику*". Онъ опровергъ всѣ филологическія заблужденія и ошибки Шишкова разумными и спокойными научными доводами. Шишковъ былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ; теоріи его не выдерживали никакой критики и послужили обильнымъ матерьяломъ для полемическихъ выходокъ со стороны молодой партіи журналистовъ и литераторовъ, которые не останавливались ни передъ какимъ осмѣяніемъ слабыхъ сторонъ и дикихъ крайностей Шишкова и всѣхъ шишковистовъ... Эпиграммы, каламбуры, комическія вставки

[1]) Въ подтвержденіе этого, достаточно припомнить такія словопроизводства Шишкова, какъ его утвержденія, будто—далеко, широко, глубоко, низко, высоко — произведены отъ сопоставленій словъ: даль око, близь око, низь око, высь око и т. д.

въ пьесы, игранныя на сценѣ, басни и притчи, писанныя языкомъ шишковистовъ — все это такъ и сыпалось на Шишкова и

Бесѣда. его сторонниковъ [1]). Но ярый защитникъ старины и „славянщины" прибѣгъ къ новымъ мѣрамъ и усиліямъ, чтобы поддержать то направленіе, которое ему хотѣлось провести въ литературу. Онъ учредилъ цѣлое общество—„*Бесѣду любителей русскаго слова*"—которое соединенными силами всѣхъ членовъ, призванныхъ къ участію въ немъ, должно было проводить идеи Шишкова въ литературѣ и журналистикѣ. Это мертворожденное общество сгруппировалось около маститаго „пѣвца Екатерина"—Г. Р. Державина—въ домѣ котораго происходило и самое открытіе общества (14 марта 1811 г.). Составъ общества былъ разнообразный, пестрый и странный; въ члены его попадали болѣе по отношеніямъ, нежели по сочувствію къ литературнымъ затѣямъ и планамъ Шишкова. Среди членовъ „Бесѣды" были и весьма бездарные представители литературы, не пользовавшіеся въ литературныхъ кружкахъ даже и третьестепеннымъ значеніемъ; попадались и люди вполнѣ равнодушные къ интересамъ и задачамъ „Бесѣды" и даже открыто подсмѣивавшіеся надъ ея странностями [2]); были даже и представители новаго направленія литературы, глубоко сочувствовавшіе карамзинскому литературному языку и слогу. Таковъ былъ, напримѣръ, И. И. Дмитріевъ—одинъ изъ попечителей „Бесѣды", и въ то же время наиболѣе талантливый и видный по-

Графъ А. С. Хвостовъ.

---

[1]) Въ эпоху этой безпримѣрно-ожесточенной борьбы между карамзинистами и шишковистами, длившейся около восьми лѣтъ (1803—1811 гг.), явилось впервые названіе «славянофилъ», столь прославленное впослѣдствіи.

[2]) Къ числу такихъ членовъ «Бесѣды» несомнѣнно принадлежалъ И. А. Крыловъ, осмѣявшій этотъ кружокъ въ одной изъ своихъ басенъ.

слѣдователь Карамзина и карамзинскаго направленія въ нашей литературѣ. Общество дѣлилось на отдѣлы или „разряды“, во главѣ которыхъ стояли—самъ Шишковъ, Державинъ, знаменитый своею поэтическою бездарностью графъ А. С. Хвостовъ и академикъ Захаровъ (переводчикъ, отличавшійся необычайно тяжелымъ слогомъ). Общество обладало даже собственнымъ органомъ, подъ названіемъ „*Чтеній въ бесѣдѣ любителей русскаго слова*“; органъ этотъ, въ которомъ помѣщалось все, читанное въ засѣда-

Императорская Публичная Библіотека (старое зданіе).

ніяхъ „Бесѣды“, просуществовалъ нѣсколько лѣтъ (съ 1811 по 1815 г.) и покончилъ свое существованіе естественною смертью, потому что и эти книжки, какъ самыя засѣданія „Бесѣды“, производили на всѣхъ впечатлѣніе тоскливой скуки, почти унынія... Въ этихъ книжкахъ „Чтеній“ помѣщено было (въ концѣ 1811 г.) извѣстное разсужденіе Шишкова „о любви къ отечеству“, вызванное ожиданіемъ грозы, надвигавшейся съ Запада на Россію. Въ своемъ разсужденіи Шишковъ, горячій патріотъ и глубоко-религіозный человѣкъ, говорилъ съ одушевленіемъ и паѳосомъ, который вполнѣ подходилъ къ наступавшему историческому моменту. Извѣстно, что императоръ Александръ, прочитавъ это „разсужденіе“, рѣшился остановить на Шишковѣ свой выборъ и

дать ему при себѣ мѣсто государственнаго секретаря. Въ этой должности, сближавшей подданнаго съ Монархомъ, Шишковъ и оставался при Александрѣ въ теченіе 1812 и 1813 гг. Изъ-подъ его пера вышли всѣ тѣ пламенные манифесты этого періода, которые такъ громко и внятно говорили русскому сердцу [1]).

Рѣчь Н. М. Карамзина.

Грозныя событія исторической дѣйствительности, вызванныя нашествіемъ Наполеона въ Россію, конечно, надолго пріостановили полемику, вызванную упорствомъ Шишкова и возгорѣвшуюся между представителями старой и новой литературной партіи. Отдаленнымъ отголоскомъ этой полемики была та прекрасная академическая рѣчь, которую произнесъ Карамзинъ (5 декабря 1818 г.) въ торжественномъ засѣданіи Академіи Россійской, когда былъ избранъ въ ея члены (послѣ изданія въ свѣтъ первыхъ восьми томовъ „Исторіи Государства Россійскаго"). Въ этой рѣчи, ни единымъ словомъ не упоминая о минувшей борьбѣ и всѣхъ направленныхъ противъ него осужденіяхъ и порицаніяхъ, Карамзинъ высказываетъ, однакоже, свои воззрѣнія на жизненность и неизбѣжную постепенность развитія языка, и опредѣляетъ отношеніе къ нему Академіи и ея членовъ. Онъ указываетъ на то, что главною заботою Академіи должно быть пополненіе и исправленіе издаваемыхъ ею словарей и грамматикъ, и при этомъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что эти пополненія и исправленія вызываются „естественнымъ безпрестаннымъ движеніемъ живого слова къ дальнѣйшему совершенству,—движеніемъ, которое пресѣкается только въ языкѣ мертвомъ".

Не называя Шишкова по имени, и не только не вдаваясь въ критику его трудовъ, но даже не упоминая о нихъ ни единымъ словомъ, Карамзинъ, однакоже, энергично и сильно высказывается противъ его теорій и воззрѣній. Особенно настойчиво ратуетъ знаменитый русскій писатель противъ той искусственный фабрикаціи словъ, которую Шишковъ считаетъ вполнѣ возможною, и противъ того насильственнаго навязыванья русскому языку церковно-славянскихъ словъ, которое Шишковъ считаетъ единственнымъ источникомъ для пополненія русской литературной рѣчи новыми словами:

„Непосредственное обогащеніе языка,—справедливо замѣчаетъ Карамзинъ,—зависитъ отъ успѣховъ общежитія и словесности, отъ дарованія писателей; а дарованія — единственно отъ судьбы и природы. Слова не изобрѣтаются академіями: они рождаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка, или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Сіи новыя,

[1]) До начала этой дѣятельности, Шишковъ успѣлъ издать въ 1811 г.—и все по тому же вопросу—два сочиненія: *„Разговоръ о словесности между двумя лицами Азъ и Буки"*; и въ 1812 г. *«Прибавленіе»* къ этому разговору.

мыслію одушевленныя слова, входятъ въ языкъ самовластно, украшаютъ, обогащаютъ его, безъ всякаго ученаго законодательства съ нашей стороны: мы не даемъ, а принимаемъ ихъ... Самыя правила языка не изобрѣтаются, а въ немъ уже существуютъ: надобно только открыть или показать оныя".

Эти, въ высшей степени правильные, выводы Карамзина не подѣйствовали, однакоже, на Шишкова, который старался отстоять свою теорію неологизмовъ и, даже много лѣтъ спустя, будучи уже министромъ народнаго просвѣщенія, съ изумительнымъ упорствомъ твердилъ, что „языкъ славянскій и русскій — одинъ и тотъ же", и на этомъ основаніи отрицалъ даже необходимость перевода Св. Писанія на русскій языкъ [1]).

Рядомъ съ этою серьезною полемикою, до мелочей разрабатывавшею различные вопросы, касавшіеся значенія и отчасти даже происхожденія и состава литературнаго языка, въ періодъ времени, послѣдовавшій за громкими событіями Отечественной войны и войны за освобожденіе Европы, возникла другая, игривая и веселая литературная борьба, направленная противъ той же старой школы, противъ тѣхъ же представителей педантства и сторонниковъ рутины, которые пытались наложить оковы на „крылатое" слово и стѣснить его опредѣленными рамками. Борьба эта, руководимая ближайшими послѣдователями Карамзина, поддерживалась главнымъ образомъ представителями того молодого поколѣнія, которое вырастало и воспиталось подъ вліяніемъ первыхъ карамзинистовъ. Случайно возникшая, шутливая и живая, эта борьба привела къ нѣкоторымъ довольно серьезнымъ послѣдствіямъ и оставила замѣтный слѣдъ въ литературѣ. Кромѣ того, сама по себѣ, эта борьба и тотъ кружокъ, который ради нея сложился, были явленіями чрезвычайно любопытными въ смыслѣ бытовомъ и общественномъ—явленіями, которыя въ значительной степени характеризуютъ эпоху нашей литературной жизни въ періодъ между 1810—1820 гг. Мы говоримъ о томъ литературномъ кружкѣ, который носилъ курьезное названіе „*Арзамаса*" и къ которому въ указанный періодъ принадлежали лучшіе дѣятели нашей современной литературы и образованнѣйшіе представители высшаго общества, близко стоявшіе къ литературнымъ кружкамъ. Арзамасъ.

Какъ это ни странно кажется, но происхожденіе „Арзамаса"

---

[1]) Единственною и далеко немаловажною заслугою Шишкова, какъ ученаго и какъ министра народнаго просвѣщенія, было то, что онъ первый обратилъ вниманіе на славянскую науку и привлекъ славянскихъ ученыхъ къ сношеніямъ съ Россійскими академіями. По его предложенію, въ члены академіи были избраны чешскіе ученые—Добровскій и Ганка—и польскій ученый—Линде; онъ же вошелъ въ сношеніе съ Юнгманомъ и Вукомъ Караджичемъ — обмѣнивался съ ними изданіями Академіи, поддерживалъ переписку. У него была даже мысль учредить при русскомъ университетѣ каѳедры славянскихъ языковъ; но политическія обстоятельства этому помѣшали.

было несомнѣнно и тѣсно связано съ существованіемъ „Бесѣды“ — можно даже сказать, что „Арзамасъ“ былъ „Бесѣдою“ вызванъ къ жизни. Скучныя, однообразныя засѣданія „Бесѣды“, посвящаемыя иногда необыкновенно-бездарнымъ сообщеніямъ и чтеніямъ, возбуждавшимъ только зѣвоту; чиновничьи отношенія членовъ „Бесѣды“, раздѣленной на разряды, съ предсѣдателемъ во главѣ каждаго разряда, съ почетнымъ попечителемъ и т. п.— все это казалось дикимъ и страннымъ молодой литературной партіи, все это вызывало шутки и насмѣшки, поощряло къ эпиграммамъ и пародіямъ. Настроеніе было именно такое, что можно было ожидать всякаго рода столкновеній между партіями, уже много лѣтъ сряду наблюдавшими другъ друга. И вотъ, первый попавшійся поводъ, поданный однимъ изъ приверженцевъ старой школы, послужилъ сигналомъ къ „войнѣ на Парнассѣ“ и, при дальнѣйшемъ развитіи этой литературной распри, явилась среди молодой партіи идея — устроить, въ пику „Бесѣдѣ“, шутливое общество „Арзамасъ“, съ цѣлью осмѣянія всего бездарнаго, педантичнаго и отжившаго...

Одна изъ залъ Императорской Публичной Библіотеки.

Годомъ основанія „Арзамаса“ (или какъ его величали члены: „Арзамасскаго ученаго Общества“) считаютъ обыкновенно 1815 годъ, вѣроятно потому, что въ этотъ годъ всѣ члены его были налицо, всѣ на болѣе или менѣе долгое время успѣли побывать въ Петербургѣ и, такъ или иначе, принимали участіе въ его шутливой и веселой, критико-полемической дѣятельности. Можетъ-быть, этотъ годъ указывается еще и потому, что именно между 1815 — 1818 гг. душою общества былъ Жуковскій—въ то

время еще свободный отъ всякой службы, живой и веселый - умѣвшій и всѣмъ остальнымъ членамъ „Арзамаса“ передать свою живость и веселость, всѣхъ одушевить, расгормошить и раззадорить... Но, собственно говоря, „Арзамасъ“, въ своей зачаточной формѣ, существовалъ и ранѣе 1815 года, какъ это можно видѣть изъ одного письма В. Д. Дашкова (отъ декабря 1813 г.) къ князю П. А. Вяземскому. Въ этомъ письмѣ, восхищаясь эпиграммою князя Вяземскаго на одного изъ членовъ „Бесѣды“—Кутузова (за-

Аукціонъ дублетовъ Императорской Публичной Библіотеки.

клятаго врага Карамзина), Дашковъ уже въ такомъ видѣ излагаетъ борьбу между карамзинистами и шишковистами, въ какомъ она велась тогда, когда „Арзамасъ“ организовался въ нѣчто сплоченное и цѣлое. Въ этомъ письмѣ упоминается, между прочимъ, уже и о бѣгствѣ нѣкоторыхъ „бесѣдчиковъ“ въ другой лагерь—лагерь молодой партіи—поклонниковъ Карамзина. „В. Л. Пушкина — пишетъ Дашковъ,—заставили торжественно отрещись отъ ереси, потомъ трижды дунуть и плюнуть“—и немного далѣе приводится отрывокъ сатирическаго стихотворенія, направленнаго противъ „Бесѣды“—отрывокъ, въ которомъ изображается волненіе, вызванное въ членахъ „Бесѣды“ нападками молодой партіи:

«Мятется сонмъ—но вдругъ трикратно
Прокашлявши, встаетъ Шишковъ;
Шишковъ, отъ чьихъ *рѣчей* зѣваютъ,
Кого читатели не знаютъ,
Но знаетъ бѣдный Глазуновъ.
Плохой онъ критикъ, *краснословъ* [1]),
Писалъ о здравомъ вкусѣ, слогѣ—
Но вкуса никогда не зналъ,
И правилъ языка въ «Прологѣ»,
Въ Минеяхъ-Четіяхъ искалъ.
Встаетъ—въ молчаніи глубокомъ
Благоговѣютъ всѣ предъ нимъ.
Вращая всюду мрачнымъ окомъ,
Въ церковномъ слогѣ и высокомъ,
Гласитъ къ сочленамъ онъ своимъ:
«Воспряньте, други, отъ покоя,
Насталъ-бо лютый распри часъ!
На толь, сію *Бесѣду* строя,
Въ едину кущу собралъ васъ?
На то-ль я трудъ подъялъ кровавый?
Искалъ отъ чтеній нашихъ славы,
Да юноши ничтожатъ насъ?..»

„Шутки въ сторону, — добавляетъ къ этому отрывку Дашковъ,—теперь не съ кѣмъ почти и сражаться. Раздоръ въ станѣ вражескомъ. Лазутчики доносятъ, что Шишковъ, сдѣлавшись президентомъ Академіи, хочетъ соединить съ нею „Бесѣду", а Державину это очень непріятно"...

Но окончательнымъ поводомъ къ тому, чтобы молодой кружокъ бойцовъ сплотился въ общество, хотя и шутливое, но весьма опредѣленное въ стремленіяхъ и цѣляхъ своихъ — послужило слѣдующее обстоятельство. Одинъ изъ рьяныхъ „бесѣдчиковъ", задорный и шумливый князь А. А. Шаховской, нѣкогда осмѣявшій сентиментализмъ Карамзина въ своей комедіи „Новый Стернъ", рѣшился обратить свою тяжеловѣсную шутку и на самаго виднаго изъ представителей карамзинской партіи—Жуковскаго. Подъ именемъ „балладника Фіалкина" онъ вывелъ его на сцену въ своей комедіи „*Липецкія воды*" (представлена 23 сентября 1815 г.). По этому поводу Жуковскій, вскорѣ послѣ того, писалъ своимъ роднымъ изъ Петербурга: „Здѣсь есть авторъ—князь Шаховской. Извѣстно, что авторы не охотники до авторовъ... Вздумалъ онъ написать комедію и въ этой комедіи смѣялся надо мною... Блудовъ отвѣчалъ ему на это презабавною сатирою. Теперь страшная война на Парнассѣ. Около меня дерутся за меня, а я молчу;

---

[1]) *Краснословъ*—слово, изобрѣтенное Шишковымъ; въ своихъ примѣчаніяхъ къ статьямъ Лагарпа онъ предлагалъ замѣнить этимъ словомъ иноземное—*ораторъ*.

да лучше было бы, когда бы и всѣ молчали?—Городъ раздѣлился на двѣ партіи, и французскія волненія забыты, при шумѣ парнасской бури".

„Презабавная сатира Блудова" было его извѣстное „Видѣніе въ арзамасскомъ трактирѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей." Тутъ вся пародія изложена въ видѣ сновидѣнія или бреда какого-то проѣзжаго, который будто-бы остановился на пути, въ арзамасскомъ трактирѣ, гдѣ собиралось въ назначенные дни общество любителей литературы. Въ лицѣ этого „проѣзжаго" авторъ пародіи изобразилъ князя Шаховского, а рядомъ съ нимъ, очень бойкою кистью набросалъ остальныхъ завсегдатаевъ „Словесницы" (т. е. „Бесѣды") подъ вымышленными именами: Мѣшковъ (Шишковъ), Барабановъ (Карабановъ), двоихъ Хлыстовыхъ (А. С. Хвостова и Д. И. Хвостова). Арзамасъ, говорятъ, тутъ былъ недаромъ избранъ мѣстомъ дѣйствія пародіи; онъ тогда получилъ извѣстность потому, что незадолго передъ тѣмъ въ немъ была открыта школа живописи, по мысли академика Ступина, уроженца этого города. „Школа живописи — въ уѣздномъ городѣ Нижегородской губерніи!" —одна мысль объ этомъ уже вызывала у каждаго улыбку... Легко можетъ быть, впрочемъ, что „Арзамасъ" явился прозвищемъ нарождающагося литературнаго кружка и потому, что славился своими гусями, а гуси въ то доброе старое время доставляли писателямъ и поэтамъ перья—это единственное орудіе для закрѣпленія мимолетной мысли и крылатаго вдохновенія.

С. П. Жихаревъ.

Какъ бы-то ни было, но только послѣ „Видѣнія въ арзамасскомъ трактирѣ", давно уже существовавшій дружескій кружокъ молодыхъ и совсѣмъ юныхъ карамзинистовъ, для которыхъ имя Карамзина было знаменемъ просвѣщенія и прогресса — обратился въ настоящее, заправское общество съ опредѣленными цѣлями и направленіемъ, съ своеобразными задачами и дѣятельностью, и получилъ среди членовъ своихъ и въ образованномъ обществѣ названіе „*Арзамасскаго ученаго Общества*" или просто „*Арзамаса*". Во всемъ противополагаясь „Бесѣдѣ", чопорной и проникнутой сознаніемъ собственнаго достоинства,—молодой, тѣсно-сплотив-

шійся и ополчившійся противъ нея кружокъ даже кичился своей оригинальной кличкой—даже ею старался досадить важнымъ педантамъ, воображавшимъ, что они кому-то приносятъ пользу своими снотворными засѣданіями и изданіемъ тощихъ книжекъ своихъ „Чтеній“...

Обычаи Азармаса.

Тотъ же самый духъ веселаго задора и шутливой сатиры руководилъ членами „Арзамаса“ и въ написаніи устава кружка, и въ установленіи всего церемоніала, которымъ сопровождалось вступленіе въ члены „Арзамаса“ и различныя проявленія его дѣятельности. Чего тутъ только не было въ этомъ церемоніалѣ и во всѣхъ частностяхъ обрядовой обстановки „Арзамаса“! И пародіи на мистическіе обряды и всю торжественную обстановку масонскихъ ложъ, и вычурная символика, отзывавшаяся аттическою солью, и чисто-русскій юморъ— и все это въ пестрой, забавной смѣси, приправленное остроуміемъ и вымысломъ людей, представлявшихъ собою цвѣтъ и красу современнаго русскаго общества. Чтобы дать обо всемъ этомъ хотя нѣкоторое отдаленное понятіе, приводимъ разсказъ современника о томъ, какъ былъ принятъ въ члены „Арзамаса“ дядя Пушкина, уже извѣстный намъ Василій Львовичъ Пушкинъ.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

„В. Л. Пушкина ввели въ одну изъ переднихъ комнатъ, положили его на диванъ и навалили на него шубы всѣхъ прочихъ членовъ... Лежа подъ ними, онъ долженъ былъ выслушать чтеніе цѣлой французской трагедіи. Потомъ, съ завязанными глазами, водили его съ лѣстницы на лѣстницу и провели въ комнату, которая была передъ самымъ кабинетомъ, гдѣ происходило

засѣданіе „Арзамаса“. Кабинетъ (а въ немъ присутствовали въ то время всѣ члены „Арзамаса“) былъ ярко освѣщенъ, а комната передъ нимъ оставалась темною и отдѣлялась отъ него аркою съ оранжевою, огненнаго цвѣта занавѣскою. Здѣсь, въ этой комнатѣ В. Л. Пушкину развязали глаза и ему представилось огромное, безобразное чучело, устроенное на вѣшалкѣ для платья, покрытой простынею. Пушкину объяснили, что это чудовище представляетъ собою *дурной вкусъ* — подали ему лукъ и стрѣлы, и велѣли поразить чудовище. Потомъ ввели Пушкина за занавѣску и дали ему въ руки эмблему „Арзамаса“—мелкаго арзамасскаго гуся, котораго онъ долженъ былъ держать въ рукахъ во все время, пока ему говорили длинную, привѣтственную рѣчь“. Послѣ того Пушкину, какъ и всѣмъ членамъ „Арзамаса“ дано было арзамасское прозвище, обязательно выбранное изъ балладъ Жуковскаго. Это прозвище было—„*Вотъ*“. Такимъ же образомъ К. Н. Батюшкову дано было прозвище „*Ахиллесъ*“, Д. Н. Блудову—„*Кассандра*“, Ф. Ф. Вигелю—„*Ивиковъ журавль*“, А. Ф. Воейкову—„*Дымная печурка*“, князю П. А. Вяземскому—„*Асмодей*“, Д. В. Давыдову — „*Армянинъ*“, Д. В. Дашкову—„*Чу*“, С. П. Жихареву—„*Громобой*“, Жуковскому—„*Свѣтлана*“, Д. А. Кавелину—„*Пустынникъ*“, М. Ѳ. Орлову—„*Рейнъ*“, А. А. Плещееву—„*Черный вранъ*“, П. И. Полетикѣ — „*Очарованный челнъ*“, А. С. Пушкину — „*Сверчокъ*“, Д. П. Сѣверину—„*Рѣзвый котъ*“, А. И. Тургеневу—„*Эолова арфа*“, Н. И. Тургеневу—„*Варвикъ*“, С. С. Уварову—„*Старушка*“.

Весьма ясное представленіе объ отношеніяхъ арзамасцевъ къ дѣятельности ихъ кружка даетъ намъ одно изъ писемъ Дашкова къ Вяземскому (отъ 26 ноября 1815 г.), изъ котораго мы и приводимъ здѣсь отрывокъ. Жалуясь на обиліе служебныхъ занятій, Дашковъ пишетъ:

„Я едва успѣваю бывать въ „Арзамасѣ“—въ этой милой отчизнѣ, гдѣ мы всегда объ васъ вспоминаемъ... Секретарь нашъ *Свѣтлана*, который какъ-будто нарочно сотворенъ для сего званія, вѣрно, увѣдомлялъ уже васъ, что въ самое первое собраніе вы избраны par acclamation сочленомъ нашимъ: слѣдовательно, я не нарушу ужасной присяги нашей [1]), говоря съ вами откровенно. Изъ великодушія и чистѣйшей любви къ ближнимъ (хотя ближніе сіи часто бываютъ черезчуръ тупы), мы положили, чтобы каждый новопринимаемый членъ выбиралъ для первой рѣчи своей одного изъ живыхъ покойниковъ „Бесѣды“ или академіи *заимообразно и на прокатъ* и говорилъ бы ему похвальную надгробную рѣчь. До сихъ поръ такихъ мертвецовъ отпѣто у насъ пять, и Свѣтлана превзошла сама себя, отпѣвая пѣтаго и

[1]) По уставу «Арзамаса», всѣ члены его клялись не передавать никому о томъ, что говорилось и происходило въ засѣданіяхъ.

перепѣтаго Хлыстова [1]). То-то была рѣчь! То-то протоколы! Очередный предсѣдатель у насъ всякую недѣлю новый, и, по именному указу, какъ въ академіи — отвѣчаетъ оратору пристойнымъ привѣтствіемъ, въ которомъ *искусно мѣшаетъ похвалы ему съ похвалами усопшему* (выраженіе церемоніала). Опять новое торжество для Свѣтланы! Ей пришлось принимать *Громобоя*—Жихарева, который, бывши прежде сотрудникомъ „Бесѣды", долженъ былъ, по общему нашему постановленію, отпѣвать самъ себя... Поле было, конечно, богатое, но исполненіе превзошло ожиданія наши... Было чего послушать! Неоцѣненный секретарь нашъ не даромъ жилъ такъ долго съ Плещеевымъ, и удивительно, какъ навострился въ галиматьѣ. Любимое его выраженіе: „арзамасская критика должна ѣхать верхомъ на галиматьѣ". Судите о прочемъ. Пріѣзжайте скорѣе къ намъ хоть недѣли на двѣ. Выберите себѣ по сердцу покойника и похороните его съ миромъ въ стеклянномъ гробѣ нашемъ".

Не мѣшаетъ замѣтить въ заключеніе, что въ противоположность „Бесѣдѣ", гдѣ соблюдалась извѣстная дисциплина въ отношеніяхъ между членами ея, въ „Арзамасѣ" всѣ члены были равны и равноправны: всѣ одинаково имѣли право на общій титулъ „*ихъ превосходительствъ геніевъ „Арзамаса*". Протоколы, о которыхъ упоминаетъ Дашковъ въ вышеприведенномъ письмѣ, велись обязательно въ стихахъ секретаремъ общества Жуковскимъ и излагались гекзаметрами... Нѣкоторые изъ нихъ сохранились намъ, какъ любопытный памятникъ эпохи...

Распаденіе Арзамаса.

Такъ забавлялись въ то время люди, которые были уже не дѣти, но дѣятели общественные, нѣкоторые даже въ большихъ чинахъ и въ важныхъ должностяхъ. „Никто не почиталъ предосудительнымъ въ то время шутить и быть веселымъ"—замѣчаетъ современникъ-очевидецъ арзамасскихъ шалостей [2]). Но этотъ современникъ умалчиваетъ о томъ, что праздникъ легкаго и шутливаго арзамасскаго веселья былъ очень непродолжителенъ. Въ средѣ самихъ арзамассцевъ явилась оппозиція. Одинъ изъ членовъ кружка, при самомъ вступленіи въ него, произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ порицаніе тому, что люди умные и образованные тратятъ время на пустяки и на ничтожную литературную полемику, между тѣмъ какъ ихъ отечество нуждается въ иномъ,

---

[1]) Въ уставѣ «Арзамаса», написанномъ Жуковскимъ и Блудовымъ, этотъ арзамасскій обычай излагался въ слѣдующей оригинальной формѣ: ...«такъ какъ геніи «Арзамаса» считались безсмертными, то и рѣшено было брать на прокатъ покойниковъ между халдеями «Бесѣды» и Академіи, дабы воздавать имъ, по дѣламъ ихъ, не дожидаясь потомства».

[2]) Самъ Карамзинъ, временно побывавшій въ Петербургѣ въ 1816 году, писалъ оттуда своей супругѣ: «здѣсь не знаю ничего умнѣе арзамасцевъ. Съ ними бы жить и умереть... Вотъ истинная Академія! Жаль только, что она не въ Москвѣ или не въ Арзамасѣ».

болѣе производительномъ примѣненіи ихъ дѣятельности... Къ этому члену (М. О. Орлову) присоединился другой арзамасецъ (Н. И. Тургеневъ): нѣчто чуждое, серьезное и важное проникло прямо изъ жизни и дѣйствительности въ сферу шутливой веселости, которою отличалась съ самаго начала дѣятельность „Арзамаса"... Но эта новая струя какъ-будто нарушила всѣ связи, все равновѣсіе отношеній маленькаго центра; въ немъ явилась рознь— стали высказываться совершенно противоположные взгляды на предстоящую дѣятельность кружка; одни предлагали предпринять изданіе журнала, который бы не былъ исключительно-литературнымъ, а касался бы и вопросовъ русской современности и общественной жизни. Другіе оспаривали это предложеніе и отвергали программу предполагаемаго журнала, который, дѣйствительно, нимало не соотвѣтствовалъ идеѣ кружка. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ остановились на какой-то программѣ, предложенной Блудовымъ, и даже стали исподволь собирать статьи для будущаго журнала: Блудовъ сообщилъ арзамасцамъ свою статью „о русскихъ пословицахъ", графъ Уваровъ и Батюшковъ доставили статью „о греческой антологіи"... [1]). Но ни журналъ не состоялся, ни самый кружокъ не могъ удержаться въ прежнемъ своемъ видѣ и составѣ. Правда, распаденію „Арзамаса" въ значительной степени способствовало то, что многіе изъ весьма вліятельныхъ его членовъ вынуждены были покинуть Петербургъ и разъѣхались по разнымъ мѣстамъ, на службу... Но можно утверждать положительно, что если бы даже этого и не случилось— дни „Арзамаса" все же были сочтены: онъ не могъ существовать долѣе въ своемъ прежнемъ видѣ—онъ долженъ былъ или переродиться, или уничтожиться... Періодъ увлеченій русскою славою, русскими успѣхами и значеніемъ въ Европѣ, мало-по-малу, проходилъ и не кружилъ болѣе головы передовымъ русскимъ людямъ; политика наша, въ эпоху конгрессовъ и Священнаго Союза, должна была дѣйствовать удручающимъ образомъ на каждаго истинно-русскаго человѣка; а русская дѣйствительность, въ которой болѣе чѣмъ когда-либо мощнымъ и всесильнымъ являлся графъ Аракчеевъ и министры, которыхъ онъ подбиралъ себѣ подъ масть—эта дѣйствительность менѣе всего способна была поощрять къ шуткѣ и веселости... „Арзамасъ" пересталъ существовать, но оставилъ нѣкоторый, довольно замѣтный слѣдъ въ исторіи нашей литературы—оставилъ по себѣ память перваго тѣсно-сплотившагося кружка, который, прикрываясь шутливой внѣшностью, въ сущности, носилъ въ себѣ задатки серьезной и разумной критиче-

[1]) Она была напечатана впослѣдствіи, въ 1820 г., въ видѣ отдѣльной брошюры. Подъ предисловіемъ къ ней авторы выставили, въ сокращеніи, свои арзамасскія прозвища: *Ст.* (Старушка) и *А.* (Ахиллъ), т. е. Уваровъ и Батюшковъ.

ской оппозиціи. Онъ смѣло вооружался противъ остатковъ того схоластическаго застоя, который даже въ началѣ нынѣшняго вѣка пытался еще оковать русскую мысль, и навязавъ ей несвойственныя формы и пріемы, приковать ее къ отжившей старинѣ и педантическимъ мелочамъ. „Арзамасъ“ оставилъ по себѣ добрую память кружка, въ которомъ свѣтъ, прогрессъ и свободное отъ всякихъ стѣсненій выраженіе мысли—составляли главную основу связи и отношеній между сочленами. Правда, онъ не выказалъ ни способностей, ни расположенія къ серьезной разработкѣ вопросовъ, предъявляемыхъ современною русскою жизнію; та обаятельная атмосфера шутки и веселья, въ которой проявлялась дѣятельность „арзамасцевъ“ и происходила ихъ борьба съ „бесѣдчиками“, менѣе всего была способна подготовить ихъ къ серьезной борьбѣ съ жизнью и дѣйствительностью... Но важно было уже и то, что „арзамасцы“ это совершенно искренно сознали — и „Арзамасъ“, вѣрный себѣ, не выродился и не измѣнился, а пересталъ существовать, оставивъ по себѣ добрую память и навсегда скрѣпивъ узами пріязни всѣхъ тѣхъ, которые нѣкогда имѣли счастіе принадлежать къ кружку „ихъ превосходительствъ геніевъ Арзамаса“.

Виньетка по рисунку А. Н. Оленина.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Классицизмъ въ русской литературѣ XVIII вѣка.—Искаженіе классическихъ идеаловъ и произведеній подъ вліяніемъ псевдоклассицизма.—Здравыя понятія о значеніи классицизма, впервые появляющіяся у насъ въ началѣ XIX вѣка. — М. Н. Муравьевъ.—Мерзляковъ.—И. М. Муравьевъ-Апостолъ. Уваровъ и споръ о гексаметрахъ. — Гнѣдичъ и его переводъ «Иліады».

Почти одновременно съ нескончаемымъ споромъ о старомъ и новомъ русскомъ слогѣ, былъ поднятъ въ русской литературѣ и вопросъ о значеніи классицизма, какъ одного изъ необходимыхъ элементовъ основательнаго образованія. По этому поводу не мѣшаетъ припомнить, что въ XVIII вѣкѣ наше знакомство съ классическими литературами ограничивалось весьма немногимъ, и, среди огромной массы переводной литературы, переводы произведеній древнихъ классиковъ занимали болѣе чѣмъ скромное мѣсто. Припоминаемъ имена Кострова, Екимова, Пахомова и священника Сидоровскаго, и этимъ ограниченнымъ рядомъ именъ почти исчерпывается перечисленіе тружениковъ, работавшихъ надъ пересажденіемъ классическихъ произведеній на русскую почву. Чрезвычайно любопытно, что, при этомъ, знаніе латыни (и надо сказать—весьма основательное) было у насъ распространено и въ духовномъ сословіи, и среди ученыхъ. Умѣнье говорить и письменно излагать свои мысли по-латыни вносилось въ жизнь еще со школьной скамейки; лекціи въ духовныхъ академіяхъ и въ академическомъ университетѣ читались на латинскомъ языкѣ; на томъ же языкѣ читались и произносились торжественныя актовыя рѣчи, привѣтствія начальству и писались стихотворенія, надписи къ иллюминаціямъ и всякаго рода девизы. И несмотря на эту распространенность латыни, римскіе классики были мало извѣстны, и близкимъ знакомствомъ съ ними могли похвалиться лишь весьма немногіе изъ образованнѣйшихъ людей XVIII вѣка, по преимуществу тѣ, которымъ удалось закончить свое образованіе за границею, особенно въ Италіи. Попытки перевода на русскій языкъ греческихъ и римскихъ классиковъ являются поздно и всѣ относятся къ концу второй половины XVIII вѣка; попытки довольно жалкія, не удовлетворяющія ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ критики. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такое равнодушіе и даже невниманіе къ классическимъ подлинникамъ было прямымъ слѣдствіемъ преобладанія псевдо-классицизма. Извѣстно, что французскій классицизмъ или французское подражаніе древнимъ образцамъ (преимущественно римскимъ) основывалось на совершенно-ложномъ пониманіи теоретическихъ правилъ піитики Аристотеля и даже на извращеніи самыхъ образцовъ. Какъ ложное истолко- Классицизмъ въ Россіи.

ваніе теоріи, такъ и извращеніе самыхъ образцовъ происходили, главнымъ образомъ, отъ двухъ причинъ: отъ крайне ограниченнаго знанія быта древнихъ (многія стороны котораго еще вовсе не были изучены и потому оставались темными и непонятными) и отъ желанія примѣнить древніе образцы къ французскимъ изнѣженнымъ нравамъ и свѣтскимъ обычаямъ XVII вѣка. Такъ какъ французское вліяніе на европейскія литературы въ половинѣ XVII и до половины XVIII вв. было преобладающимъ, то и французскія подражанія классикамъ, въ свою очередь, служили для всѣхъ образцами и такъ всѣмъ нравились, такъ плѣняли большинство образованныхъ людей, что объ этихъ образцахъ сложилось даже чрезвычайно странное мнѣніе: ихъ стали почитать лучшими, нежели самые образцы, на нихъ стали смотрѣть, какъ на единственно-возможное истолкованіе или переложеніе произведеній классическаго міра, которыя будто бы, въ иномъ видѣ, не были бы ни доступны, ни пристойны въ современномъ общежитіи. Мало того, французскіе теоретики, съ Буало во главѣ (не далекіе въ изученіи древнихъ образцовъ), стали создавать теоретическія правила, въ которыхъ—истолковывая по-своему и піитику Аристотеля, и „Ars poëtica“ Горація—стали основывать эти правила, главнымъ образомъ, на образцахъ, заимствованныхъ у французскихъ классиковъ. Первые очнулись отъ этого чада нѣмцы, кропотливые и усердные въ изученіи древняго міра и такъ изумительно много сдѣлавшіе для этого изученія въ прошломъ столѣтіи. Они первые обратились къ изученію классическихъ образцовъ въ самыхъ подлинникахъ, первые стали ихъ переводить съ буквальною точностью, добросовѣстно изучая и истолковывая каждое слово, каждый намекъ, каждую черту быта; они первые поняли всю фальшь и односторонность французскаго подражанія классикамъ и заклеймили его названіемъ *псевдо-классицизма*.

Вліяніе псевдо-классицизма.

Не то было у насъ. Послѣ страшныхъ и памятныхъ всѣмъ временъ Бироновщины, мы отвернулись отъ нѣмцевъ и нѣмецкой науки и съ самаго начала царствованія Елизаветы дали полную волю своему пристрастію къ французамъ и всему французскому. Много разъ, при изложеніи исторіи русской словесности прошлаго вѣка, мы уже указывали до какихъ смѣшныхъ крайностей доходило у насъ преклоненіе передъ французскими модами и французскими нравами, прямымъ слѣдствіемъ котораго было и рабское преклоненіе передъ французскимъ псевдо-классицизмомъ и его теоріями. Мы видѣли, какъ необычайно сильно, упорно и продолжительно было это вліяніе и какую односторонность вносило оно въ нашу литературу. Чтобы избавиться отъ этой односторонности и излѣчить себя отъ заблужденій псевдо-классицизма надо было сознать необходимость изученія классическихъ литера-

туръ въ подлинникахъ,—надо было ознакомиться и съ результатами изученія классическаго міра въ нѣмецкой наукѣ. Сближенію съ нѣмцами, съ ихъ наукой и литературой въ значительной степени способствовала та революціонная горячка, которая охватила Францію въ послѣдніе годы XVIII вѣка, и тѣ войны противъ Франціи, которыя пришлось вести Россіи противъ возбужденнаго революціею французскаго милитаризма. Передовые люди и лучшіе представители русской литературы начала нынѣшняго вѣка уже сознали необходимость сближенія съ нѣмецкой и англійской литературой, необходимость изученія ихъ классиковъ, необходимость заимствованій изъ богатой сокровищницы ихъ поэзіи и науки. Одновременно съ этимъ, во многихъ, наиболѣе образованныхъ русскихъ людяхъ явилось стремленіе къ изученію древняго классическаго міра не по французскимъ передѣлкамъ, а по самымъ подлинникамъ.

Честь почина въ этомъ направленіи принадлежитъ одному изъ достойнѣйшихъ и образованнѣйшихъ русскихъ людей конца XVIII и начала XIX вѣка—М. Н. Муравьеву, о которомъ намъ уже неоднократно приходилось упоминать. Онъ былъ усерднымъ проповѣдникомъ той пользы, которую должно было принести русской словесности и русскому образованію изученіе древнихъ писателей въ подлинникахъ; самъ трудился въ этомъ направленіи и поощрялъ всѣми силами тѣхъ, которые трудились на томъ-же поприщѣ. Такъ, напримѣръ, будучи товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и въ то же время попечителемъ Московскаго университета, М. Н. Муравьевъ побудилъ Мерзлякова заняться поэтическою передачею классическихъ произведеній и, вѣроятно, даже указалъ практическую цѣль для подобныхъ переводовъ, которыя должны были служить пособіемъ учащемуся „при истолкованіи ему правилъ піитики". М. Н. Муравьевъ.

Въ 1804 году онъ напечаталъ первые опыты своихъ переводовъ — отдѣльныя сцены изъ трагедіи „Эврипидъ" и первую оду Пиндара „Гіерону Сиракузскому". Потомъ въ „Вѣстникѣ Европы" и въ другихъ журналахъ стали появляться переводы Мерзлякова изъ другихъ классиковъ — „Эклоги" Виргилія и Ѳеокрита въ 1807 г., „Наука стихотворства" (Ars poëtica) Горація въ 1808 г. и т. д. Въ 1825—1826 гг. Мерзляковъ собралъ всѣ свои переводы въ двухъ частяхъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ". Здѣсь, къ переводу эклогъ Виргилія, Мерзляковъ напечаталъ предисловіе, въ которомъ говорилъ о происхожденіи и значеніи этого поэтическаго рода вообще; въ предисловіи къ первому тому приложилъ разсужденіе *„о началѣ и духѣ древней трагедіи и о характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ"*. Эти предисловія не представляютъ Переводы классиковъ.

собою ничего самостоятельнаго и сильно отзываются вліяніемъ французскихъ теоретиковъ. Несомнѣнно французскимъ же вліяніемъ объясняется и весь характеръ перевода классическихъ образцовъ на русскій языкъ; объ этомъ переводѣ самъ Мерзляковъ говорилъ слѣдующее:

„Смѣло могу сказать, что почти всѣ представленные здѣсь отрывки весьма близко переложены, но—не переводы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, ибо я, переводя въ стихахъ, и не могъ, и не хотѣлъ этого сдѣлать. Даже предупреждаю знатоковъ греческаго подлинника, что я многое сокращалъ, что мнѣ казалось слишкомъ растянутымъ или не относительнымъ къ минутѣ дѣйствующей страсти; иное перестанавливалъ и соединилъ первый актъ съ пятымъ въ своемъ отрывкѣ, дабы составить изъ этого нѣчто цѣлое драматическое...“ Можно себѣ представить, какова можетъ быть близость переводовъ (или даже переложеній) къ подлиннику, при такихъ воззрѣніяхъ переводчика на способъ передачи образцовъ. Но на основаніи французской теоріи, Мерзляковъ былъ совершенно правъ, потому что французы не допускали возможности передавать классиковъ въ ихъ полной неприкосновенности—та живая дѣйствительность, изъ которой древніе почерпали свои образы и дѣйствіе своихъ трагедій, представлялась изнѣженнымъ французамъ грубою и непремѣнно требующею прикрасъ, измѣненій и приспособленій къ ихъ современнымъ потребностямъ, модамъ и вкусамъ. Кромѣ этихъ недостатковъ, такъ сказать, теоретическихъ, въ переложеніяхъ или переводахъ Мерзлякова были и другіе недостатки, происходившіе отъ присущихъ переводчику понятій о поэтическихъ произведеніяхъ вообще. Съ одной стороны, онъ мало заботился о передачѣ стиха-подлинника въ размѣрахъ, близкихъ къ классическому образцу; съ другой стороны, послѣдуя большинству своихъ современниковъ, Мерзляковъ не допускалъ никакой простоты въ свои переводы и настраивалъ свою лиру на слишкомъ высокій ладъ, пересыпая свой поэтическій языкъ множествомъ славянскихъ словъ и оборотовъ, въ духѣ времени.

Мерзляковъ и Мартыновъ.

Вѣроятно, эти недостатки переложеній Мерзлякова обратили на себя вниманіе многихъ и вызвали другую попытку пересажденія къ намъ классическихъ образцовъ, поощряемую тѣмъ же М. Н. Муравьевымъ. Нашелся другой, менѣе Мерзлякова талантливый, но зато необычайно усидчивый, переводчикъ, который задался мыслью—передать творенія древнихъ классиковъ прозою, по всѣмъ вѣроятіямъ предполагая, что при этомъ будетъ легче соблюсти близость къ подлиннику. Этотъ добросовѣстный и трудолюбивый почитатель классиковъ былъ *Иванъ Ивановичъ Мартыновъ* (ум. 1833 г.), служившій директоромъ департамента министерства

народнаго просвѣщенія. Старательный и добросовѣстный переводчикъ,—онъ посвятилъ переводу классиковъ многіе и многіе годы своей дѣятельности, и сдѣлалъ со своей стороны все возможное, чтобы свои переводы обставить наилучшимъ образомъ: комментаріи и объясненія его составлены чрезвычайно тщательно, по классикамъ и по новѣйшимъ изслѣдованіямъ; одна изъ пѣсенъ Иліады переведена, между прочимъ, и подстрочно, чтобы показать разницу въ оборотѣ русскомъ и греческомъ и ознакомить съ тѣми трудностями, которыя представляетъ буквальная передача греческой стихотворной строки на русскій языкъ. Въ результатѣ долгихъ и усиленныхъ трудовъ явился переводъ произведеній Гомера, Софокла, Пиндара, Анакреона [1]), Каллимаха, Эзопа, Геродота и Лонгина (изд. 1823—28 гг.) въ 26 томахъ. Само собою разумѣется, что подобный переводъ классиковъ не способенъ былъ дать даже и приблизительнаго понятія о лирикѣ, эпосѣ и драмѣ древнихъ грековъ; но онъ все же способствовалъ возбужденію интереса къ классикамъ и классическому міру и во многихъ пробудилъ охоту къ изученію ихъ.

Впрочемъ, пробужденіе интереса къ изученію классиковъ и классическаго міра отчасти было вызвано и совершенно особыми, случайными условіями русской жизни въ теченіе перваго двадцатилѣтія XIX вѣка. Продолжительныя и трудныя войны съ Наполеономъ, закончившіяся его грознымъ нашествіемъ на Россію, въ значительной степени способствовали пробужденію самосознанія русскаго человѣка и сильному, энергичному проявленію любви къ отечеству и тѣсно съ нею связанной народной гордости. Мы уже видѣли выше, что въ періодъ между 1807 и 1812 г. появилась у насъ цѣлая патріотическая литература и журналистика, не искусственнымъ образомъ созданныя, а народившіяся изъ прямыхъ потребностей жизни общества. Но и внѣ этой литературы, даже въ кружкахъ преимущественно зараженныхъ галломаніей, явилась ненависть ко всему французскому — къ самой націи, къ ея модамъ и свѣтскимъ обычаямъ, къ ея литературѣ, и въ особенности, къ воспитанію при помощи французовъ и на французскій ладъ. Важный вопросъ о дурномъ обычаѣ—воспитывать дѣтей при помощи иноземцевъ (преимущественно французовъ),—вопросъ, который много разъ и на разные лады разрабатывался еще въ XVIII вѣкѣ лучшими представителями нашей литературы и журналистики—теперь еще разъ всплылъ на первый планъ. Этимъ вопросомъ и вообще развѣнчиваніемъ французовъ весьма усердно и успѣшно занимался одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, одинъ изъ видныхъ представителей литературы и круп- И. М. Муравьевъ-Апостолъ.

[1]) Всѣ классики переданы прозой; для одного только Анакреона сдѣлано исключеніе: онъ переданъ бѣлыми стихами, кстати сказать, очень плохими.

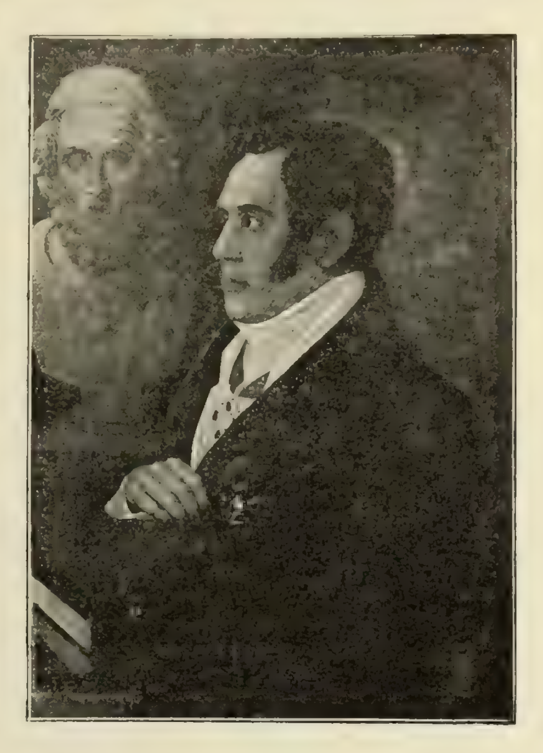
ныхъ общественныхъ дѣятелей—*Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ* (род. 1765 г., ум. 1851 г.) [1]). Въ „Сынѣ Отечества" 1813—1815 г. онъ помѣстилъ цѣлый рядъ писемъ къ другу, изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ, и въ нихъ (подъ живымъ впечатлѣніемъ всѣхъ бѣдствій нашествія французовъ и пожара Москвы) онъ занялся серьезнымъ разборомъ нашихъ увлеченій французскою литературою, французскими нравами и обычаями и воспитаніемъ дѣтей, при помощи французовъ-гувернеровъ, на французскій ладъ. Сужденія его, спокойныя, основательныя, опирающіяся на обширное образованіе, чуждыя всякаго пристрастія—выказываютъ въ немъ человѣка съ большимъ умомъ и твердою волею, неспособнаго подчиняться чьимъ бы то ни было вліяніямъ. Онъ очень искусно разбиваетъ сложившееся въ русскомъ обществѣ предубѣжденіе относительно первенства французской литературы и совѣтуетъ обратиться къ источникамъ ея заимствованій. Такъ, разбирая высокія достоинства Расина, онъ говоритъ прямо: „если отнять у него то, что принадлежитъ Гомеру, Софоклу, Эврипиду, Виргилію, Сенекѣ, то въ остаткѣ получится только прекрасный механизмъ стиха". Онъ справедливо доказываетъ, что исключительное предпочтеніе, отдаваемое нами французскимъ трагикамъ, основывается, главнымъ образомъ, на нашемъ невѣжествѣ, — потому что мы не знаемъ ни Шекспира, ни Шиллера, ни Альфьери. Примѣняя тотъ же сравнительный методъ къ эпосу, онъ доказываетъ, что и въ эпосѣ французы ушли не далеко, потому что превозносимая нами поэма Вольтера „Генріада" не можетъ быть ни съ какой стороны сравнена съ поэмами итальянцевъ—Данте, Аріоста или Тасса. Затѣмъ онъ указываетъ на заимствованія Мольера у испанцевъ и доказываетъ, что характеры Мольеровыхъ комедій только потому намъ и нравятся, что они Мольеромъ *офранцужены*, такъ какъ и мы тоже начинаемъ терять свой собственный обликъ, утрачиваемъ самостоятельность, подражая въ своемъ творчествѣ другимъ, „*какъ обезьяны*".

Новые языки.

Чтобы избѣжать смѣшного пристрастія къ французамъ и

[1]) *И. М. Муравьевъ-Апостолъ* происходилъ изъ стариннаго и богатаго дворянскаго рода, служилъ по дипломатической части и былъ посланникомъ въ Испаніи. Онъ былъ классически образованъ, зналъ прекрасно древніе языки и многіе изъ новѣйшихъ европейскихъ. По своимъ убѣжденіямъ и по своимъ воззрѣніямъ на современную русскую литературу онъ сходился съ Шишковымъ, и, хотя не былъ и не могъ быть его послѣдователемъ, однакоже, болѣе сочувствовалъ ему и его дѣятельности, нежели его противникамъ. Для „*Чтеній въ Бесѣдѣ*" онъ перевелъ двѣ сатиры Горація (1-ую и 3-тью въ I книгѣ) и приложилъ къ нимъ объясненія. Сверхъ того, перевелъ съ англійскаго комедію Шеридана „*Школа злословія*" и съ греческаго «Облака» Аристофана (1821); писалъ и кое-что оригинальное для сцены. Онъ извѣстенъ еще своимъ „*Путешествіемъ по Тавридѣ*" (1823), которое выказываетъ въ немъ человѣка ученаго и отлично знакомаго съ классическими древностями. Въ бытность свою за границей онъ былъ въ сношеніяхъ съ Кантомъ и въ близкихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ съ Клопштокомъ.

слѣпого преклоненія передъ ихъ необычайною геніальностью, Муравьевъ-Апостолъ совѣтуетъ учиться не одному французскому, а и другимъ новѣйшимъ языкамъ. „Прочитай Данте на итальянскомъ, Сервантеса—на испанскомъ, Шекспира—на англійскомъ, Шиллера на нѣмецкомъ: тогда ты пріобрѣтешь нѣкоторое право произносить надъ ними приговоръ", —т. е. тогда ты будешь въ состояніи сравнивать и опредѣлять относительное достоинство лучшихъ писателей у всѣхъ народовъ, не ограничиваясь одними французами. Но для того, чтобы окончательно поколебать галломанію, авторъ „*Писемъ*" видитъ только одно средство — внести коренную реформу въ воспитаніе юношества: его готовить къ жизни и дѣятельности не такъ, какъ оно готовится.

Н. И. Гнѣдичъ.

„Учиться новѣйшимъ языкамъ не только можно, но даже и похвально—говоритъ авторъ „Писемъ".—Но французскому языку оставаться у насъ классическимъ такъ, какъ онъ былъ до сихъ поръ, это значитъ тоже, что убавить наши природныя способности [1]), и доколѣ это продолжится, мы будемъ оставаться въ сущемъ младенчествѣ на поприщѣ ученія. Ни одна изъ новѣйшихъ литературъ не усовершенствовалась отъ подражанія новѣйшимъ: всѣ онѣ, безъ изъятія, почерпнули красоты свои въ единственномъ и неизсякаемомъ источникѣ всего изящнаго — у грековъ и римлянъ. Для того и намъ бы пора приняться за настоящее дѣло, и потому я смѣло скажу и всегда говорить буду, что пока мы не будемъ учиться, т. е. посвящать все время перваго возраста отъ 7 до 15 лѣтъ на изученіе греческаго или, по крайней мѣрѣ, ла-

---

[1]) Отстаивая необходимость самостоятельности, оригинальности въ воспитаніи каждой націи и различными доводами приводя къ сознанію несостоятельности нашего французскаго воспитанія, Муравьевъ-Апостолъ доходитъ даже до крайностей: «развѣ мы не въ правѣ!—восклицаетъ онъ:—гордиться нашимъ Державинымъ, котораго природа одарила геніемъ удивительнымъ, а случайность *предохранила* въ воспитаніи отъ робкаго, изнѣженнаго вкуса французовъ? Такъ я смѣло утверждаю, что Державинъ *много обязанъ незнанію французскаго языка:* опутанный цвѣтками, поддѣланными изъ атласа и тафты, не размахнулся бы никогда нашъ богатырь...»

тинскаго языка, вмѣстѣ съ русскимъ, основательно, эстетически— до тѣхъ поръ мы, большая часть толпы, будемъ не говорить, а болтать; не писать, а марать бумагу".

Эти вполнѣ здравыя и самостоятельныя сужденія автора „Писемъ въ Нижній" возбудили негодованіе въ лагерѣ молодой партіи, которая преклонялась передъ авторитетомъ Карамзина и

Графъ С. С. Уваровъ.

благоговѣла передъ талантомъ Жуковскаго, отъ котораго ожидала въ будущемъ гораздо болѣе того, что онъ былъ способенъ дать. Муравьевъ-Апостолъ не только не отдалъ должной дани уваженія этимъ кумирамъ молодежи въ своихъ „Письмахъ", но даже удостоилъ упоминанія въ нихъ только одного Державина, какъ бы отвергая и отрицая всю остальную массу русскихъ поэтовъ и писателей. И, къ великому прискорбію молодой партіи, мнѣніе автора „Писемъ" не осталось одинокимъ. Къ нему присоединился и другой классикъ, рѣшившійся еще гораздо откровеннѣе и го-

раздо опредѣленнѣе высказать свои мысли и воззрѣнія на современную русскую литературу. Этотъ классикъ былъ никто иной, какъ *Николай Ивановичъ Гнѣдичъ* (род. 1784 г., ум. 1833 г.), человѣкъ страстно преданный изученію классической древности, съ любовью изучавшій греческихъ классиковъ и посвятившій добрую половину своей жизни на тщательный и возможно-близкій къ подлиннику переводъ „Иліады" Гомера. Какъ человѣкъ, принадлежавшій по взглядамъ и убѣжденіямъ къ партіи средней, болѣе склонявшейся на сторону „Бесѣды" и шишковистовъ (хотя и не всецѣло имъ преданный), Гнѣдичъ сочувственно отнесся къ идеямъ, выраженнымъ въ „Письмахъ" Муравьева-Апостола, и еще болѣе, еще подробнѣе развилъ ихъ и даже дерзнулъ указать на крупныя и существенныя (по его мнѣнію) недостатки современной русской словесности. Всѣ эти взгляды и мысли свои Гнѣдичъ выразилъ въ своемъ „*Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности*". Это разсужденіе было имъ читано 2 января 1814 года въ торжественномъ собраніи Императорской Публичной Библіотеки по случаѣ ея открытія. Н. И. Гнѣдичъ.

Въ своемъ „Разсужденіи" Гнѣдичъ задается вопросомъ, почему именно — при множествѣ у насъ печатаемыхъ книгъ—мы все же страдаемъ большимъ недостаткомъ въ книгахъ хорошихъ, не только оригинальныхъ, но и переводныхъ — даже не отличаемся выборомъ книгъ для перевода? Гнѣдичъ объясняетъ это недостаткомъ ученія и прямымъ слѣдствіемъ этого недостатка— неразвитостью вкуса къ изящному. Помóчь этому недостатку можно только однимъ путемъ: основательнымъ изученіемъ твореній древнихъ классиковъ, которые даже и законодателемъ вкуса, Гораціемъ, признаны были образцами прекраснаго. Въ этомъ основательномъ изученіи древнихъ классиковъ Гнѣдичъ видитъ спасеніе отъ развившейся у насъ подражательности французамъ, и предпочтенія французскаго языка своему родному. Важное значеніе въ этомъ же смыслѣ Гнѣдичъ придаетъ и хорошимъ переводамъ лучшихъ классическихъ произведеній. Обсуждая всѣ эти вопросы, Гнѣдичъ, въ томъ же разсужденіи, произноситъ одинаково-строгій приговоръ и Карамзинскому сентиментализму, и меланхолической музѣ Жуковскаго (не называя ни того, ни другого), признавая какъ то, такъ и другое направленіе словесности доказательствомъ дурного вкуса, временною модою — не болѣе.

То, что Гнѣдичъ проводилъ въ своемъ „Разсужденіи" теоретически,—онъ, на практикѣ, подтвердилъ своимъ тяжкимъ, усерднымъ и многолѣтнимъ трудомъ — надъ переводомъ „*Иліады*" Гомера, который составляетъ, поистинѣ, немаловажную заслугу въ исторіи нашей словесности.

Размѣръ перевода Гнѣдича.

Гнѣдичъ принялся за переводъ „Иліады“ около 1809 года. Эта поэма Гомера, еще задолго до Гнѣдича, привлекала къ себѣ вниманіе русскихъ переводчиковъ: уже въ 1776 году Екимовъ перевелъ ее прозой, а въ 1787 г. первыя шесть пѣсенъ Иліады были напечатаны въ стихотворномъ переложеніи Кострова, который замѣнилъ гексаметръ Гомера такъ-называемымъ александрійскимъ стихомъ, т. е. шестистопнымъ ямбомъ съ послѣдовательными риѳмами. Выборъ этого размѣра, вовсе не свойственнаго эпической поэзіи, былъ, конечно, сдѣланъ подъ вліяніемъ того значенія, которымъ онъ пользовался во французской поэзіи, отличающейся крайнимъ однообразіемъ своихъ стихотворныхъ размѣровъ. Но помимо этой внѣшней формы, переводъ „Иліады“ Кострова пользовался въ кругу нашихъ писателей такою доброю славою, что въ началѣ своего труда Гнѣдичъ и не подумалъ приступить къ переводу первой пѣсни „Иліады“, а прямо сталъ продолжать трудъ Кострова, начавъ съ 7-й пѣсни, которую, подъ общій ладъ съ первыми шестью пѣснями, сталъ также переводить александрійскимъ стихомъ. Такъ перевелъ онъ уже четыре съ половиною пѣсни, когда (въ 1811 году) было отыскано продолженіе перевода Кострова, а именно—седьмая, восьмая и половина девятой пѣсни. Какъ разъ около этого времени, когда уже и самъ Гнѣдичъ успѣлъ убѣдиться въ непригодности александрійскаго стиха для передачи гексаметрической стопы Гомера, ревностнымъ защитникомъ гексаметра выступилъ графъ *С. С. Уваровъ*—одинъ изъ классически-образованныхъ и просвѣщенныхъ представителей современной аристократіи. Въ открытомъ письмѣ къ Гнѣдичу (напечатанномъ въ „Вѣстникѣ Европы“) графъ Уваровъ вступился за гексаметръ, какъ за существеннѣйшую и необходимѣйшую принадлежность эпическаго склада и у грековъ, и у римлянъ, и съ особеннымъ настояніемъ вооружился противъ александрійскаго стиха:

„Когда, вмѣсто плавнаго, величественнаго гексаметра,—говоритъ графъ Уваровъ: — я слышу скудный и сухой александрійскій стихъ, риѳмою прикрашенный, то мнѣ кажется, что я вижу божественнаго Ахиллеса во французскомъ платьѣ...“ Извиняя французовъ въ выборѣ александрійскаго стиха по крайней бѣдности языка, неспособнаго передать греческую метрическую строку, Уваровъ находитъ, что этотъ стихъ никакъ не слѣдуетъ употреблять намъ, „имѣющимъ изобильный, метрическою просодіей наполненный языкъ... Если нѣмцы, владѣя языкомъ весьма непокорнымъ, достигли до того, что имѣютъ хорошіе и вѣрные метрическіе переводы, зачѣмъ намъ, русскимъ, не имѣть, наконецъ, перевода Омира гексаметрами?“

Гнѣдичъ согласился съ мнѣніемъ Уварова, представилъ даже

образцы перевода Иліады гексаметромъ; но противъ нихъ обоихъ возсталъ извѣстный авторъ *Ябеды*, Капнистъ. Нимало не знакомый съ греческимъ языкомъ, онъ, въ данномъ случаѣ, возражалъ только какъ дилетантъ. Онъ доказывалъ (въ печатномъ письмѣ своемъ къ графу Уварову) невозможность и непримѣнимость гексаметра на русскомъ языкѣ именно потому, что онъ долженъ заканчиваться *спондеемъ*, а *спондея* у насъ почти нѣтъ, да и русскій

Домъ (бывшій) А. Н. Оленина на Фонтанкѣ.

слухъ къ нему непривыченъ. При этомъ Капнистъ дѣлаетъ странное предложеніе—переводить Иліаду размѣромъ народныхъ пѣсенъ.

Уваровъ, хорошо знакомый съ нѣмецкими трудами по классической древности и съ ихъ метрическими переводами классиковъ, возразилъ Капнисту, что, собственно говоря, не спондей, а дактиль составляетъ существенную основу гексаметра, и что гексаметръ у Гомера очень часто оканчивается хореемъ. При этомъ онъ указывалъ на примѣръ нѣмцевъ, которые тоже не въ состояніи были передать греческій гексаметръ во всей строгости, но все же не отказались отъ благого намѣренія передать строку Гомера размѣромъ *близкимъ* къ гексаметру. „Наконецъ,—добавлялъ онъ:—если доказано будетъ, что гексаметрами переводить намъ Омера не можно, то я бы скорѣе предпочелъ переводъ въ прозѣ. Омеръ въ русскомъ зипунѣ столько же мнѣ противенъ, какъ и (Уваровъ о гекзаметрахъ.)

во французскомъ кафтанѣ. Переводить Иліаду русскимъ народнымъ размѣромъ еще хуже, чѣмъ переводить александрійскими стихами...".

И вотъ, въ результатѣ этого спора, Гнѣдичъ, увѣровавшій въ возможность создать русскій гексаметръ, рѣшился отбросить въ сторону тѣ четыре съ половиною пѣсни, которыя уже были имъ переведены въ видѣ продолженія къ переводу Кострова александрійскими стихами, и начать свой трудъ сначала, съ самой первой строки, въ которой безсмертный поэтъ, обращаясь къ Музѣ-вдохновительницѣ, восклицаетъ:

„Гнѣвъ мнѣ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына".

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе, возстававшіе противъ гексаметра, высказывали по отношенію къ этому стихотворному размѣру и непріязнь, и сомнѣніе только потому, что нѣкогда—еще почти въ самомъ началѣ новой русской словесности—гексаметръ былъ впервые употребленъ авторомъ Тилемахиды для его тяжеловѣснаго творенія. Надъ твореніемъ этимъ привыкли издѣваться и, совершенно несправедливо перенося порицаніе и насмѣшку съ творенія на автора и на избранный имъ размѣръ, не допускали возможности созданія правильнаго, плавно-текущаго гексаметра въ русской поэзіи [1]).

Переводъ Иліады.

И вотъ, Гнѣдичу пришлось принять на свои слабыя плечи тяжкій трудъ борьбы съ этимъ размѣромъ—борьбы, которая тѣмъ болѣе была ему не по силамъ, что поэтическое дарованіе его было далеко не изъ крупныхъ. Но замѣною дарованія у него явилась изумительная настойчивость въ трудѣ и глубокое преклоненіе передъ Гомеромъ, которое помогло ему преодолѣть всѣ трудности. Онъ задался мыслью и, если можно такъ выразиться, положилъ на себя зарокъ: передать Гомера *какъ можно ближе* и воспользоваться для этой передачи всѣми средствами нашего богатѣйшаго языка, съ одной стороны, чрезвычайно способнаго къ созданію сложныхъ „украшающихъ эпитетовъ", съ другой—допускающаго „свободное словорасположеніе". Въ предисловіи къ своему переводу Иліады, Гнѣдичъ весьма искренно передаетъ намъ ту тяжкую внутреннюю работу, которую онъ долженъ былъ производить надъ самимъ собою, чтобы остаться „вѣрнымъ Гомеру"... Эту работу онъ очень правильно называетъ „непрерывною борьбою переводчика съ собственнымъ духомъ, съ собственною

---

[1]) Гексаметры, созданные Тредіаковскимъ въ его Тилемахидѣ, были безобразны и неблагозвучны; но все то, что онъ о гексаметрѣ высказалъ, было совершенно правильно и справедливо, и его попытка усвоить русскому языку этотъ героическій размѣръ древнихъ грековъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Это—несомнѣнная заслуга. А. Х. Востоковъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія занимаясь вопросомъ о русскомъ стихосложеніи, между прочимъ указалъ и на русскіе гексаметры. Жуковскій и Дельвигъ шли уже по слѣдамъ Гнѣдича.

Въ пристяжъ завелъ онъ коня, знаменитаго бѣгомъ Педаса,
Коего добылъ Пелидъ, разгромившій градъ Етіона.
Смертный съ конями безсмертными онъ быстротою равнялся.
Тою порой Ахиллесъ, обходя Мирмидоновъ по кущамъ,
Всѣхъ вооружалъ ихъ оружіемъ къ бою. Подобно какъ волки,
Хищные звѣри, у коихъ въ сердцахъ безпредѣльная дерзость,
~~Звѣри кровавые, въ сердцѣ которыхъ безмѣрная дерзость,~~
Кои оленя рогатаго въ дебри нагорной повергнувъ,
и морды ихъ всѣхъ обагровлены кровью.
Звѣрски терзаютъ; ~~у всѣхъ ихъ челюсти кровью багровые;~~
обагровлены кровію морды; пасти
Послѣ, (стадомъ идутъ) [redacted], къ источнику черному [redacted] рыщутъ; [redacted];
Тамъ языками ихъ ~~гибкими~~ воду мутную ~~съ верху~~ въ потокѣ
Лочутъ, убійства ~~обагрены~~ ихъ кровь отрыгая; въ персяхъ ихъ жаркихъ ~~[illegible]~~
Сердце безстрашное бьется, и страшно [redacted] чрева ихъ раздуты:
Въ брань таковые Мирмидоновъ вожди и строители ратей
Вдали окрестъ ~~Тѣснятся за храбрыхъ~~ Патрокла, слуги изъ Эакида Героя
боемъ пылающимъ; ~~Жаждущаго боя~~; въ средѣ ихъ стоялъ Ахиллесъ браноносецъ,
онъ кругомъ [redacted] возбуждая ~~Крикомъ окрестъ бодра~~ коней и мужей щитоносцевъ.

Часть переписанной страницы изъ перевода «Иліады», съ поправками Гнѣдича.—
Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

внутреннею силою, которыхъ свободу должно обуздывать на каждомъ шагу...“ Самую сущность своего матеріальнаго труда онъ объясняетъ такъ:

„Я былъ вѣренъ Гомеру, и, слѣдуя умному изреченію: *должно переводить нравы, такъ же какъ и языкъ*,—я ничего не опускалъ, ничего не измѣнялъ... Дѣлая выраженія греческія—русскими, должно было стараться, чтобы не сдѣлать русскою—мысли Гомеровой; но, что еще болѣе—не украшать подлинника. Очень легко украсить, а лучше сказать подкрасить стихъ Гомера краскою нашей палитры: и онъ покажется щеголеватѣе, пышнѣе, лучше для нашего вкуса; но несравненно труднѣе сохранить его Гомеровскимъ, какъ онъ есть, ни хуже, ни лучше. Вотъ обязанность переводчика и трудъ — кто его испыталъ — не легкій“.

Къ сожалѣнію, однакоже, Гнѣдичъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ той, не вполнѣ естественной, нѣсколько ходульной, высокой настроенности, съ какою онъ приступалъ къ выполненію своей задачи. Онъ не могъ и не умѣлъ отнестись вполнѣ просто къ изображенію быта въ Гомеровской поэмѣ, къ образамъ этихъ „царей-пастырей, которые на лирѣ воспѣваютъ дѣянія героевъ, и тотчасъ послѣ того сами жарятъ барановъ“. Это отсутствіе простоты отразилось, отчасти, и на языкѣ перевода, который въ слишкомъ большомъ изобиліи переполненъ славянскими словами и даже оборотами фразы. Можетъ-быть, впрочемъ, это происходило и не отъ одной личной настроенности переводчика, а до нѣкоторой степени и отъ того, что онъ не съумѣлъ отрѣшиться отъ стараго, предвзятаго воззрѣнія на эпосъ, какъ на такой поэтическій родъ, для котораго требуется особый подъемъ духа. Это отчасти отразилось и въ томъ посвященіи Иліады императору Николаю I, которое Гнѣдичъ предпослалъ своему труду, изданному въ 1829 г.

„Проповѣдникъ истинъ, оправданныхъ тысячелѣтіями, безкорыстный защитникъ святости власти царственной и благодѣтельнаго единоначалія, пѣвецъ доблестей, составляющихъ славу героевъ и честь народовъ, творецъ Иліады не напрасно извлекаетъ хвалы изъ устъ Солоновъ, слезы изъ очей Александровъ, не напрасно похищаетъ уваженіе и отъ мужей Откровеніемъ озаренныхъ, Василіевъ Великихъ, Іоанновъ Златоустовъ: воспѣвая невинность и чистоту нравовъ, благоговѣніе къ Божеству, любовь къ отечеству, почтеніе къ родителямъ, уваженіе къ старости, святость супружескихъ союзовъ, великодушную дружбу, охранительное мужество, мудрость въ дѣлѣ и словѣ, Гомеръ своими пѣснями съ простотою дѣтскою насадилъ для человѣчества благопріятнѣйшіе цвѣты добродѣтели, которые расцвѣли подъ лучами

всеобщаго свѣта. Всѣ образованные народы одинъ передъ другимъ ревновали украсить отечественную словесность твореніемъ Гомера“.

Заслуги Гнѣдича

Изъ высказаннаго выше не трудно видѣть, что Гнѣдичъ

Гнѣдичъ, Жуковскій, Пушкинъ и Крыловъ. Снимокъ съ современной картины.

сознавалъ значеніе и достоинство той услуги, которую онъ оказывалъ русской словесности. Дѣйствительно, двадцатилѣтній непрерывный трудъ его надъ „Иліадой“ Гомера доставилъ намъ возможность основательно ознакомиться съ этимъ величайшимъ произведеніемъ классической древности и притомъ ознакомиться въ переводѣ достаточно близкомъ къ подлиннику, нѣсколько тяжеломъ и шероховатомъ по языку, однакоже передающемъ довольно вѣрно

и духъ, и бытъ той народной среды, въ которой нѣкогда создались Гомеровы пѣсни. Гнѣдичъ, посвятившій этому труду большую и лучшую часть своей жизни, имѣлъ поэтому право разсчитывать на то, что трудъ его будетъ встрѣченъ съ заслуженнымъ уваженіемъ и вниманіемъ. Но пріемъ, оказанный его переводу „Иліады“, былъ болѣе чѣмъ холоденъ. Очень немногіе истинно просвѣщенные люди оцѣнили его по достоинству; большинство осталось совершенно равнодушнымъ, и критика, примѣнимая къ двадцатилѣтнему труду переводчика, была ничтожна, мелочна и невѣжественна. Эту холодность публики Гнѣдичъ (жестоко ею обиженный) объяснялъ весьма справедливо отсутствіемъ подготовки къ пониманію древнихъ образцовъ, которому вовсе не способствовала школа. „У насъ нѣтъ еще никакихъ руководствъ къ понятіямъ справедливымъ о древности и слѣдственно къ чтенію древнихъ писателей съ удовольствіемъ и пользою“, писалъ Гнѣдичъ, и былъ совершенно правъ въ своемъ предположеніи. Громадная заслуга его была оцѣнена уже только гораздо позже...

Въ дополненіе къ тому, что было выше изложено о Гнѣдичѣ, добавимъ, что онъ, проживъ бо́льшую часть своей жизни съ древними греками, такъ освоился съ этимъ міромъ, что и въ остальной своей литературной дѣятельности не могъ отъ нихъ отрѣшиться: даже простой русскій бытъ рисовалъ себѣ постоянно, приравнивая его къ народному быту древнихъ. Такъ въ 1817 г. онъ написалъ лирическую поэму: „*Рожденіе Гомера*“, а затѣмъ, подражая Ѳеокриту, создалъ весьма граціозную идиллію „*Рыбаки*“, въ которой набросалъ очень заманчивую картину сѣверной (петербургской) природы и быта рыбаковъ, промышляющихъ на столичномъ взморьѣ. Наконецъ, въ 1825 г., не выходя изъ того же заколдованнаго круга греческой жизни и поэзіи, Гнѣдичъ, вдохновленный борьбою современныхъ грековъ противъ турецкаго владычества, перевелъ цѣлый сборникъ народныхъ греческихъ пѣсенъ, который и издалъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „*Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ*“.

Въ теченіе всей своей жизни связанный тѣснѣйшею дружбою съ Крыловымъ, съ которымъ и служилъ вмѣстѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ и жилъ на одной лѣстницѣ, Гнѣдичъ и послѣ кончины оказался близкимъ сосѣдомъ знаменитаго баснописца: ихъ могилы стоятъ рядомъ на Александро-Невскомъ кладбищѣ. Друзья и почитатели покойнаго Гнѣдича воздвигли ему скромный памятникъ, начертавъ на немъ: „Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира“; и на другой сторонѣ памятника стихъ изъ Иліады:

«Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися».

Постоянно-одинокій отъ самой ранней юности, Гнѣдичъ очень способенъ былъ привязываться къ тѣмъ, кто его ласкалъ и относился къ нему дружелюбно: такъ во всю жизнь онъ былъ преданнѣйшимъ другомъ семьи Олениныхъ, въ которой постоянно проводилъ вечера, вмѣстѣ съ Крыловымъ. Свое всегдашнее одиночество онъ очень характерно и наглядно изобразилъ въ слѣдующемъ предсмертномъ стихотвореніи:

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ,
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ,
Прошелъ одинокъ его тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной ливійской юдоли,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ.
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ.

Послѣ стаею цѣлой къ источнику черному рыщутъ;
Тамъ языками ихъ гибкими черную [мутную] воду потока
Лочутъ, рыгая кровь поглощенную [умерщвленныхъ]; въ персяхъ ихъ буйныхъ
Сердце безстрашное бьется, и страшно чрева ихъ раздуты.

Автографъ Гнѣдича. Четыре строки изъ его перевода Иліады.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Крыловъ въ царствованіе Императора Александра I.—Басня, какъ особый литературный родъ, которому онъ себя посвятилъ.—Отношенія басенъ къ современности и къ личности автора.—Басни Крылова, какъ выраженіе его воззрѣній на русскую жизнь и дѣйствительность.—Историческія басни.—Мораль Крыловскихъ басенъ.—Характеристика Крылова, какъ человѣка и писателя.

Крыловъ и Дмитріевъ.

Въ концѣ 1805 года къ И. И. Дмитріеву, въ то время уже прославленному русскому писателю, а главнымъ образомъ баснописцу и переводчику Лафонтеновыхъ басенъ, явился человѣкъ уже пожилой и совершенно ему неизвѣстный, отрекомендовался и отдалъ на его судъ три басни, отчасти переведенныя, отчасти передѣланныя изъ Лафонтена. Басни эти были: „*Дубъ и трость*"; „*Разборчивая невѣста*" и „*Старикъ и трое молодыхъ*". Авторъ ихъ, Крыловъ, принесъ свои произведенія И. И. Дмитріеву на показъ и одобреніе—по обычаю времени—какъ младшій и малоизвѣстный писатель, старшему и уже знаменитому. Знаменитый писатель, которому, въ данномъ случаѣ, пришлось исполнить роль мецената, одобрилъ принесенныя ему басни и, при очень лестномъ письмѣ, переслалъ ихъ князю Шаликову, который и напечаталъ ихъ въ своемъ журналѣ „*Московскій Зритель*". Оказывая эту литературную любезность Крылову, Дмитріевъ, конечно, и не предполагалъ, что оказываетъ ее сопернику, который похититъ у него лавры перваго баснописца и титулъ „Россійскаго Лафонтена". Крыловъ былъ въ ту пору въ Москвѣ только проѣздомъ—кажется, послѣ тѣхъ двухлѣтнихъ темныхъ скитаній, которыя до сихъ поръ представляютъ его біографамъ обширное поле для догадокъ; затѣмъ онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ онъ осѣлъ навсегда—и гдѣ на этотъ разъ нашелъ свое счастье...

Комедіи и басни.

Существуютъ нѣкоторыя указанія на то, что первая попытка переводить Лафонтеновы басни была сдѣлана Крыловымъ еще въ 1781 году и будто бы многіе знатоки и тогда уже ободряли юношу похвалами и поощряли къ дальнѣйшей разработкѣ этого литературнаго рода. Но его увлекалъ театръ и журнальная сатира, въ которой онъ довольно успѣшно изощрялъ свое остроуміе. Почти четверть вѣка спустя, когда онъ явился къ И. И. Дмитріеву со своими тремя баснями и удостоился одобренія — когда онъ, повидимому, уже и самъ сознанъ свои силы и рѣшился ихъ посвятить разработкѣ басни—театръ еще разъ отвлекъ его въ сторону отъ его настоящаго назначенія. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ сблизился съ княземъ А. А. Шаховскимъ и въ теченіе одного 1807 года поставилъ на сцену три пьесы; комедіи: „*Модная лавка*" и „*Урокъ дочкамъ*" и волшебную оперу: „*Илья Муромецъ*". Всѣ три пьесы вызваны были общимъ патріотическимъ настроеніемъ со-

временной литературы, въ которой громко высказывалась ненависть къ французамъ и пристрастіе ко всему русскому и родному. Только уже въ 1808 году Крыловъ окончательно перестаетъ работать для сцены и останавливается исключительно на одномъ литературномъ родѣ: на баснѣ... Въ этомъ году 17 новыхъ басенъ Крылова являются въ „Драматическомъ Вѣстникѣ", журналѣ князя Шаховского. Въ томъ же году Крыловъ снова поступаетъ на службу (сначала при монетномъ дворѣ, а потомъ при Императорской Публичной Библіотекѣ). Вообще говоря, этотъ 1808 годъ былъ годомъ важнаго перелома въ жизни и литературной дѣятельности Крылова.

Успѣхи Крылова.

Съ этого года счастье начинаетъ служить вѣрную службу Крылову и обращаетъ всю дальнѣйшую жизнь его въ рядъ успѣховъ, удачъ и наградъ, которые такъ и сыплются на него, безъ малѣйшаго старанія съ его стороны. Мало того: литературная слава, которая такъ туго и трудно достается другимъ, за которою многіе, вполнѣ достойные ея писатели гоняются всю жизнь—увѣнчала лаврами Крылова съ первыхъ его шаговъ въ этомъ второмъ періодѣ его литературной карьеры. Дѣйствительно поразительными и беспримѣрными въ своемъ родѣ являются для насъ, напримѣръ, такіе факты: съ 1808 года Крыловъ посвящаетъ себя баснѣ, а въ 1811 году, секретарь Россійской Академіи, препровождая къ нему дипломъ на званіе дѣйствительнаго ея члена, уже находитъ нужнымъ высказать, что „сочиненія его служатъ истиннымъ обогащеніемъ и украшеніемъ словесности россійской... Въ 1811 и 1812 году Крыловъ печатаетъ нѣсколько басенъ, связанныхъ съ историческими событіями Отечественной войны; а уже въ февралѣ 1812 г., по Высочайшему указу, ему начинаютъ производить изъ Кабинета пенсіонъ по 1500 р. въ годъ [1]). Дальнѣйшая его литературная и весьма скромная служебная дѣятельность представляетъ собою нѣчто вродѣ тріумфальнаго шествія, особенно съ той минуты, когда нашъ баснописецъ попалъ въ кружокъ литераторовъ и ученыхъ, собиравшійся въ Павловскѣ, въ Розовомъ павильонѣ, около императрицы Маріи Θеодоровны.

Характеръ дѣятельности.

Не мѣшаетъ, однакоже, замѣтить, что дѣятельность Крылова была далеко не изъ тѣхъ, которыя поражаютъ плодовитостью или усердіемъ автора. Онъ работалъ, какъ самый спокойный и лѣнивый художникъ: брался за перо рѣдко, писалъ сколько хотѣлъ и потомъ забрасывалъ и перо, и работу свою на неопредѣленное время.

---

[1]) Пенсіонъ этотъ производился при жалованьѣ и на службѣ; черезъ восемь лѣтъ (1820 г.) онъ былъ удвоенъ, а въ 1834 г. къ этимъ 3.000 р. прибавлена новая пенсія въ 3.000 р., изъ государственнаго казначейства. Въ 1841 г., по выходѣ Крылова въ отставку, повелѣно было, сверхъ 6.000 р., производить пенсію въ 5.700 р., такъ что онъ до конца жизни получалъ 11.700 р. одной пенсіи.

Случалось, что онъ на время поддавался порыву своей творческой силы и выказывалъ даже нѣкоторую плодовитость: такъ между 1806 и 1818 г. онъ написалъ 140 басенъ, т. е. почти двѣ трети всего написаннаго имъ запаса басенъ.

Но зато въ слѣдующее двадцатипятилѣтіе (1818—1843 гг.) изъ-подъ его пера вышли только 58 басенъ; и изъ нихъ опять-таки 39 басенъ были написаны въ два плодовитые года (1825 и 1830),

И. А. Крыловъ, по оригиналу Брюлова.

а въ остальные 23 года—всего 19. Такая неравномѣрность творчества поражала многихъ, и ее старались объяснить различно.. Самъ онъ, на обращенный къ нему вопросъ одной дамы, почему онъ такъ мало пишетъ, отвѣчалъ довольно уклончиво.

„— Я предпочитаю,—сказалъ онъ — чтобы меня упрекали, для чего я не пишу, нежели дописаться до того, чтобы спросили: зачѣмъ я пишу...“

Въ этомъ отвѣтѣ какъ-будто слышится какая-то чрезвычайная гордость и необычайно-развитое авторское самолюбіе, которое

и дѣйствительно составляло одну изъ выдающихся чертъ въ характерѣ Крылова. Но онъ, видимо, не рѣшился указать откровеннѣе на ту основную причину, которая постоянно руководила его творчествомъ: на ту феноменальную лѣнь, неподвижность и

И. А. Крыловъ. По рисунку художника Тимма.

неповоротливость, которыя и у него, какъ у многихъ геніальныхъ русскихъ людей составляли типическую черту характера, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда судьба даетъ имъ такое спокойное, счастливое и обезпеченное положеніе на свѣтѣ, какъ Крылову.

Что именно счастливое, исключительно-привилегированное положеніе Крылова оказывало на его творчество это вліяніе, въ этомъ мы убѣдимся сравненіемъ его дѣятельности въ періодъ, наступившій послѣ 1806 года, съ періодомъ предшествующимъ — съ годами его ранней и довольно бурной молодости. Если мы припомнимъ то, что мы уже передавали выше объ этомъ молодомъ Крыловѣ-журналистѣ и сатирикѣ, то мы почти не узнаемъ его въ томъ апатичномъ, равнодушномъ ко всему и невозмутимо-спокойномъ богатырѣ мысли, какимъ онъ является намъ по возвращеніи изъ своихъ невѣдомыхъ скитаній... Этотъ богатырь, который постоянно такъ умно и сосредоточенно молчитъ, такъ ревниво хранитъ въ себѣ какую-то громадную силу, которую почти боится выдать и выказать — это вовсе не тотъ Крыловъ, который, еще будучи двадцатилѣтнимъ юношей, удивлялъ опытныхъ литераторовъ остротою и живостью ума, плодовитостью пера, ѣдкостью своей занозистой сатиры, безпощадно-бичевавшей общество все по тѣмъ же его наболѣвшимъ язвамъ, которыя уже задолго до него были вскрыты его предшественниками на поприщѣ журнальной сатиры. Это не тотъ Крыловъ, который такъ легко освоивался съ домомъ своего покровителя и вельможи и былъ въ немъ душою жизни и веселья, кумиромъ молодежи, которая слушала его препода-

И. А. Крыловъ, по наброску Брюлова.

И. А. Крыловъ, по современному рисунку въ альбомѣ.

ваніе съ восторгомъ и „на всю жизнь набиралась ума“ около этого живого и умнаго преподавателя. Мы видимъ передъ собою сорокалѣтняго старика, который прошелъ черезъ какой-то страшный опытъ жизни, видывалъ всякаго рода „виды“, дошелъ до края, испытывая свои силы, и, можетъ-быть, подъ вліяніемъ этого испытанія ко всему охладѣлъ, кромѣ своего личнаго спокойствія. Отлично изучивъ людей, сознавая свои силы, онъ рѣшился ими пользоваться исподволь и понемногу, чтобы всѣ могли его силы цѣнить и ихъ опасаться; и затѣмъ на всю свою жизнь замкнулся въ такое эпикурейское величіе и спокойствіе, изъ котораго не могли его извлечь никакія бѣдствія, никакія страданія окружавшихъ его людей, никакіе подвиги ума или доблести его народа, никакія явленія въ жизни русскаго общества. Постоянно и ко всему одинаково равнодушный, невольно внушавшій всѣмъ уваженіе и даже нѣкоторое опасеніе—Крыловъ иногда изумлялъ ихъ силою и блескомъ своего оригинальнаго дарованья, своего обширнаго, чисто-русскаго ума; но никогда и никого онъ не привелъ въ восторгъ, не заставилъ забыться подъ впечатлѣніемъ порыва, который бы шелъ прямо изъ сердца и говорилъ бы сердцу каждаго языкомъ чувства, внятнымъ и дорогимъ среди вѣчнаго гула и рева житейскаго моря. Вотъ какимъ представляется намъ Кры-

И. А. Крыловъ. Иллюстрація къ баснѣ «Огородникъ», въ Слёнинскомъ изданіи басенъ.

ловъ въ этомъ второмъ, зрѣломъ періодѣ своей литературной дѣятельности (послѣ 1806 г.)—Крыловъ-баснописецъ и прославленный русскій писатель... Такимъ оставался онъ и до конца жизни.

Нравственный обликъ нашего знаменитаго баснописца нашелъ себѣ полнѣйшее отраженіе во всей его литературной дѣятельности второй половины жизни. Нельзя упустить изъ виду того, что эта вторая половина жизни сложилась у Крылова удивительно своеобразно: отъ поступленія на службу помощникомъ библіотекаря по русскому отдѣленію въ Императорскую Публичную Библіотеку до самой смерти, сначала на казенной, а по выходѣ въ отставку на частной квартирѣ, Крыловъ велъ постоянно одну и ту же жизнь полной неподвижности и невозмутимаго покоя физическаго, къ которому его побуждала внутренняя потребность въ покоѣ, даже какъ бы въ усыпленіи нравственномъ. Этому покою вполнѣ соотвѣтствовало изумительное однообразіе жизни баснописца, въ которой, дѣйствительно, надъ всѣми умственными и нравственными потребностями преобладалъ „положенный часъ приливамъ и отливамъ". Крыловъ выходилъ изъ дома только на службу или на обязательную прогулку, при-

Иллюстрація къ баснѣ «Василекъ», въ томъ же изданіи.

Подлинная рукопись И. А. Крылова.
С. 9 Мая 1812

На сихъ дняхъ прислали изъ А. С. Шишкову (неизвѣстно кѣмъ) стихи отъ моего имени, которые и напечатали въ типографіи у Дрекслера съ моимъ же именемъ — вотъ они.

Государственному секретарю
А. С. Шишкову
Апреля 13 дня 1812 года

На случай всемилостивѣйше пожалованной ему для слѣдованія за Его Императорскимъ величествомъ коляски.

Шишковъ, оставя днесь Бесѣды мирный домъ,
Ты ѣдешь въ славный путь въ каретѣ подъ орломъ.
Нашъ добрый царь тебѣ вручая важно дѣло,
Старается твое хранить, покоить тѣло;
Лишь это надобно, о тѣлѣ только рѣчь;
Неколебимый духъ умѣешь самъ беречь.
И: Крыловъ.

Небольшему надобно быть знатоку, чтобы увидѣть, сколь нелѣпы и безтолковы сіи стихи; но безтолковые стихи у насъ не въ диковинку, такъ что и чрезвычайнаго ничего нѣтъ; а удивительно то, что сочинитель ихъ не только скрылъ свое имя; но даже выставилъ чужое. [illegible] человѣческаго [illegible] покажется конечно его загадкою; ибо [illegible], что чѣмъ глупѣе творенія приличнѣе вообще,

Автографъ И. А. Крылова. Хранится въ собраніи рукописей П. Я. Дашкова.

Тем охотнее и полнее сочинитель выставляет
свое имя; а естьли этих нет, а это еще первой
подкидыш на вершине Парнасса. Я не ~~[illegible]~~
знаю почему Автору вздумалось славу своей
музы сокрыть под чужим именем, и почитаю
долгом сказать, что я стихов сих не писал
за уважение мое к А: С: Шишкову столь
велико, что я бы почел непростительным вставить
имя почтенного сего человека, в столь не-
ловкие стихи, в коих похвала хуже брани.

И: Крылов

чемъ не утомлять себя ни тою, ни другою; внѣ этихъ двухъ выходовъ у него было еще только два такихъ же обязательныхъ выѣзда — на обѣдъ въ англійскій клубъ, гдѣ онъ былъ постояннымъ членомъ, и на вечеръ въ радушную семью Олениныхъ, гдѣ онъ былъ такимъ же постояннымъ завсегдатаемъ, какъ и Гнѣдичъ, и многіе другіе представители современной русской литературы. Лишь изрѣдка это обычное однообразіе нарушалось посѣщеніемъ засѣданій шишковской „Бесѣды“ или Россійской Академіи, да приглашеніемъ ко Двору вдовствующей императрицы Маріи Θеодоровны, причемъ Крыловъ всегда и вездѣ держалъ себя одинаково: умно и вдумчиво молчалъ, а на обращенныя къ нему рѣчи и вопросы отвѣчалъ коротко и сжато. И. С. Тургеневъ весьма тонко и художественно передаетъ намъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ то впечатлѣніе, которое оставилъ въ немъ Крыловъ, видѣнный имъ однажды „на вечерѣ у одного чиновнаго, но слабаго петербургскаго литератора. Онъ просидѣлъ тамъ часа три слишкомъ, неподвижно, между двумя окнами — и хоть бы слово промолвилъ...“ Онъ опирался обѣими руками на колѣни и даже не поворачивалъ своей колоссальной, тяжелой и величавой головы; только глаза его изрѣдка двига-

Иллюстрація къ баснѣ «Безбожники».
Въ Слёнинскомъ изданіи басенъ Крылова.

Тургеневъ и Крыловъ.

лись подъ нависшими бровями. Нельзя было понять: что онъ — слушаетъ ли и на усъ себѣ мотаетъ, или просто такъ сидитъ и „существуетъ". Ни сонливости, ни вниманія въ этомъ обширномъ, прямо-русскомъ лицѣ — а только ума палата, да заматерѣлая лѣнь, да по временамъ что-то лукавое словно хочетъ выступить наружу и не можетъ или не хочетъ пробиться сквозь весь этотъ старческій жиръ..."

Значеніе Крылова.

Это удивительно живое и пластично-переданное впечатлѣніе можетъ служить почти комментаріемъ ко всей литературной дѣятельности Крылова въ ея второмъ періодѣ (послѣ 1806 г.). Въ началѣ, какъ мы видѣли изъ перечисленія его басенъ, онъ писалъ довольно часто, и басни его не всегда были выраженіемъ какой-нибудь отвлеченной идеи, принципа или вывода практической житейской мудрости; иногда онѣ служили отвѣтомъ на запросы русской общественной жизни; иногда даже откликомъ на историческія событія, за которыми съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдили всѣ русскіе люди. Но и во всѣхъ этихъ случаяхъ это былъ не живой голосъ души, отзывчивой на всѣ явленія современности, а спокойное и равнодушное сужденіе человѣка, который не позволяетъ себѣ выходить изъ совершенно безотвѣтственной роли сторонняго наблюдателя или, какъ говоритъ поэтъ: „дьяка, который спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ". Но эти сужденія и отзывы, эти наблюденія и личныя мнѣнія, облеченныя авторомъ въ изящную и высоко-художественную форму коротенькой басни, окончательно разъясненной еще болѣе краткимъ нравоученіемъ — представлялись всѣмъ вполнѣ законченными произведеніями, принимались всѣми съ восторгомъ, а потомъ и съ благоговѣніемъ, и каждое изъ нихъ какъ бы вплетало новый листокъ въ лавровый вѣнецъ счастливаго избранника судьбы и литератора-баловня. И въ самомъ дѣлѣ: нельзя было не восхищаться этими прекрасными произведеніями геніальнаго баснописца: они были такъ объективны, такъ безобидны, и такъ остроумны, такъ затѣйливо и чудесно задуманы, такъ ловко изложены и такъ сильно выражены. Даже тотъ, на кого мѣтила та или другая басня, едва ли нашелъ бы поводъ оскорбиться ея намеками: до такой степени они были облечены въ туманъ иносказанія и во всякіе хитроумные обходы и постороннія прикрасы... И при всемъ томъ, въ каждой изъ этихъ басенъ было столько ума, столько тончайшей наблюдательности, столько знанія людей и пониманія ихъ основныхъ, природныхъ свойствъ, что даже и предубѣжденный противъ Крылова человѣкъ читалъ каждую его басню съ истиннымъ наслажденіемъ, заучивалъ ее наизусть, запоминалъ каждое ея словцо, каждое выраженіе, и даже не прочь былъ щегольнуть въ обществѣ заимствованнымъ изъ нея при-

словьемъ. И если нѣкоторыхъ, чрезчуръ изысканныхъ любителей изящной литературы, отвращала отъ произведеній Крылова ихъ своеобразная форма, ихъ (иногда намѣренно) грубоватый тонъ и слишкомъ откровенный способъ выраженія, ихъ языкъ, переполненный чисто-русскими простонародными выраженіями, то именно эти-то стороны и привлекали къ Крылову большинство читающихъ русскихъ людей, потому что онъ болѣе, чѣмъ какой-либо иной писатель, былъ общедоступенъ, былъ всѣмъ понятенъ отъ малаго ребенка и до вполнѣ зрѣлаго, искушеннаго жизнью человѣка.

Мораль басенъ Крылова.

Но что же говорила всѣмъ эта общедоступная и общепонятная басня Крылова? Почему она всѣмъ имъ нравилась? Почему такъ приходилась по-нутру? Кого такъ удовлетворяли эти идеалы, эти воззрѣнія и мнѣнія, что слава Крылова возросла въ короткое время до громадныхъ размѣровъ и получила распространеніе по всей Россіи?

Прежде чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, необходимо сказать два слова о той внѣшней формѣ, которую Крыловъ усвоилъ своимъ баснямъ. Объемомъ ихъ онъ не стѣснялся, и разсказъ объ извѣстномъ событіи или явленіи онъ излагалъ то совсѣмъ кратко, въ самыхъ общихъ чертахъ, то растягивалъ и расширялъ въ большую фабулу, украшенную всякими бытовыми подробностями и послѣдовательно-изложенными эпизодами. Очевидно, что въ изложеніи этой части басни Крыловъ не руководствовался никакими строго-обдуманными и строго-опредѣленными правилами, а отдавался вполнѣ на произволъ своего настроенія.

Не то видимъ въ его отношеніи къ такъ-называемой „морали" или *нравоученію*,—выводу басни; онъ строго обдумывалъ ее, строго соразмѣрялъ съ объемомъ самой басни и иногда ставилъ ее въ началѣ какъ сентенцію, подтверждаемую баснею, а иногда—въ концѣ, какъ выводъ. По временамъ онъ достигалъ даже удивительнаго лаконизма, замѣняя мораль однимъ намекомъ—одною ссылкою на дѣйствительность.

«Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью:
— Ну, такъ и кажется, что—быть ему въ «раю».

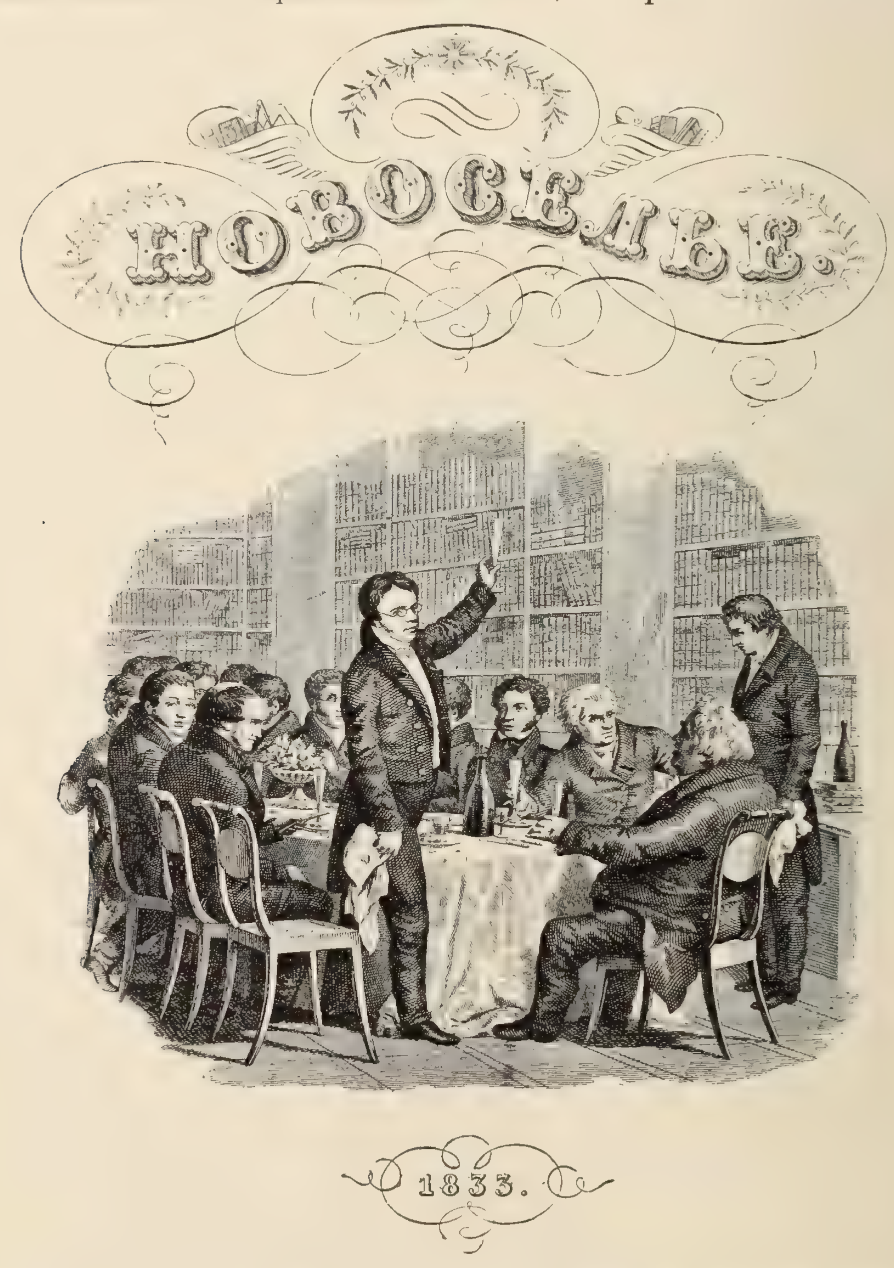
Или еще:

«Отцы, понятно ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?»

И этимъ все сказано!

Были и такіе наивные люди, которые осуждали вообще мораль басенъ Крылова: находили ее то неутѣшительною, то не достаточно-назидательною—какъ будто Крыловъ принялъ на себя обязательство составить сборникъ нравственныхъ разсказовъ и нравоучительныхъ притчей для юношества. Само собою разумѣется, что никакими подобными цѣлями Крыловъ никогда не

задавался и писалъ всегда только то, что ему въ извѣстную данную минуту хотѣлось написать подъ извѣстнымъ впечатлѣніемъ или высказать по извѣстному поводу. Изъ басенъ своихъ онъ выводилъ извѣстнаго рода выводы, а иногда, наоборотъ, строилъ всю свою басню на готовомъ житейскомъ правилѣ, но, при этомъ, онъ, кажется, менѣе всего заботился о томъ, чтобъ эта басенная мораль подчинялась какой-нибудь системѣ или общей, предвзятой идеѣ: онъ предоставлялъ себѣ полную свободу подводить къ своей баснѣ тотъ нравственный итогъ, который могъ быть изъ

Титульный листъ къ альманаху «Новоселье». И. А. Крыловъ на литературномъ обѣдѣ.

нея выведенъ, и нимало не тревожился о томъ, что̀ скажутъ современники или послѣдующее поколѣніе о его выводахъ. Онъ прямо, не обинуясь, задаетъ себѣ на разрѣшеніе и такіе вопросы, которые, казалось бы, и до него давно уже разрѣшены въ извѣстномъ опредѣленномъ смыслѣ:

„Полезно ль просвѣщеніе?“ — спрашиваетъ Крыловъ; и рѣшаетъ этотъ вопросъ не прямымъ утвержденіемъ, а условнымъ:

Кабинетъ И. А. Крылова.

«Полезно, слова нѣтъ о томъ,
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравовъ развращенье.
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславье не навлечь имъ, вмѣсто славы».

Близкое къ этому и тоже условное рѣшеніе вопроса о просвѣщеніи видимъ и въ другой баснѣ:

«Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину,

И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою».

Таковъ его взглядъ на просвѣщеніе и науку, высказанный открыто и безъ стѣсненія, безъ оговорокъ; а вотъ и его взглядъ на свободу:

«Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана».

Таковъ его взглядъ на два величайшія блага, какими дано пользоваться человѣчеству!.. А какъ смотритъ онъ на зло, на бѣдствія общественныя, на пороки людскіе? Опять-таки, какъ сторонній наблюдатель — съ насмѣшкой, съ презрительной улыбкою, съ такимъ равнодушнымъ покачиваніемъ головы и пожатіемъ плечъ, съ какимъ люди привыкли относиться къ явленіямъ жизни обыденнымъ и неизбѣжнымъ: къ неблагодарности, къ клеветѣ, къ безучастію въ чужомъ горѣ и т. п. И если мы отдѣлимъ всѣ эти нравственные выводы басенъ Крылова отъ ихъ разсказа (отъ самаго изложенія басни), то получимъ довольно ясное представленіе о нравственномъ обликѣ нашего баснописца— этого умнѣйшаго знатока человѣческаго сердца и этого типическаго консерватора, не столько по убѣжденію въ томъ, что прогрессъ вреденъ или опасенъ, сколько по опасенію, что онъ можетъ и долженъ вывести насъ изъ состоянія пріятной лѣни и спокойнаго застоя. Въ этомъ отношеніи Крыловъ является намъ прямымъ и вполнѣ послѣдовательнымъ представителемъ той огромной массы русскаго народа, которой еще только слегка коснулось просвѣщеніе: она не избалована благами жизни, но считаетъ несчастіемъ уже и самую возможность утратить то, что имѣетъ и чѣмъ пользуется... „А будетъ-ли лучше? А что если хуже будетъ?.. Нѣтъ, уже лучше пусть хоть такъ останется!“— и эта философія „здраваго смысла толпы“ проглядываетъ въ каждой строкѣ басенъ Крылова. Нигдѣ ни порицанія, ни живого отголоска возмущенной души, ни воззванія къ лучшимъ ея чувствамъ: одна только лукавая улыбочка, да благоразумное предостереженіе, въ родѣ знаменитаго: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не зѣвалъ...“

Критика о Крыловѣ.

„Переходъ отъ многихъ отрицаній, выраженныхъ Крыловымъ, къ общему утвержденію, теменъ и затруднителенъ,—говоритъ г. Галаховъ въ общемъ выводѣ о басняхъ Крылова: — идеалъ даетъ себя знать всегда и повсюду, больше или меньше проникаетъ каждое поэтическое созданіе; его нельзя скрыть: онъ обнаруживается такъ или иначе — подборомъ ли предметовъ, ха-

рактеромъ ли нравоученій, или веньшкой лирической, причемъ самъ авторъ выдвинется изъ-за своей работы. Ничего подобнаго у Крылова нѣтъ. Большинство его басенъ какъ бы говоритъ за него: „моя хата съ краю, ничего не знаю“. Тотъ ошибется, конечно, кто на слово повѣритъ этой пословицѣ. Напротивъ, Крыловъ *очень хорошо зналъ*: но отъ знанія дѣла до сочувствія къ дѣлу далеко; еще дальше до участія въ дѣлѣ, а самое большое разстояніе до инниціативы въ немъ. Безстрастіе было отличительнымъ свойствомъ его духовной природы: въ покоѣ безстрастія заключался его идеалъ“.

Почти то же говорилъ о Крыловѣ одинъ изъ современниковъ, близко его наблюдавшій [1]). „Природа надѣлила его всѣми талантами,—говоритъ современникъ.—Одного ему дано не было: душевнаго жара, священнаго огня... Вездѣ умъ—нигдѣ не проглянетъ чувство. Человѣкъ этотъ никогда не зналъ ни дружбы, ни любви, никого не удостоивалъ своего гнѣва, никого не ненавидѣлъ, ни о комъ не жалѣлъ; никогда не вспоминалъ о прошедшемъ, никогда не радовался ни славѣ нашего оружія, ни успѣхамъ просвѣщенія. Двѣ трети столѣтія прошелъ онъ одинъ сквозь нѣсколько поколѣній, одинаково равнодушный, какъ къ отцвѣтшимъ, такъ и къ зрѣющимъ...“

Въ заключеніе того, что выше высказано нами о Крыловѣ, о его литературной дѣятельности и о соотношеніи этой дѣятельности съ его нравственною природою, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ его басенъ, о ихъ стихотворномъ складѣ и, наконецъ, о томъ изумительномъ языкѣ его басенъ, который представляетъ въ высшей степени поучительную и замѣчательную переходную ступень въ исторіи развитія нашего литературнаго языка. Съ самаго ранняго дѣтства поставленный судьбою близко къ народу, онъ и впослѣдствіи имѣлъ возможность близко наблюдать его бытъ, всматриваться во всѣ подробности и вслушиваться во всѣ оттѣнки его рѣчи, которые превосходно усваивалъ себѣ при помощи своей необычайной памяти и блестящихъ способностей. Поэтому даже и въ первыхъ, юношескихъ своихъ произведеніяхъ, онъ уже безъ всякой натяжки заставляетъ говорить „лицо изъ народа“ чистымъ и правильнымъ народнымъ говоромъ. Близкое знакомство съ языкомъ народнымъ выказалось и въ его сатирическихъ журнальныхъ статьяхъ, которыя написаны очень живо, рѣзко и хлестко. Замѣчательно, что даже и въ эту пору онъ никогда не употреблялъ въ своей рѣчи иностранныхъ словъ, очень ловко ихъ избѣгая и искусно умѣя обойтись своимъ личнымъ запасомъ. Въ этомъ нельзя даже не

Языкъ Крылова.

---

[1]) Ф. Ф. Вигель въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

видѣть нѣкоторой предвзятой мысли, и дальнѣйшая дѣятельность Крылова, какъ постояннаго члена „Бесѣды любителей русскаго слова", оправдываетъ наше предположеніе. Видно, что уже въ раннюю пору своей литературной дѣятельности онъ былъ противникомъ новаго Карамзинскаго языка и слога [1]). Это еще яснѣе выразилось въ періодъ его дѣятельности, какъ баснописца, когда онъ успѣлъ уже выработать себѣ свой особый, въ высшей степени своеобразный языкъ, въ которомъ онъ чрезвычайно ловко сумѣлъ выдержать середину между старымъ и новымъ слогомъ, сумѣлъ внести въ литературную рѣчь массу новыхъ словъ изъ

Домъ, въ которомъ жилъ и умеръ И. А. Крыловъ (на Вас. Остр., по I-й линіи).

языка народнаго, такихъ, которыя до него никто не рѣшался въ литературный языкъ ввести и которыя Крыловъ ему окончательно и навсегда усвоилъ. И все это онъ сумѣлъ выполнить чрезвычайно искусно — сумѣлъ слить разнородные составные элементы своей рѣчи воедино, безъ малѣйшаго насилія [2]). Но, пристально вглядываясь въ работу этого геніальнаго писателя надъ его ли-

[1]) Припомнимъ помѣщенную Крыловымъ похвальную рѣчь Ермолафиду, говоренную въ собраніи молодыхъ писателей. Извѣстно, кого разумѣлъ Крыловъ подъ этимъ вымышленнымъ названіемъ.

[2]) Онъ самъ осмѣялъ въ своей баснѣ «Парнасъ» насильственно составленныя слова «бесѣдчиковъ» и чиновъ Россійской Академіи, въ родѣ: «Красно-хитро-сплетенно слово» и др.

тературной рѣчью, мы можемъ почти осязать тѣ составныя части, изъ которыхъ онъ создавалъ свой языкъ, и различить въ немъ, въ видѣ наслоеній, старую основу литературнаго языка XVIII вѣка, новый наплывъ словъ, вступившихъ въ нашъ языкъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, элементъ народный, внесенный самимъ Крыловымъ, и наконецъ, элементъ личный, имъ

Надгробные памятники Крылова и Гнѣдича на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

выработанный, видоизмѣненный, примѣненный къ дѣлу извѣстнымъ образомъ, освѣщенный и осмысленный чрезвычайно своеобразно. Съ этой именно стороны—со стороны своего пестраго и разнороднаго состава—языкъ Крылова заслуживаетъ особаго изслѣдованія и еще ждетъ спеціальной разработки, [1]).

[1]) По личному педагогическому опыту, мы знаемъ, что Крыловъ не вполнѣ доступенъ не только дѣтскому, но даже и юношескому возрасту, со стороны особенностей своего языка. Для объясненія многихъ фразъ этого языка необходимо знакомство со словаремъ Россійской Академіи и спеціальной комментарій.

Чрезвычайно оригиналенъ по своему складу и тотъ видъ вольнаго стиха съ произвольнымъ количествомъ слоговъ, который Крыловъ примѣняетъ къ своимъ баснямъ. Стихъ у него не всегда гладокъ, мѣстами грубоватъ для слуха; но онъ всегда и вездѣ поставленъ въ соотвѣтствіи съ простою разговорною рѣчью и придаетъ баснѣ характеръ разсказа, написаннаго мѣрнымъ складомъ.

Вліяніе псевдо-классическое.

Басни Крылова, при всей своей однородности, сохранили, однакоже, на себѣ весьма опредѣленный характеръ произведеній человѣка, воспитавшагося и выросшаго подъ вліяніемъ традицій псевдо-классицизма. Огромное обиліе миѳологическихъ именъ, второстепеннаго, даже третьестепеннаго значенія, связь многихъ басенъ съ вѣрованьями классическаго міра или нравами и обычаями какого-то неопредѣленнаго Востока, который часто служилъ псевдо-классицизму замѣною иносказанія — все это такія приправы, безъ которыхъ баснописецъ, конечно, могъ бы обойтись, но которыя онъ вносилъ въ свои произведенія по навыку старой школы. Можетъ-быть, тѣмъ же вліяніемъ слѣдуетъ объяснить нѣкоторое безвкусіе въ постройкѣ самихъ басенъ, иногда некстати переполненныхъ эпизодическими вставками, иногда страдающихъ непослѣдовательностью вывода, неловкостью сравненій и излишествомъ украшеній. Но зато большинство басенъ, заимствованныхъ изъ живой среды народа, основанныхъ на характерныхъ чертахъ его быта, такія, какъ „*Крестьянинъ въ бѣдѣ*“, какъ „*Демьянова уха*“, какъ „*Три мужика*“, какъ „*Мельникъ*“ и т. д.— представляютъ собою совершеннѣйшія въ своемъ родѣ произведенія, высоко-художественныя, изобличающія въ авторѣ отличнаго знатока основныхъ чертъ характера русскаго народа и тонкаго ихъ наблюдателя.

Въ заключеніе этой главы позволимъ себѣ привести здѣсь одно изъ шуточныхъ, случайныхъ стихотвореній Крылова, которое прекрасно передаетъ намъ неистощимый юморъ этого вполнѣ русскаго человѣка, который ко всякому случаю умѣлъ подыскать свое умное и подходящее слово.

Крыловъ при Дворѣ.

Въ 1836 году Крылову пришлось участвовать въ придворномъ маскарадѣ въ костюмѣ боярина-кравчаго. Праздникъ былъ устроенъ по англійскому образцу; тотъ, кому достался кусокъ пирога съ запеченнымъ въ него бобомъ, избирался царемъ праздника. Къ этому-то „царю-бобу“ Крыловъ и обратился со своимъ стихотворнымъ привѣтствіемъ;

«По части кравческой, о царь, мнѣ рѣчь дозволь;
И то, чего тебѣ желаю,
И то, о чемъ я умоляю,
Не морщась, выслушать изволь.

Желаю, нашъ отецъ, тебѣ я аппетита,
Чтобъ на-день разъ хоть пять ты кушалъ бы до-сыта,
А тамъ бы спалъ, да почивалъ,
Да снова кушать бы вставалъ,—
Вотъ жить здороваго манера.
Съ ней къ году—за то я, кравчій твой, берусь—
Ты будешь ужъ не бобъ, а будешь царь-арбузъ!
Отецъ нашъ! Не бери ты съ тѣхъ царей примѣра,
Которые не лакомо ѣдятъ,
За подданныхъ не спятъ,
И только лишь того и смотрятъ, и глядятъ,
Чтобъ были всѣ у нихъ довольны и счастливы;
Но разсуди премудро самъ,
Что за житье съ такой работой пополамъ;
И бѣднымъ кравчимъ, намъ,
Какой тутъ ждать себѣ награды?
Тогда хоть брось все наше ремесло!
Нѣтъ! не того бы мнѣ хотѣлось:
Я всякій день молюсь тепло,
Чтобы тебѣ, отецъ, пилось бы лишь да ѣлось,
А дѣло бы на умъ не шло» [1]).

Крыловъ, какъ жилъ спокойно всю вторую половину своей жизни, такъ же спокойно и окончилъ ее, окруженный почетнымъ уваженіемъ, и не только обезпеченный, но почти богатый [2]). Въ 1838 году былъ отпразднованъ съ Высочайшаго разрѣшенія пятидесятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности; по этому случаю была даже выбита медаль съ его портретомъ и повсемѣстно открыта подписка на учрежденіе Крыловской стипендіи. Кончина и памятникъ Крылова.

По выходѣ въ отставку въ 1841 г., онъ доживалъ послѣдніе годы жизни, спокойный и независимый, необремененный никакими заботами — даже заботами о своей славѣ, которая и безъ всякихъ усилій съ его стороны, вѣнчала его даже и при жизни тѣми лаврами, которые другимъ знаменитымъ русскимъ писателямъ доставались на долю лишь послѣ смерти. Онъ скончался въ 1844 г. на 76-мъ году жизни, послѣ кратковременной болѣзни, и похороненъ былъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры, рядомъ со своимъ пріятелемъ Гнѣдичемъ—единственнымъ человѣкомъ, къ которому онъ былъ довольно близокъ при жизни.

Любопытно, что памятникъ, въ 1855 г. воздвигнутый Крылову въ Лѣтнемъ саду, на площадкѣ, которая служитъ любимымъ мѣстомъ дѣтскихъ игръ, былъ первымъ памятникомъ рус-

[1]) Воспользовавшись тѣмъ, что это шуточное стихотвореніе понравилось государю, Крыловъ тутъ же попросилъ у него дозволеніе прочесть ему свою басню „*Вельможа*“ и получилъ разрѣшеніе на ея напечатанье.

[2]) Въ послѣдніе три года жизни Крыловъ получалъ 11,750 руб. с. одной пенсіи въ годъ, кромѣ весьма значительныхъ доходовъ отъ продажи его сочиненій.

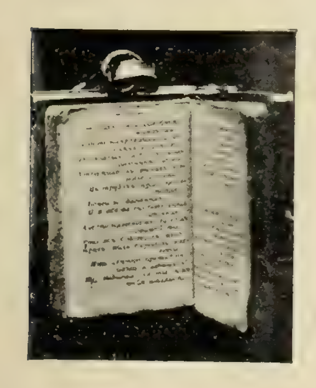
скому писателю, достойнымъ своего назначенія. Талантливый скульпторъ, баронъ П. Клодтъ, которому поручено было выполненіе такой трудной задачи, какъ памятникъ одному изъ попу-

Памятникъ И. А. Крылову въ Лѣтнемъ саду, въ С.-Петербургѣ.

лярнѣйшихъ нашихъ писателей, превзошелъ всѣ ожиданія своимъ прекраснымъ произведеніемъ. Онъ, первый изъ русскихъ художниковъ, рѣшился отступить отъ тяготѣвшихъ надъ нашимъ искусствомъ классическихъ традицій и не представилъ намъ Крылова ни въ туникѣ, ни въ тогѣ, ни съ лирою въ рукахъ, ни съ иными мудреными атрибутами художественной древности. Онъ просто и прямо пошелъ къ цѣли: изобразилъ Крылова въ его обычномъ просторномъ домашнемъ платьѣ, въ самой естественной позѣ, а на массивномъ и объемистомъ пьедесталѣ памятника помѣстилъ цѣлую вереницу живыхъ и художественно выполненныхъ сценъ изъ того животнаго царства, которое доставило Крылову такъ много готовыхъ сюжетовъ для его басенъ.

Этотъ прекрасный памятникъ явился въ такой же степени первымъ народнымъ памятникомъ русскому писателю, въ какой и самъ Крыловъ, въ своихъ басняхъ, первымъ вполнѣ народнымъ русскимъ писателемъ.

Два снимка съ миніатюрнаго изданія басенъ Крылова, изготовленнаго Экспедиціею Заготовленія Государственныхъ бумагъ къ его юбилею.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

А. С. Грибоѣдовъ. — Его особое, уединенное положеніе въ литературѣ. — Рѣдкій типъ писателя. — Увлеченіе театромъ и близкій ему кружокъ. — Первоначальные наброски «Горя отъ ума». — Литературная дѣятельность для сцены. — Дальнѣйшія работы надъ комедіей. — Увлеченіе политикой. — Послѣдніе годы жизни и преждевременная гибель. — Разборъ комедіи Грибоѣдова и ея значеніе въ исторіи нашей словесности.

Въ исторіи словесности каждаго народа встрѣчаются типы чрезвычайно разнообразныхъ литературныхъ талантовъ. Въ то время, когда всѣ живутъ кругомъ, живутъ одною жизнью, увлекаются однимъ общимъ теченіемъ, поклоняются однимъ общимъ кумирамъ, руководятся принципами, которые всѣми принимаются за непогрѣшимые, группируются около одного или нѣсколькихъ общепризнанныхъ вожаковъ или патріарховъ,—находятся и такіе писатели, которые стоятъ отъ всѣхъ въ сторонѣ, особнякомъ, создаютъ свои произведенія вполнѣ самостоятельно, отвергая всякія традиціи и пренебрегая всѣми установленными правилами и, къ удивленію всѣхъ своихъ современниковъ, добиваются громкой славы, иногда переживающей не одно поколѣніе. Случается даже, что такіе своеобразные таланты выливаются всецѣло въ одномъ произведеніи, которое возбуждаетъ во всѣхъ современникахъ удивленіе и преувеличенныя надежды и ожиданія; но жизнь отвлекаетъ автора въ сторону другихъ запросовъ и потребностей, и произведеніе остается одинокимъ памятникомъ необычайной силы дарованія, которое не шло обычнымъ и медленнымъ путемъ постепеннаго развитія, а вспыхнуло яркимъ пламенемъ и какъ бы все разомъ вылилось въ одномъ произведеніи...

Такимъ именно своеобразнымъ талантомъ въ нашей исторіи словесности является намъ *Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ* (род. 1795 г., ум. 1829 г.) со своей удивительной, нестарѣющей комедіей „*Горе отъ ума*“.

Вспоминая о Грибоѣдовѣ, не слѣдуетъ забывать, что онъ жилъ и создалъ свою комедію въ одинъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ нашей литературы, въ то время, когда гремѣлъ славою Жуковскій, и около него цѣлою плеядою группировалось поколѣніе молодыхъ писателей и поэтовъ, когда Пушкинъ ослѣпительно яркимъ свѣтиломъ поднялся надъ нашимъ литературнымъ горизонтомъ, когда интересы литературные сдѣлались насущнѣйшими интересами значительной доли русскаго образованнаго общества. Эти интересы сводили и разводили людей, собирали ихъ въ тѣсные дружескіе кружки или разъединяли ихъ на враждебные лагери... Время было именно такое, что необходимо было непремѣнно принадлежать къ которому-нибудь изъ этихъ круж-

ковъ, чтобы пользоваться хоть какимъ-нибудь значеніемъ въ литературѣ; надо было непремѣнно признавать чей-нибудь авторитетъ (хотя бы даже авторитетъ Шишкова), чтобы заявить о себѣ, какъ о членѣ общей литературной семьи, чтобы попасть въ списки „Парнасскаго Адресъ-Календаря"...

И что же мы видимъ? Совсѣмъ въ сторонѣ отъ всякихъ литературныхъ кружковъ, въ небольшомъ кружкѣ любителей театра и общества, акторовъ и актрисъ, является блестящій молодой человѣкъ, который занимается больше шалостями и любовными шашнями, нежели дѣломъ, ставитъ на сцену двѣ-три плохія пьески, вызванныя скорѣе желаніемъ угодить актрисѣ, за которою онъ ухаживаетъ, нежели потребностью писать, —и въ то же время всѣхъ поражаетъ своимъ замѣчательнымъ умомъ, своею талантливостью, своею образованностью, своимъ сильно развитымъ изящнымъ вкусомъ. Онъ непрерывно кружится въ какомъ-то вихрѣ, въ которомъ выказываетъ, однакоже, самостоятельный характеръ, силу воли и—прежде всего—страстное стремленіе къ независимости. Ни передъ кѣмъ не преклоняясь, ни у кого не заискивая, не выходя изъ весьма ограниченныхъ предѣловъ кружка близкихъ къ нему людей, не пользующихся никакимъ авторитетомъ въ литературѣ, онъ вдругъ, ни для кого нежданно, выступаетъ съ такимъ произведеніемъ, которое всѣхъ озадачиваетъ своею оригинальностью, новизною тэмы и даже новизною обработки этой тэмы, возбуждаетъ въ литературѣ массу толковъ и пересудовъ, производитъ переполохъ, сразу занявъ высокое положеніе среди лучшихъ представителей пера—и вдругъ такъ же быстро сходитъ съ литературной сцены, не оправдавъ ничьихъ надеждъ...

Грибоѣдовъ и Пушкинъ.

Не слѣдуетъ забывать, что Грибоѣдовъ былъ всего на четыре года старше Пушкина, что онъ выступилъ на литературное поприще со своею комедіею „Горе отъ ума" въ то время, когда Пушкинъ уже пользовался громкою, заслуженною славою и успѣлъ выказать лучшія стороны своего таланта въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ произведеній—и все же Грибоѣдовъ, вдругъ выдвинувшись, становится съ нимъ рядомъ, какъ вполнѣ самостоятельный мастеръ... А его комедія и до нашего времени сохраняетъ за собою такую свѣжесть, такую жизненность и правду въ выведенныхъ авторомъ на сцену типахъ и положеніяхъ, въ своемъ языкѣ и способѣ выраженій, что можетъ, пожалуй, въ этомъ отношеніи, смѣло стать на ряду съ лучшими произведеніями Пушкина.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ разбору произведенія, прославившаго имя Грибоѣдова, мы должны будемъ ознакомить нашихъ читателей съ нѣкоторыми подробностями біографіи этого писателя, такъ какъ очень многія черты его личности и жизни

нашли себѣ прямое отраженіе въ его произведеніи... Этотъ личный, чисто-субъективный характеръ комедіи слышится и чувствуется въ ней почти на всемъ ея пространствѣ, отъ начала и до конца: въ отдѣльныхъ сценахъ, какъ и въ отдѣльныхъ характерахъ, точно такъ же какъ и въ характерѣ главнаго дѣйствующаго лица, явно внесены нѣкоторыя черты личнаго характера автора.

А. С. Грибоѣдовъ, портретъ, приложенный къ первому изданію его комедіи.

Біографія Грибоѣдова.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ происходилъ не изъ очень стараго дворянскаго (и притомъ дьяческаго) рода [1]). Притомъ Грибоѣдовы не были и богаты, а между тѣмъ состояли въ родствѣ и свойствѣ съ Одоевскими, Разумовскими, Тиньковыми, Акинѳіевыми и Паскевичами. Родился А. С. Грибоѣдовъ 4 января 1795 года, въ Москвѣ, гдѣ и до сихъ поръ сохранился въ почти неизмѣненномъ видѣ старый барскій домъ Грибоѣдовыхъ [2]).

[1]) Извѣстный намъ дьякъ Ѳеодоръ Грибоѣдовъ приходился Александру Сергѣевичу прапрадѣдомъ.

[2]) На углу Новинскаго и Большого Девятинскаго переулка, на двѣ улицы; двухэтажный: нижній этажъ каменный, верхній—деревянный, оштукатуренный. Теперь принадлежитъ В. П. Ускову.

О его отцѣ, секундъ-маiорѣ Сергѣѣ Ивановичѣ Грибоѣдовѣ, мы не имѣемъ никакого понятія; но о его матери, Настасьѣ Өедоровнѣ, знаемъ, что она была женщина очень гордая, властная и честолюбивая: знаемъ, что ея сынъ уже и въ зрѣлыхъ лѣтахъ не могъ никакъ выбиться изъ-подъ ея опеки, и что она, какъ мы увидимъ далѣе, была до нѣкоторой степени виновницею рокового перелома въ жизни сына.

Несомнѣнною заслугою матери было то, что она прилагала постоянныя и тщательныя заботы къ воспитанію сына, причемъ, однакоже, имѣла, главнымъ образомъ, въ виду—сдѣлать изъ него

Домъ (бывшій) Грибоѣдовыхъ на углу Новинскаго и Большого Дѣвятнинскаго переулковъ, въ Москвѣ.

блестящаго свѣтскаго молодого человѣка, но никакъ не писателя или ученаго. Надъ его первыми юношескими стихотворными опытами она постоянно смѣялась и отзывалась о нихъ съ пренебреженіемъ, да и потомъ не очень цѣнила его литературныя заслуги, жаждая для него блестящей служебной карьеры—чиновъ и отличій.

Однакоже, Александру Сергѣевичу такъ посчастливилось въ воспитателяхъ, что онъ уже очень рано, при домашней подготовкѣ, успѣлъ вполнѣ овладѣть двумя новѣйшими языками, хорошо зналъ латынь и читалъ въ подлинникахъ римскихъ классиковъ. Не забыта была и другая сторона воспитанія—изящный

и тонко-развитой юноша былъ отличнымъ знатокомъ музыки, прекрасно игралъ на фортепьяно [1]) и даже сочинялъ небольшія музыкальныя пьесы. Музыку Грибоѣдовъ не разлюбилъ до конца жизни и развлекался ею въ самыя тяжкія минуты и въ періоды самой мрачной хандры, которая порою на него находила и жестоко его мучила.

Въ 1811 году Грибоѣдовъ поступилъ въ Московскій университетъ на такъ-называемое этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета (по-просту: на юридическій факультетъ) и слушалъ тамъ профессоровъ: Гейма, Буле, Сохацкаго, Рейхарда, Шлецера-сына и Снѣгирева... Но громы Отечественной войны отвлекли 16-ти-лѣтняго юношу отъ лекцій и учебниковъ: онъ поспѣшилъ выдержать экзаменъ на степень кандидата и поступилъ корнетомъ въ Салтыковскій гусарскій полкъ, а въ 1813 году мы видимъ его уже въ Брестъ-Литовскѣ въ Иркутскомъ гусарскомъ полку.

На войну Грибоѣдову не удалось попасть; но зато пришлось пройти черезъ всю неприглядную школу тогдашней гусарской жизни, такой именно, какъ ее описываетъ Денисъ Давыдовъ въ своихъ поэтическихъ воспоминаніяхъ, и потому мы не удивляемся, что Грибоѣдовъ не могъ вспомнить о своемъ гусарствѣ безъ содроганія: „пробывъ всего четыре мѣсяца въ этой дружинѣ (такъ пишетъ онъ пріятелю), цѣлыхъ четыре года потомъ не могъ я попасть на путь истинный...“ Единственнымъ добрымъ воспоминаніемъ объ этомъ времени осталось у Грибоѣдова завязанное имъ здѣсь знакомство съ С. Н. Бѣгичевымъ, съ которымъ онъ до конца жизни былъ связанъ тѣсною дружбою, и еще сближеніе съ извѣстнымъ писателемъ для сцены, княземъ А. А. Шаховскимъ, также служившимъ тогда въ военной службѣ. Къ этому же времени относится и первый печатный опытъ пера Грибоѣдова—описаніе въ прозѣ и стихахъ какого-то военнаго праздника, отправленное къ издателю „Вѣстника Европы“, вмѣстѣ съ деньгами, собранными на этомъ праздникѣ въ пользу московскихъ жителей, пострадавшихъ при пожарѣ Москвы [2]).

Первыя пьесы.

Въ слѣдующемъ (1815) году видимъ Грибоѣдова въ Петербургѣ, куда онъ, вѣроятно, пріѣхалъ для того, чтобы перейти изъ военной службы въ статскую. Здѣсь, въ столицѣ, онъ сошелся съ Н. И. Гречемъ и съ кружкомъ лицъ, близко стоявшихъ къ театру и сценѣ, къ которой Грибоѣдовъ давно уже ощущалъ

---

[1]) Сестра его была даже замѣчательною и весьма извѣстною виртуозкою.

[2]) Издатель «Вѣстника Европы» прибавилъ въ выноскѣ къ этой статьѣ любопытное примѣчаніе: «Мы ничего почти не переправили ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Впрочемъ, нельзя читателямъ требовать отъ Марсовыхъ дѣтей того, что мы требуемъ отъ Аполлоновыхъ въ условіи ихъ искусства».

сильное влеченіе [1]). Лица эти были: Катенинъ, Н. И. Хмѣльницкій и Жандръ, и всѣ они вскорѣ изъ знакомыхъ и товарищей Грибоѣдова, обратились въ его сотрудниковъ по тѣмъ пьесамъ, которыя онъ принялся ставить на сцену одна за другою. Такъ, въ 1815 г. была поставлена на сцену первая комедія Грибоѣдова — *„Молодые супруги“*, въ слѣдующемъ — *„Притворная невѣрность“*, переведенная Грибоѣдовымъ и Жандромъ, а затѣмъ — *„Своя семья“* Шаховского, въ которой Грибоѣдову также принадлежатъ нѣ-

Горе мое поручаю Булгарину

5го Іюня 1828

Вѣрный другъ

Грибоѣдовъ

Горе отъ ума.

Автографъ Грибоѣдова на переписанномъ экземплярѣ его комедіи, который хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

сколько сценъ. При этомъ онъ велъ такую разсѣянную и шумную свѣтскую жизнь, такъ увлекался всякими развлеченіями и приключеніями, что мы рѣшительно не знаемъ, когда онъ успѣвалъ бывать въ засѣданіяхъ масонской ложи „Астрея“, гдѣ онъ значился однимъ изъ членовъ [2])... Несомнѣнно, однакожъ, что Грибоѣдовъ успѣвалъ и въ это время много читать и много думать, и обратилъ на себя вниманіе всѣхъ литературныхъ кружковъ, съ одной стороны, своею очень умною и рѣзкою статьею въ защиту Катенинскаго перевода „Леноры“ Бюргера, а съ другой — колкими

---

[1]) Уже въ началѣ 1812 г. Грибоѣдовъ прочелъ своему бывшему воспитателю Іону начало какой-то комедіи — будто бы первоначальный остовъ «Горя отъ ума».

[2]) Оказывается, что онъ въ это время успѣвалъ даже учиться по-гречески.

эпиграмами, направленными противъ Загоскина [1]) и противъ полемики, возбужденной пьесою Шаховского „Липецкія воды". Послѣднюю изъ этихъ эпиграммъ приводимъ здѣсь, чтобы показать, какъ ловко, уже въ это время, Грибоѣдовъ владѣлъ стихомъ и какъ онъ относился къ литературной распрѣ, раздѣлившей всѣхъ рыцарей пера на два враждебные лагеря:

«На замѣчанье Фебъ дастъ,
Что отъ какихъ-то водъ
Парнасскій весь народъ
Шумитъ, кричитъ и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ,
Что толки всѣ о Липецкихъ водахъ
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ, и въ стихахъ)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью».

Понятно, что такое спокойное отношеніе ко всей этой распрѣ, которая въ молодомъ кружкѣ вызвала цѣлую бурю и сплотила всѣ лучшія литературныя силы около Жуковскаго—не могло сблизить Грибоѣдова съ *арзамасцами*, и при всей своей наклонности (въ это время) ко всякимъ шалостямъ, онъ не почувствовалъ въ себѣ ни малѣйшаго расположенія къ участію въ шалостяхъ арзамасскихъ. Въ этомъ же, такъ сказать, нейтральномъ отношеніи Грибоѣдова къ литературнымъ партіямъ слѣдуетъ, вѣроятно, искать объясненія и той холодности, съ которою Грибоѣдовъ встрѣтилъ Пушкина — своего товарища по службѣ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, куда онъ поступилъ въ 1817 году, конечно, по настояніямъ матери. Эта холодность и сухость отношеній между обоими писателями сохранилась и впослѣдствіи, хотя имъ не разъ случалось встрѣчаться въ жизни; но, ради справедливости, мы должны замѣтить, что Грибоѣдовъ относился къ Пушкину гораздо безпристрастнѣе, нежели Пушкинъ впослѣдствіи отнесся къ главному произведенію Грибоѣдова.

Поступленіе въ миссію.

Поступленіе на службу ничуть не отвлекло Грибоѣдова отъ той пустой свѣтской жизни, которую онъ продолжалъ вести; при этой жизни здоровье, силы, время и деньги не принимались вовсе въ расчетъ, и она, конечно, не могла способствовать развитію его поэтическаго дара... Однакоже, несчастная дуэль между двумя пріятелями Грибоѣдова, которая окончилась очень трагически, образумила вѣтренаго юношу; онъ сознавалъ себя невольнымъ виновникомъ смерти своего пріятеля и очень мучился угрызеніями совѣсти. Этотъ случай заставилъ его одуматься, отвлекъ отъ свѣтской жизни и вынудилъ искать уединенія — въ удаленіи изъ

[1]) Эпиграмма на Загоскина написана въ видѣ обычнаго речитатива раешника и озаглавлена: «Лубочный театръ».

Петербурга. Въ 1818 году ему предложено было мѣсто переводчика при нашемъ повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персіи, и Грибоѣдовъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы уѣхать изъ Петербурга, хотя это ему было не легко. Съ дороги онъ недаромъ пишетъ С. Н. Бѣгичеву: „Грусть моя не проходитъ, не уменьшается. Вотъ я и въ Новгородѣ, а мысль все въ Петербургѣ. Тамъ я имѣлъ многія огорченія, но иногда былъ и счастливъ; теперь, когда оттуда удаляюсь, кажется, что тамъ все хорошо было и всего жаль...“

Тѣмъ же оттѣнкомъ глубокой грусти и разочарованія звучатъ строки его стихотворенія („Прости, отечество“), написаннаго, кажется, тотчасъ по пріѣздѣ на Кавказъ.

«Не наслажденье жизни цѣль,
Не утѣшенье наша жизнь.
О, не обманывайся, сердце!
О, призраки, не увлекайте!..
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно;
Когда же въ уголокъ проникъ
Свѣтъ счастья на единый мигъ—
Какъ неожиданно, какъ дивно!

* * *

Но скоро бросишь кисть и прочь
Бѣжишь отъ радужной палитры.
Мы молоды и вѣримъ въ рай,
И гонимся и вслѣдъ, и вдаль
За слабо брезжущимъ видѣньемъ...
Постойте. Нѣтъ его, угасло!
Обмануты, утомлены.
И что жъ съ тѣхъ поръ? Мы мудры были,
Ногой отмѣрили пять стопъ,
Соорудили темный гробъ
И въ немъ живыхъ себя зарыли.

* * *

Премудрость! Вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,—
Отвагу, дружбу, честь, любовь.
Займемся былью стародавней,— [1])
Какъ люди весело шли въ бой,
Когда плѣняло ихъ собой
Что̀ такъ обманчиво и славно».

---

[1]) Въ этихъ словахъ есть существенная біографическая черта: Грибоѣдовъ около этого времени весьма охотно занимался Русской Исторіей. Даже въ дорогу съ собой взялъ «Дѣянія Голикова» и другія книги по исторіи Петра Великаго.

И въ этомъ стихотвореніи, и въ письмахъ къ друзьямъ за это время, звучитъ грустная нота сознанія, что времени потеряно много, что много силъ растрачено на пустяки, а между тѣмъ еще ничего не сдѣлано для удовлетворенія своего самолюбія, своихъ мечтаній о литературной дѣятельности—о славѣ.

Онъ прямо говорилъ, противополагая Москвѣ Петербургъ, что въ Петербургѣ у него „по крайней мѣрѣ, есть люди, которые, не знаю, на столько ли меня цѣнятъ, сколько я думаю, что стòю; но, по крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой я хочу, чтобы на меня смотрѣли...“ И тутъ же высказываетъ желаніе остепениться, взять себя въ руки — выработать изъ себя человѣка, способнаго приносить пользу не только близкимъ, но и ближнимъ.

Дѣйствительно, удаленіе отъ свѣта и то глубокое уединеніе, въ которомъ Грибоѣдову пришлось провести нѣсколько лѣтъ, послужили ему въ пользу. Несмотря на то, что онъ долженъ былъ посвятить значительную долю времени на изученіе восточныхъ языковъ, несмотря и на многосложность своихъ занятій по новой должности, Грибоѣдовъ успѣлъ, однакоже, въ своемъ далекомъ уединеніи настолько окрѣпнуть духомъ и сосредоточиться, что имѣлъ возможность глубоко обдумать и планъ, и подробности произведенія, которое впослѣдствіи доставило ему неувядаемую славу.

Это произведеніе имѣетъ свою исторію, заслуживающую вниманія. Оно не сразу вылилось изъ-подъ пера автора—не сразу и сложилось въ головѣ его, и этимъ именно отличается отъ всѣхъ скороспѣлыхъ произведеній перваго періода литературной дѣятельности Грибоѣдова, о которыхъ желчный сатирикъ и соперникъ его, А. А. Писаревъ, выразился въ извѣстной эпиграммѣ:

«Какъ Грибоѣдова забыть?
Сатирикъ, трагикъ, лирикъ!
Его не нужно намъ хвалить—
Онъ самъ свой панегирикъ.
... Онъ старымъ слогомъ намъ прочелъ
«*Супружескую вѣрность*»
И преневѣрно перевелъ
«Притворную невѣрность» и т. д.

„Горе отъ ума“.

Первыя, самыя раннія (изъ достовѣрныхъ) свѣдѣнія о „*Горѣ отъ ума*“ относятся еще къ концу 1816 года; а именно С. Н. Бѣгичевъ, другъ Грибоѣдова, пользовавшійся его полною довѣренностью, утверждаетъ, будто бы первая мысль о комедіи „*Горе отъ ума*“ явилась у Грибоѣдова въ этомъ году и тогда же написано было нѣсколько сценъ, въ которыхъ обрисовано было лицо, позднѣе вовсе выпущенное изъ комедіи: это лицо — жена Фаму-

сова, мать Софьи, изображенная сентиментальною и суетною модницей и гордою аристократкой. По другому, гораздо менѣе достовѣрному преданію, и первоначальная мысль, и планъ, и общая обработка комедіи явились у Грибоѣдова въ 1822 году одновременно, подъ вліяніемъ какого-то особаго настроенія [1]). Гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе другихъ знатоковъ комедіи Грибоѣдова, которые думаютъ, что въ Тифлисѣ въ 1822 г. могли быть написаны только два первыхъ акта комедіи. Съ полною достовѣрностью можно утверждать, что комедія была дописана и вполнѣ закончена не ранѣе 1823 года, когда Грибоѣдовъ получилъ разрѣшенный ему четырехмѣсячный отпускъ, растянувшійся впослѣдствіи почти въ двухгодовой. Такъ мы знаемъ, что Грибоѣдовъ, въ мартѣ 1823 г., читалъ первый актъ комедіи Бѣгичеву въ Москвѣ и очень былъ задѣтъ за живое нѣкоторыми его замѣчаніями; однакоже, нашелъ ихъ справедливыми и почти весь актъ передѣлалъ заново. За этою первою переработкою послѣдовали, вѣроятно, и другія, потому что сохранились извѣстія такого рода: „Грибоѣдовъ часто, возвратясь поздно домой, садился писать, и писалъ цѣлыя сцены за одинъ присѣстъ...“ Однакоже и при этой усиленной работѣ, третій и четвертый акты комедіи оставались ненаписанными. Грибоѣдовъ написалъ ихъ въ *с. Екатерининскомъ* (Тульской губ., Епифановскаго уѣзда), принадлежавшемъ Бѣгичеву. Лѣтомъ 1823 года Грибоѣдовъ жилъ тамъ, послѣ свадьбы своего друга, въ садовой бесѣдкѣ.—Здѣсь и закончилъ онъ свою знаменитую комедію.

Слухи о комедіи.

Около этого же времени проникли въ общество первые слухи о томъ, что Грибоѣдовъ пишетъ какую-то комедію изъ московскихъ великосвѣтскихъ нравовъ. Одинъ изъ современниковъ разсказываетъ объ этомъ такъ: „Грибоѣдовъ былъ разсѣянъ и чрезвычайно безпеченъ: работалъ (живя въ Москвѣ, въ домѣ матери), гдѣ Богъ приведетъ, и никогда не затруднялся прибирать своей работы, разбрасывая листы рукописи, гдѣ ни попало. Извѣстный любитель музыки, графъ Вьельгорскій, перебирая однажды ноты на роялѣ Марьи Сергѣевны Грибоѣдовой (сестры поэта), нашелъ листъ комедіи, потомъ другой, третій, и всѣ написанные стихами, почеркомъ Грибоѣдова. На вопросъ, обращенный къ хозяйкѣ, онъ получилъ уклончивый отвѣтъ: „ce sont là les folies d'Alexandre“... Но Вьельгорскій выпросилъ эти листки, увезъ ихъ домой—и вѣсть о новой комедіи разнеслась по городу гораздо ранѣе.

[1]) По этому преданію, какъ-то осенью 1822 г., Грибоѣдову будто бы приснилось, что онъ въ кругу друзей разсказываетъ о планѣ комедіи уже написанной имъ, даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ нея вслухъ. Пробудившись, Грибоѣдовъ, будто бы, тотчасъ же записалъ все видѣнное во снѣ и тотчасъ принялся за эту комедію, которую и окончилъ въ томъ же году въ Тифлисѣ.

нежели появились первые списки ея отрывковъ". Эта вѣсть вызвала толки и слухи всякаго рода и притомъ далеко не благопріятные для автора; такъ, напримѣръ, нашлись люди, которые стали утверждать положительно, что характеръ Чацкаго списанъ съ Чадаева, извѣстнаго московскаго общественнаго дѣятеля и публициста, незадолго передъ тѣмъ подвергнувшагося преслѣдованію со стороны правительства. Многіе даже и положительно утверждали, что вся комедія есть ничто иное, какъ памфлетъ на Чадаева, и это, вѣроятно, вызвало извѣстный вопросъ въ письмѣ Пушкина (изъ Одессы) къ князю П. А. Вяземскому:

„Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали, что онъ написалъ комедію на Чадаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны" [1]).

Хлопоты о комед.и.

Окончивъ свою комедію и приготовивъ ее къ постановкѣ на сцену, Грибоѣдовъ отправился въ Петербургъ, и здѣсь уже, конечно, не скрывалъ своего произведенія: читалъ его въ литературныхъ кружкахъ и въ обществахъ, совѣщался съ актерами (Каратыгинымъ, Сосницкимъ, Щепкинымъ), излагая имъ свои возрѣнія на тѣ роли, которыя онъ хотѣлъ имъ поручить въ своей пьесѣ... И пьеса эта всѣми была встрѣчена съ восторгомъ; оваціямъ, похваламъ и всякимъ лестнымъ для самолюбія автора изъявленіямъ — конца не было. Не слѣдуетъ забывать, что комедія явилась одновременно съ другимъ замѣчательнымъ произведеніемъ—съ „Евгеніемъ Онѣгинымъ" Пушкина—и все же слава великаго поэта не могла въ данный моментъ затмить славу Грибоѣдова. Комедія, въ это именно время, разошлась въ тысячахъ списковъ не только въ столицахъ, но и въ провинціи, и вскорѣ нельзя было почти указать ни одного дома среди высшихъ и образованныхъ классовъ общества, въ которомъ бы не было своего списка комедіи Грибоѣдова.

Знакомство съ декабристами.

Нельзя не замѣтить, кстати, что именно въ это зимнее пребываніе свое въ Петербургѣ (въ 1824 г.), Грибоѣдовъ, среди многихъ другихъ новыхъ знакомствъ, сошелся съ нѣкоторыми изъ декабристовъ—К. Ѳ. Рылѣевымъ, Д. И. Завалишинымъ и А. А. Бестужевымъ—и сошелся настолько близко, что князь В. Ѳ. Одоевскій, у котораго онъ жилъ это время, даже предостерегалъ его отъ излишней откровенности въ этомъ кружкѣ, который тогда уже принималъ извѣстный характеръ кружка политическаго. Но общество этихъ умныхъ и талантливыхъ людей нравилось Грибоѣдову, онъ любилъ съ ними бесѣдовать и даже послѣ отъѣзда изъ Петербурга имѣлъ неосторожность поддерживать съ ними пере-

[1]) Далѣе мы будемъ имѣть возможность опровергнуть этотъ вымыселъ, неимѣющій никакого фактическаго основанія.

писку и сношенія, которыя, конечно, не имѣли никакого отношенія къ ихъ скрытымъ планамъ и замысламъ [1]).

Комедія запрещена.

Но подъ лаврами скрывались и терніи; среди общаго гула похвалъ и восторговъ слышались и такія ноты, которыя болѣзненно заставляли сжиматься сердце автора новой комедіи. Прежде всего, онъ убѣдился, что его комедія не будетъ допущена на сцену: никакія самыя энергическія усилія, никакія знакомства и связи въ высшемъ обществѣ и въ театрѣ, никакія уступки и урѣзки въ самой комедіи не могли помочь Грибоѣдову... Цензура не пропустила его комедіи даже въ печать, и вслѣдствіе этого ея постановка на сценѣ оказалась дѣломъ совершенно немыслимымъ.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Это былъ ударъ, который тяжко поразилъ его самолюбіе и невольно заставилъ его подумать о дальнѣйшей судьбѣ своей. Его мечты о литературной карьерѣ разлетѣлись прахомъ, и вызывали его на очень горькія и желчныя мысли...

„Другъ и братъ! — писалъ онъ около этого времени къ С. Н. Бѣгичеву — пишу къ тебѣ въ пятомъ часу утра: не спится. Нынче день моего рожденія (4 января),—и что же я? На полпути моей жизни; скоро буду старъ и глупъ, какъ всѣ мои благородные современники. Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться: отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ; но вмѣстѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетенъ, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаивайся, другъ почтенный, я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясинномъ государствѣ. Скоро отправлюсь — и надолго...“

Но гораздо болѣе всякихъ литературныхъ дрязгъ и сплетенъ

[1]) Любопытно, что никакія новыя знакомства, никакой свѣтскій шумъ, блескъ и говоръ—не отвлекали, однакоже, Грибоѣдова отъ занятій восточными языками, которые онъ продолжалъ изучать весьма усердно (вѣроятно не упуская изъ виду дипломатическую карьеру); въ то же время онъ изучалъ правовѣдѣніе, философію, исторію и политическую экономію.

Грибоѣдова донимало и оскорбляло то, что нѣкоторые изъ друзей его, вкусу и знаніямъ которыхъ онъ привыкъ довѣрять, цѣнили его произведеніе не по справедливости, не по его достоинству, а по своимъ личнымъ соображеніямъ. Такъ, отъ января 1825 г. намъ сохранилось письмо Грибоѣдова къ П. А. Катенину, который, среди всей молодежи, слылъ въ то время авторитетнымъ критикомъ. Это письмо—отвѣтъ на замѣчанія Катенина по поводу только-что прочтеннаго имъ „Горя отъ ума"—написано было такъ горячо, что цѣлый мѣсяцъ пролежало въ столѣ Грибоѣдова прежде, чѣмъ было отправлено по назначенію. „Критика твоя—пишетъ Катенину Грибоѣдовъ,—хотя жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно бы требовалъ отъ другихъ людей..."

А. А. Бестужевъ,
болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ «Марлинскаго».

Защита комедіи.

Затѣмъ, опровергая нападки Катенина на планъ комедіи (который, кстати сказать, всѣхъ поражалъ своею новизною), Грибоѣдовъ переходитъ къ его отдѣльнымъ замѣчаніямъ и нѣкоторыя изъ нихъ опровергаетъ блистательно:

„*Сцены связаны произвольно.* Такъ же, какъ въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ, — пишетъ Грибоѣдовъ.— Чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе завлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ; а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую: раззѣваюсь, и бѣгу вонъ изъ театра".

„*Характеры портретны.* Да! и я, коли не имѣю таланта Мольера, то, по крайней мѣрѣ, чистосердечнѣе его; портреты и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи. Въ нихъ, однако,

есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя и всему роду человѣческому на столько, на сколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій. Карикатуръ ненавижу — въ моей картинѣ ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика: ты воленъ просвѣтить меня и, коли лучше что выдумаешь, я позаймусь (позаимствуюсь) отъ тебя съ благодарностью...

„*Дарованія болѣе, нежели искусства*. Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; но знаю — стóю ли ея? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобы поддѣлываться подъ дарованіе; а въ комъ болѣе вытверженнаго, пріобрѣтеннаго пóтомъ и мученіемъ... въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ—если художникъ—разбей свою палитру, и кисть, рѣзецъ или перо свое — брось за окошко!..“

Но, отбиваясь такъ ловко и рѣзко отъ нападокъ несправедливыхъ и отъ замѣчаній неловкихъ и неумѣстныхъ, самъ Грибоѣдовъ, въ душѣ, какъ художникъ, не былъ вполнѣ доволенъ своимъ произведеніемъ. Ему казалось, что онъ испортилъ его, нарушилъ его цѣлость и уменьшилъ его достоинство тѣми поправками, которыя онъ въ немъ допустилъ подъ вліяніемъ различныхъ дружескихъ внушеній. Это очень ясно и вѣрно было имъ вы-

Автографъ К. Ѳ. Рылѣева.
Изъ собранія П. Я. Дашкова.

сказано въ небольшомъ отрывкѣ, сохранившемся въ его бумагахъ.

Личное мнѣніе автора.

„Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха—заставили меня портить мое созданіе сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены: Расинъ и Шекспиръ подвергались той же участи; такъ мнѣ ли роптать? Въ превосходномъ стихотвореніи многое должно угадывать: не вполнѣ выраженныя мысли или чувства тѣмъ болѣе дѣйствуютъ на душу читателя, что въ ней, въ сокровенной глубинѣ ея, скрываются тѣ струны, которыхъ авторъ едва коснулся, нерѣдко однимъ намекомъ,—но его поняли, все уже внятно и ясно, и сильно. Для того съ обѣихъ сторонъ требуется: съ одной—даръ, искусство; съ другой—воспріимчивость, вниманіе. Но какъ же требовать вниманія отъ толпы народа, болѣе занятаго собственною личностью, нежели авторомъ и его произведеніемъ? Притомъ, сколько привычекъ и условій, нимало не связанныхъ съ эстетическою частью творенія, — однако, надобно съ ними сообразоваться. Суетное желаніе рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка послѣ каждыхъ трехъ-четырехъ-сотъ стиховъ; необходимость побѣгать по коридорамъ, душу отвесть въ поучительныхъ разговорахъ о дождѣ и снѣгѣ, — и всѣ движутся, входятъ и выходятъ, и встаютъ, и садятся. Всѣ таковы, и я самъ таковъ, и вотъ что называется публикой. Есть родъ познанія (которымъ многіе кичатся)—искусство угождать ей, т. е. дѣлать глупости...“

Князь В. Ѳ. Одоевскій.

Ничего не добившись и потерявъ напрасно много времени и

усилій, Грибоѣдовъ, еще болѣе прежняго разочарованный въ людяхъ, вырвался, наконецъ, изъ Петербурга въ концѣ августа 1825 г. и, черезъ Крымъ, направился на Кавказъ. Въ Крыму Грибоѣдовъ никогда не бывалъ, очень хотѣлъ его видѣть, и возлагалъ на него большія надежды, въ смыслѣ новыхъ и сильныхъ впечатлѣній и подъема духа. Но и здѣсь его ожидало разочарованіе: недовольство собою и людьми не оставляло его ни на минуту. Крымъ и Кавказъ.

„Ну, вотъ, почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ — пишетъ онъ С. Н. Бѣгичеву, — а результатъ — нуль. Ничего не написалъ. Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? Умѣю ли писать? Право, для меня все это еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется, что́ сказать — за это я ручаюсь; отчего же я нѣмъ? Нѣмъ, какъ гробъ?..

„...Еще игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ. Пріѣзжаю сюда (въ Симферополь): никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжалось не болѣе сутокъ: потому ли, что фортепіанная репутація моей сестры извѣстна, или чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили — ворвались ко мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣе Петербурга.

„...Мало этого: наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ: *сочинитель Фамусова и Скалозуба*—слѣдовательно веселый человѣкъ! Тьфу, злодѣйство! Да, мнѣ не весело, скучно, отвратительно, несносно... И то неправда: иногда слишкомъ ласкали мое самолюбіе, знаютъ наизусть мои риѳмы, ожидаютъ отъ меня, чего я, можетъ-быть, не въ силахъ исполнить. Такимъ образомъ я нажилъ кучу новыхъ пріятелей, а время потерялъ, и вообще утратилъ силу характера, которую началъ пріобрѣтать на перекладныхъ... Подожду, авось придутъ въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности“.

Онъ вернулся на службу въ Грузію, на прежнее мѣсто чиновника по дипломатической части при А. П. Ермоловѣ. Но и здѣсь то же мрачное настроеніе, которое онъ вынесъ съ собою изъ пребыванія въ столицахъ, не проходило... Какой-то внутренній гнетъ, какая-то неудовлетворенность духовная и недовольство самимъ собою продолжали его терзать и мучить... И это его душевное настроеніе, повидимому, очень тревожило его друзей, которые напрасно обращались къ нему со словами утѣшенія и старались его ободрить. „На твои убѣдительные утѣшенія и совѣты (такъ пишетъ онъ къ Бѣгичеву отъ 7 декабря 1825 г.) надобно бы мнѣ отвѣчать не словами, а дѣлами... Ты совершенно правъ, но этого для меня не довольно; ибо, кромѣ голоса здра-

ваго разсудка, есть во мнѣ какой-то внутренній распорядитель; наклоняетъ меня къ мрачности, къ скукѣ... Не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положеніе незавидно?—Ты говоришь мнѣ о талантѣ; надобно бы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть охоту всегда имъ пользоваться; но тѣ промежутки, когда чувствуешь себя пустѣйшимъ головою и сердцемъ—чѣмъ прикажешь ихъ наполнить? Люди не часы; кто всегда похожъ на себя, и гдѣ найдется книга безъ противорѣчій? Чтобы дольше не іовничать, пускаюсь въ Чечню: А. П. (Ермоловъ) не хотѣлъ, но я самъ ему навязался. Теперь это меня нѣсколько занимаетъ, — борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ — дѣйствіе конгревовъ... Будемъ вѣшать и прощать, и плюемъ на Исторію..."

Подъ судомъ.

Но „исторія" сурово напомнила о себѣ мрачно-настроенному поэту и вынудила его сбросить съ себя хандру и взглянуть на жизнь и ея задачи съ болѣе положительной стороны. Въ началѣ 1826 г., вскорѣ послѣ того, какъ на Кавказъ дошли первыя извѣстія о событіяхъ 14 декабря, къ Ермолову былъ присланъ фельдъегерь съ приказаніемъ—немедленно арестовать Грибоѣдова и, захвативъ всѣ его бумаги, выслать въ Петербургъ. Оказалось, что Грибоѣдовъ, знакомый и близкій со многими изъ декабристовъ, былъ заподозрѣнъ въ сочувствіи къ ихъ замысламъ и привлеченъ къ обширному, тогда только-что начатому слѣдствію.

Нужно ли говорить о томъ, что Ермоловъ поступилъ, по отношенію къ нему, самымъ благороднымъ образомъ и далъ наилучшій отзывъ о его службѣ? Твердо увѣренный въ своей невинности [1]), Грибоѣдовъ нимало не растерялся и не упалъ духомъ; онъ держалъ себя на допросѣ съ большимъ достоинствомъ, и подъ арестомъ не перерывалъ своихъ занятій чтеніемъ и самообразованіемъ. Въ іюнѣ 1826 г. онъ былъ, наконецъ, оправданъ, освобожденъ изъ-подъ ареста и даже получилъ слѣдующій чинъ.

Періодъ колебаній.

Для Грибоѣдова наступилъ опять періодъ колебаній и сомнѣній: „что дѣлать? На что̀ обратить свой умъ и способности?"... Но, пока-онъ раздумывалъ и колебался, исторія дѣлала свое дѣло. Въ половинѣ іюля загорѣлась Персидская война. Императоръ Николай I, давно уже недовольный способомъ дѣйствій Ермолова, назначилъ главнокомандующимъ въ войнѣ противъ Персіи своего любимца, И. Ѳ. Паскевича (впослѣдствіи князя Эриванскаго), родственника Грибоѣдовыхъ. Грибоѣдову, слѣдовательно, открывалась блестящая карьера на службѣ подъ начальствомъ госуда-

---

[1]) Грибоѣдовъ не только не участвовалъ въ заговорѣ декабристовъ, но и не сочувствовалъ ему: «сто человѣкъ прапорщиковъ—часто говорилъ онъ, смѣясь, — хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи».

рева любимца—этого новаго восходящаго свѣтила. Но онъ помнилъ свои отношенія къ Ермолову, онъ цѣнилъ и дорожилъ ими. Онъ затруднялся. Однакоже, его честолюбивая и суетная матушка не дремала... Вотъ что разсказываетъ намъ родная сестра Грибоѣдова:

„Матушка никогда не понимала глубокаго, сосредоточеннаго характера Александра и всегда желала для него только блеска и внѣшности. Вотъ, что она съ нимъ сдѣлала: братъ рѣшительно не хотѣлъ ѣхать служить къ Паскевичу. Матушка какъ-то пригласила его съ собой помолиться къ Иверской Божьей Матери. Пріѣхали — отслужили молебенъ... Вдругъ матушка упала передъ братомъ на колѣни и стала требовать, чтобы онъ согласился на то, о чемъ она будетъ просить... Растерянный, взволнованный, онъ далъ слово... Тогда она объявила ему, чтобы онъ ѣхалъ служить къ Паскевичу. Дѣлать было нечего—онъ поѣхалъ“...

А. П. Ермоловъ, по современному наброску съ натуры.

Само собою разумѣется, что вся эта трогательная и нѣсколько театральная обстановка, въ которую мать Александра Сергѣевича облекла свою просьбу, была не главнымъ и не единственнымъ поводомъ къ тому, чтобы вынудить его къ поступленію на службу при Паскевичѣ. Очевидно, что въ немъ самомъ происходила внутренняя борьба, въ результатѣ которой онъ пришелъ бы, вѣроятно, къ тому же рѣшенію... Онъ не зналъ, куда дѣвать, на что направить свои силы; онъ не находилъ имъ примѣненія, и былъ убѣжденъ, что именно на Кавказѣ, въ Грузіи, въ Персіи онъ найдетъ себѣ, при своемъ знакомствѣ съ бытовыми условіями края, при знаніи восточныхъ языковъ, обширное поприще дѣйствій и можетъ смѣло надѣяться на блестящую карьеру въ близкомъ будущемъ. Самолюбіе, непомѣрно-развитое въ Грибоѣдовѣ, Ермоловъ и Паскевичъ.

и даже то честолюбіе, которое могло быть преобладающею родовою чертою его нравственнаго типа—превозмогли его робкія сомнѣнія, и онъ выступилъ на новую карьеру... Но сначала выступилъ робко, какъ бы не желая и самому себѣ признаться въ томъ, что служба, которую онъ начиналъ у Паскевича, должна была глубоко оскорбить его недавняго покровителя, Ермолова [1]), который постоянно благоволилъ къ нему и всегда относился къ нему превосходно.

Любопытно, по письмамъ самого Грибоѣдова къ его друзьямъ, прослѣдить то, что онъ самъ имъ сообщалъ объ этомъ своемъ переходѣ изъ одного лагеря въ другой. Въ декабрѣ 1826 г. онъ пишетъ Бѣгичеву:

„...На войну (Персидскую) не попалъ, потому что и А. П. туда не попалъ. А теперь другого рода война; два старшіе генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ. Съ А. П. у меня родъ прохлажденія дружбы. Денисъ Васильевичъ [2]) этого не знаетъ; я не намѣренъ вообще давать это замѣчать, и ты держи при себѣ. Но старикъ нашъ—человѣкъ прошедшаго вѣка. Несмотря на все превосходство, данное ему отъ природы, подверженъ страстямъ. Соперникъ ему глаза колетъ, а отдѣлаться отъ него онъ не можетъ и не умѣетъ... [3])“. И далѣе, въ томъ же письмѣ, онъ говоритъ: „я принялъ твой совѣтъ—пересталъ умничать; со всѣми видаюсь, слушаю всякій вздоръ, и нахожу, что это очень хорошо. Какъ-нибудь дотяну до смерти“... Еще немного далѣе, въ томъ же письмѣ, опять прорывается наружу недовольство самимъ собою, окружающими людьми и существующими условіями русской жизни:

„Буду ли я когда-нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая—отъ службы, третья—отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, *и, можетъ статься, наперекоръ судьбѣ*. Поэзія! Люблю ее безъ памяти, страстно; но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И, наконецъ, что слава? По словамъ Пушкина

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно-вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ

---

[1]) Недаромъ Ермоловъ сказалъ о немъ: «И онъ, Грибоѣдовъ, оставивъ меня, отдался моему сопернику. «Et tu, Brute»...

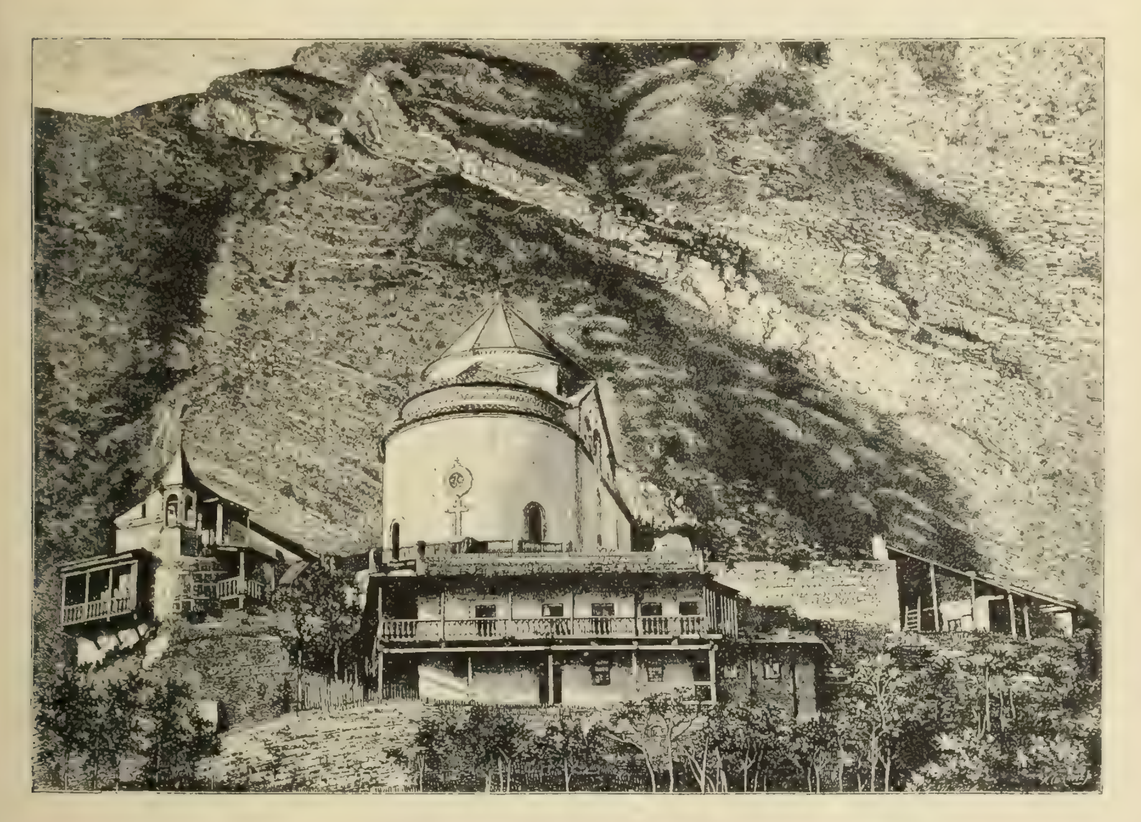
[2]) Давыдовъ, извѣстный партизанъ и поэтъ,—человѣкъ глубоко и вполнѣ искренно преданный Ермолову.

[3]) Этотъ холодный и даже нѣсколько пренебрежительный отзывъ о Ермоловѣ,—послѣ тѣхъ многихъ восторженныхъ страницъ, которыя посвящены ему въ перепискѣ Грибоѣдова съ друзьями—невольно бросается въ глаза.

числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ?! Все-таки Шереметевъ у насъ затмилъ бы Омира... Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ!..“

Тѣ же колебанія замѣтны и въ другомъ письмѣ (къ Булгарину, отъ 16 апрѣля 1827 г.), но уже въ гораздо менѣе ясной, менѣе опредѣленной формѣ...

„Не ожидай отъ меня стиховъ: — пишетъ Грибоѣдовъ, — горцы, персіяне, турки, дѣла управленіе, огромная переписка

Монастырь св. Давида, близъ Тифлиса.

нынѣшняго моего начальника — поглощаютъ все мое вниманіе. Ненадолго, разумѣется: кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь — и не моя вина. Люди мелки, дѣла ихъ глупы—душа черствѣетъ, разсудокъ затмѣвается и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему... Я рожденъ для другого поприща“...

Но ему не пришлось идти „наперекоръ судьбѣ“: она вела его роковымъ путемъ блестящей дипломатической карьеры все выше и выше... По окончаніи кампаніи, въ награду за труды при веденіи переговоровъ, Паскевичъ отправилъ Грибоѣдова въ Петербургъ для поднесенія государю мирнаго (Туркманчайскаго) трактата. Государь осыпалъ Грибоѣдова милостями и наградами... Грибоѣдовъ министръ.

И хотя это онъ все еще твердилъ своимъ друзьямъ, что онъ созданъ для кабинетной жизни, что онъ выйдетъ въ отставку и посвятитъ себя занятіямъ литературнымъ; хотя онъ говорилъ о готовыхъ планахъ нѣсколькихъ будущихъ произведеній [1] — однакоже, когда ему, даже сверхъ всякаго его ожиданія, предложено было занять постъ полномочнаго министра при Персидскомъ дворѣ, онъ увидѣлъ себя въ невозможности отказаться отъ такой чрезвычайной милости. Но, уѣзжая изъ Петербурга и

Склепъ и могила Грибоѣдова въ монастырѣ св. Давида.

прощаясь съ друзьями (въ іюнѣ 1828 г.), Грибоѣдовъ былъ необыкновенно грустенъ и не скрывалъ отъ нихъ своихъ мрачныхъ предчувствій.

Гибель Грибоѣдова. Но эти предчувствія должны были всѣмъ казаться не болѣе, какъ прихотью воображенія, призракомъ... Счастье улыбалось Грибоѣдову, заискивало въ немъ, забѣгало навстрѣчу. Проѣздомъ черезъ Тифлисъ, по пути въ Персію, Грибоѣдовъ женился на княжнѣ Нинѣ Чавчавадзе, которую за нѣсколько времени передъ тѣмъ успѣлъ узнать и полюбить. 9-го сентября 1828 г. Грибоѣдовъ, вмѣстѣ съ молодою женою и огромною, блестящею свитою,

[1]) Онъ даже читалъ друзьямъ своимъ отрывки одного изъ такихъ произведеній: романтической драмы «*Грузинская ночь*», навѣянной впечатлѣніями Востока.

окружавшею его, какъ полномочнаго министра, направился въ Тавризъ.

„Путешествую съ огромнымъ караваномъ — 110 лошадей и муловъ — ночуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній... Для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи: конница во весь опоръ несется, пылитъ, спѣшивается, и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось“.

Въ томъ же самомъ письмѣ заключается и кратко изложенная программа дѣйствій, которой Грибоѣдовъ намѣренъ былъ придерживаться въ Персіи.

„Друзей (въ политическихъ сношеніяхъ съ Персіей) не имѣю никого, и не хочу: должны, прежде всего, бояться Россіи... И я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь, и меня прозвали *сахтиръ* (твердое сердце)“...

Этою программою дѣйствій, проводимою настойчиво и упорно, но не съ достаточною осторожностью, Грибоѣдовъ много повредилъ себѣ и нажилъ много враговъ на своемъ новомъ и важномъ постѣ. Когда онъ прибылъ въ Тегеранъ [1]), его слишкомъ рѣзкій способъ дѣйствій и пренебреженіе къ нѣкоторымъ установившимся на Востокѣ обычаямъ — возбудили противъ него персидское духовенство и невѣжественную массу тегеранскаго населенія. Внезапно вспыхнулъ мятежъ: домъ русскаго посольства былъ окруженъ, взятъ съ бою приступомъ, послѣ отчаянной обороны, которой мужественно распоряжался самъ Грибоѣдовъ, во главѣ своей свиты — и всѣ русскіе были растерзаны разсвирѣпѣвшею толпою [2]). Грибоѣдовъ погибъ смертью героя (30 января 1829 г.).

По странному совпаденію случайностей бренные останки Грибоѣдова были встрѣчены на пути въ Россію Пушкинымъ, который спѣшилъ на Кавказъ въ поискахъ за новыми и яркими впечатлѣніями. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ „Запискахъ“:

„На высокомъ берегу рѣки увидѣлъ я противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣною низвергались съ высокаго берега. Я переплылъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. „Откуда вы?“—спросилъ я ихъ.—„Изъ Тегерана“. — „Что вы везете?“ — „*Грибоѣда*“. Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ“.

---

[1]) Молодую жену свою онъ оставилъ въ Тавризѣ.

[2]) Только одинъ секретарь посольства, Мальцевъ, спасся какимъ-то чудомъ, и доставилъ свѣдѣнія о гибели посольства.

По желанію Грибоѣдова, выраженному еще при жизни, тѣло его было погребено въ монастырѣ св. Давида, построенномъ на живописной и крутой скалѣ, на западъ отъ Тифлиса [1]).

Мѣстоположеніе этого монастыря всегда нравилось покойному поэту — и въ немъ нашелъ онъ послѣднее успокоеніе, послѣдній предѣлъ самолюбивымъ мечтамъ, смѣлымъ планамъ и туманнымъ стремленіямъ...

Комедія Грибоѣдова. Отзывы критиковъ.

Мы не безъ намѣренія остановились на нѣкоторыхъ подробностяхъ біографіи Грибоѣдова и привели тамъ много отрывковъ изъ его любопытной переписки съ пріятелями и друзьями. Намъ было необходимо выяснить съ разныхъ сторонъ этотъ довольно сложный характеръ и точнѣе опредѣлить отношеніе поэта къ его произведенію, которое такъ и осталось единственнымъ памятникомъ его творчества, единственнымъ проявленіемъ его блестящаго ума и замѣчательнаго литературнаго таланта.

Переходя къ разбору этого замѣчательнаго произведенія, которое занимаетъ такое высокое и почетное мѣсто въ исторіи развитія нашей драмы, мы прежде всего должны замѣтить, что рѣшительно не можемъ согласиться съ мнѣніемъ о комедіи „Горе отъ ума", высказаннымъ нѣкогда извѣстнымъ знатокомъ нашей словесности, А. Д. Галаховымъ.

„Главная мысль этой комедіи, — говоритъ г. Галаховъ въ своей книгѣ,—выражена въ слѣдующихъ стихахъ:

«Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...»
(Дѣйствіе II, явленіе 2-е).

„Понятно, что задачею автора было — выставить противоположность двухъ послѣдовательныхъ временъ. Но такъ какъ характеръ времени выражается въ драмѣ посредствомъ образовъ, то Чацкій выведенъ какъ представитель нынѣшняго вѣка, или точнѣе—первой его четверти, а всѣ прочія лица служатъ представителями вѣка минувшаго, или точнѣе—второй его половины..."

„А Молчалинъ, а Софья, а Репетиловъ и Скалозубъ?—развѣ это типы не новые, не современные Грибоѣдову, не извлеченные прямо изъ окружавшей его живой дѣйствительности?"—сказали бы мы. Самъ Фамусовъ—этотъ почтенный и чиновный старецъ, этотъ сановитый и разсудительный родитель Софьи — развѣ онъ не воплощаетъ въ себѣ типъ чиновника именно Александровской эпохи, когда, подъ вліяніемъ Аракчеева, такъ страшно развился у насъ

[1]) На пути въ Персію, проѣзжая черезъ Эривань, Грибоѣдовъ говорилъ шутя своей женѣ: «Не оставляй костей моихъ въ Персіи; если умру тамъ, похорони меня въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида».

внѣшній формализмъ? Не мѣшаетъ замѣтить, что самъ Фамусовъ (а онъ старше всѣхъ выведенныхъ Грибоѣдовымъ дѣйствующихъ лицъ) [1]) вспоминаетъ о „вѣкѣ минувшемъ“, какъ о чемъ-то весьма отдаленномъ, давно-прошедшемъ — какъ о временахъ своей юности... И даже въ Скалозубѣ не находитъ себѣ сочувствія: даже и тотъ склоняется болѣе на сторону „смѣты“ Чацкаго. Гдѣ же тутъ противоположеніе „вѣка нынѣшняго—вѣку минувшему“, какъ основная идея всей комедіи? Это противоположеніе составляетъ въ пьесѣ только одинъ небольшой эпизодъ II дѣйствія—не болѣе... А далѣе что же? Гдѣ же далѣе проводится авторомъ противоположеніе вѣка „нынѣшняго“ вѣку „минувшему“? Нигдѣ объ этомъ противоположеніи ни слова, и все дѣйствіе комедіи, всѣ переходныя ступени ея развитія—вращаются исключительно около одного характера, около одной и той же внутренней борьбы, около того разлада, который главное лицо комедіи ощущаетъ въ душѣ своей по отношенію къ современному обществу—того разлада, который является и можетъ явиться во всѣ времена вѣчнымъ и неизсякаемымъ источникомъ готовыхъ тэмъ для трагедіи, комедіи и сатиры. Что это дѣйствительно такъ и есть, и что именно такую общую тэму нравственнаго разлада одной личности съ цѣлымъ обществомъ имѣлъ въ виду и Грибоѣдовъ — въ этомъ насъ убѣждаетъ живучесть самой его комедіи на русской сценѣ: наши отцы и дѣды смотрѣли ее на сценѣ съ такимъ же удовольствіемъ и съ такимъ же живымъ участіемъ, какъ и мы, и какъ, вѣроятно, будутъ смотрѣть наши внуки. Отчасти, къ этому выводу приходилъ уже и нашъ тонкій, дальновидный критикъ Бѣлинскій; но отвергъ его только потому, что не хотѣлъ признать цѣлости и законченности произведенія Грибоѣдова, которое не подходило подъ его теоретическія воззрѣнія на комедію, какъ художественное произведеніе. Бѣлинскій говорилъ: „въ комедіи (Грибоѣдова) нѣтъ цѣльнаго, потому что нѣтъ идеи. Намъ скажутъ, что идея, напротивъ, есть, и что она—*противорѣчіе умнаго и глубокаго человѣка съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ*... Но неужели представители русскаго общества все—Фамусовы, Молчалины, Софьи, Загорѣцкіе, Хлестовы, Тугоуховскіе и имъ подобные?..“ Но этотъ вопросъ ничего не объясняетъ. Если мы придемъ къ тому выводу, что Чацкаго, въ томъ кругу, гдѣ онъ вращался, могло окружать даже только большинство „*имъ подобныхъ*“, то уже

---

[1]) Отмѣтимъ любопытный фактъ. До конца 70-хъ годовъ, комедія Грибоѣдова игралась на руской сценѣ въ современной обстановкѣ, въ современныхъ костюмахъ—и производила то же впечатлѣніе, что и теперь, когда въ постановкѣ ея соблюдаются самыя большія тонкости бытовой и костюмной стороны. Любопытно, что и тогда одинъ только Фамусовъ являлся на сцену въ чулкахъ и ботинкахъ съ пряжками—съ претензіей на принадлежность къ «вѣку минувшему».

и тогда должно было бы допустить, что въ комедіи „Горе отъ ума" есть и цѣлость, и основная идея. Но Бѣлинскій (отчасти слѣдуя Пушкину) [1]) доказываетъ, что Чацкій и не глубокій, и не умный человѣкъ, а какой-то „бѣшенный", полусумасшедшій крикунъ и фразеръ, неумѣющій себя вести въ обществѣ. Но если бы даже мы допустили, что Чацкій и не особенно умный, и не особенно глубокій, и даже не достаточно воспитанный (чего ужъ никакъ нельзя допустить) человѣкъ, то все это не исключаетъ нимало возможности разлада между нимъ, и если не всѣмъ обществомъ, то тѣмъ кружкомъ, въ которомъ ему суждено вращаться и дѣйствовать—и этотъ разладъ, въ качествѣ обыденной и, такъ сказать, вѣковѣчной тэмы, могъ быть положенъ авторомъ въ основу его комедіи, какъ общая идея.

Собственно говоря, намъ кажется даже, что вопросъ о теоретической и философской правильности въ постройкѣ комедіи Грибоѣдова, какъ художественнаго произведенія, является, до нѣкоторой степени, вопросомъ празднымъ. Мы достаточно близко знакомы, въ настоящее время, съ процессомъ творчества, путемъ котораго явилось на свѣтъ прекрасное произведеніе Грибоѣдова. Мы можемъ смѣло утверждать, что молодому автору, въ то время, когда онъ задался первою мыслью о созданіи своей комедіи, менѣе всего приходило въ голову—составить правильный и безукоризненно-соразмѣрный планъ своего будущаго произведенія. У него передъ глазами было то московское общество, которое, кстати сказать, онъ терпѣть не могъ; были тѣ, превосходно подмѣченные и превосходно очерченные имъ типы Фамусовыхъ, Хлестаковыхъ, Загорѣцкихъ, Репетиловыхъ и Скалозубовъ, которые ему хотѣлось выставить на общее посмѣяніе; былъ прекрасно созданный рядъ красивыхъ, изящныхъ, забавныхъ и оригинальныхъ картинъ изъ жизни этого общества—и было желаніе связать ихъ нитью внѣшней, незатѣйливо-придуманной сценической интриги, хотя и не хватило на это умѣнья... Вотъ все, съ чѣмъ авторъ приступилъ къ выполненію своей многосложной задачи, своей превосходной картины нравовъ московскаго общества первой четверти нынѣшняго вѣка! Намъ достовѣрно извѣстно, что въ первой редакціи первыхъ двухъ дѣйствій участвовало даже вполнѣ разработанное лицо — жена Фамусова и мать Софьи — и что это лицо было потомъ выпущено авторомъ, вѣроятно, потому, что авторъ нашелъ его излишнимъ; слѣдовательно, даже и тогда, когда комедія уже разрабатывалась Грибоѣдовымъ, онъ находилъ возможность выкидывать изъ числа дѣйствующихъ лицъ и вносить въ число ихъ лица, которыя должны были имѣть первенствую-

---

[1]) Пушкинъ сказалъ: «Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ...»

щее значеніе въ его пьесѣ. Другими словами, онъ писалъ свою комедію безъ строго-опредѣленнаго плана или на основаніи плана, весьма слабо разработаннаго. Недостатки плана, точно такъ же, какъ и недостатокъ дѣйствія въ комедіи чувствовались уже самимъ авторомъ, который, какъ мы видѣли выше, и самъ называлъ свое произведеніе не комедіей, а „сценической поэмой". Но съ другой стороны, въ своемъ отвѣтѣ на замѣчаніе Катенина, онъ съ достаточною ясностью высказалъ, что онъ не особенно и гонялся за слишкомъ большою правильностью постройки своего произведенія, за установленіемъ слишкомъ тѣсной связи между переходами дѣйствія, между отдѣльными сценами и явленіями. Прискучивъ всѣмъ надоѣвшею правильностью сценическихъ произведеній ложно-классической школы, онъ, какъ бы намѣренно, отъ этой правильности уклонялся и болѣе слѣдовалъ своей прихотливой фантазіи, чѣмъ правиламъ устарѣлой теоріи.

Припомнимъ, что онъ даже защищалъ отъ нападокъ Катенина довольно спорную теорію случайной связи между сценами на томъ, будто бы, основаніи, что и въ жизни также все зависитъ отъ случайности. Можетъ-быть потому именно комедія Грибоѣдова, когда она стала извѣстна въ рукописи и затѣмъ когда она появилась въ печати, была встрѣчена критикой крайне недружелюбно и подверглась несправедливымъ порицаніямъ и осужденіямъ. Порицать было тѣмъ болѣе легко, что авторъ не могъ отвѣчать на нападки: „*Горе отъ ума*" явилось въ печати нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Грибоѣдова. Отъ этихъ нападокъ пришлось защищать Грибоѣдовскую комедію Бѣлинскому, который нисколько не былъ ея поклонникомъ, указывалъ многіе ея недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалъ и самое горячее сочувствіе ко многимъ достоинствамъ комедіи Грибоѣдова, къ его художественно-очерченнымъ характерамъ и высоко цѣнилъ въ немъ „исполинскую силу таланта". „Горе отъ ума", — говоритъ Бѣлинскій,—сатира, а не комедія... но „Горе отъ ума" есть въ высшей степени поэтическое созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ, безъ отношеній къ цѣлому, художественно-нарисованныхъ кистью широкою, мастерскою, рукою твердою, которая, если и дрожала, то не отъ слабости, а отъ кипучаго, благороднаго негодованія, съ которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладать..." „(Дѣйствующія лица комедіи) за исключеніемъ Софьи, лица типическія, авторомъ художественно созданныя, хотя и не составляющія комедіи своими взаимными отношеніями — не говоря уже о Репетиловѣ, этомъ вѣчномъ прототипѣ, котораго собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ, и который обличаетъ въ авторѣ исполинскую силу таланта..."

И въ этомъ отзывѣ о комедіи Грибоѣдова опять слышится

намъ критикъ чуткій и тонкій: онъ однимъ намекомъ, брошеннымъ вскользь, высказываетъ глубокое пониманіе всей сущности разбираемаго произведенія; въ словахъ Бѣлинскаго, который говоритъ, что рука автора „дрожала не отъ слабости, а отъ негодованія, съ которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладать“—заключается цѣлая характеристика творчества Грибоѣдова и, пожалуй, готовое объясненіе всѣхъ несовершенствъ его произведенія.

Сущность комедіи Грибоѣдова.

Произведеніе это, цѣликомъ, отъ первой строки и до послѣдней, написано подъ впечатлѣніемъ того негодованія, которое возбуждали въ немъ вынужденныя, обязательныя сношенія съ извѣстнымъ кружкомъ высшаго московскаго общества. Съ этимъ кружкомъ тѣсно связана была семья Грибоѣдовыхъ, постоянно державшая Грибоѣдова въ нѣкоторой зависимости. Негодованіе это, недовольство и сознаніе полнѣйшаго разлада, которое Грибоѣдовъ чувствовалъ по отношенію къ этой средѣ,—всѣ эти чувства копились въ немъ цѣлыми годами [1]); въ головѣ его годами вынашивалось желаніе, какъ бы то ни было,—но осязательно, но наглядно—выразить этому обществу то, что его самого *„и волновало, и бѣсило“*, и онъ, наконецъ, остановился на мысли о комедіи, такъ какъ со сценою отъ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ былъ знакомъ, любилъ ее, и сознавалъ, что его голосъ со сцены будетъ слышнѣе, а горячая, желчная проповѣдь его больнѣе отзовется въ сердцахъ людей, среди которыхъ, въ качествѣ *„бывшаго Саши, милаго ребенка“* онъ никогда не надѣялся „быть пророкомъ“ [2]). Изъ этого отношенія Грибоѣдова къ его задачѣ, къ его комедіи или сценической поэмѣ, выясняется для насъ и главный изъ его характеровъ — характеръ Чацкаго, съ разныхъ сторонъ подвергавшійся такимъ огульнымъ порицаніямъ, вызвавшій столько насмѣшекъ и осужденій.

Всѣ критики, занимавшіеся разборомъ характера Чацкаго, кажется, упустили изъ виду одно важное условіе всякой сатиры: отрицательныя стороны ея всегда гораздо легче удаются автору, нежели положительныя. Гораздо легче отмѣтить и заклеймить дурное, нежели указать то, что хорошо, что можетъ быть для всѣхъ идеаломъ, достойнымъ подражанія. Впослѣдствіи мы

[1]) Уже въ 1818 г., уѣзжая въ Персію, онъ писалъ своему пріятелю: «въ Москвѣ все не по мнѣ—праздность, роскошь, несопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку—нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви ни къ чему изящному, а притомъ всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ, становится къ чему-то годенъ, опредѣленъ въ Миссію и можетъ современемъ попасть въ статскіе совѣтники; а больше во мнѣ видѣть ничего не хотятъ...» (Письмо къ Бѣгичеву 18 сентября 1818 г.).

[2]) Въ томъ же самомъ письмѣ: нѣсть пророка безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ»,—отечество и домъ мой въ Москвѣ...»

tendre de ma part à Dachinka, et un autre à la petite Sophie Orbéliani. J'ai un rendez-vous et pour tout il se passera bien une heure, avant que j'aille me mettre au lit. Faites moi quelques deux pages bien amicales, sur ce qu'on fait chez Vous à Tefli. Je Vous en serai bien reconnaissant [illegible] quelquefois à celui qui Vous est si franchement dévoué [illegible] depuis bien des années. О всѣхъ во [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], по [illegible] [illegible], и я [illegible] [illegible] въ какой-то [illegible] [illegible]. Передайте отъ меня [illegible] [illegible]

привѣтъ и поклонъ

Автографъ Грибоѣдова. Ру
Письмо хранится въ рукописномъ

Надеждѣ Александровнѣ, Аннѣ Андреевнѣ, Софьѣ Федоровнѣ, Марьѣ Ивановнѣ, Катеринѣ Александровнѣ и всѣмъ милымъ знакомымъ француженкамъ

свидѣтельствую почтеніе

Вашъ

усердный слуга

А. Грибоѣдовъ

Нахичевань.

28 юн.

1827.

Передъ разъѣздомъ

писка къ французскому письму.

Императорской Публичной Библіотеки.

убѣдимся, что даже такой геніальный сатирикъ, какъ Гоголь, представившій намъ такъ много художественно-набросанныхъ отрицательныхъ типовъ въ русскомъ обществѣ, рѣшительно сталъ втупикъ, когда задумалъ противоположить имъ типы положительные. Слѣдуетъ ли удивляться, что юноша-Грибоѣдовъ потерпѣлъ такую же неудачу съ характеромъ Чацкаго, которого онъ хотѣлъ рѣзко противоположить остальнымъ типамъ своей комедіи — съ характеромъ Чацкаго, на сторонѣ котораго, видимо, были всѣ его симпатіи?

Въ характерѣ Чацкаго, на нашъ взглядъ, отразилась весьма обыкновенная черта молодого творчества: авторъ не сумѣлъ отдѣлить своей личности отъ личности своего героя. Онъ передалъ Чацкому многія личныя черты своего собственнаго типа, отразилъ въ немъ невольно нѣкоторыя стороны своего характера (по отзывамъ близко знавшихъ его людей, не особенно ровнаго и пріятнаго), вложилъ ему свои рѣчи въ уста... Въ результатѣ получилось лицо нисколько не типичное, не живое, лицо много говорящее, но рѣшительно неспособствующее развитію дѣйствія; лицо, напоминающее собою хоръ греческой трагедіи, потому что оно какъ бы только отзывается на чужія рѣчи, только оттѣняетъ ихъ своими рѣчами, которымъ авторъ придаетъ большое значеніе, но которыя въ самой пьесѣ напоминаютъ „гласъ вопіющаго въ пустынѣ“. Именно благодаря тому, что авторъ не сумѣлъ отдѣлить своей личности отъ личности главнаго героя пьесы, этотъ герой и остался такимъ одинокимъ среди живыхъ, яркихъ и превосходно обрисованныхъ типовъ другихъ важнѣйшихъ лицъ пьесы. Если мы ближе и подробнѣе станемъ вглядываться въ характеръ Чацкаго, если мы станемъ сопоставлять его съ біографическими данными о Грибоѣдовѣ, съ его письмами къ пріятелямъ и съ тѣми достовѣрными свидѣтельствами современниковъ, какія сохранились намъ о личности и характерѣ этого писателя, то мы непремѣнно придемъ къ тому убѣжденію, что Чацкій—это самъ Грибоѣдовъ. Его голосъ, его манеру, его пріемы рѣчи слышимъ мы въ тирадахъ Чацкаго; его презрѣніемъ къ людямъ, его непомѣрною гордостью и ненасытнымъ самолюбіемъ отзываются всѣ проповѣди этого „Московскаго мизантропа“, и даже болѣе: всѣ недостатки этихъ проповѣдей—ихъ напыщенность, ихъ ходульность, ихъ накидное презрѣніе и равнодушіе— все это личные недостатки самого автора, насколько онъ намъ извѣстенъ по своимъ письмамъ, по отзывамъ друзей и враговъ. Намъ кажется даже, что та послѣдняя сцена комедіи, которую особенно осуждали критики, которая возмущала Бѣлинскаго [1]), была вовсе не

Характеръ Чацкаго.

[1]) Разбирая эту послѣднюю сцену комедіи, Бѣлинскій восклицалъ: „Скажите, Бога ради, какой бы порядочный человѣкъ, на мѣстѣ Чацкаго, не удалился тихонько, узнавъ

случайною ошибкою неопытнаго еще таланта, а естественнымъ слѣдствіемъ, прямымъ выводомъ изъ всего предыдущаго. Авторъ не могъ отрѣшиться отъ излюбленнаго имъ типа Чацкаго, который, такъ-сказать, составляетъ его собственную тѣнь, его *alter ego*, но въ субъективности этого характера и его ненормальныхъ, странныхъ отношеній къ остальнымъ лицамъ комедіи, онъ не могъ не видѣть большого недостатка своего произведенія—и вотъ этому-то недостатку онъ и старался помочь именно тѣмъ, что заставилъ Чацкаго въ послѣдней сценѣ дѣйствовать безтактно, очертя голову, и своимъ изступленіемъ, своимъ „милліономъ терзаній"—вызвать улыбку на уста зрителя и поставить самого Фамусова втупикъ, сбить его окончательно съ толку и привести къ чрезвычайно комическому выводу, которымъ онъ такъ превосходно характеризируетъ себя и такъ безподобно заканчиваетъ самую комедію [1]).

Изъ всего высказаннаго нами выше, для объясненія характера Чацкаго, мы можемъ видѣть, въ какой степени несправедливы были литературныя сплетни, побуждавшія подъ типомъ Чацкаго подразумѣвать какой-то неблаговидный памфлетъ на Чаадаева, въ то время подвергнувшагося опалѣ. Еще менѣе основательными представляются намъ сужденія о Чацкомъ со стороны другого критика, который находилъ сходство между Чацкимъ и Стародумомъ (!), какъ бы взводя на Грибоѣдова обвиненіе въ полномъ безвкусіи и литературной безтактности, потому что онъ, будто бы, допустилъ въ свою пьесу какого-то несноснаго резонера, выражающаго свои мысли готовыми сентенціями [2]). Нужно ли говорить, что между Чацкимъ и Стародумомъ (въ особенности, Стародумомъ, какъ мы его выяснили выше)—нигдѣ не можетъ быть ничего общаго.

Въ заключеніе всего, что нами сказано о комедіи Грибо-

горькую истину?.. Но ему надо было произвести трагическій эффектъ, а вышла преуморительная сцена, гдѣ самое смѣшное лицо—г. Чацкій. Нѣтъ, не то: ему надо было еще прочесть нѣсколько проповѣдей. Безъ этого комедія, по крайней мѣрѣ, кончилась бы на мѣстѣ, а тутъ она еще тянется Богъ знаетъ для чего»...

[1]) Въ этомъ, именно, смыслѣ мы никакъ не можемъ согласиться съ предположеніемъ Бѣлинскаго, по которому комедію слѣдовало бы закончить на монологѣ Софьи къ Молчалину и на безмолвномъ удаленіи Чацкаго: комическія положенія, въ которыя авторъ поставилъ въ концѣ всѣ лица своей пьесы, вполнѣ правдивы и составляютъ весьма существенную сторону его произведенія.

[2]) Этотъ критикъ—князь П. А. Вяземскій. Онъ говоритъ: «Чацкій похожъ на Стародума. Благородство правилъ его почтенно, но способность, съ которою онъ, ex abrupto, проповѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ, нерѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его, точно, могутъ примѣнять къ себѣ названіе комедіи, говоря: горе отъ ума. Умъ, каковъ у Чацкаго, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что посреди глупцовъ всякаго свойства вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго...» Замѣтимъ кстати, что это, дѣйствительно, было бы очень печально, если бы было справедливо. Но ни Фамусовъ, ни Софья, ни даже Молчалинъ, ни Загорѣцкій, ни Репетиловъ, ни Скалозубъ—далеко не глупцы.

ѣдова, мы, не вдаваясь въ разборъ характеровъ ея, слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ, замѣтимъ, что изъ нихъ только два характера разработаны слабѣе другихъ: Софьи и Лизы — всѣ же остальные вполнѣ оригинальны, новы по замыслу и по художественности своей отдѣлки, и давно уже признаны типами, настолько жъ вѣрными русской дѣйствительности, насколько вѣрны ей и герои „Мертвыхъ Душъ“ Гоголя. Языкъ, которымъ говорятъ дѣйствующія лица комедіи Грибоѣдова, представляетъ собою одинъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ русской литературной рѣчи. Это не только рѣчь человѣка высокоразвитаго и образованнаго, человѣка умнаго, талантливаго и прекрасно владѣющаго своимъ роднымъ языкомъ, но еще рѣчь человѣка свѣтскаго. Можно сказать, что Грибоѣдову — первому изъ всѣхъ русскихъ писателей—первой четверти XIX в.—удалось разрѣшить труднѣйшую задачу: создать въ своемъ произведеніи новый литературный языкъ, красивый и звучный, энергичный и сильный, тотъ языкъ, о которомъ только помышлялъ Карамзинъ и который пытались создать его ближайшіе поклонники и подражатели. И нельзя не удивляться тому искусству, той чрезвычайной виртуозности, съ которою Грибоѣдовъ сумѣлъ воспользоваться для своей комедіи всѣми лучшими сторонами живой русской рѣчи, не прибѣгая для выраженія своей мысли ни къ славянскимъ архаизмамъ, ни къ обилію иностранныхъ словъ, ни къ уродливымъ измышленіямъ, которыми старая партія „бесѣдистовъ“ старалась эти слова замѣнить и вытѣснить изъ русскаго литературнаго языка. Лучшею похвалою для языка Грибоѣдова должно, конечно, служить то, что его комедія съ давнихъ поръ у всѣхъ на устахъ и въ памяти и что десятки извлеченныхъ изъ нея реченій давно уже обратились въ общепризнанныя пословицы и поговорки, т. е. приравнялись къ произведеніямъ народной мудрости. А этой чести удостаивались лишь очень немногія произведенія первостепенныхъ поэтовъ и писателей.

Еще одно послѣднее замѣчаніе, касающееся комедіи Грибоѣдова: и онъ такъ же, какъ и многіе предшественники его, сатирики и авторы драматическихъ произведеній, отдалъ въ своей комедіи должную дань давно назрѣвшему вопросу о маніи русскихъ къ подражанію иностранцамъ и о недостаточномъ уваженіи къ себѣ и своимъ національнымъ особенностямъ. Тотъ энергичный и горячій монологъ, въ которомъ Чацкій высказываетъ намъ свои мысли по этому вопросу (и между прочимъ, осмѣиваетъ европейскій костюмъ, навязанный намъ „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“), навлекъ особенно много нареканій на Грибоѣдова и укоровъ въ томъ, что онъ относится пристрастно къ русской старинѣ, отрицаетъ необходимость и

пользу для Россіи европейскаго просвѣщенія и т. д. Но онъ говоритъ только о модахъ и свѣтскихъ обычаяхъ, ни единымъ словомъ не проговариваясь о просвѣщеніи: онъ порицаетъ только обезьянство, а не заимствованіе такихъ сторонъ жизни, которыя бы могли внести къ намъ нѣчто полезное и важное въ смыслѣ образовательномъ, научномъ или житейскомъ. И этотъ монологъ, въ произведеніи автора, высоко-образованнаго на европейскій ладъ и постоянно трудившагося надъ своимъ образованіемъ, можетъ только сдѣлать ему честь, только послужить доказательствомъ того, что русское самосознаніе окончательно окрѣпло и уже даетъ возможность русскимъ людямъ желать, чтобы ихъ избавили отъ иностранной указки... Не доказалъ-ли это и самъ Грибоѣдовъ своей безсмертной, неувядающей комедіей, въ которой онъ такъ открыто пренебрегъ всѣми наставленіями, правилами и указаніями псевдо-классической піитики?

Виньетка Екатерининскаго времени.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Расцвѣтъ просвѣщенія въ началѣ царствованія Александра I. — Университеты и гимназіи. — Университетъ Московскій.—Новые университеты: С.-Петербургскій, Казанскій и Харьковскій. — Періодъ реакціи и ея печальныя послѣдствія. — Ученыя учрежденія.—Ученыя общества казенныя и частныя. — Покровители наукъ и ихъ дѣятельность.

Первые годы царствованія императора Александра I, какъ мы уже неоднократно упоминали, были періодомъ расцвѣта и торжества въ исторіи русскаго просвѣщенія. Послѣ краткаго, но довольно сумрачнаго періода, пережитаго русскимъ просвѣщеніемъ и литературой въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и въ особенности въ недолговременное царствованіе Павла I, начало Александровской эпохи всѣхъ ободрило и обрадовало тѣми надеждами на обновленіе и усиленіе средствъ народнаго просвѣщенія, которыя всѣмъ такъ охотно и благодушно подалъ юный императоръ.

Надежды эти, какъ мы уже видѣли выше, вполнѣ оправдывались составомъ главнаго правленія училищъ—этого вершителя судебъ русскаго просвѣщенія — въ первомъ періодѣ существованія этого учрежденія. Историкъ русскаго просвѣщенія въ Александровскую эпоху, академикъ М. И. Сухомлиновъ, особенно рѣзко оттѣняетъ этотъ первый и блестящій періодъ дѣятельности главнаго правленія училищъ отъ второго: „Въ первомъ періодѣ— говоритъ почтенный академикъ, — дѣйствовали Завадовскіе, Муравьевы, Потоцкіе: во второмъ—выступили на сцену Магницкіе и Руничи. Различіе между двумя періодами выразилось какъ въ самомъ составѣ главнаго правленія училищъ, такъ и въ началахъ, принятыхъ имъ въ руководство, и въ преобладающемъ направленіи, отразившемся въ бо́льшей или меньшей степени не только на внѣшнемъ устройствѣ, но и на внутренней жизни университетовъ...“

Чтобы вполнѣ ясно представить себѣ ходъ и развитіе тѣхъ благихъ начинаній, которыми ознаменовалось царствованіе Александра I въ области русскаго просвѣщенія, необходимо оглянуться назадъ и припомнить тѣ обширные проекты и планы распространенія просвѣщенія по всему лицу земли Русской, которые были вызваны Екатериною въ одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ ея царствованія. Планы и проекты эти важны для насъ не только потому, что они легли въ основу подобныхъ же мѣропріятій Александра I, который стремился идти „по стопамъ“ бабки своей; но отчасти и потому, что въ примѣненіи этихъ проектовъ и плановъ къ дѣйствительности принимали участіе почти одни и тѣ же

Просвѣщеніе при Екатеринѣ.

лица, представлявшія собою какъ бы живое преданіе минувшаго вѣка новому, наступающему.

29 января 1786 г. комиссіи объ учрежденіи училищъ предписано было составить планъ необходимыхъ для Россіи высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній—университетовъ и гимназій. На первое время предполагалось открыть только три университета (во Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ), и въ основу ихъ принять такой планъ: богословскій факультетъ не долженъ былъ входить въ составъ университетовъ, а медицинскій должно было сообразовать съ потребностями обширной Россійской Имперіи. Нельзя не замѣтить при этомъ, что одновременно съ указомъ, комиссіи данъ былъ въ руки богатый матеріалъ, знакомившій ее съ планомъ университетовъ и положеніемъ просвѣщенія въ сосѣднихъ государствахъ—въ Германіи и Австрійской Имперіи. Для разсмотрѣнія этого матеріала, въ отношеніи его пригодности къ Россіи, призваны были люди, уже извѣстные своею опытностью въ этомъ дѣлѣ и хорошо знакомые съ учебными силами и средствами Россіи: Янковичъ-де-Миріево, Козодавлевъ, Крейдманъ и Кохъ, подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго. Указъ требовалъ, чтобы управленіе университетовъ, ихъ права и преимущества—все это было бы сообразовано съ существующими у насъ государственными учрежденіями. Оказалось, что члены комиссіи не только приняли къ свѣдѣнію данные имъ матеріалы и указанія, но еще и отнеслись къ своей задачѣ вполнѣ разумно, стараясь придать русскимъ университетамъ, насколько возможно, національный характеръ и руководствоваться при написаніи ихъ уставовъ уже готовымъ уставомъ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, Московскаго. Предсѣдатель Завадовскій въ особенности усердно отстаивалъ необходимость университетскаго преподаванія на русскомъ языкѣ; согласно съ его наставленіями вопросъ этотъ былъ поставленъ на твердую почву и въ офиціальномъ актѣ.

„Языкъ народный — сказано въ проектѣ университетовъ — есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія: гдѣ науки преподаются на языкахъ иностранныхъ, тамъ народъ находится подъ игомъ языка чуждаго, и рабство это нераздѣльно съ невѣжествомъ...“ „Просвѣщеніе всегда будетъ распространяться тихими шагами, когда наука будетъ преподаваться на языкѣ мертвомъ или чужомъ“.

Въ февралѣ 1787 г. окончательно былъ выработанъ планъ учебной части для всей Россіи. Рѣшено было открыть три университета въ выше-указанныхъ пунктахъ, и въ каждомъ изъ нихъ учредить три факультета: философскій, врачебныхъ наукъ и правовѣдѣнія. Уставъ университетскій задуманъ широко и либерально: свобода преподаванія признана важнѣйшимъ началомъ

преуспѣянія ученой дѣятельности въ новоучрежденныхъ университетахъ, и въ планѣ ихъ, выработанномъ комиссіею, говорится по этому поводу:

„Профессора не подвергаются принужденію ни въ разсужденіи правилъ науки, ни въ разсужденіи книгъ учебныхъ: *свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ*, но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо“,

При этой свободѣ преподаванія, въ планѣ допущена и весьма замѣчательная, по тому времени, свобода для учащихся: доступъ въ университетъ открытъ для всѣхъ жаждущихъ знанія — для студентовъ и постороннихъ слушателей, безъ различія лѣтъ и сословій. Приводимъ здѣсь то замѣчательное мѣсто въ планѣ комиссіи, гдѣ этотъ вопросъ рѣшается наглядно и просто, и подтверждается очень кстати ссылкою на примѣръ геніальнаго Ломоносова—перваго изъ русскихъ людей, отстаивавшихъ необходимость свободы ученія и его обязательной общедоступности:

„Несвободные люди также должны имѣть право быть въ университетѣ: когда несвободные люди будутъ учиться, какъ и прочіе студенты, то симъ ученьемъ и наукою люди ни мало не будутъ унижаемы, такъ какъ цари и отцы духовные не унижаются тѣмъ, когда несвободные бываютъ съ ними вмѣстѣ въ храмахъ и слушаютъ слово Божіе. Науки называются *свободными для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобы сіе право предоставлялось только людямъ свободнымъ*. Исторія, какъ древняя, такъ и новая, доказываетъ, что люди самаго низкаго состоянія пріобрѣли себѣ науками безсмертную славу; въ отечествѣ нашемъ стяжавый оную Ломоносовъ служилъ истины сей доказательствомъ“.

Но этимъ добрымъ начинаніямъ не суждено было осуществиться... Прекрасные планы разбились о весьма твердую скалу: открытію университетовъ помѣшалъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, а затѣмъ наступила реакція, надолго отодвинувшая всякія просвѣтительныя начинанія на задній планъ. Въ царствованіе императора Павла I. — упорно и настойчиво отрицавшаго все, что задумывала Екатерина въ лучшіе годы своего царствованія,—открытъ былъ только одинъ университетъ, да и тотъ не въ центрѣ Россіи, а на ея иноземной окраинѣ — въ Дерптѣ! Но зато уже при самомъ учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія былъ вновь поднятъ вопросъ объ университетахъ, и открытіе ихъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность главному правленію училищъ. Въ засѣданіи преобразованной комиссіи объ училищахъ, открытомъ подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, принимали участіе, кромѣ извѣстныхъ уже намъ Янковича-де-

Просвѣщеніе при Александрѣ.

Мирієво, академики: Озерецковскій, Фусъ и Клингеръ, и столь приближенные къ Александру лица, какъ его воспитатель Муравьевъ и его личные друзья: Чарторыжскій и Потоцкій.

Въ вопросѣ о выборѣ городовъ для учрежденій университетовъ мнѣнія членовъ комиссіи нѣсколько разошлись; Озерецковскій, сверхъ двухъ уже существующихъ университетовъ, въ Москвѣ и Дерптѣ, предлагалъ открыть новые: въ Харьковѣ, Во-

Герцогъ Ришелье, основатель Ришельевскаго Лицея, въ Одессѣ.

ронежѣ, Казани, Устюгѣ Великомъ; академикъ Фусъ указалъ на иной планъ: по его мнѣнію, кромѣ двухъ существующихъ, надо было еще открыть университеты въ С.-Петербургѣ, Казани и Вильнѣ. Слышались голоса и въ пользу открытія университета въ Кіевѣ, гдѣ учрежденію высшаго учебнаго заведенія могла въ значительной степени способствовать и давно уже существовавшая въ Кіевѣ духовная академія. Но зато всѣ, безъ всякихъ разногласій, согласились съ тѣмъ стройнымъ и гармонически согласованнымъ планомъ общаго просвѣщенія для всей Россіи, который

былъ предложенъ академикомъ Фусомъ. Почтенный академикъ предлагалъ въ каждомъ губернскомъ городѣ учредить гимназію или главное училище, въ каждомъ уѣздномъ — училище второго разряда: въ каждомъ селѣ—училище третьяго разряда. При этомъ предполагалось, что „каждое сельское училище должно будетъ состоять подъ надзираніемъ уѣзднаго; а каждое уѣздное должно состоять въ прямой зависимости отъ главнаго губернскаго: всѣ эти губернскія училища, въ извѣстномъ округѣ, должны быть въ такой же степени подчинены вѣдѣнію университетовъ, въ какой самые университеты должны быть подчинены вѣдѣнію особыхъ директоровъ или попечителей".

Въ концѣ-концовъ, когда рѣшено было, на первыхъ порахъ, открыть университеты только въ Вильнѣ, Казани и Харьковѣ, члены комиссіи дѣятельно принялись за составленіе уставовъ для всѣхъ трехъ университетовъ одновременно, и при этомъ въ основу устава Харьковскаго и Казанскаго университетовъ положенъ былъ, конечно, уставъ Московскаго университета. Новые университеты.

Въ 1803 г. утверждены 24 января предварительныя правила [1]) народнаго просвѣщенія: 18 мая—уставъ Виленскаго университета, 12 сентября—уставъ Дерптскаго университета; 5 ноября 1804 г. уставы университетовъ: Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго. Изъ пяти городовъ, названныхъ въ предварительныхъ правилахъ, университеты открыты только въ Харьковѣ и Казани: въ Петербургѣ же, вмѣсто университета въ его полномъ составѣ, открыто одно отдѣленіе его подъ названіемъ „*Педагогическаго института*", предназначенное для подготовленія юношества къ учительской должности.

Вслѣдъ за открытіемъ университетовъ послѣдовалъ цѣлый рядъ заботъ о пополненіи ихъ профессорами и о привлеченіи въ стѣны ихъ и студентовъ. Всѣ эти работы возложены были на попечителей округовъ, которые, по общимъ отзывамъ современниковъ, относились къ своимъ обязанностямъ въ высшей степени добросовѣстно. Однакоже недостатокъ и въ профессорахъ, и въ слушателяхъ былъ настолько великъ, что полное открытіе университетовъ иногда задерживалось на нѣсколько лѣтъ [2]). Мѣры для пополненія каѳедръ и аудиторій принимались экстренныя,

---

[1]) Въ «предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія» сказано: "для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго сосостоянія, опредѣлены четыре рода училищъ; а именно: 1) училища *приходскія*, 2) *уѣздныя* 3) *губернскія* или *гимназіи* и 4) *университеты*. Приходское училище должно быть при каждомъ приходѣ, уѣздное - въ каждомъ уѣздномъ городѣ, гимназія — въ каждомъ губернскомъ городѣ. Въ округахъ учреждаются университеты для преподаванія наукъ въ высшей степени»...

[2]) Такъ, напримѣръ, полное открытіе Казанскаго университета послѣдовало не ранѣе, какъ въ 1814 г.

чрезвычайныя. Съ одной стороны, въ число студентовъ (какъ и при основаніи академическаго университета) принимали способнѣйшихъ изъ числа семинаристовъ; съ другой — подготовляли особымъ курсомъ гимназистовъ старшаго класса къ слушанію университетскихъ лекцій. Нѣкоторые попечители учреждали даже и особые приготовительные курсы при университетѣ, служившіе неизбѣжнымъ преддверіемъ для вступленія въ храмъ науки.

Одинъ изъ попечителей даже весьма подробно выясняетъ поводы, вынудившіе его къ учрежденію подобныхъ курсовъ, и при этомъ рисуетъ намъ далеко не привлекательную картину современнаго провинціальнаго общества въ отношеніи его къ образованію:

„Не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ (такъ пишетъ попечитель въ своемъ докладѣ министру) или имѣя о нихъ весьма темное понятіе, дворяне здѣшніе не радѣли о воспитаніи дѣтей своихъ, будучи лишены всѣхъ нужныхъ къ тому средствъ; они лучше соглашаются записать ихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели продолжать науки и усовершать ихъ знанія: они не могутъ рѣшиться дозволить дѣтямъ своимъ выше 14-ти-лѣтняго возраста посѣщать гимназіи, которыя, впрочемъ, не приведены еще въ желаемое состояніе. Поэтому, если бы университетъ сохранилъ въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, которыми долженъ руководствоваться въ пріемѣ студентовъ, то онъ не имѣлъ бы ни одного студента, и цѣлому поколѣнію пришлось бы заградить путь къ образованію. Убѣждаясь такими причинами, я нахожусь вынужденнымъ учредить при университетѣ приготовительный курсъ, въ которомъ люди пріобрѣтутъ достаточныя свѣдѣнія къ слушанію высшихъ наукъ“.

Профессора. По отношенію къ преподавателямъ приходилось также принимать мѣры временныя и необычайныя: приходилось искать ихъ и въ средѣ русскихъ ученыхъ, и за границей, и даже предлагать каѳедру „*достойнѣйшимъ представителямъ учительскаго сословія*“ [1]. И несмотря на такую пестроту состава первоначальной профессорской коллегіи, въ средѣ ея было много весьма почтенныхъ дѣятелей и замѣчательныхъ своими заслугами ученыхъ, и имена такихъ профессоровъ, какъ *Рижскій*, *Осиповскій*, *Успенскій* и *Яковкинъ*, произносились слушателями съ восторгомъ и глубочайшимъ уваженіемъ. И въ средѣ иностранцевъ, приглашенныхъ въ Россію, преимущественно изъ австрійскихъ и германскихъ университетовъ, было много замѣчательныхъ ученыхъ, обращавшихъ на себя вниманіе своими почтенными трудами. Таковы были, напримѣръ, оріенталистъ *Френъ*, математикъ *Бартельсъ*, астрономъ

[1] Въ 1815 г. министерство народнаго просвѣщенія потребовало, чтобы для занятія каѳедръ избирались исключительно русскіе, а не иностранные ученые.

Литтровъ, профессоръ политическихъ наукъ *Якобъ*, клиницистъ *Эрдманъ!* Послѣдній изъ нихъ, въ отвѣтъ на посланное ему предложеніе пріѣхать въ Россію, писалъ письмо, въ которомъ совершенно откровенно высказывалъ причины, побуждавшія иностранныхъ ученыхъ къ выселенію изъ Германіи:

....„По настоящимъ политическимъ перемѣнамъ въ Германіи, неблагопріятствующимъ наукѣ, писалъ Эрдманъ, я съ радостью переселюсь въ такое государство, какъ Россія, гдѣ мудрое правленіе способствуетъ успѣхамъ и процвѣтанію наукъ".

Число преподаваемыхъ въ университетѣ предметовъ быстро увеличивалось по мѣрѣ того, какъ возрастала профессорская коллегія, пополняемая русскими и иностранными преподавателями. Но все же, на первыхъ порахъ, многіе профессора вынуждены были одновременно принимать на себя чтеніе курсовъ по многимъ каѳедрамъ и преподавать предметы, мало имѣвшіе между собою общаго. Такъ, напримѣръ, профессоръ *Успенскій* (въ Харьковскомъ университетѣ) читалъ: русскую исторію, географію и статистику, русское гражданское право, и въ то же время обозрѣвалъ нѣкоторыя мѣстныя права: литовское, курляндское, лифляндское и эстляндское. Профессоръ *Кронебергъ* (въ томъ же университетѣ) преподавалъ исторію латинской словесности, римскія древности, филологическую энциклопедію и исторію нѣмецкой литературы [1]).

Любопытно, что въ молодыхъ русскихъ университетахъ, надъ всѣми остальными предметами, преобладала и пользовалась общимъ сочувствіемъ философія. Не только нѣмецкіе ученые, занесенные судьбою въ нашу провинцію, но и русскіе ученые со страстью предавались изученію Канта (а позднѣе Шеллинга) и внушали своимъ молодымъ слушателямъ, что человѣкъ, незнакомый съ системою того или другого знаменитаго нѣмецкаго философа, не можетъ назваться вполнѣ образованнымъ. По этому поводу, академикъ Сухомлиновъ въ своей книгѣ замѣчаетъ довольно тонко: Господство философіи.

„Не отрицая даже вліянія, оказаннаго философскимъ характеромъ первыхъ университетскихъ лекцій, не можемъ не замѣтить, что исключительное господство философскаго направленія грозило и вредными слѣдствіями: вело къ туманности, неопредѣленности и неуваженію факта. Противодѣйствіемъ подобной крайности являлись естественныя и математическія науки, съ ихъ спеціальною методою. Къ строгой, отчетливой работѣ и внима-

[1]) Этотъ почтенный ученый первый оцѣнилъ въ Россіи Шекспира по достоинству и оказалъ важныя услуги молодому поколѣнію, знакомя слушателей съ важнѣйшими явленіями въ области европейской литературы и критики. Онъ отличался особеннымъ умѣньемъ возбуждать въ молодежи сочувствіе къ древнему міру и нѣмецкой философіи.

тельному наблюденію фактовъ пріучали также науки, имѣющія предметомъ своимъ Россію, каковы: русское право и русская исторія"...

Русская исторія, въ ту пору еще наука молодая и недостаточно изученная, не давала никакого простора ни для гипотезъ, ни для философскихъ умствованій, и вынуждала изслѣдователей къ изученію текстовъ, и потому становилась на одну линію съ науками точными, представители которыхъ (напр., извѣстный математикъ Осиповскій) выказывали себя открытыми и ярыми противниками философіи вообще, и системы Канта—въ особенности.

Несмотря на всѣ тѣ затрудненія, которыя молодымъ русскимъ университетамъ приходилось переживать въ первые годы ихъ существованія, они уже съ самаго начала привились на русской почвѣ и пустили въ нее глубокіе, благотворные корни. И попечители университетовъ, и профессора прекрасно поняли предлежавшую имъ задачу: содѣйствовать всѣми силами распространенію ученыхъ знаній и просвѣщенія въ Россіи. Въ виду этого, они не ограничивались чтеніемъ лекцій въ аудиторіяхъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ обращались къ публикѣ съ рѣчами, въ которыхъ касались различныхъ вопросовъ науки и общественной жизни. „Общедоступность, пригодность для общества, — говорилъ академикъ Сухомлиновъ,—при внутреннемъ достоинствѣ, постоянно имѣлись въ виду не только въ рѣчахъ, но и въ чисто-спеціальныхъ сочиненіяхъ".

Ученая дѣятельность.

Въ самыхъ стѣнахъ университета члены профессорской коллегіи старались поддерживать—и въ средѣ своихъ членовъ, и въ средѣ молодежи—духъ уваженія къ наукѣ и ея просвѣтительнымъ задачамъ. Съ этою цѣлью, профессора, сверхъ обычныхъ дѣловыхъ засѣданій, собирались еженедѣльно въ особыя *ученыя* собранія, въ которыхъ каждый сообщалъ объ успѣхахъ своей науки, о новыхъ трудахъ и открытіяхъ по своей спеціальности, или же всѣ вмѣстѣ разсматривали и обсуждали чьи-нибудь сочиненія, представленныя на соисканіе медалей или премій. Съ другой стороны, каждый профессоръ устраивалъ особыя ученыя бесѣды со студентами. На этихъ бесѣдахъ профессора предлагали своимъ слушателямъ научныя тэмы для устнаго объясненія, направляли ихъ сужденія и вырабатывали ихъ способъ выраженія мыслей.

Для распространенія и усиленія ученой и литературной дѣятельности среди мѣстной интеллигенціи, университеты учреждали въ средѣ своей ученыя общества по примѣру старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ — Московскаго—въ которомъ существовало „*Общество исторіи и древностей русскихъ*". Въ Казани, студентами перваго выпуска составлено было общество „*любителей рус-*

ской словесности при Казанскомъ университетѣ". Въ 1812 году, при Харьковскомъ университетѣ, учреждено „*Общество наукъ*" съ двумя отдѣленіями: словесныхъ и естественныхъ наукъ. Въ 1819 году въ Харьковскомъ университетѣ образовалось общество „*студентовъ-любителей отечественной словесности*", еженедѣльно собиравшееся подъ предсѣдательствомъ декана словеснаго факультета; нѣсколько позднѣе видимъ тамъ же „*Сотоварищество любителей наукъ*", основанное студентами философскаго факультета [1]).

Одновременно съ этою внутреннею ученою дѣятельностью, университетская коллегія оказывала весьма энергичную поддержку и періодической литературѣ, развивавшейся въ университетскихъ городахъ. Такъ, въ Казани, въ относительно краткій періодъ времени, послѣдовательно явились три періодическія изданія: „*Казанскія извѣстія*", „*Казанскій Вѣстникъ*", „*Труды Казанскаго Общества любителей отечественной словесности*". Еще оживленнѣе, въ той же области, была дѣятельность Харькова, гдѣ около этого времени явилось четыре изданія: „*Украинскій Вѣстникъ*", „*Украинскій домоводъ*", „*Харьковскій журналъ*", „*Украинскій журналъ*" [2]).

Рядомъ съ быстро-возраставшимъ количествомъ новыхъ періодическихъ изданій, университеты, пользовавшіеся полною независимостью отъ цензуры, въ значительной степени способствовали и развитію книжной торговли, такъ какъ всѣ лучшіе профессора налагали на себя непремѣнную обязанность печатанія учебниковъ, которые каждый изъ нихъ составлялъ по своему предмету. Многіе изъ подобныхъ учебниковъ (какъ напр. учебникъ Рижскаго) пользовались громкою извѣстностью и послужили учебнымъ руководствомъ для обученія многихъ послѣдовательныхъ поколѣній. Къ печатанію учебниковъ профессора были поощряемы и министерствомъ, которое воспрещало „обременять студентовъ записываніемъ лекцій" и требовало, чтобы въ основу лекцій была положена профессоромъ непремѣнно печатная книга.

Внутренняя жизнь университетовъ.

Внутренняя жизнь университетовъ Александровскаго времени, несмотря на многіе недочеты, пробѣлы и недостатки, все же складывалась очень хорошо и многое сулила въ будущемъ, благодаря той широкой и либеральной основѣ, которая была дана университетамъ. Не слѣдуетъ забывать, что университеты этого періода были не только высшими научными учрежденіями въ

[1]) Увлеченные ихъ примѣромъ, студенты Ришельевскаго лицея завели въ средѣ своей «содружество» подъ названіемъ «Общество соревнователей отечественной словесности».

[2]) Число сочиненій, вышедшихъ изъ типографіи Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія съ 1805—1815 г., простирается до 210, что составляетъ почти 1/12 долю того, что произвело въ это время книгопечатаніе во всей Россіи; изъ 210 сочиненій 90 принадлежатъ профессорамъ и 16-ть—студентамъ. Замѣтимъ кстати, что изъ 240 украинскихъ писателей и ревнителей просвѣщенія около половины получили образованіе въ Харьковскомъ университетѣ.

извѣстномъ краѣ (учебномъ округѣ), но и высшей инстанціей, рѣшавшей самостоятельно всѣ вопросы по учебной части и всѣ юридическіе вопросы по тяжбамъ, возникавшимъ въ правленіи университета съ частными лицами. Кромѣ полной свободы преподаванія, профессорская коллегія пользовалась еще значительными преимуществами: сочиненія профессора были избавлены отъ цензуры, профессорамъ выдавались на руки всѣ, даже и запрещенныя книги и рукописи, и коллегія имѣла право суда надъ студентами. По замѣчанію академика Сухомлинова, душою учрежденія былъ его выборный ректоръ, „который былъ не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности представителемъ университета, и защищалъ его интересы съ тѣмъ достоинствомъ и энергіею, которыя даются только сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей и свободою дѣйствовать по своему убѣжденію и долгу“.

Важное, первенствующее значеніе получили университеты Александровскаго времени еще и потому, что они были, дѣйствительно, главными разсадниками образованія для края, служили какъ бы центрами, къ которымъ примыкали всѣ училища округа, связанныя съ университетами не только учебными, но и административными отношеніями. Связь эта — живая и тѣсная — поддерживалась тѣмъ, что университетъ посылалъ по округу *визитаторовъ* изъ профессорской коллегіи, и эти визитаторы всюду слѣдили не только за правильнымъ выполненіемъ уставовъ и программъ, но и за внутреннею жизнью училища, и за его отношеніями къ окружающему обществу [1]). Надѣляя училища преподавателями и улучшая постепенно ихъ управленіе и внутренній бытъ, университеты же заботились и о снабженіи училищъ необходимыми учебными пособіями... Автономія и права, дарованныя университетамъ въ области ихъ отношенія къ остальнымъ учебнымъ заведеніямъ округа, долгое время сохранялись неприкосновенными. Любопытнымъ образцомъ ихъ примѣненія можетъ служить слѣдующій разительный примѣръ. По случаю безпорядковъ въ одной изъ гимназій, посланъ былъ на ревизію не членъ университета, а, вопреки уставу, чиновникъ канцеляріи министра. Профессора университета, къ округу котораго принадлежала гимназія, обратились въ Петербургъ съ жалобою на это нарушеніе устава. Комитетъ министровъ прислалъ имъ выговоръ; но они этимъ выговоромъ нимало не смутились и вошли съ новымъ предложеніемъ, въ которомъ опирались на уставъ университета, такъ что комитетъ министровъ, найдя доводы ихъ совершенно законными, измѣнилъ свое рѣшеніе.

---

[1]) Тѣ отчеты визитаторовъ, которые приведены Сухомлиновымъ въ его книгѣ, представляютъ собою массу драгоцѣннаго матерьяла для исторіи постепеннаго распространенія въ Россіи просвѣщенія.

Профессора и студенты.

Прекрасно и въ высшей степени гуманно складывались въ этотъ періодъ и отношенія профессорской коллегіи, и ректора университета къ студентамъ. Правила внутренняго благоустройства создавались коллегіально, совѣтомъ университета, и не отличались ни чрезмѣрною требовательностью, ни драконовскою строгостью. Высшей степенью наказанія, налагаемаго на студентовъ университетскимъ судомъ, было занесеніе его имени на черную доску, послѣ чего онъ долженъ былъ неминуемо покинуть университетъ. Но къ этой мѣрѣ прибѣгали очень рѣдко, руководясь въ дѣйствіяхъ своихъ мягкостью и снисхожденіемъ къ молодежи. Такой способъ дѣйствій въ сильнѣйшей степени поддерживалъ авторитетъ ректорской власти и уваженія къ коллегіи въ средѣ студентовъ, и многія современныя свидѣтельства положительно доказываютъ намъ, что одного появленія ректора или профессора передъ толпою бушевавшей молодежи было достаточно, чтобы призвать ее къ порядку и заставить повиноваться внѣ-университетскимъ властямъ [1]).

Такое независимое и почетное положеніе юныхъ университетовъ въ нашемъ провинціальномъ обществѣ невольно возбуждало къ нимъ сочувствіе, и они никакъ не могли пожаловаться на равнодушіе къ нимъ окружающей среды. Пожертвованія имущественныя и денежныя щедро изливались на нихъ со всѣхъ сторонъ, и ихъ библіотеки и кабинеты, быстро возраставшіе въ количествѣ и цѣнности своего состава, могли служить достаточно яснымъ указаніемъ на то, какъ благосклонно къ нимъ относилось общество.

Но вотъ горячая пора первоначальныхъ и благодѣтельныхъ преобразованій и нововведеній въ области русскаго просвѣщенія миновала; подъ вліяніемъ войнъ, въ которыя вовлечена была Россія, и трудныхъ политическихъ обстоятельствъ, во всей внутренной жизни Россіи наступило затишье, вызванное отчасти поглощеніемъ всѣхъ финансовыхъ средствъ страны военными издержками, отчасти же и отвлеченіемъ лучшихъ умственныхъ силъ на героическую борьбу съ Наполеономъ за отвлеченную идею освобожденія Европы и во имя такихъ идеаловъ, которые всѣмъ представлялись туманными и проблематичными. Результатомъ этой борьбы явилось для всѣхъ неожиданное торжество и преобладаніе такихъ началъ, которыя менѣе всего способны были удовлетворить сильно возбужденнымъ чувствамъ любви къ отечеству и народной гордости, жестоко страдавшимъ отъ тѣхъ порядковъ, какіе приходилось переживать обществу.

---

[1]) Ареною такихъ шумныхъ волненій и демонстрацій бывалъ обыкновенно въ Харьковѣ театръ, который молодежь любила до страсти и слишкомъ горячо сочувствовала различнымъ несогласіямъ театральныхъ партій.

Это была дѣйствительно странная эпоха, полная всякихъ противорѣчій, несообразностей и неожиданныхъ сопоставленій! Общеевропейская борьба противъ одного врага поднимала духъ народовъ, но поражала лучшіе умы какимъ-то нравственнымъ безсиліемъ, какимъ-то самоуничиженіемъ, которое легко способствовало переходу къ мистическому экстазу и всѣмъ увлеченіямъ, какія съ нимъ соединены.

Реакція. По личному (и весьма искреннему) признанію самого императора Александра I, событія эпохи вызвали его къ новой жизни, пересоздали его; онъ говорилъ, что пожаръ московскій „озарилъ его душу, а судъ Божій, совершившійся на поляхъ битвъ, наполнилъ его сердце невѣдомой дотолѣ теплотою вѣры... Спасенію Европы отъ гибели онъ обязанъ своимъ собственнымъ спасеніемъ...“ И въ этомъ откровенномъ признаніи намъ слышится внутренній голосъ многихъ и многихъ лучшихъ представителей современнаго общества, которые мало-по-малу пришли къ созданію такого совершенно идеальнаго и неосуществимаго договора, какъ приснопамятный актъ Священнаго Союза, вызвавшій столько недоразумѣній, породившій столько ложныхъ толкованій, столько извращеній истины. Дѣло въ томъ, что началами Священнаго Союза прежде всего воспользовались люди неблагонамѣренные—ловкіе дѣльцы и дипломаты, въ родѣ Меттерниха,—и воспользовались лишь для того, чтобы стянуть бразды правленія и усилить значеніе власти правителей. Чтобы легче было этого достигнуть, люди, проводившіе идеи Священнаго Союза, прежде всего принялись за печать и школу и наложили тяжкія оковы на эти два лучшихъ органа духовной жизни народа. Оковы эти, собственно говоря, налагались въ видахъ достиженія самыхъ благотворныхъ цѣлей: ради „водворенія въ общественномъ воспитаніи начала вѣры и уваженія къ власти, ради торжества откровенія и покорности властямъ надъ порывами разума и воли, не признающихъ никакого авторитета“. И подъ личиною этихъ началъ обратились къ притѣсненіямъ и ограниченію сословныхъ правъ, къ которымъ среднеевропейское общество отнеслось съ крайнимъ недовольствомъ, послѣ упорной и долгой борьбы съ Наполеономъ. Недовольство проявилось въ кое-какихъ мѣстныхъ волненіяхъ, особенно въ средѣ университетской молодежи, и въ ней же, къ сожалѣнію, нашлись горячія головы, которыя дошли до чрезвычайныхъ и прискорбныхъ крайностей [1]). Этими крайностями люди реакціи воспользовались, какъ доказательствами въ пользу необходимости предлагаемыхъ ими стѣсненій печати и преобразованій школы. Стѣсненія и преобразованія были окончательно закрѣплены и обусловлены на съѣздахъ

[1]) Мы разумѣемъ убійство извѣстнаго нѣмецкаго сторонника реакціи, писателя Коцебу, совершенное студентомъ Карломъ Зандомъ.

дипломатовъ въ Карлсбадѣ и Франкфуртѣ. Рѣшенія этихъ съѣздовъ, вызванныхъ событіями внутренней жизни въ Германіи, примѣнены были и къ Россіи, хотя она и была совершенно чужда тому броженію, которое въ это время охватило Германію. И вотъ, вся дѣятельность нашего правленія училищъ была направлена, подъ вліяніемъ новаго оборота въ воззрѣніяхъ на воспитаніе, на новый и совершенно ложный путь... Одинъ изъ ораторовъ новаго направленія такъ описываетъ современное состояніе европейскаго просвѣщенія, университетской науки и печати:

„Когда водворился общій миръ, когда миръ сей запечатлѣнъ именемъ Іисуса, когда государи европейскіе сами поставили себя въ невозможность его нарушить, взволновались университеты, явились изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада... Слово человѣческое есть проводникъ сей адской силы; книгопечатаніе — орудіе его; профессора безбожныхъ университетовъ передаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству; а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ...“

И затѣмъ въ своемъ мрачномъ паѳосѣ доходитъ даже до такихъ крайностей:

„Счастлива была бы Россія, ежели бы можно было такъ оградить ее отъ Европы, чтобы и слухъ происходящихъ тамъ неистовствъ не достигалъ до нея! Настоящую войну духа злобы не могутъ остановить арміи, ибо противъ духовныхъ нападеній нужна и оборона духовная. Благоразумная цензура, соединенная съ утвержденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ, есть единый оплотъ бездны, затопляющей Европу невѣріемъ и развратомъ“.

Подъ вліяніемъ такихъ и подобныхъ проповѣдей явилось въ высшихъ сферахъ убѣжденіе, которое, мало-по-малу, легло въ основу цѣлой системы реформъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Убѣжденіе это заключалось въ томъ, что все ученіе и даже все движеніе науки должно исходить отъ религіи и ни въ какомъ случаѣ не переходить за предѣлы, указанные каноническими правилами. Строгая религіозная и исключительно-монархическая доктрина должны быть присущи преподаванію на всемъ пространствѣ гимназическаго и университетскаго курса и всѣ свѣдѣнія, получаемыя учениками и студентами отъ ихъ преподавателей, должны быть исключительно направлены къ тому, чтобы внѣдрять въ души учащихся эту основную доктрину. Ей все подчинено и никакое знаніе, внѣ ея, не признавали даже и знаніемъ... Другими словами, около 1817 года наступила вдругъ страшная реакція, надолго попятившая нашу русскую науку и просвѣщеніе, и отразившаяся впослѣдствіи, даже еще и въ послѣдующее царствованіе, весьма прискорбными явленіями. Въ

главномъ правленіи училищъ явились люди, подобные Стурдзѣ, графу Лавалю, Магницкому и Руничу—и въ дѣятельности его проявилось такое усердіе не по разуму, которое, вѣроятно, принесло бы неисчислимый вредъ Россіи, если бы продлилось долѣе 6—7 лѣтъ и перешло за предѣлы одного министерства, какъ и весьма многія быстрыя реформы, исходившія у насъ въ Россіи не изъ живыхъ потребностей народа.

Сліяніе министерствъ.

Реакція проявилась, прежде всего, въ томъ, что два министерства были слиты воедино, о чемъ объявлено было во всенародное свѣдѣніе особымъ манифестомъ.

Въ манифестѣ 24-го октября 1817 г. сказано: „желая, дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признаемъ мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составѣ одного управленія подъ названіемъ *министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія*“.

Первымъ и прямымъ слѣдствіемъ такой странной реформы явилось быстрое развитіе дѣятельности *библейскихъ обществъ*, которыя уже и до этого времени нашли себѣ доступъ въ Россію. Новый министръ новаго министерства, князь А. Н. Голицынъ, былъ въ то же время и президентомъ россійскаго библейскаго общества, и горячимъ поклонникомъ его дѣятельности. Увлекаясь основною идеею своего общества, члены его, какъ извѣстно, посвящали всю свою дѣятельность распространенію книгъ, въ которыхъ „заключался чистѣйшій источникъ просвѣщеній“. Окруженный въ главномъ правленіи училищъ вице-президентами и членами библейскаго общества, новый министръ потратилъ много силъ и средствъ на распространеніе дѣятельности библейскаго общества. По указанію свыше, учебное начальство ревностно принялось вербовать членовъ для библейскаго общества среди студентовъ, воспитанниковъ лицеевъ и другихъ учебныхъ заведеній. Движеніе распространялось и приняло довольно обширные размѣры; если вѣрить отчету Россійскаго Библейскаго Общества за 1818—1819 г., въ которомъ президентъ его заявляетъ съ восторгомъ, что „чтеніе Св. Писанія распространяется у насъ и между поселянами [1]); солдаты и матросы сами ищутъ сей пищи духовной. Во внутренности семействъ библія становится правиломъ жизни и ежедневнымъ поученіемъ. Но еще замѣчательнѣйшіе

---

[1]) Въ этомъ заявленіи президента замѣчаемъ, конечно, весьма значительное преувеличеніе, потому что поселяне еще не могли въ эту пору мечтать о чтеніи Св. Писанія. Однакоже, несомнѣнно то, что успѣшная дѣятельность библейскаго общества направлялась и въ эту сторону: они впервые обратили вниманіе правительства на необходимость распространенія грамотности въ народѣ. До того времени, приходскія школы, проектированныя новымъ правленіемъ училищъ, существовали только на бумагѣ.

виды представляются намъ для отечества нашего: въ сообразность съ волею монаршею вводится теперь чтеніе Св. Писанія по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ нашимъ и таковое основаніе послужитъ непремѣнно къ насажденію благочестія въ духѣ возрастающаго поколѣнія, *къ созданію царства Христова на землѣ*"... Движеніе, поощряемое начальствомъ, среди учащейся молодежи доведено было до такихъ крайностей, что даже „дѣти Ришельевскаго лицея" учредили между собою „библейское сотоварищество, для снабженія сверстниковъ своихъ книгами „слова Божія", и начальство лицея, вполнѣ сочувствуя „благословенному подвигу юныхъ сотрудниковъ россійскихъ библейскихъ обществъ", разрѣшило членамъ сотоварищества собираться дважды въ недѣлю на совѣщательныя собранія.

Подобныя проявленія дѣятельности библейскихъ обществъ вполнѣ соотвѣтствовали той идеалистикѣ, которая ими руководила, но не имѣли, конечно, и не могли имѣть никакого практическаго значенія въ отношеніи къ насущнымъ потребностямъ русской жизни. Они стояли въ полномъ соотвѣтствіи съ фантастическими стремленіями образовать изъ всего народа „единую семью Небеснаго Отца", съ мечтами о сліяніи всѣхъ народовъ въ одинъ народъ, который бы могъ объясняться на „всеобщемъ языкѣ", въ родѣ нынѣ-изобрѣтеннаго воланюка, и т. д. [1]).

Другимъ прямымъ слѣдствіемъ соединенія двухъ министерствъ во власти одного министра явилось стремленіе къ преобразованію всѣхъ учебныхъ заведеній, созданныхъ въ началѣ царствованія, и преобразованіе коренное, касающееся не только внѣшнихъ формъ, но и системы, и духа всего преподаванія. Напуганные національнымъ движеніемъ, проявившимся въ германскихъ университетахъ, слишкомъ усердные и недальновидные члены главнаго правленія училищъ стали искать тѣхъ же „зловредныхъ началъ" и на почвѣ русскаго просвѣщенія, и въ средѣ только-что учрежденныхъ университетовъ, и въ средѣ самого общества.

Рѣшено было и у насъ примѣнить знаменитыя постановленія карлсбадскихъ и франкфуртскихъ конференцій, на основаніи которыхъ положили: усилить бдительную строгость цензуры, принять чрезвычайныя мѣры въ отношеніи университетовъ, гимназій и школъ, сократить права университетовъ и подчинить студентовъ надзору и вѣдѣнію внѣшней полиціи... [2])

---

[1]) Какой-то профессоръ баварскаго лицея представилъ въ ученый комитетъ свое сочиненіе о всеобщемъ языкѣ, и ученый комитетъ занимался серьезнымъ его разсмотрѣніемъ.

[2]) Послѣднее на томъ основаніи, что «въ глазахъ закона студентъ есть несовершеннолѣтній гражданинъ, имѣющій право на нѣкоторое снисхожденіе, но отнюдь не на безнаказанность».

Общая ломка.

Началась работа надъ усерднымъ разрушеніемъ недавно-созданнаго. Рьяные мистики и піэтисты были отправлены во всѣ концы Россіи въ качествѣ ревизоровъ и наблюдателей, а потомъ они возведены въ роль полноправыхъ вершителей судебъ всего русскаго просвѣщенія — и результаты отъ этой дѣятельности получились невѣроятно-плачевные. Св. Писаніе было офиціально признано основою всѣхъ наукъ, и съ полнѣйшимъ спокойствіемъ духа рѣшено было исключить изъ гимназическаго и университетскаго преподаванія всѣ науки, которыя нельзя было подчинить вполнѣ точному смыслу текстовъ Св. Писанія. Особенно ярому преслѣдованію подвергались науки естественныя, дерзавшія истолковывать явленія природы на основаніи точныхъ наблюденій и математическихъ выкладокъ или по необходимости вдававшіяся въ объясненіе о происхожденіи земли и различныхъ эпохахъ ея существованія [1]). Затѣмъ положительному преслѣдованію подвергались такія науки, какъ „естественное право“, дерзавшее говорить о первобытномъ дикомъ состояніи человѣческихъ обществъ, и какъ „статистика“, пытавшаяся цифрами доказать и объяснить свои выводы. Но этого мало: программы преподаванія остальныхъ предметовъ были измѣнены до неузнаваемости. Такъ въ основаніе преподаванія философіи приказано было принять посланіе апостола Павла къ Колоссянамъ и Тимоѳею; а начала политическихъ наукъ — извлекать изъ Моисея, Давида, Соломона, отчасти изъ Платона и Аристотеля, причемъ указывалось, что „всеобщая исторія должна быть непремѣнно излагаема такимъ образомъ, чтобы постоянно доказывать превосходство монархическаго образа правленія надъ всѣми другими“...

Въ программахъ университетскаго преподаванія рекомендовалось профессорамъ даже и „врачебныя науки преподавать въ духѣ Св. Писанія“, доказывая слушателямъ, что цѣль анатоміи—„находить въ строеніи человѣческаго тѣла доказательства премудрости Творца, создавшаго человѣка по образу и подобію своему“, а цѣль физіологіи—„объяснять дѣйствіе органовъ въ соединеніи безсмертной души съ тѣломъ“.

Самое преподаваніе медицинскихъ наукъ въ университетѣ пытались очистить отъ присущаго имъ матерьялизма, всячески затрудняя открытіе анатомическихъ театровъ, въ которыхъ видѣли „уступку жестокой необходимости и *неуваженіе къ праху умершихъ*“.

Можно ли, при этомъ направленіи, удивляться тому, что въ описываемую нами эпоху, на каѳедрѣ математики явились про-

[1]) Современные отчеты университетовъ сообщаютъ намъ, что «по всей справедливости осуждено и воспрещено ученіе о воображаемой древности вселенной, поддерживаемое многими учеными, *вопреки свидѣтельству Св. Писанія* о сотвореніи міра».

фессора, которые серьезно доказывали, что „гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и міра, правосудія и любви, черезъ ходатая Бога и человѣка, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ...“ [1])

Реакція съ особенною силою проявилась въ Казанскомъ университетѣ, который сначала поручено было обревизовать члену правленія училищъ, Магницкому; а потомъ ему же, какъ попечителю казанскаго округа, ввѣрено было его преобразовать основательно и строго, на основаніи имъ же выработанной инструкціи. Эти преобразованія (равнявшіяся сплошной ломкѣ) привели къ дикимъ абсурдамъ, къ лицемѣрію и обманамъ, и къ самому печальному извращенію всѣхъ университетскихъ порядковъ и обычаевъ, такъ какъ университетъ сталъ мало-по-малу превращаться въ нѣкоторое подобіе іезуитскаго коллегіума [2]). Даже и наказанія виновныхъ студентовъ пріобрѣли характеръ какихъ-то монастырскихъ покаяній: „виновнаго заключали въ такъ-называемую комнату уединенія съ желѣзною рѣшеткою на двери и окнѣ, съ живописнымъ распятіемъ на одной стѣнѣ и съ картиною Страшнаго Суда—на другой“ — дабы онъ имѣлъ полную возможность раскаяться въ своей винѣ и задуматься надъ суетою всего мірского... Магницкій и Руничъ.

Все это привело, конечно, къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ: все, что было талантливаго и честнаго въ профессорской коллегіи, должно было покинуть каѳедру и выйти изъ университета. Убылыя мѣста были заняты людьми малознающими, но способными льстить, лицемѣрить и притворяться. Обманъ и ложь торжествовали всюду и оказывали самое пагубное вліяніе на молодежь, которая теряла всякое уваженіе къ власти, видя, что золотыя медали и награды присуждаются тѣмъ ученикамъ, которые лучше умѣли лицемѣрить и отличались притворною набожностью...

Странно сказать и даже трудно себѣ представить, что какое-то тяжкое и сплошное помраченіе овладѣло вдругъ всѣми высшими слоями русскаго общества, которое безгласно и почти равно-

---

[1]) Тотъ же профессоръ съ каѳедры сообщалъ студентамъ: «Св. Церковь издревле употребляетъ треугольникъ символомъ Господа, яко верховнаго геометра, зиждителя всея твари»...

[2]) Отъ іезуитовъ несомнѣнно была заимствована слѣдующая любопытная программа университетскаго торжественнаго акта:

«Послѣ обѣдни и молебна, пропоютъ: «днесь благодать Св. Духа насъ собра»; профессоръ прочтетъ рѣчь: о пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ естественныхъ и необходимости основывать ихъ на христіанскомъ благочестіи; пропоютъ: «Боже, царя храни». Студентъ прочтетъ: «о золотосодержащихъ пескахъ»; пропоютъ: «Коль славенъ»... Студентъ прочтетъ: «о необходимости соединенія наружнаго со внутреннимъ богопочитаніемъ»; пропоютъ: «Слава въ вышнихъ Богу». Ректоръ произнесетъ слово «о достоинствѣ и важности воспитанія и просвѣщенія, основанныхъ на христіанской вѣрѣ»: пропоютъ: «Господи, силою Твоею возвеселится царь».

душно слѣдило за реакціей, совершавшей свое губительное дѣло разрушенія основъ русскаго просвѣщенія. На глазахъ у всѣхъ творились вопіющія дѣла! Магницкій свирѣпствовалъ въ казанскомъ округѣ, преобразуя на свой ладъ Казанскій университетъ и торжественно провозглашая, что для этого несчастнаго университета наступила, благодаря ему, Магницкому, эра обновленія... Для Петербургскаго университета, только-что основаннаго въ 1819 г. (8 февраля), нашелся свой Магницкій, въ лицѣ попечителя Рунича, который уже два года спустя призналъ необходимымъ преобразовать этотъ молодой разсадникъ просвѣщенія по инструкціямъ Магницкаго. И вотъ, въ 1821 году, началась ломка, притѣсненія и преслѣдованія, закончившіяся громкимъ судомъ надъ лучшими представителями профессорской коллегіи — Арсеньевымъ, Галичемъ, Германомъ и Раупахомъ. Обвиненные въ злонамѣренномъ распространеніи зловредныхъ и ложныхъ идей и мнѣній среди молодежи, эти почтенные дѣятели, измученные нескончаемыми допросами, отзывами и разслѣдованіями, вынуждены были покинуть университетъ, какъ виноватые, несмотря на то, что судъ надъ ними былъ произведенъ самымъ неправильнымъ образомъ и у нихъ были отняты почти всѣ способы къ оправданію [1]).

Графъ Ѳ. А. Толстой, извѣстный библіографъ и собиратель книжныхъ сокровищъ.

[1]) Въ этотъ печальный періодъ реакціи, изъ числа новыхъ трехъ университетовъ, менѣе всѣхъ пострадалъ Харьковскій, хотя и онъ утратилъ одного изъ лучшихъ своихъ представителей *Осиповскаго*.

Цензурныя строгости.

Одновременно съ этими печальными событіями въ университетской жизни, подъ вліяніемъ той же мистико-піэтистической реакціи, свирѣпствовала и цензура, подвергая пересмотру не только все новое, выходившее изъ-подъ печатнаго станка, но даже и такія книги, которыя давно успѣли выдержать десятки изданій и

Платонъ Петровичъ Бекетовъ, извѣстный издатель и любитель русской старины.

пріобрѣсти себѣ право гражданства въ кругу книгъ учебныхъ. Такому строгому пересмотру и осужденію подверглась извѣстная „Книга о должностяхъ человѣка и гражданина“, которая была составлена однимъ изъ лучшихъ педагоговъ Екатерининскаго времени, Янковичемъ-де-Миріево, и собственноручно выправлена самой Екатериной. Съ 1780 года книга эта была введена въ училища и вдругъ подверглась осужденію и изгнанію изъ училищъ. Въ ми-

нистерство князя А. Н. Голицына ее велѣно было замѣнить чтеніемъ изъ Евангелистовъ... [1]) Реакція, какъ и во всемъ, доходила до крайностей смѣшныхъ и жалкихъ; даже *прописи* подверглись передѣлкѣ въ отношеніи какъ почерка, такъ и помѣщенныхъ въ нихъ изреченій. Для новаго изданія прописей извлечены статьи изъ книги о подражаніи Христу и чтенія четырехъ евангелистовъ, такъ какъ „комитетъ желалъ ознакомить учащихся съ единою на требу истинною нравственностью христіанскою".

Такія и тому подобныя крайности, мало-по-малу, создали вокругъ рьяныхъ мистиковъ такую массу враговъ, которая, рано или поздно, должна была ихъ подавить. Даже и въ высшей инстанціи, въ самомъ комитетѣ министровъ, въ Государственномъ Совѣтѣ, противъ нихъ поднялись такіе мощные противники, какъ суровый Аракчеевъ, какъ неугомонный Шишковъ, поддерживаемый изувѣромъ Фотіемъ (архимандритомъ Юрьевскаго Новгородскаго монастыря)—и тѣ самые люди, которые всѣхъ обвиняли и заподозрѣвали въ недостаточной религіозности и въ слабомъ настроеніи патріотическомъ, подверглись теперь отъ своихъ противниковъ гоненіямъ за то, что они будто бы подкапываются подъ основы православія и государственности... Министерство Голицына пало, по счастью не успѣвъ достигнуть тѣхъ цѣлей, къ которымъ такъ ревностно стремилось: пало, пораженное собственнымъ своимъ оружіемъ. Заступившее его министерство Шишкова тоже не много обѣщало въ будущемъ для нашего просвѣщенія; но все же всѣ вздохнули свободно, всѣ оживились надеждою на лучшія времена...

Учрежденіе Публичной Библіотеки.

Отъ изложенія печальной судьбы, постигшей наши университеты въ самомъ началѣ ихъ существованія, мы охотно перейдемъ къ болѣе утѣшительнымъ фактамъ исторіи нашей культуры, свидѣтельствующимъ о значительныхъ успѣхахъ въ области нашей исторической науки и въ удовлетвореніи возраставшихъ потребностей нашего просвѣщенія. Къ такимъ фактамъ относимъ мы, прежде всего, учрежденіе богатѣйшаго книгохранилища въ С.-Петербургѣ, открытаго для публики, подъ названіемъ „*Императорской Публичной Библіотеки*"; затѣмъ учрежденіе многихъ ученыхъ обществъ, казенныхъ и частныхъ, и, наконецъ, дѣятельность частныхъ лицъ на пользу русскаго просвѣщенія. Эти факты, между прочимъ, въ особенности важны потому, что указываютъ

---

[1]) Въ гимназіяхъ около того же времени установлено было чтеніе Св. Евангелія отъ Матѳея съ дополненіями изъ другихъ евангелистовъ и, сверхъ того, особый курсъ христіанской морали; а до появленія «по этому предмету классической книги», разрѣшено эту мораль почерпать «изъ притчей Соломоновыхъ и книги премудрости Іисуса сына Сирахова, съ краткимъ приложеніемъ къ нравственности евангельской».

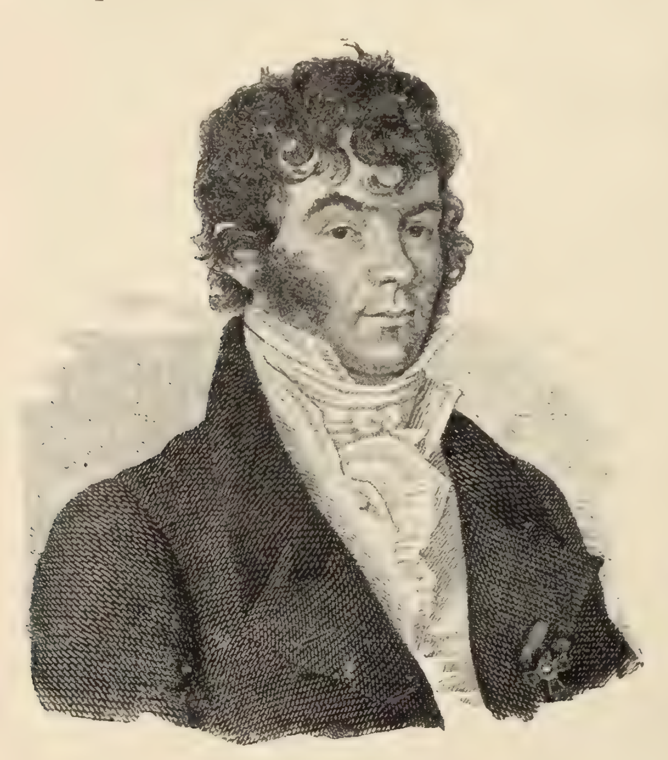
на неудержимость въ прогрессивномъ развитіи культурныхъ потребностей общества, которое продолжаетъ идти своимъ путемъ, несмотря ни на какія временныя препятствія, и ни на какія задержки и перемѣны въ общемъ направленіи. Въ знаменательный періодъ начала царствованія Александра I, обильный просвѣтительными идеями — въ вѣкъ основанія новыхъ университетовъ и усердныхъ заботъ о распространеніи просвѣщенія въ Россіи — явилось между русскими учеными стремленіе сплотиться въ тѣсные кружки для достиженія опредѣленныхъ научныхъ цѣлей. Пробуждающаяся самодѣятельность русскаго общества проявилась въ учрежденіи ученыхъ обществъ, на частныя средства, рядомъ съ обществами казенными и офиціальными. Объ одномъ изъ нихъ, о „Бесѣдѣ любителей русскаго слова", задуманномъ и основанномъ по мысли Шишкова, мы уже имѣли случай говорить выше, причемъ обращали вниманіе на его полуофиціальный характеръ и тѣсную связь съ Россійской Академіей. Но, собственно говоря, первымъ, по времени основанія, частнымъ ученымъ обществомъ было основанное въ 1801 г. „*Вольное Общество любителей россійской словесности, наукъ и художествъ*". Учредителями были шесть студентовъ бывшей Академической Гимназіи. Цѣлью и основою дѣйствій этого общества было „взаимное совершенствованіе въ трехъ отрасляхъ человѣческой способности — словесности, наукахъ и художествахъ—и содѣйствіе другимъ въ томъ же стремленіи". Неопредѣленность и сложность этой цѣли указываетъ намъ на туманность современныхъ понятій о взаимномъ соотношеніи между искусствомъ и наукою и не сулила долговѣчности обществу; однакоже оно просуществовало до самаго конца царствованія Александра I и окончательно прекратило свою дѣятельность въ предсѣдательство А. Измайлова.

Вторымъ ученымъ обществомъ полуофиціальнаго характера было, знаменитое по своей дѣятельности и донынѣ существующее, „*Московское Общество исторіи и древностей*", основанное при Московскомъ университетѣ въ 1804 году. Это почтенное общество, лѣтъ десять спустя, выступившее со своими замѣчательными періодическими изданіями научнаго характера въ первые годы существованія, проявило свою дѣятельность собираніемъ древнихъ письменныхъ памятниковъ и составленіемъ богатой библіотеки изъ печатныхъ книгъ и рукописей. Серьезныя, научныя цѣли, положенныя въ основу этого почтеннаго общества, привлекли къ нему и талантливыхъ научныхъ дѣятелей: юнаго К. Θ. Калайдовича, просвѣщеннаго архіепископа Евгенія Болховитинова, Бантышъ-Каменскаго, Тургенева, Фитингофа, Ермолаева, Востокова и многихъ другихъ, впослѣдствіи прославившихся на науч-

Ученыя общества.

номъ поприщѣ. Органами его явились весьма почтенныя изданія: „Временникъ“ и „Чтенія“, существующія и донынѣ.

Третьимъ обществомъ было основанное при Московскомъ же университетѣ „*Общество любителей Россійской словесности*“ (въ 1810 г.), очень много сдѣлавшее для изученія русскаго и церковнославянскаго языка и словесности. Дѣйствуя безпристрастно и не поддаваясь никакой исключительности, это „Общество“ сумѣло привлечь къ своимъ трудамъ лучшихъ изъ числа современныхъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей и задавалось постоянно рѣшеніемъ вопросовъ живыхъ и имѣвшихъ значеніе для современной науки языка.

А. Х. Востоковъ.

Въ 1816 году основано было и четвертое частное общество, подъ названіемъ: „*Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія.*“ Странно сказать, что это общее наименованіе новаго учрежденія не понравилось составу его членовъ и вскорѣ уже (именно въ 1820 г.) было замѣнено другимъ—общество стало именоваться: „*Вольнымъ Обществомъ любителей Россійской словесности*“. Цѣль общества была, по преимуществу, благотворительная: доходами со своихъ изданій оно предполагало доставлять помощь „бѣднымъ, но достойнымъ литераторамъ и художникамъ, а равно и ихъ семьямъ“. Несмотря на участіе въ этихъ изданіяхъ многихъ весьма крупныхъ и весьма извѣстныхъ писателей, изданія общества оказывались крайне безсодержательными и потому вскорѣ прекратились.

С. С. Уваровъ, въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ объ эпохѣ Александра I, оцѣниваетъ по достоинству значеніе всѣхъ подобныхъ частныхъ ученыхъ обществъ, и говоритъ, что „они имѣли ощутительное, хотя и невидимое вліяніе на современниковъ, и что, въ этомъ отношеніи, академіи и другія офи-

ціальныя учрежденія того же рода далеко не имѣютъ подобной силы, такъ какъ они не даютъ знаменитымъ писателямъ, а скорѣе заимствуютъ отъ нихъ жизнь и направленіе".

Однимъ изъ важныхъ и вѣскихъ подтвержденій этого вывода является уже извѣстное намъ шутливое общество „Арзамасъ", которое, несмотря на свой совершенно частный и — можно почти сказать — домашній характеръ, пользовалось большимъ значеніемъ въ обществѣ и вліяло на большой кружокъ талантливѣйшихъ писателей.

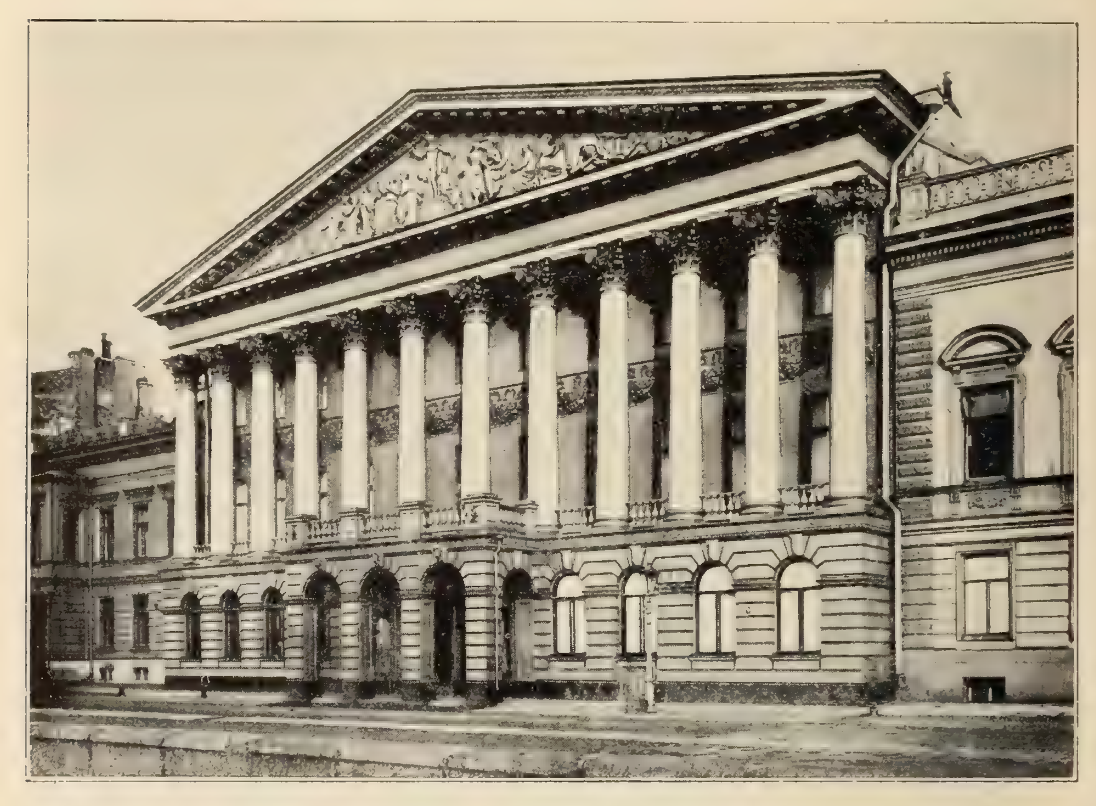
Митрополитъ Кіевскій Евгеній Болховитиновъ.

Перечисляя всѣ явленія, послужившія прямымъ указаніемъ значительнаго прогресса въ области нашей культуры, нельзя не упомянуть и о тѣхъ почтенныхъ дѣятеляхъ изъ общества, которые, какъ частныя лица, помимо всякаго офиціальнаго значенія, способствовали и покровительствовали успѣхамъ нашего просвѣщенія, не щадя на это своихъ средствъ матеріальныхъ, пользуясь связями и выдающимся положеніемъ въ нашемъ обществѣ.

Любители наукъ.

На грани XVIII и XIX вѣковъ мы видимъ высоко-замѣчательнаго дѣятеля по разработкѣ русской старины и памятниковъ древнѣйшаго періода русской словесности. То былъ уже неоднократно упоминавшійся нами *Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ* (въ 1797 г.). Одинъ изъ его почитателей-біографовъ говоритъ о немъ, что онъ „принадлежалъ уже съ молоду къ числу защитниковъ всего русскаго, соединяя съ любовью ко всему родному уваженіе къ памятникамъ прежней народной жизни". Онъ началъ съ 1791 г. собирать памятники, частью для императрицы,

въ подспорье ея работамъ по русской исторіи, частью для себя. Успѣшному собранію памятниковъ помогло въ значительной степени его положеніе: его связи и назначеніе оберъ-прокуроромъ Сѵнода, причемъ ему поручено было собирать по епархіямъ и монастырямъ лѣтописи и другія книги историческаго содержанія [1]). Розыски и старанія добыть важное въ историческомъ отношеніи—увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Вскорѣ было найдено

Зданіе, завѣщанное канцлеромъ Румянцевымъ для помѣщенія Румянцевскаго музея въ С.-Петербургѣ.

нѣсколько драгоцѣнныхъ памятниковъ: сборникъ XIII—XIV вѣка съ „Русской Правдой", Лаврентьевскій списокъ древней лѣтописи, другой сборникъ XIV вѣка, въ которомъ помѣщено было „Слово о Полку Игоревѣ" и т. д. Собраніе быстро возрастало и богатѣло, пополняемое даже самой Екатериной [2]). До 1799 года драгоцѣнное собраніе оставалось въ Петербургѣ; но, по выходѣ Мусина-Пушкина въ отставку, оно было перевезено въ Мо-

[1]) Начало собранію Мусина-Пушкина положено было покупкою бумагъ Крекшина и подарками, и присылками съ разныхъ сторонъ. Особенно важна была присылка изъ Кіева двухъ древнихъ монетъ (времени Ярослава и Владиміра). Это неожиданное открытіе побудило Мусина-Пушкина завести по городамъ комиссіонеровъ, которымъ поручена была покупка старыхъ книгъ, монетъ и другихъ древностей.

[2]) Екатерина дарила Алексѣю Ивановичу старинныя историческія книги и бумаги, и свои черновыя рукописи—для его собранія автографовъ.

скву и помѣщено въ домѣ графа, гдѣ было всегда открыто для всѣхъ, занимавшихся древностями и древнею русскою словесностью. Подъ конецъ жизни Мусинъ-Пушкинъ собирался передать свое драгоцѣнное собраніе древнихъ книгъ и рукописей въ архивъ иностранной коллегіи, но не успѣлъ: оно погибло въ пожарѣ 1812 года, одновременно съ драгоцѣннымъ собраніемъ древностей и библіотекою профессора Баузе, съ библіотекою „Московскаго Общества исторіи и древностей", и множествомъ другихъ библіотекъ и архивовъ, казенныхъ и частныхъ. Сохранилось отъ сокровищъ Мусина-Пушкина только то, очень немногое, что было имъ роздано по рукамъ или находилось въ подмосковной деревнѣ графа [1]). Въ числѣ лицъ пользовавшихся для своихъ изслѣдованій сокровищами графа Мусинъ-Пушкина были и Болтинъ, и Карамзинъ.

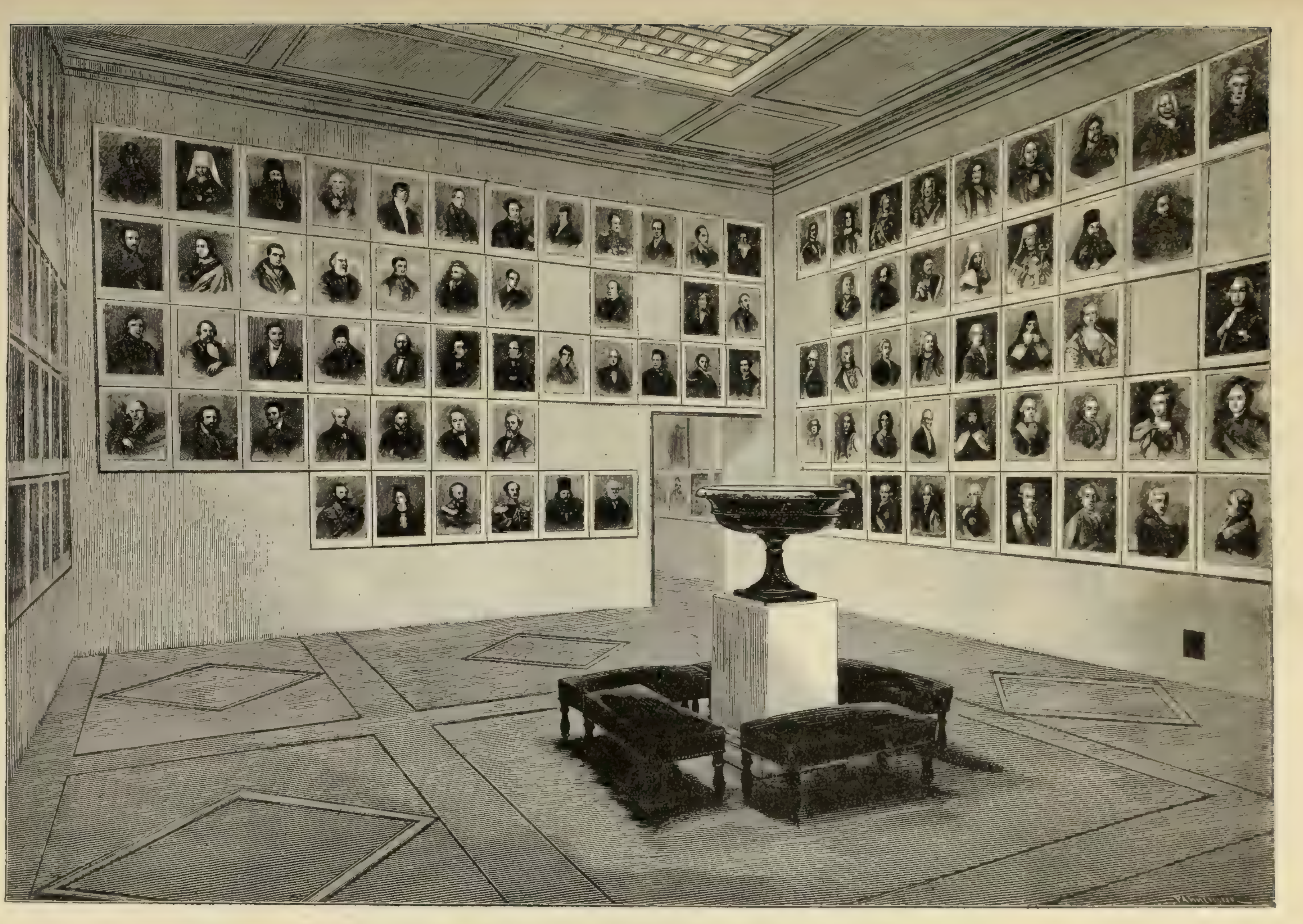
Графъ Н. П. Румянцевъ, государственный канцлеръ.

Рядомъ съ именемъ Мусина-Пушкина слѣдуетъ вспомнить здѣсь еще другого просвѣщеннаго вельможу начала Александровскаго царствованія—*Алексѣя Николаевича Оленина*—президента Академіи Художествъ и перваго директора Императорской Публичной Библіотеки. О его салонѣ, какъ центральномъ пунктѣ, въ которомъ постоянно собирались поэты, литераторы и художники—мы уже говорили выше. Здѣсь отмѣтимъ только значеніе Оленина въ научномъ изученіи нашей старины, какъ человѣка, который А. Н. Оленинъ.

[1]) Мусинъ-Пушкинъ занимался и изданіемъ памятниковъ («Русская Правда», «Поученіе Владиміра Мономаха», «Слово о Полку Игоревѣ»); хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, «Русская Правда», выдержали даже и три изданія, однакоже, они не отличаются научными достоинствами.

Одинъ изъ залъ Румянцевскаго музея въ Москвѣ.

Залъ „Портретовъ русскихъ литературныхъ дѣятелей“ въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

обладалъ художественнымъ чутьемъ и научно-критическимъ тактомъ, и потому сумѣлъ воспользоваться художествомъ для вѣрной передачи снимковъ съ древнихъ памятниковъ, которые были воспроизведены имъ съ большою точностью въ его *„Опытъ объ одеждѣ, оружіи, нравахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенія Славянъ“* (СПБ. 1832). Его „Письмо“ къ графу А. И. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутараканскомъ (1806 г.) представляетъ собою прекрасное начало правильныхъ палеографическихъ работъ по русской старинѣ [1]).

П. П. Бекетовъ.

По той же отрасли знаній большія услуги были оказаны извѣстнымъ богачомъ и владѣльцемъ образцовой типографіи въ Москвѣ, *Платономъ Петровичемъ Бекетовымъ* (р. 1761 г., ум. 1836 г.). Будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, П. П. Бекетовъ былъ избранъ въ почетные члены Московскаго университета и, страстно предавшись изученію русской исторіи и русской литературы, посвятилъ себя издательской дѣятельности въ этой области знанія. Многія его изданія, прекрасно исполненныя, и до сихъ поръ не утратили цѣны и значенія. Припомнимъ, напр., *„Описаніе въ лицахъ торжества при бракосочетаніи царя Михаила Θеодоровича“* или *„Собраніе портретовъ знаменитыхъ Россіянъ“*, въ которое вошли весьма цѣнные портреты многихъ важныхъ дѣятелей, стараніемъ Бекетова спасенные отъ забвенія. Сверхъ своей издательской дѣятельности, П. П. Бекетовъ извѣстенъ и какъ сотрудникъ Карамзина по „Аонидамъ“ и по „Пантеону русскихъ авторовъ“.

Изъ лицъ, потрудившихся надъ собираніемъ рукописныхъ и книжныхъ сокровищъ на пользу русскаго просвѣщенія мы должны еще здѣсь упомянуть графа *Θеодора Андреевича Толстого,* собравшаго драгоцѣнную библіотеку, описанную такими учеными, какъ П. Строевъ и Бантышъ-Каменскій [2]).

Н. П. Румянцевъ.

Но самое видное мѣсто въ кругу покровителей русской науки, въ царствованіе Александра I, занимаетъ, несомнѣнно, канцлеръ графъ *Николай Петровичъ Румянцевъ.* Онъ былъ сынъ знаменитаго фельдмаршала Екатерининскихъ временъ, графа Румянцева-Задунайскаго. Съ молодости графъ Николай Петровичъ отличался просвѣщенною любовью къ наукамъ, и, будучи человѣкомъ отлично-образованнымъ, умѣлъ разумно проявить эту любовь, собирая въ своемъ домѣ замѣчательныя книжныя богатства и окружая себя избраннымъ кружкомъ ученыхъ. Съ честью за-

[1]) Къ «Опыту» приложены прекрасные снимки съ памятниковъ и рукописей, не уступающіе, по изяществу и вѣрности, гораздо болѣе позднимъ работамъ въ томъ же родѣ.

[2]) Библіотека графа Θ. А. Толстого впослѣдствіи вошла въ составъ Императорской Публичной Библіотеки.

кончивъ весьма почтенную дипломатическую карьеру [1]), графъ Н. П. Румянцевъ, уже 60-ти-лѣтній, удалился отъ дѣлъ и посвятилъ себя исключительно заботамъ о распространеніи въ Россіи просвѣщенія, причемъ въ особенности покровительствовалъ изученію русской старины и народности.

Еще задолго до выхода своего въ отставку (въ маѣ 1811 года) графъ подалъ государю докладъ о необходимости тщательно издать обширное, монументальное собраніе „Государственныхъ грамотъ и договоровъ“, и просилъ о дозволеніи ему принять это изданіе на свой счетъ, причемъ, однакоже, считать его изданіемъ казеннымъ, и избавить отъ цензуры. Государь утвердилъ этотъ докладъ, и началось многотомное и прекрасно-выполненное изданіе, которое составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней нашей исторической науки. Во главѣ изданія стоялъ сначала управляющій архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ *Бантышъ-Каменскій* (отецъ), а затѣмъ его преемникъ, *Малиновскій*. Закончивъ это изданіе, графъ Румянцевъ занялся пополненіемъ своей превосходной библіотеки и составленіемъ музея рукописей своего имени; при этомъ онъ при-

А. Ѳ. Малиновскій.

1) Въ 1807 году, послѣ долгой службы по дипломатической части, графъ возведенъ былъ въ высокій санъ министра иностранныхъ дѣлъ, а вскорѣ послѣ того и въ канцлеры. Въ 1809 году заключенъ былъ миръ со Швеціею, и этотъ миръ былъ дѣломъ его рукъ и крупною политическою заслугою.

звалъ къ важнымъ трудамъ такихъ крупныхъ ученыхъ, какъ Калайдовичъ, протоіерей Григоровичъ, Востоковъ [1]), Кеппенъ и многіе другіе, и до самой кончины употреблялъ часть своихъ доходовъ на издательство. Всѣ его изданія, съ его гербомъ [2]) на титульномъ листѣ, цѣнятся до сихъ поръ и не утратили значенія по своимъ несомнѣннымъ научнымъ достоинствамъ.

Графъ Румянцевъ скончался 3 января 1826 года, и передъ кончиною завѣщалъ свою библіотеку и музей „на пользу отечества и благого просвѣщенія". Для помѣщенія ихъ онъ завѣщалъ и домъ (на Англійской набережной, около Николаевскаго моста), надъ колоннадою котораго еще недавно красовалась крупными буквами изображенная на фронтонѣ надпись: „на благое просвѣщеніе..." Но завѣщаніе было впослѣдствіи измѣнено: музей и библіотека Румянцева перевезены были въ Москву и помѣщены въ Пашковскомъ домѣ, вмѣстѣ съ Чертковской библіотекою. А графскій домъ, съ пресловутою надписью, съ лѣстницею, по мысли графа украшенною фресками изъ Иліады и Одиссеи, проданъ въ частныя руки и одно время служилъ даже помѣщеніемъ для какого-то клуба или ресторана... Печальная участь многихъ памятниковъ, неохраняемыхъ общественнымъ уваженіемъ къ волѣ завѣщателей...

Гербъ Румянцева.

---

[1]) Объемистое „*Описаніе рукописей Румянцевскаго музея*", составленное Востоковымъ, представляетъ собою классическую основу всѣхъ нашихъ позднѣйшихъ трудовъ по палеографіи.

[2]) Гербъ Румянцева: на щитѣ двухглавый орелъ половинами наоборотъ, два дерева и два панцыря, расположенные діагонально; по сторонамъ два льва; на основаніи надпись: „*non solum armis*".

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Проповѣдники и проповѣдь въ царствованіе Александра I. — Мистическія вѣянія, занесенныя къ намъ съ Запада; религіозно-мистическое направленіе въ литературѣ и журналистикѣ. Увлеченіе мистицизмомъ во всѣхъ слояхъ общества и его печальныя послѣдствія. — Библейскія общества и ихъ дѣятельность по народному образованію. — Министерство просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

Духъ времени.

Чрезвычайно любопытнымъ явленіемъ первой четверти нынѣшняго столѣтія является сильнѣйшее оживленіе въ обществѣ интереса къ вопросамъ религіознымъ и религіозно-нравственнымъ. Отчасти оно стояло въ связи съ тѣмъ мистико-масонскимъ движеніемъ, которое проявлялось въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего общества въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II; но и внѣ этой связи, пробужденіе интереса къ этимъ отвлеченнымъ вопросамъ коренилось въ тѣхъ исключительныхъ историческихъ условіяхъ, въ которыхъ протекала жизнь Россіи и Европы за эту четверть вѣка. Условія же, дѣйствительно, были до такой степени чрезвычайными, необыкновенными, выходящими изъ ряда, что должны были въ сильнѣйшей степени вліять на умы, возбуждая ихъ къ такой дѣятельности, которая была всецѣло направлена на уясненіе какой-то неуловимой таинственной нити, связывавшей событія, повидимому не имѣвшія между собою ничего общаго, не проистекавшія одно изъ другого въ общей прагматической связи. Послѣ ужасовъ революціи наступилъ періодъ консульствъ и имперіи во Франціи, періодъ безконечныхъ, кровавыхъ войнъ, потрясшихъ до основанія сильно обветшавшее зданіе Германской имперіи; въ результатѣ войнъ — подчиненіе всей Европы (кромѣ одной Россіи и Англіи) невыносимо тяжкому гнету желѣзнаго Наполеоновскаго деспотизма. И вслѣдъ за тѣмъ борьба *одной Россіи* противъ всей Наполеоновской Европы, окончившаяся побѣдами и истребленіемъ всей арміи завоевателя!.. И новая борьба побѣдоносной Россіи за освобожденіе всей Европы, борьба, пробуждающая всѣ народы Европы и возносящая значеніе Россіи и ея царственнаго вождя на верхъ возможной на землѣ славы... Народы братались въ восторгѣ и упоеніи побѣды и освобожденія отъ долгаго рабства, мечи вложены въ ножны; наступаетъ эра новой жизни, эпохи, въ которую является заманчивая съ виду идея Священнаго Союза, какъ символа общаго умиротворенія... Всѣ радуются и торжествуютъ при мысли, что войны не будутъ болѣе нужны, что всѣ вопросы мирно будутъ рѣшаться по обоюдному соглашенію, однимъ почеркомъ пера, на мирныхъ и дружественныхъ общеевропейскихъ съѣздахъ... На глазахъ у всѣхъ нарождалась какая-то новая, дивная эпоха историческая — эпоха мира и тишины, эпоха спокойнаго, культурнаго процвѣта-

нія, эпоха благодати, напоминавшая собою мечты древнихъ о золотомъ вѣкѣ. Естественно и понятно, что всѣ эти событія, всѣ эти такъ быстро послѣдовавшія одна за другою перемѣны въ жизни европейскаго общества направляли всѣ умы въ одну сторону, настраивали ихъ на одну общую тэму разсужденія—на выясненіе событій различными таинственными вліяніями, на отысканіе связи ихъ съ указаніемъ высшаго Промысла, будто бы ясно выраженными еще въ отдаленныхъ библейскихъ апокалипсическихъ прорицаніяхъ и т. п. Въ результатѣ получилось необыкновенно быстрое и обширное распространеніе мистическаго ученія по Европѣ, отразившееся въ литературѣ, въ поэзіи, въ журналистикѣ и—что всего печальнѣе—въ направленіи европейскаго просвѣщенія и политики. Плоды такого усиленнаго преобладанія мистики вскорѣ привели къ совершенно неожиданнымъ послѣдствіямъ и вызвали повсемѣстно всеобщее разочарованіе въ наступившемъ золотомъ вѣкѣ...

То, что мы говоримъ объ этомъ періодѣ въ Европѣ, находило полнѣйшее отраженіе и въ Россіи. Въ важнѣйшихъ центрахъ русской жизни, въ высшихъ слояхъ общества и въ администраціи, получили огромное значеніе и развитіе тѣ же мистическія вліянія, которыя были такъ широко распространены въ этотъ періодъ въ западно-европейскомъ обществѣ. У всѣхъ на устахъ былъ Промыселъ Божій, неисповѣдимые пути Провидѣнія, таинственная сила духовныхъ вліяній, горделивое сознаніе того, что русскій народъ и русскій Царь избраны были для указанія всѣмъ новыхъ путей, для руковожденія человѣчества къ новой, невѣдомой цѣли—и рядомъ съ этими высокими пареніями кругомъ преобладала та-же неказистая русская дѣйствительность съ повсемѣстнымъ застоемъ и косностью, съ проектами военныхъ поселеній и неограниченнымъ могуществомъ Аракчеева и аракчеевщины.

Проповѣдники.

Чрезвычайно страннымъ и характернымъ явленіемъ русской жизни, за этотъ періодъ, было именно то, что при такомъ сильномъ развитіи и распространеніи, какое пріобрѣлъ въ русскомъ обществѣ мистицизмъ, онъ почти не встрѣтилъ себѣ отпора въ нашемъ духовенствѣ и не возбудилъ противъ себя никакого голоса среди нашихъ проповѣдниковъ, которыми, кстати сказать, блестящій вѣкъ Александра былъ далеко не богатъ [1]). И дѣйствительно, ни одинъ изъ духовныхъ ораторовъ этого времени не напоминаетъ намъ тотъ расцвѣтъ духовнаго краснорѣчія, ко-

[1]) Къ сожалѣнію, это молчаніе современныхъ проповѣдниковъ можетъ быть объяснено только однимъ: они опасались говорить противъ мистицизма, который, какъ имъ было извѣстно, преобладалъ въ высшихъ кругахъ русскаго общества и находилъ себѣ сочувственный отголосокъ даже въ сердцѣ самого императора Александра.

торымъ прославился вѣкъ Екатерины... Среди немногихъ проповѣдниковъ этого періода не видимъ ни одного Платона! При этомъ еще не слѣдуетъ забывать, что большинство проповѣдниковъ принадлежатъ значительною частью своей жизни ко второй половинѣ XVIII вѣка—всею своею юностью, годами ученія и развитія, значительною долею своей пастырской дѣятельности они относятся еще къ вѣку Екатерины и вѣроятно даже сочувствовали его традиціямъ. Таковы были: *Іоаннъ Леванда* (1736—1814), протоіерей Кіевскаго Софійскаго собора; *Михаилъ Десницкій* (1761—1821), митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій; *Августинъ Виноградовъ* (1766—1819), архіепископъ московскій и коломенскій, и *Амвросій Протасовъ* (1769—1830), архіепископъ казанскій и симбирскій. Исключеніе изъ нихъ составлялъ только *Филаретъ Дроздовъ* (1782—1867), бывшій юношею при вступленіи Александра I на престолъ и быстро выдвинувшійся въ его царствованіе, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, обширному уму и замѣчательной учености.

Характеръ проповѣди.

Собственно говоря, только одинъ Филаретъ изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ проповѣдниковъ и заслуживаетъ упоминанія, потому что его проповѣди невольно обращаютъ на себя вниманіе по глубинѣ мысли, по обилію и богатству содержанія, по изяществу и выразительности той внѣшней формы, въ которую онъ умѣлъ ихъ облекать. Нельзя, конечно, отрицать и того, что у каждаго изъ вышепоименованныхъ ораторовъ есть, несомнѣнно, свои достоинства, свои красоты, свои болѣе или менѣе удачныя произведенія, заслужившія имъ извѣстность; такъ Іоаннъ Леванда привлекалъ къ своимъ проповѣдямъ общее вниманіе ихъ теплотою и задушевностью [1]); такъ Августинъ явился живымъ отголоскомъ славныхъ подвиговъ нашей Отечественной войны и потрясъ сердца всѣхъ русскихъ людей словомъ, сказаннымъ въ память воиновъ, павшихъ въ Бородинской битвѣ [2]); такъ, наконецъ, Амвросій получилъ большую извѣстность своими сильными, рѣзкими и укорительными проповѣдями по поводу различныхъ событій, происходившихъ въ нашей общественной жизни. Но ни у кого изъ этихъ проповѣдниковъ проповѣдь не являлась логически-послѣдовательною въ изложеніи, безукоризненною по языку и по внѣшней

---

[1]) Кому, напримѣръ, не извѣстна его проповѣдь: «*тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со мною?*»

[2]) Невыразимое впечатлѣніе на всѣхъ слушателей произвело окончаніе этого слова, въ которомъ проповѣдникъ обращается къ Бородинскому полю и восклицаетъ: «Земля отечественная! Храни въ нѣдрахъ своихъ любезные останки поборниковъ и спасителей отечества: не отяготи собою праха ихъ! Вмѣсто росы и дождя окропятъ тебя благодарныя слезы сыновъ россійскихъ... Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дня, когда возсіяетъ заря вѣчности, когда солнце правды оживотворитъ вся сущая во гробѣхъ».

своей формѣ. Среди нихъ только одинъ Михаилъ Десницкій поражалъ безыскусственностью и простотою склада своихъ ораторскихъ произведеній, и удивительною ясностью и доступностью въ изложеніи даже самыхъ отвлеченныхъ истинъ. И это достоинство его пастырскихъ бесѣдъ тѣмъ болѣе способно было къ нему привлекать, что тэмою ихъ являлись такіе туманные вопросы, какъ „внутренній духовный человѣкъ", какъ „духовное рожденіе въ насъ Іисуса Христа" или „степени восхожденія души въ небесный храмъ Господень" [1]).

Филаретъ. Неизмѣримо выше всѣхъ современныхъ духовныхъ ораторовъ стоялъ знаменитый митрополитъ московскій *Филаретъ*, въ мірѣ—*Василій Михайловичъ Дроздовъ*, сынъ діакона при каѳедральномъ соборѣ въ городѣ Коломнѣ (Московской губ.). Его отецъ, мать и дѣдъ (со стороны матери), также священникъ при одной изъ Коломенскихъ церквей, принимали одинаковое и живѣйшее участіе въ воспитаніи Василія Дроздова во время его дѣтства и юношества, проведеннаго въ родительскомъ домѣ. Девятилѣтнимъ мальчикомъ Дроздовъ былъ опредѣленъ въ коломенскую семинарію, учился въ ней до класса философскаго, и окончилъ курсъ въ Троице-Сергіевской лаврской семинаріи (въ 1803 г.). Выпущенный со званіемъ студента, онъ былъ оставленъ при той же семинаріи сначала учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ, а потомъ—учителемъ піитики, риторики и краснорѣчія. Вскорѣ послѣ того онъ постригся въ монахи, по собственному влеченію и по любви къ уединенію [2]), и въ иночествѣ получилъ имя „Филарета".

Въ 1809 г., въ числѣ другихъ отличныхъ семинарскихъ преподавателей, Филаретъ былъ выписанъ во вновь преобразованную С.-Петербургскую Духовную Академію и здѣсь вошелъ въ сношенія съ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ пастырей своего времени—съ архіепископомъ Ѳеофилактомъ Русановымъ, который принялъ на себя должность профессора словесности въ Академіи и пользовался большою силою и значеніемъ по своимъ тѣснымъ, дружественнымъ отношеніямъ къ всемогущему въ то время Сперанскому. Здѣсь Филаретъ обратилъ на себя вниманіе духовныхъ властей своимъ даромъ слова, какъ духовный проповѣд-

---

[1]) Михаилъ былъ нѣкогда воспитанникомъ семинаріи Шварца и, вѣроятно, воспринялъ отъ него нѣкоторыя воззрѣнія и убѣжденія, господствовавшія въ средѣ московскихъ масоновъ. Такъ, напр., то «внутреннее возрожденіе», о которомъ постоянно мечтали масоны, является излюбленною тэмою его проповѣдей; но только онъ старается обосновать эту тэму не на мечтаніяхъ, а на болѣе прочныхъ точкахъ опоры, заимствованныхъ въ ученіи Церкви.

[2]) Очень трогательно было письмо его, написанное къ отцу за двѣ недѣли до постриженія: «Батюшка! *Василья* скоро не будетъ; но вы не лишитесь сына—сына, который понимаетъ, что вамъ обязанъ болѣе, нежели жизнью, чувствуетъ важность воспитанія и знаетъ цѣну вашего сердца».

никъ, своею ученостью и начитанностью въ твореніяхъ Отцевъ Церкви, и вообще своими блестящими способностями. Въ 1812 году онъ назначенъ былъ ректоромъ С.-Петербургской Академіи, затѣмъ необычайно быстро совершилъ свою духовную карьеру, и въ 1820 году достигъ ужъ высшихъ степеней духовной іерархіи [1]).

Въ теченіе этого 8-ми-лѣтняго періода Филаретъ выказалъ себя необычайно дѣятельнымъ. Постоянно занятый на трудномъ поприщѣ духовнаго просвѣщенія (то какъ преподаватель, то какъ ревизоръ и обозрѣватель учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства), онъ въ то же время успѣлъ издать въ свѣтъ свои весьма замѣчательныя богословскія сочиненія: „*Начертаніе Церковно-Библейской исторіи*“ и „*Записки на книгу Бытія*“ [2])—первый въ Россіи опытъ ученаго изъясненія Св. Писанія. Въ то же время онъ успѣвалъ говорить свои прекрасныя проповѣди, основанныя на глубокомъ знаніи церковной литературы, успѣвалъ постоянно совершенствовать свой обширный кругъ знаній и переводить творенія наиболѣе любимаго имъ изъ духовныхъ писателей, Григорія Богослова. По вступленіи на престолъ императора Николая I, Филаретъ возведенъ былъ въ высокій санъ митрополита московскаго (22-го августа 1826 г.), и съ этого времени постепенно сталъ пріобрѣтать значеніе дѣятеля государственнаго, такъ какъ ни одинъ изъ важныхъ государственныхъ вопросовъ не миновалъ его обсу-

Протоіерей Іоаннъ Леванда.

---

[1]) Въ 1812 г. Филаретъ былъ назначенъ ректоромъ С.-Петербургской Академіи; пять лѣтъ спустя возведенъ въ санъ епископа Ревельскаго; еще два года спустя (1819)—въ санъ архіепископа Тверского и Кашинскаго; въ 1820—наименованъ архіепископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ и въ томъ же году—архіепископомъ Московскимъ и Коломенскимъ и архимандритомъ Троице-Сергіевой Лавры.

[2]) Тогда же имъ былъ составленъ «Пространный катехизисъ», по которому, по крайней мѣрѣ въ теченіе полувѣка, обучалась Закону Божьему вся грамотная Россія.

жденія, и императоръ Николай высоко цѣнилъ ту независимость и твердость, съ которыми митрополитъ Филаретъ высказывалъ свое мнѣніе.

Занявъ такое высокое положеніе, митрополитъ Филаретъ попрежнему продолжалъ свою проповѣдническую дѣятельность, отчасти касаясь въ своихъ проповѣдяхъ различныхъ вопросовъ, волновавшихъ наше общество въ теченіе 30—40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Въ какой степени живо онъ умѣлъ воспринимать впечатлѣнія этой, совершенно чуждой ему жизни общественной, мы можемъ это видѣть изъ того, что на извѣстное стихотвореніе Пушкина: „*Даръ напрасный, даръ случайный*“ онъ отвѣчалъ слѣдующими знаменательными стихами:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана;
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я, своенравной властью,
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ;
Душу Самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забытый мною!
Просіяй сквозь мрачныхъ думъ!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, правый умъ!

Мы знаемъ, какъ были приняты нашимъ великимъ поэтомъ эти суровые укоры Филарета, и какими вдохновенными строфами онъ на нихъ отвѣчалъ...

Въ августѣ 1867 г. былъ торжественно отпразднованъ 50-тилѣтній юбилей пастырской дѣятельности Филарета, а на слѣдующую осень онъ скончался (19-го ноября 1868 г.). Всѣ творенія Филарета, много разъ переизданныя при жизни его, еще разъ были собраны, пополнены и изданы послѣ его кончины. Въ числѣ ихъ „*Слова и рѣчи*“ Филарета занимаютъ весьма видное мѣсто. Одинъ изъ почитателей его проповѣдническаго дара такъ характеризуетъ его ораторскія произведенія: „Глубокая сосредоточенность мысли, строжайшая послѣдовательность въ развитіи тэмы, сила выраженія—вотъ что̀ составляетъ неотъемлемую принадлежность каждаго слова этого архипастыря. Никто изъ нашихъ проповѣдниковъ не обладаетъ такимъ великимъ искусствомъ проникнуть въ самую глубину содержанія текста, избраннаго для проповѣди, осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ — раскрыть весь его смыслъ. Сжатость и совершенная чистота, сила и точность, строжайшая правильность, простота, нисходящая до языка простой бесѣды, и, вмѣстѣ, необыкновенное изящество, — вотъ отличительныя свойства его образцоваго слова...“

Къ этой несомнѣнно вѣрной характеристикѣ Филаретова краснорѣчія, мы не можемъ не добавить отъ себя, что его рѣчи поражаютъ глубиною и обиліемъ идей, но, въ то же время, нигдѣ не касаются нѣжнѣйшихъ, чувствительныхъ струнъ сердца; онѣ прямо говорятъ разуму, вызываютъ иногда изумленіе богатствомъ содержанія, но не трогаютъ насъ, не наполняютъ душу восторгомъ, не проливаютъ въ нее цѣлительный бальзамъ утѣшенія, не умиротворяютъ ее среди житейскихъ бурь и волненій, и не согрѣваютъ ее теплымъ участіемъ и снисхожденіемъ...

Чрезвычайно любопытно то, что, въ первомъ періодѣ своего духовнаго витійства, Филаретъ, вмѣстѣ со многими другими лучшими представителями современной интеллигенціи (напр., Сперанскимъ и Ѳеофилактомъ, архіепископомъ калужскимъ), выказывалъ несомнѣнную склонность къ тому мистицизму, который такъ сильно и рѣзко проявлялся во всѣхъ слояхъ русскаго общества въ первую четверть XIX вѣка. Наклонность эта выражалась въ болѣе мягкой, болѣе осмысленной формѣ, нежели у других приверженцевъ этого моднаго направленія; но все же по отношенію къ такому строго-логическому уму, какъ Филаретъ, это временное увлеченіе мистицизмомъ свидѣтельствуетъ о весьма сильномъ распространеніи у насъ мистическихъ ученій и о томъ, что они очень глубоко проникали въ сознаніе мыслящей и просвѣщенной массы общества.

Архіепископъ Августинъ Виноградовъ.

Въ первую четверть вѣка, въ царствованіе Александра I, явилась цѣлая мистическая литература, оригинальная и переводная, и та быстрота, съ которою изданія нѣкоторыхъ мистическихъ сочиненій слѣдовали одно за другимъ, свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ интересѣ, который возбужденъ былъ къ мистическимъ ученіямъ въ современномъ русскомъ обществѣ. Интересъ этотъ былъ настолько великъ, что были вновь перепечатаны и даже **Мистики.**

вновь переведены многія мистическія сочиненія, перенесенныя на русскую почву еще братьями-масонами Новиковскаго кружка, которые, подъ конецъ, почти не отдѣляли мистику отъ масонства и сильно увлекались теософическими [1]) теоріями. На время подавленныя крутымъ поворотомъ, происшедшимъ въ отношеніяхъ Екатерины къ Новикову и масонамъ, эти мистическія ученія возродились вновь въ первые же годы царствованія Александра и породили цѣлую литературу, при чемъ нашли себѣ особенно яркое выраженіе въ журналѣ Лабзина „Сіонскій Вѣстникъ". Этотъ журналъ пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ даже со стороны такихъ просвѣщенныхъ пастырей, какъ Евгеній Болховитиновъ, хотя онъ вполнѣ сознавалъ всѣ тѣ крайности и увлеченія, до которыхъ нерѣдко договаривался Лабзинъ, издатель этого излюбленнаго органа мистиковъ.

Михаилъ (Десницкій), митрополитъ с.-петербургскій.

Мистическая литература.

Чтобы ознакомить нашихъ читателей съ общимъ духомъ „Сіонскаго Вѣстника" и съ главною сущностью этой странной литературы, мы попытаемся въ краткомъ очеркѣ сообщить важнѣйшія и тѣмъ болѣе характерныя черты того ученія мистиковъ, которое многихъ сбивало съ толку, отвлекало въ туманную даль отъ насущнѣйшихъ вопросовъ жизни и, въ дальнѣйшемъ развитіи, привело къ такимъ крайностямъ, которыя очень печально отразились на нашей литературѣ и на нашемъ просвѣщеніи.

Главная сущность мистики заключается въ особомъ воззрѣніи

[1]) Теософія представлялась мистикамъ особою наукою, стремившеюся открыть въ явленіяхъ природы *образъ божественной сущности и процессы божественной жизни.* Одинъ изъ самыхъ рьяныхъ мистиковъ, Лопухинъ, придавалъ теософіи высокое значеніе и называлъ ее «теоріей внутренняго познанія». Сущность теософіи прекрасно опредѣляется въ слѣдующемъ объясненіи цѣли и назначенія этой науки: «она открываетъ въ самой послѣдней твари, въ самомъ бренномъ растеніи, образъ воплощеннаго Слова и всего того, что сотворило Оно для спасенія нашего — образъ всѣхъ его таинствъ, зачатіе, рожденіе и всего хожденія его въ мірѣ до самаго совершенія искупительнаго его пришествія на землю» и т. д.

на значеніе христіанства, не только какъ религіи, но и какъ главной сущности жизни. Это значеніе христіанства мистики объясняютъ различно [1]; но это различіе болѣе внѣшнее и формальное, нежели дѣйствительное, и всѣ ихъ опредѣленія могутъ быть весьма легко приведены къ одному общему выводу.

Этотъ выводъ представляется намъ въ такой формѣ: главная сущность христіанства и главная цѣль христіанской жизни (по мнѣнію мистиковъ) состоитъ въ возсоединеніи съ Богомъ, какъ источникомъ нашей души. Это возсоединеніе мистики называютъ „вторымъ духовнымъ рожденіемъ“ или еще чаще — „возрожденіемъ“. Такое внутреннее „возрожденіе“ составляетъ главную основу всего ученія мистиковъ, и вся литература ихъ, въ главнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, посвящена разбору и разслѣдованію тѣхъ путей, которыми вѣрующіе должны стремиться къ этой цѣли и достигать ея. Это духовное возрожденіе и есть главная, существеннѣйшая тэма довольно обширной мистической литературы и главная основа ученія, изложеннаго даже въ формѣ руководствъ, расположенныхъ въ видѣ діалоговъ [2], или же въ формѣ аллегорическихъ повѣстей и разсказовъ [3].

Не вдаваясь въ исторію мистическихъ ученій вообще, мы должны, однакоже, замѣтить, что мистицизмъ былъ далеко не новымъ явленіемъ въ жизни и литературѣ европейской конца XVIII и начала XIX вѣка [4]: онъ былъ только явленіемъ, возродившимся вновь и съ новою силою подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ условій современной исторической жизни. Не новостью былъ онъ и на русской почвѣ, потому что могъ бы, пожалуй, исходить отъ твореній аѳонскихъ иноковъ XIV вѣка и отъ нашихъ иноковъ, состоявшихъ съ ними въ частыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ; съ аскетическими твореніями аѳонскихъ иноковъ [5]) наши

---

[1]) Одни говорятъ, что «все христіанство состоитъ въ возстановленіи образа Божія въ человѣкѣ и въ истребленіи образа сатанинскаго»; другіе—что «христіанство есть соединеніе души съ Богомъ, сопричастіе божественнаго естества его»; третьи—что «истинное христіанство состоитъ въ общеніи, соединеніи, дружествѣ или связи внутренности нашей, нашего сердца со Іисусомъ Христомъ» и т. д.

[2]) Напримѣръ: «*Начальныя основанія дѣятельности христіанской, по отвѣтамъ и вопросамъ расположенныя*». Книга разошлась въ концѣ прошлаго вѣка въ двухъ изданіяхъ и еще однимъ изданіемъ вышла въ 1805 году. Въ этомъ руководствѣ, между прочимъ, указаны тѣ пути и тѣ степени, по которымъ Богъ приводитъ падшія души къ «возрожденію».

[3]) Сюда относятся, напримѣръ, такія переводныя сочиненія, какъ Буніана: «*Путешествіе христіанина и христіанки къ блаженной вѣчности*» или книга Штиллинга: «*Тоска по отчизнѣ*», изображающая пути истиннаго христіанина къ вѣчности. Первая изъ этихъ книгъ между 1785—1819 гг. выдержала три изданія.

[4]) Начало мистическаго ученія слѣдуетъ искать въ твореніяхъ церковныхъ писателей V—VI вѣковъ. Особенно сильно развились мистическія ученія въ XII, XIII и XIV вѣкахъ.

[5]) Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника, Максима Исповѣдника, Симеона Новаго Богослова, Григорія Синаита и др.

предки могли уже знакомиться съ конца того же вѣка по русскимъ переводамъ, весьма распространеннымъ въ древне-русской письменности. Но идеи этихъ твореній, весьма близкія къ теоріямъ западно-европейскихъ мистиковъ, отжили свой вѣкъ вмѣстѣ со старою, до-петровскою Русью, и отголоски ихъ сохранились только въ незначительной части грамотныхъ русскихъ людей, уклонившихся отъ непосредственнаго вліянія Петровской реформы; образованному же русскому обществу конца XVIII вѣка пришлось уже знакомиться съ тѣми же идеями по сочиненіямъ западныхъ мистиковъ. Одинъ изъ нихъ, Таулеръ, сочиненія котораго признавались особенно авторитетными въ средѣ почитателей мистицизма, весьма сжато и по возможности точно опредѣляетъ сущность и степени развитія того процесса, путемъ котораго вѣрующій можетъ восходить на величайшую высоту духовную. Такихъ степеней Таулеръ указываетъ три: первая состоитъ въ томъ, что человѣкъ *входитъ въ себя* самого или собираетъ внутрь себя всѣ низшія и высшія силы духа; второй достигаетъ онъ тогда, когда, при полномъ обладанiи всѣми силами души, доходитъ до полнаго самоуничиженія, самоотреченія; третья степень представляетъ уже полное торжество духа надъ плотью—соединеніе души съ Богомъ или „рожденіе Бога въ душѣ“. На этомъ внутреннемъ освященіи человѣка (по мнѣнію мистиковъ) ознаменовалась тайна нашего искупленія, которая и состоитъ именно въ „преображеніи“ человѣка. Къ обсужденію и уясненію этого таинственнаго перерожденія человѣка направлены всѣ проповѣди и всѣ разсужденія мистиковъ. Любимою тэмою для проповѣдниковъ мистической школы является постоянно истолкованіе таинственнаго значенія Рождества Христова и вочеловѣченія Бога: мистики видятъ въ немъ знаменье грядущаго обожествленія человѣка, производимое „рожденіемъ Бога въ душѣ“. Такое воззрѣніе на одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ земной жизни Христа-Спасителя подавало, конечно, поводъ ко всякимъ таинственнымъ сравненіямъ и сопоставленіямъ и̂ все окутывало туманомъ символизма, который не мало способствовалъ затемнѣнію истиннаго смысла Св. Писанія [1]). Съ другой стороны, и самое понятіе о возрожденіи духовномъ представлялось мистикамъ чрезвычайно туманнымъ, а понятіе о духовномъ совершенствѣ „возрожденнаго человѣка“ достигало крайнихъ преувеличеній. „Возрожденный“, по мнѣнію ми-

[1]) Не сознавая этого, мистики начала нынѣшняго вѣка высказывали постоянно недовольство проповѣдниками, говорившими прямо и просто отъ Писанія. «Нынѣшніе проповѣдники Евангелія — говоритъ Лабзинъ, — представляютъ Христа Главою и Учителемъ, который, находясь *внѣ насъ*, учитъ насъ, что̀ есть добро; а не говорятъ, что онъ долженъ *внутренно* владычествовать и самъ совершать въ насъ добрыя дѣла. Не добрыя и благочестивыя дѣла дѣлаютъ человѣка добрымъ и благочестивымъ, а добрый и благочестивый человѣкъ дѣлаетъ добрыя и благочестивыя дѣла».

стиковъ, является уже безгрѣшнымъ: внимая говорящему въ немъ Слову, онъ уже не способенъ заблуждаться, не можетъ грѣшить... Живя по заповѣдямъ Божіимъ, онъ живетъ уже „не подъ закономъ, но превыше закона" и т. д. Мало того, по своему совершенству нравственному, „возрожденный" пріобрѣтаетъ такую сверхъестественную силу, которая будто бы выражается въ представляющихся ему видѣніяхъ, въ особыхъ откровеніяхъ, въ способности къ предсказаніямъ и чудеснымъ исцѣленіямъ [1]).

Филаретъ (Дроздовъ), митрополитъ московскій.

Не трудно себѣ представить, къ какимъ печальнымъ заблужденіямъ способны были привести подобныя воззрѣнія мистиковъ, извращавшія отношенія разумнаго человѣка къ дѣйствительности и въ значительной степени приводившія мистиковъ къ отрицанію свободнаго развитія науки и пользы образованности. Въ послѣднемъ смыслѣ особенно вредное вліяніе оказывала теософія, тѣсно примыкавшая къ мистиче-

[1]) Лабзинъ даже весьма охотно давалъ мѣсто въ своемъ журналѣ всякимъ извѣстіямъ о подобныхъ мистическихъ чудесахъ. Любопытно, что и тѣ аѳонскіе мистики, о которыхъ мы упоминали выше, сходятся съ западными мистиками въ своихъ воззрѣніяхъ на «обожествленіе» человѣка. По ихъ мнѣнію, это «обожествленіе человѣка» достается «умною» молитвою, въ совершенной тишинѣ и безмолвіи и притомъ безъ всякихъ внѣшнихъ проявленій молитвеннаго созерцанія... «Долгимъ и усерднымъ пребываніемъ въ этой молитвѣ достигается такое настроеніе нравственное, когда умъ *непрестанно* молится; плодомъ такой молитвы является также особенная прозорливость молящагося, чистое и ясное пониманіе существа Божія» и т. д.

скому ученію и постоянно стремившаяся открыть и установить тѣсную связь между явленіями природы и существеннѣйшими истинами и догматами христіанской религіи. Теософы искали въ религіи и Св. Писаніи прямыхъ объясненій явленіямъ природы и способны были даже утверждать, что человѣкъ, недостаточно проникнутый религіознымъ чувствомъ, не способенъ былъ къ вѣрному наблюденію природы и къ опредѣленію ея законовъ [1]). Прямыя слѣдствія подобныхъ воззрѣній отозвались печальными результатами на русскомъ просвѣщеніи, какъ мы уже видѣли выше... Но и сами по себѣ эти ученія вліяли въ высшей степени неблагопріятно на развитіе чисто-фанатическихъ теорій и доктринъ, отчасти даже извращавшихъ смыслъ всей исторіи человѣчества. Такъ, одни изъ нихъ не признавали никакихъ раздѣленій въ христіанствѣ, не допускали различіе Церквей и вѣроученій, подраздѣляя весь родъ человѣческій только на „вѣрующихъ" и „невѣрующихъ", и мечтая о какомъ-то *универсальномъ* христіанствѣ. Другіе не признавали исторіи до христіанства; а для того, чтобы примирить свои воззрѣнія съ существующими фактами, доказывали, будто христіанство существуетъ еще съ сотворенія міра, и различіе между христіаниномъ и язычникомъ полагали единственно въ одномъ условіи: которое изъ двухъ началъ—*плотское* или *духовное* (небо или земля?) — преобладало въ сердцѣ человѣка? Отсюда истекало убѣжденіе, что праведники могли быть и между язычниками, и на такомъ именно убѣжденіи основывали уваженіе къ нѣкоторымъ писателямъ классической древности.

Понятно, что такое направленіе, преобладавшее въ русскомъ обществѣ начала нынѣшняго вѣка, должно было вызвать возраженія и протесты... Но критика не была ни энергичною, ни рѣзкою; приходилось быть осторожнымъ, потому что мистицизмомъ увлекались преимущественно въ высшихъ сферахъ, и не только такіе крупные государственные дѣятели, какъ Сперанскій и князь А. Н. Голицынъ, какъ Стурдза и другіе сановники, но и многіе архіереи, и самъ императоръ Александръ были не чужды мистическихъ ученій и увлеченій.

Критика мистицизма.

Среди писателей, дерзавшихъ говорить и писать противъ мистицизма и доказывать всю ложность мистическихъ воззрѣній, заслуживаютъ упоминанія священникъ *Иванъ Петровъ* (Полубенскій) и *Станевичъ*. Первый изъ нихъ выпустилъ въ свѣтъ книгу: *„О внѣшнемъ богослуженіи и наружныхъ дѣйствіяхъ человѣка-христіа-*

---

[1]) Невзоровъ, въ своемъ журналѣ «*Другъ Юношества*», прямо говоритъ: «Эккартгаузенъ могъ лучше Шапталя знать химію и созерцать таинство природы, ибо былъ больше христіаниномъ, водимый высшимъ свѣтомъ, тогда какъ французскіе ученые были водимы одною языческою мудростью».

шина", а второй издалъ сочиненіе: „*Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души*"—и этотъ протестъ противъ мистицизма былъ въ ту пору не малымъ подвигомъ со стороны обоихъ этихъ лицъ [1]). Особенно любопытна и важна была книга Станевича, который въ ней ратуетъ противъ мистицизма вообще и противъ „Сіонскаго Вѣстника"—въ частности. Подробно разбираетъ Станевичъ всѣ пункты ученія мистиковъ и тщательно указываетъ на всѣ его противорѣчія ученіямъ православной Церкви. При этомъ онъ, не обинуясь, называетъ мистику тѣмъ лжеученіемъ, которое, „придавая Св. Писанію иносказательный, духовный и таинственный смыслъ, старается затемнить истинный разумъ онаго и ниспровергнуть вѣру и Церковь".

Но эти голоса были одинокими „гласами вопіющаго въ пустынѣ..." Мистицизмъ торжествовалъ и находилъ себѣ выраженіе въ литературѣ и журналистикѣ, и проявлялся въ жизни фактами крайне безотрадными... Широко и свободно проявляясь въ литературѣ прозаической (переводной и оригинальной), въ видѣ такихъ книгъ, какъ „*Образъ житія Енохова или родъ и способъ хожденія съ Богомъ*" (1784 года) или „*Присутствіе Божіе*" (сочиненіе Дю-Дуа, 1798 г.), или „*Письма о томъ, сколь нужно и полезно всегда помнить о присутствіи вездѣсущаго и всевидящаго Бога*" (2-ое изданіе вышло въ 1813 г.) и „*Хожденіе передъ Богомъ или жизнь брата Л.*" (1821 г.)—мистика вторгалась даже и въ область поэзіи. Не говоря уже о старческихъ произведеніяхъ Хераскова и Державина, одинаково заплатившихъ свою дань мистицизму, мы видимъ, что ему посвящали свое вдохновеніе и болѣе молодыя силы: ему вполнѣ предался *Θеодоръ Глинка*, написавшій цѣлый рядъ духовныхъ стихотвореній [2]); къ нему склонялся въ значительной степени и Жуковскій (въ особенности въ послѣдній періодъ своей дѣятельности). Благодаря общему и весьма упорному, въ своей односторонности, направленію мистическому, неувядаемою славою и глубочайшимъ уваженіемъ, среди мистиковъ, продолжала пользоваться поэма Хераскова „*Владиміръ возрожденный*", въ которой находили дивное вдохновеніе, указывали съ восторгомъ на глубокомысленныя истины христіанскія, восхищались символическими истолкованіями и старались даже искать пророческихъ намековъ на современныя событія Александровской эпохи.

Навѣянныя мистицизмомъ мысли о „возрожденіи" человѣка, о „возсоединеніи человѣка съ Божествомъ" и т. п. являлись преобладающими даже въ проповѣднической дѣятельности такихъ

[1]) Первое изданіе книги Станевича, въ 1818 г., было запрещено цензурою въ министерствованіе Голицына. Второе разрѣшено уже въ 1825 году.

[2]) Особенно славились въ свое время его стихотворенія: «Исканіе Бога» и «Жизнь анахоретовъ».

сильныхъ умомъ и волею людей, какъ Филаретъ, митрополитъ московскій. Мистическій тонъ и общее настроеніе обнаруживаются во многихъ уподобленіяхъ, пріемахъ и образахъ ораторскихъ произведеній, относящихся къ раннему періоду его проповѣднической дѣятельности [1]).

Карамзинъ и мистики.

И только одинъ сильный умъ, не примирявшійся ни съ какими крайностями мистическаго направленія, смотрѣлъ съ недовѣріемъ и горечью на то, что происходило въ литературѣ и жизни современнаго русскаго общества: то былъ Карамзинъ. Узнавъ изъ вѣрнаго источника о предстоящемъ соединеніи двухъ министерствъ (народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ) въ рукахъ одного лица, Карамзинъ писалъ своему другу Дмитріеву:

„Соединеніе двухъ министерствъ послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ. Отнынѣ кураторы будутъ люди извѣстнаго благочестія. Не мудрено, если въ наше время умножится число лицемѣровъ...“

Къ сожалѣнію, надо сознаться, что предсказаніе великаго мыслителя и историка сбылось даже еще гораздо ранѣе, чѣмъ можно было того ожидать.

Виньетка на титульномъ листѣ патріотическихъ стихотвореній М. Лобанова.

---

[1]) Цитаты указаны въ «Исторіи Словесности» А. Д. Галахова, который замѣчаетъ, что Филаретъ самъ выпустилъ всѣ подобныя мѣста изъ своихъ проповѣдей, въ позднѣйшихъ изданіяхъ.

что Духъ власти дать ему
и пружинности роль недостанетъ
средства очевидно подкрѣпятъ
государя въ благонадежности.
Простите мнѣ и Вы, что
не могу соотвѣтствовать
Вашему благорасположенію.
Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга богомолецъ
Филаретъ А. Московскій.

Маія 29. 1824.

Автографъ Филарета, митрополита московскаго.
Окончаніе письма къ князю А. Н. Голицыну.
Письмо хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Журналистика въ первой четверти нынѣшняго столѣтія.—Ея цѣли и направленіе.—Журналы ученые и литературные, журналы спеціальные. Журналы-сборники.—Журнальная критика.—Взглядъ на критику.—Цензура въ царствованіе императора Александра I.

Въ описаніи предшествующаго періода нашей литературы намъ удалось довольно подробно ознакомиться съ журналистикой этого періода, съ главными, преобладавшими въ ней направленіями, съ различными литературными пріемами и формами, преобладавшими въ концѣ XVIII в. въ нашей журналистикѣ. Журналистика первой четверти нынѣшняго вѣка значительно разнится отъ журналистики временъ Екатерины. Типъ журналовъ, народившихся въ началѣ царствованія Александра I, уже значительно приближается къ нашему современному журнальному типу. Измѣняются и цѣли, и направленіе журналистики, въ тѣсной связи съ нарождающимися новыми потребностями общества, которое становится болѣе и болѣе образованнымъ и ощущаетъ потребность въ чтеніи болѣе серьезномъ, болѣе разнообразномъ и притомъ болѣе систематическомъ. Вслѣдствіе этого, журналы Александровской эпохи начинаютъ утрачивать характеръ сборниковъ случайнаго литературнаго матерьяла и носятъ уже на себѣ характеръ настоящихъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ опредѣленные сроки, въ видѣ довольно объемистыхъ книжекъ, подраздѣленныхъ на извѣстное количество отдѣловъ, пріятно разнообразящихъ составъ каждой отдѣльной книжки. Тутъ и беллетристика, и серьезныя историческія статьи, и статьи по вопросамъ нравственнымъ, и теоретическіе споры объ искусствѣ, о критикѣ и ея задачахъ, и свѣдѣнія о новѣйшихъ явленіяхъ западно-европейской литературы. Содержаніе лучшихъ журналовъ Александровской эпохи, несомнѣнно пользовавшихся расположеніемъ публики, даетъ намъ выгодное понятіе о читателѣ того времени и выказываетъ въ немъ не только человѣка болѣе просвѣщеннаго, но и болѣе развитого, болѣе пробужденнаго въ смыслѣ литературномъ, нежели читатель второй половины XVIII вѣка. Этого читателя уже нельзя удовлетворить только „сатирою на нравы“ или нескончаемыми перепискам „бѣсовъ“ о взяточничествѣ судей, о сословныхъ предразсудкахъ и о недостаткахъ въ воспитаніи подрастающаго поколѣнія. Этотъ читатель уже чувствуетъ себя гражданиномъ, уже интересуется всею общностью явленій русской жизни въ ея прошломъ и настоящемъ, и, оставаясь патріотомъ (иногда даже весьма исключительнымъ), онъ, тѣмъ не менѣе, охотно слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ Европѣ, и относится къ явленіямъ европейской жизни болѣе спокойно и

болѣе безпристрастно, нежели русскіе писатели и журналисты конца XVIII вѣка.

Направленіе журналовъ.

Характеръ и направленіе журналовъ Александровской эпохи вполнѣ соотвѣтствуетъ сильно и быстро развивающейся въ обществѣ наклонности къ занятіямъ отечественнымъ языкомъ и словесностью. Съ легкой руки Карамзина и въ особенности благодаря его журналамъ, начинаетъ развиваться страсть къ чтенію и къ литературному творчеству. Мы видѣли выше, что учрежденіе университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ значительной степени способствуетъ развитію вкуса къ литературѣ. Отечественная словесность и тщательное изученіе ея образцовъ составляютъ всюду, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, предметъ первостепенной важности въ общемъ преподаваніи и личность профессора или преподавателя словесности пользуется въ средѣ учащихся особеннымъ значеніемъ и симпатіей. Это общераспространенное сочувствіе къ занятіямъ словесностью въ описываемый нами періодъ было даже явленіемъ въ такой степени обыденнымъ, что этою излюбленною отраслью знанія занимались весьма охотно многіе ученые, посвятившіе себя занятіямъ другими науками; эти науки не имѣли ничего общаго со словесностью, но она все же являлась важнѣйшимъ предметомъ изученія и важнѣйшимъ показателемъ образованности. Словесностью и ея произведеніями начинаютъ интересоваться всѣ классы общества отъ среднихъ, наиболѣе образованныхъ (въ смыслѣ сплошной массы) до высшихъ; и если въ Екатерининское время мы отмѣтили появленіе *мѣщанской литературы*, какъ признака поступательнаго движенія въ нашей культурной жизни, то въ Александровскомъ вѣкѣ мы должны отмѣтить, въ качествѣ подобнаго же признака, распространеніе страсти къ чтенію не только среди мужчинъ, но и среди женщинъ, и моду на собираніе новѣйшихъ произведеній изящной словесности въ „великосвѣтскихъ альбомахъ“, тѣхъ самыхъ альбомахъ, которымъ Пушкинъ посвятилъ извѣстную строфу въ своемъ „Евгеніи Онѣгинѣ“ [1]). Но книгъ все еще было мало, библіотекъ для чтенія—не только въ провинціи, но и въ столицахъ—никакихъ, и въ то самое время, когда въ свѣтскихъ салонахъ свѣтскія дамы и барышни, состоявшія въ частыхъ сношеніяхъ съ литературными кружками, заботились о пополненіи своихъ альбомовъ автографами знаменитыхъ поэтовъ и писателей—въ провинціи и сельской глуши, тѣ же барышни усердно переписывали печатныя поэмы и повѣсти нашихъ модныхъ писателей, а иногда даже и сплошь цѣлыя книжки журналовъ и

---

1) «О вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей,
Великосвѣтскіе альбомы!» и т. д.

альманаховъ, распространяя въ кругу своихъ знакомыхъ рукописные сборники уже напечатанныхъ произведеній и съ наслажденіемъ заучивая ихъ содержаніе наизусть [1])

Читателямъ нашимъ, конечно, для сравненія съ послѣдующей эпохой, не излишнимъ будетъ ознакомиться, хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ, съ составомъ журналистики Александровской эпохи. Мы имѣли уже случай замѣтить, что составъ этотъ довольно разнообразенъ: въ журналистикѣ этого времени, занимающаго всю первую четверть нынѣшняго вѣка, видимъ и журналы ученые, и литературные, и учено-литературные, и спеціальные; видимъ и журналы-сборники, какъ остатокъ прежняго типа періодическихъ изданій. Съ общимъ составомъ и направленіемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ органовъ этой журналистики, съ „*Вѣстникомъ Европы*" и „*Русскимъ Вѣстникомъ*" мы уже достаточно знакомы за тотъ періодъ, въ который эти журналы издавались подъ редакціею Карамзина и С. Н. Глинки. Мы знаемъ, какъ выдохся и обезличился впослѣдствіи „Русскій Вѣстникъ", когда миновала героическая эпоха борьбы и подвиговъ и вновь наступило обыденное теченіе русской жизни; а потому не будемъ дополнять то, что уже объ этомъ журналѣ было сказано; но о „Вѣстникѣ Европы" слѣдуетъ добавить нѣсколько словъ. Послѣ небольшого перерыва въ изданіи этого журнала, онъ перешелъ подъ редакцію Жуковскаго, который издавалъ его съ 1808 по 1810 годъ, не съумѣвъ поддержать въ публикѣ то значеніе журнала, которое ему придалъ Карамзинъ. Съ 1811 г. за редакцію журнала принялся профессоръ Московскаго университета *М. Т. Каченовскій* и непрерывно издавалъ его до 1830 года, сразу значительно измѣнивъ типъ журнала и давъ преобладаніе въ немъ научному элементу надъ литературнымъ. Журналъ принялъ, вслѣдствіе этого, нѣсколько однообразное и скучное направленіе, несмотря на то, что многія изъ историческихъ статей, помѣщаемыхъ въ немъ Каченовскимъ, заслуживали по своимъ достоинствамъ полнаго вниманія, и даже несмотря на участіе въ журналѣ такихъ сотрудниковъ, какъ Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій, Мерзляковъ, Милоновъ, А. и В. Измайловы, В. Пушкинъ и А. А. Воейковъ... Не слѣдуетъ забывать, что на страницахъ этого журнала явилось и *первое печатное стихотвореніе юноши-Пушкина.* Журналисты.

Помѣщенная Каченовскимъ (въ 1819 г.) злобная и придир-

[1]) Подобные рукописные сборники, и теперь еще часто попадающіеся въ старыхъ библіотекахъ и семейныхъ архивахъ, имѣютъ иногда очень важное значеніе, потому что сохраняютъ любопытные варьянты текстовъ, впослѣдствіи измѣненныхъ или исправленныхъ писателями (въ позднѣйшихъ изданіяхъ ихъ сочиненій). Сверхъ того, въ подобныхъ сборникахъ очень часто попадаются и такія произведенія, которыя, по современнымъ цензурнымъ условіямъ, не могли быть напечатаны, ходили по рукамъ въ рукописномъ видѣ и исчезли бы безслѣдно, если бы не сохранились такимъ путемъ.

чивая критика на „*Исторію Государства Россійскаго*“ оттолкнула отъ него всѣхъ почитателей Карамзина; а послѣдовавшія затѣмъ несправедливыя и мелочныя нападки на первую поэму Пушкина („Русланъ и Людмила“) и на комедію Грибоѣдова—охладили и всю публику къ журналу Каченовскаго, который, старѣясь, очевидно утрачивалъ всякую способность къ правильной оцѣнкѣ явленій новѣйшей русской литературы.

Н. И. Гречъ.

Такая неумѣлость и односторонность Каченовскаго въ веденіи живого журнальнаго дѣла дала возможность вырасти и развиться рядомъ съ „Вѣстникомъ Европы“ другому органу—„*Сыну Отечества*“, который сталъ издаваться въ Москвѣ съ 1812 года. Издатель-редакторъ его, *Н. И. Гречъ*, человѣкъ молодой, энергичный и образованный, очень быстро съумѣлъ освоиться съ общимъ направленіемъ литературы и со вкусами публики, чѣмъ и привлекъ къ себѣ много подписчиковъ и упрочилъ надолго значеніе своего журнала, который впослѣдствіи былъ перенесенъ въ С.-Петербургъ, и пережилъ не одно десятилѣтіе. Гречъ приступалъ къ изданію „Сына Отечества“, уже обладая извѣстною опытностью въ журнальномъ дѣлѣ [1]), и выказалъ тонкое пониманіе условій современной журналистики, значительно измѣнивъ и пополнивъ программу своего изданія уже въ первые два года его существованія: въ 1812 году „Сынъ Отечества“ былъ задуманъ журналомъ историческимъ и политическимъ, а въ 1814 г. къ этимъ отдѣламъ присоединился и важнѣйшій третій—литературный. Къ этому журналу намъ еще придется впослѣдствіи возвратиться и упоминать о немъ неоднократно; а въ настоящее время необходимо сказать нѣсколько словъ объ остальныхъ московскихъ журналахъ того же времени.

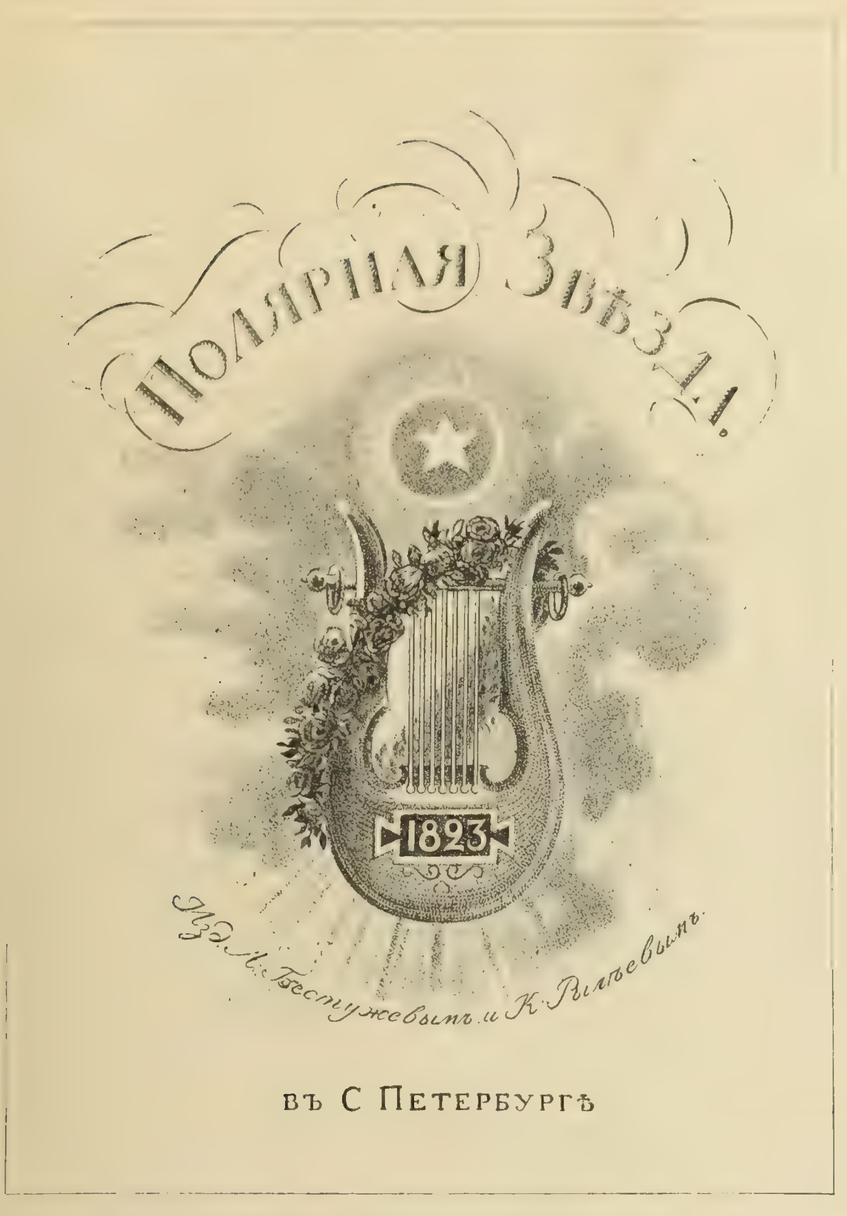
П. М. Строевъ.

Журналовъ этихъ было немного, и ни одинъ изъ нихъ не отличался долговѣчностью и не могъ похвалиться тѣмъ, что пріобрѣлъ какое бы то ни было значеніе въ обществѣ. Изъ числа ихъ—„*Московскій Меркурій*“ П. Макарова (1803 г.), „*Амфіонъ*“ Мерзлякова (1815) и „*Россійскій Музеумъ*“ В. Измайлова (1815 г.) просуществовали только по одному году; гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія еще менѣе долговѣчный органъ, издававшійся талантливымъ юношею П. М. Строевымъ—„*Современный наблюдатель Россійской словесности*“ [2]), въ которомъ впервые проявилось серьезное отношеніе къ критической оцѣнкѣ важнѣйшихъ сочиненій нашей литературы и смѣлые безпристрастные отзывы о такихъ произ-

---

[1]) Уже и до «Сына Отечества» Гречъ, въ сообществѣ съ другими писателями, трудился надъ изданіями трехъ журналовъ: «Геній временъ», «Журналъ новѣйшихъ путешествій» и «Европейскій музеумъ».

[2]) Существовалъ всего въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1815 г.

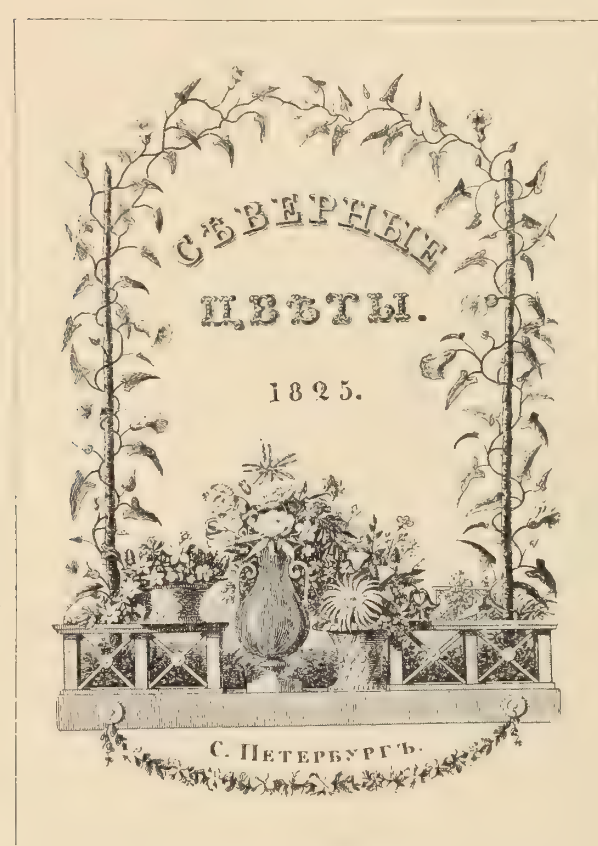
Титульный листъ альманаха «Полярная Звѣзда».

веденіяхъ, которыя почитались классическими и совершенно неприкосновенными со стороны критики.

Не отличались особенною долговѣчностью и содержательностью и многіе изъ петербургскихъ журналовъ [1]. Журнальныя предпріятія стали болѣе устойчивыми только уже впослѣдствіи,

[1]) «*Цвѣтникъ*» Бестужева, Измайлова и П. Никольскаго существовалъ не болѣе двухъ лѣтъ (1809—1810), несмотря на участіе въ немъ такихъ сотрудниковъ, какъ Гнѣдичъ и Батюшковъ; «*С.-Петербургскій Вѣстникъ*», издававшійся отъ «*Общества любителей словесности, наукъ и художествъ*» (при участіи Дашкова) существовалъ менѣе года, въ 1812 г.; «*Сіонскій Вѣстникъ*» Лабзина, въ 1806 г. явившійся на свѣтъ, не пережилъ одного года. Онъ возродился впослѣдствіи и имѣлъ успѣхъ.

послѣ 1815 г., когда миновалъ патріотическій и воинственный пылъ. Въ это время въ Петербургѣ журналистика начала процвѣтать, и рядомъ съ „Сыномъ Отечества", который пользовался большимъ успѣхомъ, могъ существовать журналъ даже и такого неопредѣленнаго типа и характера, какъ „*Благонамѣренный*" (1808—1826 г.) А. Измайлова и журналы такой рѣзко-опредѣленной мистической окраски, какъ извѣстный уже намъ „*Сіонскій Вѣстникъ*" Лабзина, „*Другъ Юношества*" М. Невзорова (1807—1815 г.) и „*Духъ Журналовъ*" (1815—1821 г.) Яценкова и такой серьезный и почтенный органъ, какъ „*Историческій, статистическій и географическій журналъ или современная исторія Свѣта*", который издавался Гавриловымъ (съ 1809—1828 годъ) [1].

Титульный листъ альманаха «Сѣверные Цвѣты», издаваемаго Дельвигомъ.

Ученые журналы.

Лучшія ученыя и литературныя силы сосредоточивались преимущественно въ журналахъ и повременныхъ изданіяхъ различныхъ ученыхъ обществъ, которыя, какъ мы видѣли, были въ этотъ періодъ въ большомъ ходу. Въ числѣ подобныхъ изданій на первомъ планѣ стоятъ изданія Россійской Академіи, въ Шишковскій періодъ, не блиставшія особенными достоинствами [2]. Рядомъ съ ними стояли почти тождественныя, какъ по содержанію, такъ и по направленію, изданія „Бесѣды", а именно „*Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова*" (19 книгъ съ 1811—1815 гг.). Въ этихъ „Чтеніяхъ", среди

[1] Въ теченіе того же двадцатилѣтія серьезные и почтенные органы издавались и на казенныя средства отъ министерства внутреннихъ дѣлъ: «*С.-Петербургскій журналъ*» (1804—1809) и затѣмъ «*Сѣверная пчела*» (1809—1820).

[2] Изданія Россійской Академіи: «*Сочиненія и переводы въ 7-ми частяхъ*» (изд. 1805—1823 гг.); «*Извѣстія*», 12 книгъ (изд. 1815—1828 гг.); «*Повременныя изданія*» (съ 1829—1832 гг.) и «*Краткія записки*» 3 книги (изд. 1830—1835 гг.).

множества статей весьма посредственныхъ, среди всякаго очень тяжеловѣснаго и неудобоваримаго литературнаго хлама, появлялись, однакоже, отъ времени до времени, статьи даже и весьма замѣчательныя, принадлежавшія перу Державина, митрополита Филарета, графа Уварова, Гнѣдича, Капниста, Муравьева-Апостола и другихъ.

Гораздо выше „Чтеній Бесѣды любителей", и по достоинству, и по разнообразію содержанія, стояли „*Труды Общества любителей Россійской словесности*" (27 частей „Трудовъ" было издано между 1812—1828 гг.). Хотя главною сущностью этого изданія являлась сторона научная—преимущественно статьи по языкознанію, и въ отдѣлѣ научномъ мы встрѣчаемъ такія имена, какъ Востоковъ (онъ помѣстилъ здѣсь свое знаменитое „Разсужденіе о словесности"), Каченовскій, К. Калайдовичъ, Снегиревъ, И. Давыдовъ и др., однакоже и отдѣлъ поэзіи былъ въ изобиліи пополняемъ произведеніями лучшихъ современныхъ поэтовъ... Мы здѣсь видимъ, въ полномъ составѣ, весь цвѣтникъ современной русской поэзіи: Мерзлякова, В. Туманскаго, князя Вяземскаго, Гнѣдича, Батюшкова, Ѳ. Глинку, Д. Давыдова, Крылова, Жуковскаго, А. Пушкина, А. Измайлова, Милонова, Раича, Капниста, князя П. Долгорукова, Воейкова. Сотрудники и критики.

Почти тотъ же составъ сотрудниковъ встрѣчаемъ въ „Трудахъ" *Вольнаго общества любителей Россійской словесности*, издававшихся въ 1820 г., гдѣ рядомъ съ литераторами, уже извѣстными и зрѣлыми, видимъ не мало еще совсѣмъ молодыхъ и начинающихъ писателей: *Дельвига,* Баратынскаго, А. и Н. Бестужевыхъ, Лажечникова, Рылѣева, Плетнева.

Самымъ большимъ недостаткомъ журналистики Александровскаго времени былъ недостатокъ критики и правильнаго пониманія важнѣйшихъ основъ критическаго отношенія къ литературнымъ произведеніямъ. Эпоха и въ этомъ отношеніи была переходная: старыя теоріи, на основаніи которыхъ производилась оцѣнка литературныхъ произведеній, уже отжили свой вѣкъ; а новыя, основанныя на новыхъ воззрѣніяхъ философскихъ—еще не успѣли пріобрѣсти достаточно значенія. Новыя вѣянія уже чувствовались въ извѣстной намъ полемикѣ Дашкова съ Шишковымъ, въ критическихъ статьяхъ Жуковскаго и Каченовскаго о Кантемирѣ и Крыловѣ, въ смѣлыхъ нападкахъ Строева на „Россіяду" Хераскова, въ отзывахъ князя Вяземскаго о сочиненіяхъ Озерова и Дмитріева. Но до настоящей, правильно-обоснованной критики еще было далеко...

Тщетно, однакоже, пытался Мерзляковъ—и въ „*Краткомъ начертаніи теоріи изящной словесности*", и въ публичныхъ лекціяхъ—пріурочить критику къ условіямъ уже отжившей свой вѣкъ фран-

цузской теоріи Буало, Батте и ихъ послѣдователей. Онъ уже самъ видѣлъ невозможность руководствоваться ею въ объясненіяхъ важнѣйшихъ литературныхъ произведеній и потому нерѣдко впадалъ въ противорѣчія, непослѣдовательность и несообразности. Одна и та же теоретическая точка зрѣнія не давала ему возможности съ одинаковымъ безпристрастіемъ отнестись, напримѣръ, къ „Эдипу" Озерова и къ „Россіядѣ" Хераскова. Жизнь шла впередъ быстрыми шагами и выдвигала на первый планъ все новыя и новыя явленія, въ которыхъ почтенный профессоръ уже не чувствовалъ себя въ силахъ разобраться надлежащимъ образомъ, и потому онъ недоволенъ собою, недоволенъ и этими невполнѣ ему ясными явленіями. Онъ возстаетъ и противъ балладъ, и противъ романтическихъ нѣмецкихъ образцовъ, занесенныхъ къ намъ изъ нѣмецкой поэзіи. Граціозная поэма Пушкина („Цыгане") представляется ему „сочиненіемъ неблагопристойнымъ и безнравственнымъ"... Другіе критики, выступавшіе со своими отзывами въ журналахъ, были еще менѣе состоятельны во всѣхъ своихъ сужденіяхъ... Большинство ихъ, съ А. Измайловымъ (въ „Благонамѣренномъ") и А. Воейковымъ во главѣ, ограничивалось чисто внѣшними стилистическими и грамматическими придирками и замѣчаніями. Даже въ средѣ самой Россійской Академіи, издававшей въ свѣтъ всякія стилистическія руководства, не существовало здравыхъ понятій о критикѣ. Совершенно справедливый и умѣренный по тону критическій отзывъ объ академическихъ изданіяхъ принимался чуть ли не за оскорбленіе. Такъ, статья Н. Греча о грамматикѣ, изданной Россійской Академіею, вызвала волненіе среди членовъ почтеннаго учрежденія. Въ отзывѣ критика они увидѣли „дерзновеніе" и опредѣлили единогласно, что „по здравому разсудку, нѣтъ никакой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности, чтобы изданныя отъ Академіи и, слѣдовательно, оцѣненныя уже ею сочиненія, были вновь переоцѣниваемы журналистами". Члены Академіи при этомъ явно высказывали притязаніе на непогрѣшимость въ научномъ отношеніи, и на основаніи такого воззрѣнія не стѣснялись даже заявлять, что „поступокъ Греча подлежитъ не суду Академіи, но суду правительства". Вотъ каково было въ то время положеніе критики въ русской современной литературѣ.

Цензура. Говоря о критикѣ журнальной, намъ нельзя обойти молчаніемъ и ту критику офиціальную, которая лишь съ Александровскихъ временъ стала вполнѣ правильно и притомъ на законномъ основаніи примѣняться къ произведеніямъ литературы. Мы говоримъ о *цензурѣ*, которая офиціально была основана, какъ отдѣльное учрежденіе въ начальную эпоху царствованія Александра I, и именно въ 1804 году. Исторія этого

учрежденія, которая такъ тѣсно связана съ исторіею нашей литературы, несомнѣнно заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что она является самымъ вѣрнымъ отраженіемъ взглядовъ правительства на русскую культуру и тѣхъ вѣяній, какія возникали въ разное время и временно господствовали въ нашемъ обществѣ. Читателямъ нашимъ, вѣроятно, будетъ любопытно оглянуться на періодъ, предшествовавшій учрежденію цензуры, чтобы ознакомиться ближе съ условіями, въ какихъ стояла наша печать до 1804 г.

До половины XVIII вѣка просмотръ книгъ былъ поручаемъ нашему духовенству, какъ сословію наиболѣе просвѣщенному и ученому. Просмотръ этотъ ограничивался только одною религіозно-нравственною стороною сочиненій, отъ которыхъ требовалось, чтобы они были вполнѣ согласованы во всемъ съ ученіемъ православной Церкви. На этомъ основаніи ректоръ и профессора славяно-греко-латинской Академіи были обязаны наблюдать, чтобы никто не читалъ и не имѣлъ у себя волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и богохульныхъ книгъ; а людямъ, не окончившимъ курсъ наукъ въ академіи, строго воспрещалось даже держать у себя книги латинскія, нѣмецкія, польскія, лютеранскія и кальвинскія и на основаніи ихъ заводить споры о вѣрѣ. Итакъ, мы видимъ, что до половины XVIII вѣка понятіе о цензурѣ, въ собственномъ смыслѣ слова, даже и вовсе не существовало.

Понятіе о цензурѣ и въ половинѣ XVIII вѣка было весьма темное и неопредѣленное. Существовало только наблюденіе за книгами, распредѣленное между двумя вѣдомствами—духовнымъ и гражданскимъ, т. е. между Св. Сѵнодомъ и Академіею Наукъ. Наблюденіе это было весьма немногосложно, потому что типографій было мало (только казенныя), книгъ выходило въ свѣтъ очень немного, и такъ какъ само правительство заботилось о размноженіи книгъ, то, конечно, никому въ голову не приходило придумывать какія бы то ни было стѣсненія и препоны для выхода въ свѣтъ книгъ, и безъ того весьма туго размножавшихся. Но съ 1783 года — столь памятнаго въ исторіи русской печати — дозволено было всюду заводить „*вольныя типографіи, не отличая ихъ отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій*“, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы типографіи „отнюдь не выпускали книгъ, противныхъ законамъ божескимъ и гражданскимъ, и клонящихся къ явнымъ соблазнамъ“. Тогда же цензура книгъ (въ смыслѣ весьма поверхностнаго и общаго просмотра) предоставлена была Управамъ благочинія, а съ 1802 года—гражданскимъ губернаторамъ при участіи директоровъ училищъ.

Гораздо правильнѣе было поставлено дѣло цензуры при учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло было отнесено къ обязанностямъ главнаго правленія училищъ и возложено

на университеты, которые должны были разсматривать всѣ выходящія изъ типографіи книги свѣтскаго содержанія, „*предварительно*" ихъ выпуска въ свѣтъ. Для того, чтобы цензура могла совершаться правильно, на точно-установленныхъ основаніяхъ, рѣшено было выработать въ главномъ правленіи училищъ общій для всей Россіи цензурный уставъ, въ основу котораго принятъ былъ весьма либеральный датскій цензурный уставъ короля Христіана VII (правившаго съ 1766 по 1808 г.), и въ немъ произведены различныя измѣненія и дополненія, согласно съ условіями русской общественной жизни. Надъ этими измѣненіями и дополненіями работали академики Озерецковскій и Фусъ, и ихъ-то проектъ и послужилъ главнымъ основаніемъ перваго цензурнаго устава для Россіи.

Первый цензурный уставъ.

Этотъ первый цензурный уставъ, утвержденный 9-го іюля 1804 года, былъ образцомъ разумнаго и гуманнаго отношенія къ писателямъ и ихъ произведеніямъ. „Преслѣдуя злоупотребленія,— говоритъ академикъ Сухомлиновъ,—уставъ не преграждалъ пути для успѣшнаго развитія наукъ и добросовѣстной оцѣнки государственныхъ и общественныхъ вопросовъ". И дѣйствительно, въ уставѣ этомъ прямо говорится, что „скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законодательствъ, государственнаго управленія какой бы то ни было отрасли правительства, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется *совершенною свободою печати, возвышающею успѣхи просвѣщенія*". Еще ярче духъ этого перваго для Россіи цензурнаго устава выражается въ § 21, касающемся объясненія мѣстъ, кажущихся опасными: „Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать".

Къ сожалѣнію, однакоже, этому цензурному уставу не суждено было быть долговѣчнымъ и прочнымъ. Подкапыванье подъ важнѣйшія основы устава начались уже очень рано и исходили съ разныхъ сторонъ, главнымъ образомъ—изъ нашего столь обычнаго неумѣнья уважать законъ и укоренившагося у насъ стремленія обставлять каждый параграфъ его нескончаемыми исключеніями, дополненіями и поправками, открывающими путь къ обходу закона. При этомъ сильно дѣйствовали и всевозможныя личныя вліянія, и разладъ между различными вѣдомствами. Мы уже видѣли выше, какому несправедливому и неосновательному преслѣдованію подверглась книга Станевича „*Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души*".

Первыя запрещенія.

Книга была запрещена: всѣ экземпляры ея отобраны; цензору, пропустившему ее, сдѣланъ строжайшій выговоръ; а сочи-

нителя выслали изъ столицы. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія писалъ по этому поводу: „Я удивленъ былъ, какъ могла книга такого содержанія быть одобрена цензурою. Къ сужденію о безсмертіи души авторъ приводитъ защищеніе греко-россійской церкви, на которую никто не нападалъ. Книга наполнена защитою наружной Церкви противъ внутренней: раздѣленіе, непонятное въ христіанствѣ, ибо наружная Церковь безъ внутренней есть тѣло безъ души; превратно представлено понятіе о Церкви, за которую принимается одно духовенство“ и т. д.

Еще болѣе курьезнымъ нападкамъ и запретительнымъ мѣрамъ подвергся въ 1815 г. „*Вѣстникъ словесности*“, ежемѣсячное изданіе литературное и критическое, издаваемое кружкомъ друзей-литераторовъ. Въ одномъ изъ отдѣловъ этого журнала предположено было помѣстить „сужденіе о театрѣ“. Противъ этого пункта программы возсталъ министръ полиціи и выразилъ такой взглядъ: „позволительно сужденіе о театрѣ и актерахъ, когда бы они зависѣли отъ частнаго содержателя; но сужденіе объ Императорскомъ театрѣ и актерахъ, находящихся на службѣ Его Величества—я считаю неумѣстнымъ во всякомъ журналѣ“ [1]). И такимъ образомъ театральная критика была журналу воспрещена.

Затѣмъ, поводомъ къ нарушенію и несоблюденію параграфовъ устава служило иногда слишкомъ церемонное отношеніе къ политикѣ сосѣднихъ державъ, иногда непониманіе современныхъ научныхъ требованій... Такъ статьи *о конституціяхъ* не были пропущены потому, что „нѣкоторыя сужденія объ этомъ предметѣ могутъ показаться непріятными для союзныхъ съ Россіею иностранныхъ державъ, имѣющихъ правленіе конституціонное“. Такъ Шишковъ былъ возмущенъ статьею академика Германа о числѣ смертоубійствъ и убійствъ въ Россіи въ 1819 и 1820 гг. Онъ высказалъ свой взглядъ на нее, какъ на вредную и ненужную [2]). Такъ, наконецъ, по настоянію того же министра полиціи, былъ воспрещенъ романъ Нарѣжнаго „*Россійскій Жильблазъ*“. Камнемъ преткновенія для цензуры служилъ и вопросъ о крѣпостномъ правѣ, несмотря на то, что само правительство (по крайней мѣрѣ въ теченіе извѣстнаго времени) носилось съ идеею объ освобожденіи крестьянъ. Академикъ Сухомлиновъ, въ своей общей исторіи цензуры въ Александровское время, указываетъ, что „за переводъ книги объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами постра-

[1]) Мы видѣли выше, что совершенно подобное же мнѣніе было выражено членами Академіи по поводу критики Греча на академическую грамматику.

[2]) «Мнѣ кажется,—писалъ Шишковъ въ своемъ отзывѣ,—что подобныя статьи, неприличныя къ обнародованію, надлежало бы къ тому, кто прислалъ ихъ для напечатанія, отослать съ замѣчаніемъ, чтобы впредь такими пустыми вещами не занимался. Хорошо извѣщать о благихъ дѣлахъ, а такія, какъ смертоубійство и самоубійство, должны погружаться въ вѣчное забвеніе».

далъ Анастасевичъ. За лекціи объ экономической сторонѣ крестьянскаго вопроса подвергся гоненію Арсеньевъ. Сочувствіе къ освобожденію крестьянъ и сознаніе благодѣтельныхъ послѣдствій этой мѣры, высказанное въ литературѣ, повело къ запрещенію книги Пнина [1]) и послужило источникомъ непріятностей для профессора Челнокова, пропустившаго въ Москвѣ переводную статью подъ заглавіемъ: „Взглядъ на успѣхи земледѣлія и благосостоянія въ Россійскомъ государствѣ“. Въ послѣдней статьѣ главнѣйшимъ залогомъ благосостоянія Россіи авторъ полагаетъ открытіе училищъ и освобожденіе крестьянъ.

Цензурныя крайности.

Всѣ эти нарушенія авторскихъ правъ, вопреки вполнѣ опредѣленнымъ параграфамъ гуманнаго и либеральнаго цензурнаго устава, были прямымъ произволомъ, точно также какъ и вторженіе цензоровъ (иногда очень некстати) въ область литературной критики, которой они подвергали не только произведенія русской, но и европейской литературы. Такъ, напримѣръ, не была одобрена цензурой къ представленію трагедія Гёте: „*Эгмонтъ*“ и задержана баллада Жуковскаго „*Замокъ Смальгольмъ*“, явившаяся первоначально (1822 г.) подъ заглавіемъ „*Ивановъ вечеръ*“. Представляя министру отзывъ комитета объ этой балладѣ, извѣстный уже намъ попечитель округа Руничъ прибавлялъ со своей стороны, что баллада „Ивановъ вечеръ“ не только не заключаетъ въ себѣ ничего полезнаго для души и сердца, но и совершенно чужда всякой нравственной цѣли [2]). Еще курьезнѣе являлись, напримѣръ, такія рѣшенія цензурнаго комитета, какъ его отказъ „прапорщику лейбъ-гвардіи драгунскаго полка Александру Бестужеву“ въ разрѣшеніи издавать съ 1819 г. журналъ подъ названіемъ „*Зимцерла*“. Отвѣтъ былъ основанъ на томъ, что программа журнала очень обширна, а „къ выполненію такого обшир-

---

[1]) Этотъ эпизодъ настолько интересенъ, что заслуживаетъ болѣе подробнаго изложенія. Иванъ Петровичъ Пнинъ (1773—1805 г.) издавалъ «*Петербургскій журналъ*», въ которомъ, рядомъ со стихами и баснями, помѣщались статьи (переводныя и оригинальныя) изъ круга политической экономіи и сродныхъ съ нею наукъ. Обширный планъ просвѣщенія всей Россіи, изложенный въ извѣстныхъ намъ «предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія», вызвалъ Пнина къ сочиненію подъ заглавіемъ «Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи». Авторъ высказывается въ этой книгѣ очень рѣзко о печальномъ положеніи крестьянъ, порицаетъ многія явленія и въ бытѣ другихъ сословій, нападаетъ и на систему управленія во всѣхъ ея отрасляхъ. Книга была отпечатана въ 1804 г. съ дозволенія С.-Петербургскаго гражданскаго губернатора, быстро разошлась, и когда потребовалось ея новое изданіе съ дополненіями, цензурный комитетъ запретилъ книгу и дополненія. Пнинъ возражалъ противъ этого запрещенія, и, между прочимъ, заявилъ: «все сказанное мною о необходимости крестьянской собственности почерпнулъ я изъ премудраго наказа Великой Екатерины. Она внушила мнѣ эти истины. Она возбудила во мнѣ тотъ жаръ и энтузіазмъ, который цензоръ ставитъ мнѣ въ преступленіе».

[2]) Баллада Жуковскаго была напечатана два года спустя, съ измѣненіемъ заглавія (вмѣсто «*Ивановъ вечеръ*» она названа «*Дунканова вечеръ*») и сверхъ того, измѣнены два—три выраженія.

наго плана потребны обширныя свѣдѣнія и практическая опытность... чего въ Бестужевѣ, по его слишкомъ молодымъ лѣтамъ, нельзя ни предполагать, ни отрицать: ему всего 20 лѣтъ отъ роду"... И такъ далѣе въ томъ же родѣ.

Но все это были только незначительные эпизоды, частные случаи, неспособные серьезно вредить общему поступательному движенію литературы... Однакоже, со времени соединенія двухъ министерствъ въ рукахъ одного министра и по мѣрѣ усиленія реакціи, первый цензурный уставъ сталъ представляться администраціи слишкомъ слабымъ и недостаточно охраняющимъ наше общество отъ мнимыхъ ужасовъ безначалія и невѣрія, будто бы грозившихъ вторгнуться къ намъ съ Запада. Въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго про-

Автографъ А. С. Шишкова. Начало его письма къ Государю о цензурѣ.

свѣщенія сталъ исподволь выработываться новый, гораздо болѣе подробный и строгій цензурный уставъ, надъ которымъ работалъ Магницкій и подобныя ему темныя силы. Уставъ этотъ былъ почти готовъ къ 1823 году и для руководства цензоровъ въ примѣненіи этого устава на практикѣ Магницкимъ была заготовлена особая „секретная инструкція". Въ этой любопытной запискѣ онъ говоритъ, между прочимъ, что одною изъ важнѣйшихъ мѣръ для борьбы съ господствующей въ Европѣ „нравственной заразой" должны служить цензурныя установленія. Переходя потомъ къ новому уставу для цензурнаго комитета, Магницкій добавляетъ:

„Цѣль сего важнаго законоположенія облекаетъ цензоровъ высокимъ званіемъ стражей, охраняющихъ вѣру Христову, нравы отечественные и самый языкъ нашъ, не оскверненный еще ни богохуленіемъ, ни разрушительными вѣяніями противъ власти царской, ни нечистотами разврата и сладострастія, отъ язвы повсемѣстно уже и особенно въ Германіи свирѣпствующей. Да проникнутся цензоры всею важностью сего служенія по Царству Божію во времена самыя опасныя и тяжкія, и, приступая съ благословеніемъ Господнимъ къ исполненію своего долга, да дѣйствуютъ они по прямому разумѣнію и по чистой совѣсти, вѣрою освящаемымъ".

Такія „секретныя инструкціи" не предвѣщали ничего добраго для литературы. Наступали, повидимому, дѣйствительно, времена тяжкія и опасныя: но не въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понималъ Магницкій, вызывая цензоровъ къ самоотверженной борьбѣ съ европейской заразою... По счастію, строгій уставъ 1823 г. ввести въ дѣйствіе не удалось; онъ встрѣченъ былъ со всѣхъ сторонъ различными, болѣе или менѣе вѣскими возраженіями, и новый цензурный уставъ явился уже только при Шишковѣ, въ 1826 году, въ значительно-смягченномъ и сглаженномъ видѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

Оглавленіе.

„Исторія Русской Словесности“

П. Н. ПОЛЕВОГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Отъ Карамзина до Пушкина.

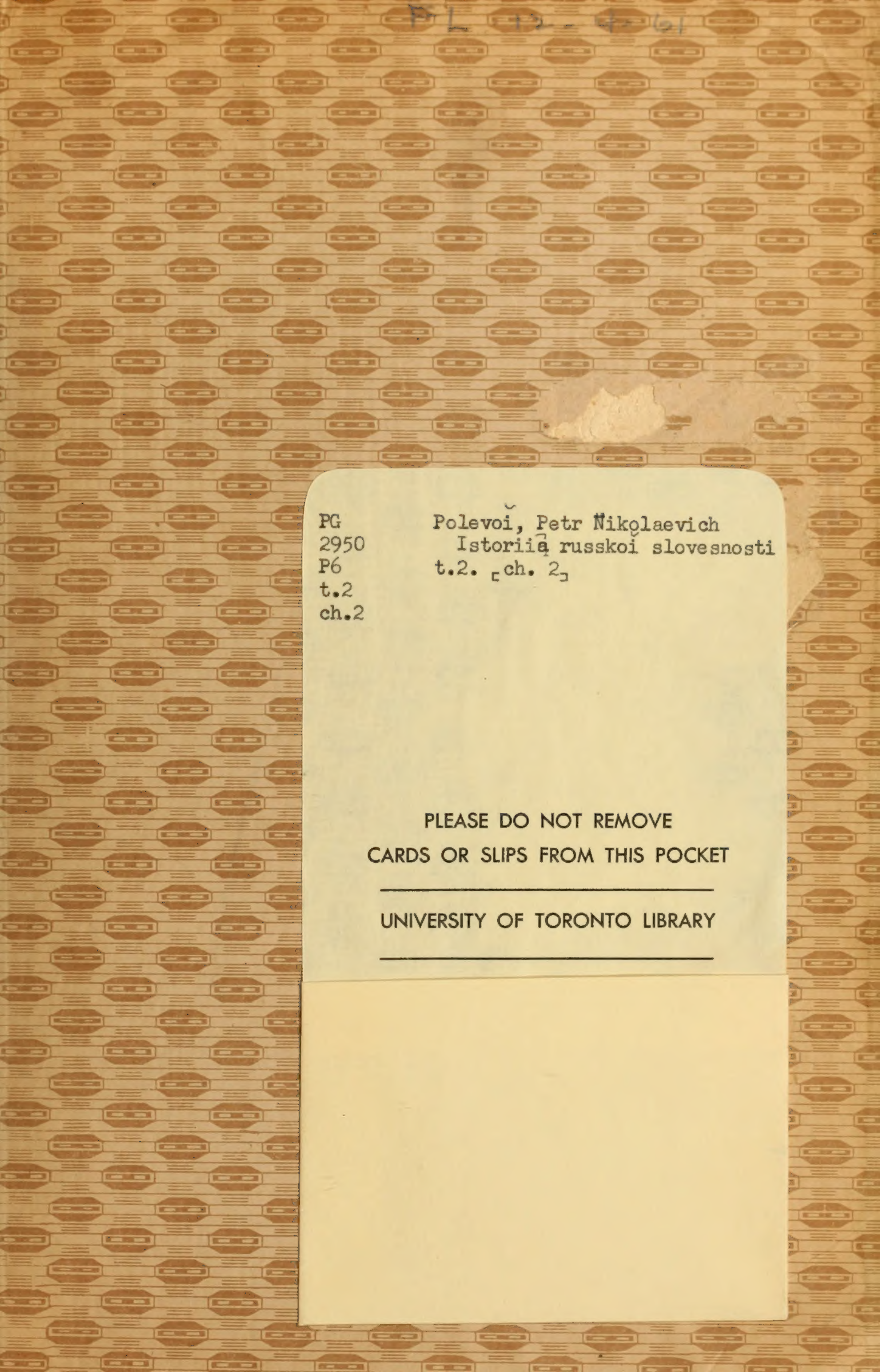
Списокъ рисунковъ второго тома

Исторіи Русской Словесности.

Списокъ хромолитографическихъ и другихъ приложеній ко второму тому.

PG
2950
P6
t.2
ch.2
Polevoi, Petr Nikolaevich
Istoriia russkoi slovesnosti
t.2. ch. 2
PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET
UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

